Г. А. ХАБУРГАЕВ

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебника для студентов
педагогических институтов по специальности
№ 2101 «Русский язык и литература»

Издание второе,
переработанное и дополненное

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1986

Скан
Ewgeni23

ББК 81.2Ст.слав.
X12

Рецензент
член-корреспондент АН СССР, доктор филологических наук, проф. МГУ, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР Толстой Н. И.

Георгий Александрович Хабургаев

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Зав. редакцией *А. В. Прудникова.*
Редактор *Г. В. Карпюк.* Мл. редактор *Г. Е. Конопля.*
Художник *И. В. Короткова.* Художественный редактор *В. А. Аткарская.*
Технический редактор *В. В. Новоселова.* Корректор *М. М. Крючкова*

ИБ № 9224

Сдано в набор 02 08 85. Подписано к печати 22 07.86 Формат 60×90¹/16 Бумага офсетная № 2. Гарнит литерат Печать офсетная Усл печ. л. 18+0,25 форз Усл кр-отт 18,69. Уч.-изд л 19,56+0,47 форз. Тираж 60 000 экз Заказ 184 Цена 85 коп

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Хабургаев Г. А.
X12 Старославянский язык: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.».— 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Просвещение, 1986.—288 с., ил.

Учебник содержит сведения по истории старославянского языка, его фонетике, лексике, словообразованию, морфологии и синтаксису

X $\frac{4309000000-671}{103(03)-86}$ 17—86

ББК 81.2Ст.слав.
4А

ОТ АВТОРА

Работая над вторым изданием «Старославянского языка», автор стремился привести его в соответствие с требованиями ныне действующей программы по старославянскому языку для педагогических институтов. Это потребовало — по сравнению с текстом первого издания, вышедшего в свет в 1974 г.,— исключения или значительного сокращения разделов, посвященных общеславянскому словообразованию знаменательных частей речи, служебным словам и старославянскому синтаксису, поскольку программой подробное освещение этих разделов не предусмотрено. Читатели, интересующиеся соответствующим материалом, могут найти его в первом издании книги, где он изложен с достаточной полнотой.

В учебных планах педагогических институтов курс старославянского языка занимает место лингвистического введения в изучение славянских языков и прежде всего — русского языка и его истории. По своему содержанию этот курс объединяет материал трех университетских дисциплин: собственно старославянского языка — как исходной системы языка средневековой славянской книжности, введения в славянскую филологию и истории праславянского языка. Эта особенность курса, в полном соответствии с действующей программой, учтена в настоящем пособии: хотя в центре внимания, естественно, остается характеристика системы старославянского языка, заметное место уделено изложению начальной этнической истории славян и условиям появления первых славянских текстов, последовательно восстанавливаются исторические изменения звуков и форм, относящиеся к праславянскому периоду. Вместе с тем факты старославянского и праславянского языков рассматриваются в сопоставлении с соответствующими фактами русского и (в меньшей степени) других славянских языков: такое изложение курса должно способствовать более активному усвоению материала студентами-филологами, должно вызывать интерес к нему будущих русистов, которые найдут здесь объяснение многим особенностям современного русского языка. Эту же цель преследуют и переводы, которыми снабжены все старославянские примеры, что должно помочь читателю почувствовать «внутреннюю форму» того или иного старославянского образования, вникнуть в особенности связи слов в старославянском словосочетании или предложении.

Специально следует обратить внимание на библиографические списки, предлагаемые в конце каждого раздела: предназначенные для студентов-первокурсников, они включают только работы, доступные студентам всех наших вузов, т. е. преимущественно изданные в последние годы в Москве или Ленинграде; издания, отсутствующие в большинстве периферийных библиотек, в список не включены.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить благодарность коллегам, которые в той или иной форме изложили свои замечания, поделились результатами своих исследований или высказали пожелания методического характера, учтенные при подготовке настоящего издания. Автор надеется, что все это поможет студентам в изучении курса старославянского языка, традиционно считающегося наиболее сложной дисциплиной учебного плана филологических факультетов.

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ПАМЯТНИКОВ И ЯЗЫКОВ

Памятники письменности

Ас. ев.— Ассеманиево евангелие (глагол.)
Ен. ап.— Енинский апостол (кирил.)
Зогр. ев.— Зографское евангелие (глагол.)
Киев. л.— Киевские листки (глагол.)
Мар. ев.— Мариинское евангелие (глагол.)
Остр. ев.— Остромирово евангелие (кирил.)
Сав. кн.— Саввина книга (кирил.)
Сб. Кл.— Сборник Клоца (глагол.)
Син. пс.— Синайская псалтырь (глагол.)
Син. тр.— Синайский требник (глагол.)
Супр. рук.— Супрасльская рукопись (кирил.)

В цитатах из евангелия имена евангелистов приводятся в общепринятых сокращениях: *Ин.* — Иоанн, *Л.* — Лука, *Мр.* — Марк, *Мт.* — Матфей; после имени евангелиста указывается номер главы.

Языки и диалекты

гот.— готский
грч.— греческий
диал.— диалектная (форма)
др-в-нем.— древневерхненемецкий
др-герм.— древнегерманский
др-инд.— древнеиндийский
др-ир.— древнеиранский
др-прус.— древнепрусский
др-р.— древнерусский
и-евр.— индоевропейский
ирл.— ирландский
лат.— латинский
латш.— латышский
лит.— литовский
нем.— немецкий
н-перс.— новоперсидский
осет.— осетинский
пльск.— польский
прасл.— праславянский
прус.— прусский
русск.— русский
слав.— славянский
слвн.— словенский
слвц.— словацкий
совр.— современная (форма)
срб-хрв.— сербскохорватский
ст-сл.— старославянский
укр.— украинский
ц-сл. — церковнославянский
чш.— чешский

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК?

§ 1. Язык — это система социально обусловленных знаков, функционирующая в качестве средства общения. Каждый нормальный человек непременно владеет языком, который он не изучал специально, а усвоил с детства в процессе общения с окружающими его людьми, являясь членом определенного социального коллектива (в состав которого входит и его семья). А с позиций этого коллектива, используемая им в качестве средства общения языковая система — показатель принадлежности к определенной лингво-этнической общности — народности или нации.

Характерной особенностью той языковой системы, которую принято называть старославянским языком, является то, что она никогда не усваивалась и не использовалась в качестве средства живого, повседневного общения и никогда не была показателем национальной принадлежности. С т а р о с л а в я н с к и й я з ы к — это условное название языка д р е в н е й ш и х с л а в я н с к и х п е р е в о д о в б о г о с л у ж е б н ы х к н и г с греческого языка, которые были выполнены в с е р е д и н е IX с т о л е т и я. Из этого определения следует, что старославянский язык был специально создан для нужд христианской церкви как язык славянской письменности, как я з ы к к н и ж н о-л и т е р а т у р н ы й. Именно в этой функции он и был принят средневековыми славянскими народами Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, а также некоторыми их соседями.

Закрепившись в качестве книжно-литературного языка различных средневековых славянских народов, старославянский язык под влиянием живой речи книжников постепенно впитывал местные языковые особенности — болгарские, сербские, древнерусские, т. е. приобретал как бы местный «оттенок», отличавший язык, например, древнерусских книг от языка средневековых болгарских или сербских текстов. Эти п о з д н е й ш и е м е с т н ы е (региональные) р а з н о в и д н о с т и с т а р о с л а в я н с к о г о я з ы к а п р и н я т о н а з ы в а т ь ц е р к о в н о с л а в я н с к и м я з ы к о м болгарской, сербской, русской (древнерусской) и т. д. редакций, или и з в о д о в.

Изводы церковнославянского языка, таким образом,— это исторически засвидетельствованные региональные разновидности межнационального древнеславянского языка, активно употреблявшего-

ся в качестве книжно-литературного в «православных» славянских странах (в области Slavia orthodoxa), а также румынами и молдованами на протяжении всего средневековья — вплоть до образования национальных литературных языков, т. е. до XVIII в. А старославянский язык — это условное название той исходной («идеальной» для средневековых книжников) системы древнеславянского литературного языка, которая была закреплена в переводах IX в. и эволюция которой в местных условиях дала в качестве «потомства» церковнославянский язык разных изводов.

§ 2. Для обозначения языка древнейших славянских переводов, наряду с термином «старославянский язык», употребляется также термин «древнецерковнославянский» (нем. Altkirchenslavische, англ. Old Church Slavonic), который довольно точно определяет его происхождение и первоначальное назначение. Следует, однако, иметь в виду, что язык, зафиксированный в древнейших славянских христианских (переводных) текстах, с самого начала использовался не только как язык церкви, но и как языкнаукиилитературы. До нас, например, дошли списки (или копии) написанного на этом языке в X в. оригинального (не переведенного с греческого!) исследования о происхождении славянской письменности, созданных тогда же жизнеописаний первых славянских просветителей (см. ниже), а также оригинальные надписи X—XIвв. (см. § 27). И именно эта более широкая функция языка древних книг определила его позднейшее влияние на литературные языки ряда славянских народов, называвших его *словенским*. Этот традиционный термин, использовавшийся на протяжении всего средневековья со значением 'древнеславянский', т. е. включающий в себя старославянский и разные изводы церковнославянского (с таким значением этим термином пользовался еще М. В. Ломоносов), с добавлением *старо-* (чтобы подчеркнуть его место и значение для изучения истории живых славянских языков) и употребляется большинством современных славистов для обозначения языка славянских переводов IX в.

§ 3. Описание языка первых славянских переводов, т. е. собственно старославянского, сопряжено с известными трудностями, вызванными тем, что самирукописи IXв.донаснедошли. Мы располагаем лишь их списками (копиями) или новыми переводами, выполненными в X—XI вв. по образцу старейших. Сохранившиеся тексты в той или иной степени отступают от системы языка первых переводов; но отступления эти в целом настолько незначительны, что язык памятников X—XI вв. (исследователи включают сюда от 15 до 20 рукописей — см. § 25—27) многие слависты рассматривают как старославянский, игнорируя в этом случае местные черты, получившие в нем отражение, но в языке первых переводов отсутствовавшие.

Сопоставительный анализ языка сохранившихся славянских текстов X—XI вв. дает возможность достаточно точно воспроизвести

фонологическую и морфологическую системы переводов IX в., словообразовательные средства и модели, использовавшиеся первыми переводчиками. С бо́льшим трудом (и с меньшей убедительностью) восстанавливаются основные синтаксические черты и особенно — реальный лексический состав утраченных рукописей, поскольку редакторская работа славянских книжников в наибольшей степени затрагивала именно лексику и синтаксические конструкции текста.

Таким образом, если строго придерживаться понятия старославянского языка как реконструируемой (восстанавливаемой) языковой системы первых (середины IX в.) славянских переводов (см. § 1), то описание этой системы не следует отождествлять с описанием языка сохранившихся памятников X—XI столетий, которые дают необходимый материал для реконструкций, но не являются памятниками старославянского языка в строгом смысле.

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 4. В. И. Ленин указывал, что главное правило научного подхода к каждому явлению — это «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1].

Это положение целиком относится и к подлинно научному изучению языка. Защищая историческое изучение родного языка в социалистической школе, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «„Материя и форма родного языка" становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»[2].

Таким родственным мертвым языком, без знания которого невозможно историческое, следовательно, подлинно научное изучение любого славянского языка, в том числе русского, и является старославянский язык.

§ 5. Старославянский язык, появившийся в IX в., первым из славянских языков был закреплен в письменности, в то время как памятники других славянских языков дошли до нас от более поздних времен. Уже одним этим определяется его значение при изучении истории любого славянского языка, в том числе и русского.

Нам неизвестно состояние древнерусского языка в IX—X вв. Но мы знаем, что в это время славянские языки незначительно отличались друг от друга (вероятно,

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 333.

не более, чем, скажем, говоры современного русского языка). Знакомясь с особенностями старославянского языка, учитывая его связи с древнерусским и те языковые черты, которые отразились в более поздних по времени создания древнерусских текстах, мы можем представить себе состояние древнерусского языка до появления его первых письменных памятников, т. е. до XI в.

Изучение старославянского языка помогает нам восстановить и особенности более ранних периодов развития славянских языков.

Дело в том, что славянские языки в конечном счете образовались в результате распада так называемого праславянского языка (подробнее см. ниже). После распада праславянского единства славянские языки пережили ряд фонетических, морфологических и других языковых процессов, заметно изменивших праславянское наследие в каждом отдельном языке. Старославянский язык, получивший закрепление в письменности ранее других славянских языков, естественно, отразил языковую систему, пережившую к тому времени, когда появились первые старославянские памятники, меньше изменений, чем другие славянские языки (в частности, русский). Это значит, что старославянский язык во многих своих особенностях сходен с праславянским языком последних веков его существования. Поэтому изучение старославянского языка помогает достаточно хорошо восстановить облик праславянского языка незадолго до его распада, следовательно, восстановить то языковое наследие, которое получил, в частности, древнерусский язык в начале самостоятельного развития.

Именно поэтому с изучения старославянского языка и начинается историческое изучение любого современного славянского языка, в том числе и русского.

§ 6. Будучи языком переводов с греческого, который к IX в. насчитывал тысячелетие литературного развития, старославянский язык отразил многие достижения литературного греческого языка и потому уже в древнейших памятниках выступает как язык, богатый в лексическом отношении, с довольно развитым синтаксическим строем, хорошо обработанный стилистически. Это в свое время удачно подметил М. В. Ломоносов, который в трактате «О пользе книг церковных в Российском языке», говоря о достоинствах «славенского» как языка по происхождению церковно-книжного, писал: «Сие богатство больше всего приобретено купно с Греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с Греческого языка на Славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила Еллинского слова, как высоко почитается; о том довольно свидетельствуют словесных наук любители... Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на Славенском языке...»

Именно эти качества предопределили жизненность старославянского языка, который в своем позднем варианте — церковнославян-

ском (см. § 1) на протяжении ряда веков использовался многими славянскими народами в роли основного языка науки и литературы. На Руси он широко употреблялся еще в XVII в., а в XVIII столетии сыграл заметную роль в формировании литературного языка русской нации. Поэтому изучение древнерусских и старорусских текстов, в том числе и художественно-литературных, невозможно без знания старославянского языка.

§ 7. Древнеславянское языковое влияние заметно не только в старых памятниках письменности. Оно отражается и в современном русском литературном языке. Так, целый ряд особенностей современного литературного синтаксиса, отличающих его от синтаксиса разговорной русской речи, является наследием или дальнейшим развитием синтаксических черт старославянского языка.

Древнеславянскими — старославянскими по происхождению или образованными позднее по старославянским образцам (словообразовательным моделям) являются многие наши термины, названия отвлеченных понятий. Это обнаруживается как в фонетических, так и в морфологических или словообразовательных приметах, свидетельствующих об устойчивости древнеславянских (унаследованных церковнославянским языком собственно старославянских) традиций в русском литературном языке. Можно перечислить важнейшие из таких примет, противопоставленных особенностям собственно русского (восточнославянского) происхождения.

Сочетания ***-ра-***, ***-ре-***, ***-ла-***, ***-ле-*** между согласными в корнях слов или в приставках (им соответствуют восточнославянские по происхождению ***-оро-***, ***-ере-***, ***-оло-***): *брань, возбранять, безбрежный, пренебрегать, бремя, обременительный, благо, блаженство, поблажка, владеть, власть, область, влачить, облако, разоблачать, возвратить, разврат, вредный, главный, оглавление, оградить, преграда, гражданин, гласный, огласить, возглас, древесина, здравствовать, краткий, млекопитающее, нрав, нравственный, прах, срам, среда, средний, сладкий, страна, страница, стража, охладить, прохлада, храм* и мн. др. (ср. русские по происхождению: *оборона, берег, беречь, беременность, волость, волочить, оболочка, поворот, голова, город, голос, дерево, здоровье, короткий, молоко, норов, порох, середина, солод, сторона, сторож, холод, хоромы*).

Начальные сочетания ***ра-***, ***ла-*** (им соответствуют восточнославянские по происхождению ***ро-***, ***ло-***): *раб, рабство, растение, возраст, равный, равенство, разница, разум, ладья* и др. (ср. русские по происхождению: *хлебороб, рост, ровный, порознь, роспись, лодка* и т. д.).

Сочетание ***жд***, которому в русском языке соответствует ***ж*** (чередуется с ***д***): *вождь, жажда, невежда, между, одежда, гражданин, ограждение, осуждение, рассуждать, насаждать, нужда, принуждать, прежде, происхождение, охлаждение* и др. (ср. русские

по происхождению: *вожак, невежа, межа, одёжа, горожанин, сужу, сажать, нужный, опережать, происхожу* и т. д.).

Щ, которому в русском языке соответствует ***ч***: *мощь, помощь, общество, общий, возвращение, превращать, совещание, освещение, обращение, извещение* и т. д. (ср. русские по происхождению: *мочь, поворачивать, отвечать, свеча* и т. д.).

Гласный ***е*** под ударением, которому в русском языке соответствует ***о (ё)***: *небо, одежда, крест, пекло, перст, предмет, мерзкий* и др. (ср. русские по происхождению: *нёбо, одёжа, перекрёсток, испёк, напёрсток, намётка, мёрзнуть* и т. д.).

Имеется и ряд других фонетических примет (о которых будет сказано далее), указывающих на древнеславянское (старославянское или более позднее церковнославянское) происхождение многих слов, являющихся обычными для современного русского языка.

Ряд русских слов образован с помощью старославянских по происхождению суффиксов. Таковы слова с суффиксом ***-тель*** (*предатель, хранитель, учредитель, потребитель, учитель* и т. д.), следовательно, и с суффиксом ***-тельн(ый)*** (*страдательный, восхитительный, мучительный, растительный* и т. д.). Старославянскими по происхождению являются также суффиксы ***-ствие*** (*бедствие, содействие, странствие, путешествие, сочувствие* и т. д.), ***-ство*** — при ударении на корне слова (*сво́йство, бога́тство, госпо́дство, бра́тство, сре́дство* и т. д., а также *ка́чество, мно́жество, убо́жество, челове́чество* и т. д., где сейчас можно выделить суффикс ***-ество***), ***-ение, -ание*** (*строение, страдание, воспитание* и т. д.) и ряд других суффиксов. Нетрудно заметить, что все эти суффиксы широко используются в русском литературном языке для образования новых слов. Немало новых слов образовано и с помощью сложения корней — способа, заимствованного из старославянского языка (который в свою очередь заимствовал этот способ из греческого): *паровоз, пароход, пулемет, миномет, вертолет* и др.

Приведенного материала достаточно, чтобы убедиться в большом вкладе старославянского языка (через посредство церковнославянского русского извода) в развитие русского литературного языка. Без знания старославянского языка невозможно ни понять, ни объективно оценить этот вклад.

§ 8. Следует, наконец, иметь в виду, что церковнославянские элементы, сейчас уже не употребительные в русском литературном языке, широко использовались нашими писателями для придания торжественности произведениям. Так, широко представлены церковнославянизмы в одах М. В. Ломоносова; на церковнославянском языке написаны многие наиболее значительные в идейном отношении главы «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева; немало церковнославянизмов можно встретить в стиха́х и поэмах А. С. Пушкина. Естественно, что без знания старославянского языка, русифицированной разновидностью которого является церковнославянский, невозможно глубокое и правильное понимание не только языка, но и содержания соответствующих произведений.

Таковы наиболее существенные моменты, диктующие необходимость изучения старославянского языка будущим учителем-словесником.

СЛАВЯНЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ГРУППИРОВКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 9. Славянские языки по степени близости их структур образуют три группы:

1) восточнославянскую, включающую *русский, украинский* и *белорусский* языки;

2) западнославянскую, к которой относятся языки основного населения Польши — *польский* и близкий польскому *кашубский*; языки Чехословакии — *чешский* и *словацкий; серболужицкий* — язык национального меньшинства Германской Демократической Республики (основные серболужицкие диалекты — *верхне-* и *нижнелужицкий* — нередко рассматривают как самостоятельные близкородственные языки), а также исчезнувший в XVIII в. (ныне «мертвый») язык славянских племен, живших в Германии по нижнему течению р. Эльбы (славянское название — *Лаба*),— *полабский,* или *древляно-полабский* (по имени крупнейшего полабского племени, упоминаемого в немецких текстах с XI в.);

3) южнославянская группа представлена *болгарским* языком и языками народов Югославии — *сербско-хорватским*, которым пользуются сербы, хорваты, черногорцы и босняки (или «магометане» — жители Боснии и Герцеговины, исповедующие ислам), *словенским* и *македонским*; к этой же группе относится по своим структурным особенностям и *старославянский* язык.

Славянские языки всех трех групп содержат довольно значительный набор тождественных и, что особенно важно, соотносительных языковых особенностей, число которых настолько велико, что близость славянских языков друг другу не только обнаруживается учеными-языковедами, но замечается и самими говорящими на разных славянских языках. Именно это и имеют в виду, когда говорят о близком родстве славянских языков.

Родство славянских языков обусловлено их происхождением из единого источника, который условно можно назвать праславянским языком.

Общий язык славян периода их единства иногда еще именуют *общеславянским*. Но этот термин менее удачен, так как общеславянскими лучше называть языковые особенности или процессы, характеризующие все славянские языки даже после распада праславянского. Иными словами, термин «общеславянский» лучше употреблять в пространственном значении, в то время как термин «праславянский» обозначает относящийся к

определенной эпохе развития славянских диалектов, т. е. указывает на период предполагаемого славянского языкового единства, следовательно, имеет хронологическое значение.

§ 10. Праславянский язык сложился задолго до начала новой эры в результате объединения и последующего совместного развития комплекса древних индоевропейских диалектов, или диалектов «индоевропейского праязыка» — гипотетического (предполагаемого) предка обширной семьи индоевропейских языков. Кроме славянских, к этой семье относятся индо-иранские (или арийские) языки Индии (древнеиндийский, современные хинди, урду, бенгали и ряд других), Ирана, Афганистана и др., греческий (начиная с древнегреческого, представленного памятниками I тысячелетия до н. э.), кельтские (когда-то очень распространенные в Европе), италийские (в частности, «мертвый» латинский, из которого произошли современные романские языки — итальянский, французский, испанский, румынский и др.), германские (в том числе «мертвый» готский и современные немецкий, английский, шведский и др.), балтийские (литовский, латышский и «мертвые» языки древних прусов, ятвягов и голяди) и ряд других языковых групп, среди которых балтийская особенно близка славянской.

Эпоха существования близких друг другу диалектов, из которых в ходе последующего исторического развития оформляются известные нам индоевропейские языки (так называемая «индоевропейская эпоха»), уходит в глубь тысячелетий. Распространяясь по огромной территории Евразии и сталкиваясь здесь с иноязычными народами, индоевропейские племена теряли связи между собой, а диалекты обособившихся племен (или союзов племен) развивали новые языковые особенности (отчасти под влиянием неиндоевропейских диалектов ассимилированных народов), постепенно все более расходясь в своем развитии, превращаясь в разные языки, сохраняющие, однако, ряд общих черт, обусловленных единством происхождения (генетическим единством). На базе таких индоевропейских диалектов и сложился праславянский язык, распадение которого в свою очередь дало начало новым славянским языкам.

ДРЕВНЕЙШИЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАВЯНАХ

§ 11. Древнейшие исторические сведения о славянах относятся к первым векам нашей эры и содержатся в сочинениях римских и греческих авторов. Можно предполагать, что *Venedi(s)*, о которых Плиний Старший в «Естественной истории» (ок. 77 г.) сообщает, что они населяют территорию в бассейне р. Вислы, *Veneti*, которых Корнелий Тацит в «Германии» (98 г.) склонен скорее отнести к германцам, чем к сарматам, «так как они строят дома, носят щиты и любят ходить пешком, что совсем не

свойственно сарматам, живущим на коне и в кибитке», и, наконец, 'ουενεδαi (Venedai), которые, как утверждает в своей «Географии» александрийский естествоиспытатель Клавдий Птолемей (ум. ок. 160 г.), обитали в его время «вдоль всего Венедского залива» (южного побережья Балтийского моря),— это и есть славяне последнего периода существования праславянской общности. Предположение это основано на том, что народы Прибалтики именно за славянами сохранили название *венетов*. Так, средневековые немцы называли лужицких сербов и прибалтийских славян *Wenden* и *Winden*; прибалтийские финны до сих пор называют русских *venäje* (суоми; диал. *venät*; прилагательное *venättä*), *vene* (у эстонцев), *вэн'а* (у вепсов).

Более определенны сведения о славянах, отразившиеся в сочинениях авторов VI в., где, между прочим, вновь появляется имя *венетов*. Правда, византийские историки Прокопий Кесарийский (в истории войн с готами, написанной в 551—554 гг.), неизвестный автор «Стратегики» конца VI в. (так называемый Псевдомаврикий, так как этот труд приписывается императору Маврикию), Феофилакт Симокатта и др. упоминают о двух славянских «народах» — *антах* (Ἄνται, Ἄντεσ) и «склавенах» — «склавинах» (εκλαβηνοί), т. е. *словенах*; но гот Иордан, выросший в Византии, в истории своих предков (551 г.) называет три славянских группировки: *антов, словен* и *венетов (Antes, Sclaveni, Venethae)*. Эти сведения, как и археологический материал, относящийся к VI—VII вв. н. э., должны указывать на то, что к середине I тысячелетия уже произошел распад праславянского объединения, что и обусловило распад праславянского языка.

Распад праславянского племенного союза произошел, видимо, незадолго до VI в., так как в это время и самими славянами, и их соседями осознавалось родство (или генетическая общность) образовавшихся славянских племенных групп. Византийские историки единодушно отмечают, что *анты* и *словены* — родственные народы: они пользуются одним общим языком, у них сходный быт и обычаи, одинаковые верования, одинаковая внешность; они объединяются в походах на пограничные византийские провинции. Иордан, упоминающий о трех славянских племенных союзах, также подчеркивает их родство, их происхождение от одного племени. *Венеты*, пишет Иордан, «происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: *венетов, антов* и *склавенов*». Особенно интересно указание Иордана на то, что славяне в VI в. составляли отнюдь не три племенных объединения, а значительно больше; «склавены» и «анты» — это наименования группировок, селившихся вдоль северных и северо-восточных границ Византии, следовательно, наиболее известных греко-римским авторам. «...На безмерных пространствах,— поясняет Иордан,— расположилось многолюдное племя *венетов*. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным ро-

дам и местностям, все же преимущественно они называются *склавенами и антами»*.

Исторический и археологический материал середины I тысячелетия н. э. характеризует славян этого времени как многочисленный народ, находящийся на стадии так называемой военной демократии, хорошо приспособленный к ходьбе, живущий в лесных районах вдоль рек и озер на равнинных местах в открытых поселениях в полуземлянках с каменной или глинобитной печью в дальнем от входа углу, пользовавшийся толстостенной и почти без орнаментовки лепной керамической посудой домашнего изготовления, знакомый с охотой и рыбной ловлей, но в основной своей массе до середины I тысячелетия еще вряд ли перешедший к земледельческому труду. Сведения о географическом расселении славян в VI в. у упоминавшихся выше авторов также совпадают: и византийские историки, и Иордан указывают на то, что *словены* и *анты* занимали области от среднего Дуная до Днепра, причем *анты* располагались восточнее *словен* и вместе с ними штурмовали берега *Истра* (так называли в Византии нижнее течение Дуная), вторгаясь на восточные Балканы. Что же касается *венетов*, то они, как можно думать, занимали в это время северные районы Центральной Европы — в бассейне средней (и, может быть, нижней) Вислы, где славянские археологические памятники VI—VII вв. отличаются особенностями, отсутствующими в древностях славян Прикарпатья, Дунайского бассейна и Юго-Восточной Европы. Археология, таким образом, подтверждает, что праславянская эпоха заканчивается до середины I тысячелетия нашей эры.

§ 12. Конец праславянской эпохи — это время разложения родового строя у славян и зарождения новых общественных отношений, которые приводят к появлению первых государственных объединений.

Возникновение первых государств у различных групп славянских народов относится к VII—VIII вв. В частности, в 70-х годах VII в. в придунайских землях, на севере Балканского полуострова, складывается «Союз семи славянских племен», покоренный затем болгарской (тюркской) ордой хана Аспаруха, объявившего себя главой государства, которое в 679 г. (или, по иному исчислению, в 681 г.) было признано Византией. Так возникло Первое Болгарское царство, основное славяноязычное население которого спустя дватри столетия полностью ассимилировало (поглотило) болгар-тюрков, сохранив лишь их имя. В 865 г. официальной религией Болгарии было признано христианство византийского толка.

В VII в. появляется и первое известное нам государство у западных славян («Княжество Само»), распавшееся, однако, после смерти его основателя. В 830 г. здесь оформляется сильное Великоморавское княжество, объединившее предков нынешних чехов и

словаков. Распалась Великая Моравия в 906 г. под натиском вторгшихся в это время на средний Дунай венгров (*угров* древнерусской летописи). Незадолго до этого (в 895 г.) из Великоморавского государства обособилась Чехия, вскоре ставшая одной из наиболее богатых и экономически развитых областей центральной Европы.

К VII в. относятся и сообщения о появлении раннефеодальных государств у восточных славян, где со временем (в IX в.) складывается одно из крупнейших государственных объединений раннесредневековой Европы — Киевская Русь.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛАВЯНСКИХ ПЕРВОУЧИТЕЛЕЙ

§ 13. Возникновение старославянского языка и известной нам славянской письменности тесно связано с историческими условиями жизни славян в IX в., в частности с борьбой среднедунайских славянских княжеств против захватнической политики преемников Карла Великого (771—814 гг.), которых поддерживала римская церковь. Согласно версии созданного в конце 70-х или начале 80-х годов IX в. в Моравии «Жития» Константина, князь Великой Моравии Ростислав, стремясь к культурному обособлению от Священной Римской империи, обратился в 863 г. к византийскому руководству с просьбой прислать в его княжество епископа и учителей, которые могли бы растолковать местным славянам христианское вероучение на их родном языке. В результате в Моравию была направлена миссия, во главе которой были поставлены два брата — Константин и Мефодий. Руководящая роль в этой миссии должна была принадлежать младшему брату Константину, который и явился создателем старославянской азбуки и первым переводчиком на славянский язык христианских богослужебных текстов с греческого.

§ 14. Византийские источники IX в. (как официальные документы константинопольского двора, так и частные письма и сочинения руководящих деятелей империи того времени) ни словом не упоминают ни о моравской миссии 863 г., ни о каких-либо других событиях, связанных с деятельностью первых славянских просветителей. Об их жизни и делах нам известно из славянских и латинских источников, далеко не равноценных по степени достоверности сообщаемых в них фактов.

О жизни и начальном периоде просветительской деятельности Константина и Мефодия в славянских землях сообщает «Житие» Константина, написанное на старославянском языке в период между 875—885 гг., судя по всему, при участии Мефодия, но дошедшее до нас в поздних списках, самый ранний из которых относится к XV в. Прославляя великий подвиг Константина, который к тому времени был признан святым (под именем Кирилла — см. ниже), это

сочинение ставит своей задачей показать, что Константин и его брат Мефодий, назначенный в это время епископом Моравии, начали свою просветительскую деятельность среди подунайских славян по просьбе местных князей и по поручению византийского императора Михаила III и патриарха Фотия. Очень лаконично говорится об этом периоде деятельности братьев в «Житии» Мефодия, созданном его учениками в конце IX или начале X в. (старейший из сохранившихся списков относится к XII в.), поскольку тематически оно, по замыслу авторов, является как бы продолжением «Жития» Константина. Для авторов всех последующих славянских сочинений, как и для современных исследователей, оба «Жития» остаются основными источниками сведений о жизни и первом периоде деятельности первоучителей.

Очень надежным источником является трактат древнеболгарского писателя начала X в. черноризца (монаха) Храбра «О письменах», написанный на старославянском языке в период, когда, по словам автора, были еще живы те, кто знал и общался с Константином и Мефодием.

Вполне достоверными являются источники на латинском языке, среди которых имеются строго документальные, созданные при жизни братьев очевидцами их просветительской деятельности. Таковы послания (буллы) римских пап Иоанна VIII и Стефана V и письма одного из папских приближенных Анастасия Библиотекаря, который лично знал Константина в последний период его жизни и восхищался его ученостью и высокими качествами его характера. Ценный материал содержится в сочинении епископа Веллетрийского Гаудериха «Житие и перенесение мощей св. Климента» (70-е годы IX в.), где сообщается (на основании сведений Анастасия), что, оказавшись среди славян среднего Подунавья, братья взялись «обучать чтению и письму их детей, организовывать церковные службы, чтобы серпом сло́ва выкорчевывать различные заблуждения, которые они обнаружили у этого народа». Яркой характеристикой идеологической (для того времени) направленности деятельности братьев является анонимный памфлет «Обращение баварцев и хорутан» (Conversio Bagoariorum et Carantanorum), созданный в 871 г. группой немецких священников, возмущенных тем, что «некий грек по имени Мефодий» явился в епархию зальцбургских епископов, заселенную славянами, с текстами священных книг на местном языке и тем самым подрывает авторитет римской церкви, предписывающей церковную службу на латинском языке.

На греческом языке написано «Житие Климента» — одного из наиболее ярких учеников Константина и Мефодия, содержащее ряд сведений о его учителях; но сведения эти явно заимствованы из более ранних славянских источников.

Все эти материалы вместе взятые позволяют составить более или менее достоверное представление о личности составителей славянской азбуки, об обстоятельствах, связанных с начальными этапами функционирования славянской письменности и старославянского языка.

§ 15. Мефодий (год рождения неизвестен) и его младший брат Константин (род. в 827 г.), дети провинциального византийского военачальника (друнгария) по имени Лев, были уроженцами греческого порта Фессалоники (ныне Салоники), известного в среде балканских славян под названием *Солунь* (поэтому их обычно называют *солунскими братьями*). Жители Солуня, в том числе и греки, как правило, владели тем болгаро-македонским диалектом, на котором

говорила значительная часть населения города и его окрестностей. В «Житии» Мефодия утверждается, что император Михаил, напутствуя братьев, заявил: **вы бо еста селоунанина да селоунане вьси чисто словѣньскы бесѣдоують** (= 'Вы оба солуняне, а все солуняне хорошо говорят по-славянски').

Старший из братьев в молодые годы был правителем одной из византийских провинций (возможно, в Македонии), следовательно, имел опыт административной деятельности; но затем оставил мирскую жизнь и постригся в монахи под именем Мефодия (имя, данное ему при рождении, нам неизвестно). Младший брат с детства тянулся к книгам и получил образование в привилегированном университете Константинополя. Источники обычно называют его Константином Философом. Некоторое время он работал хартофилаксом (библиотекарем) при патриаршей библиотеке, а затем удалился в уединенное место для занятий. Спустя некоторое время он получил назначение **оучити философии своѧземца и страннъıѧ** (т. е. 'местных и приходящих из других стран'). По сведениям его «Жития», Константин участвовал в миссиях к сарацинам (в арабский калифат) и в Хазарию с целью защиты христианского вероучения, продемонстрировав при этом блестящие полемические способности. До поездки в Хазарию Константин прожил некоторое время в одном из монастырей Малой Азии, где в то время находился и Мефодий. Здесь он вновь сосредоточился на книжных занятиях (**токмо книгами бесѣдоуа**); полагают, что именно в этот период он познакомился с древнееврейской и коптской письменностью.

Во время хазарской миссии (о которой византийские источники не содержат никаких сведений) в 860 г. Константин останавливался в административном центре греческой колонии в Крыму г. Херсонесе. Здесь он познакомился с какими-то книгами (евангелием и псалтырью), написанными «русскими» буквами, и быстро научился читать эти книги, откуда следует, что книги были написаны на языке, известном Константину. Здесь же он за несколько дней выучился читать «бес порока» самарянские книги.

В Херсонесе произошло еще одно событие, определившее впоследствии отношение римских церковных иерархов к деятельности солунских братьев. 30 января 861 г. Константин обнаружил останки («обрел мощи») великомученика Климента, считавшегося третьим (после апостола Петра) римским папой, сосланным на рубеже I—II вв. императором Траяном на каторжные работы в Херсонес, но продолжавшего и здесь бороться с язычеством и в конце концов казненного местными властями. Действительно ли были найдены останки св. Климента (полагают, что легенда, сложившаяся в IV—VI вв., отождествила с римским папой одного из раннехристианских мучеников), сказать трудно; но само событие в глазах раннесредневековых людей выглядело впечатляюще. Из старинных рукописей Константину стало известно, что опальному главе римских христиан I в. цепью привязали к шее якорь и бросили в море. Собрав большую толпу горожан во главе с епископом Херсонеса Георгием, Константин отправился на мелководье и указал, где надо

рыть грунт. Когда на поверхность были подняты остатки скелета с якорной цепью на шее, никто из присутствующих не усомнился, что перед ними подлинные мощи св. Климента. Анастасий, которому было известно об этом из рассказа самого Константина, в письме Гаудериху сообщает, что на константинопольском соборе в 869 г. достоверность этого события подтвердил митрополит Митрофан, находившийся в то время в ссылке в Херсонесе и присутствовавший при обретении мощей. По его понятиям, столь безошибочно обнаружить останки святого спустя почти 760 лет после его кончины мог только человек, «избранный богом», т. е. не менее святой.

Возвратившись в Константинополь, Константин начал работу по составлению славянской азбуки и переводу важнейших богослужебных текстов на язык славян. По единодушному свидетельству «Житий», эта работа была начата до прибытия посольства из Моравии. Сообщение это правдоподобно, так как за короткое время между назначением Константина главою миссии и отъездом в Моравию практически невозможно было бы составить столь совершенную, хорошо приспособленную к особенностям славянской речи азбуку, какой является старославянская, и перевести несколько книг на язык, до того не имевший литературной традиции. И если это так, то в своей работе Константин должен был опираться на хорошо знакомый ему славянский диалект Солуня. Знакомство с речью мораван могло убедить его, что их язык мало отличается от языка южнобалканских славян, ибо в середине IX в. славянские языки еще очень незначительно отличались друг от друга.

Не позднее 864 г. миссия во главе с Константином Философом и Мефодием отправилась в Моравию.

§ 16. О начальном периоде деятельности солунских братьев в Моравии в «Житиях» не содержится каких-либо определенных сведений, кроме общих замечаний о том, что они обучали здесь учеников и завершили перевод основного комплекса христианской литературы. Более определенны сведения, указывающие на пребывание солунских братьев в Блатенском княжестве (в Паннонии)[1], где местный князь Коцел, признававший авторитет первоучителей, дал им для обучения 50 учеников. Братья и их сподвижники продолжали работу по переводу христианской канонической литературы. Именно язык этих переводов и следует считать собственно старославянским (см. § 1).

Успехи в обучении славянской письменности создавали возможность применения старославянского языка в литургии (церковной службе), что, однако, требовало священников, которые имели бы право служить в местных церквах, и официального одобрения церковных властей на применение старославянского языка в богослужении. В условиях очень напряженных отношений, сложившихся

[1] Паннония — бывшая римская провинция, расположенная между реками Дравой и Дунаем, в настоящее время составляющая западную часть Венгрии — вокруг оз. Балатон (слав. Блатьно, т. е. 'болотное'), а в IX в. населенная славянами, говорившими на диалектах, видимо, переходных от словенских к словацким.

ко второй половине IX в. между Римом и Константинополем, Константин решил обратиться за поддержкой к римскому папе, авторитет которого был непререкаемым для латино-немецкого духовенства, препятствовавшего деятельности солунских братьев в подунайских славянских княжествах. С этой целью Константин и Мефодий со своими учениками в 867 г. отправились в Рим.

По пути в Рим солунские братья совершили остановку в Венеции, где состоялся жаркий диспут между Константином и «треязычниками», или «пилатниками», отстаивавшими законность письменности лишь на трех языках, на которых якобы были сделаны надписи на кресте при распятии Иисуса: древнееврейском, греческом и латинском. В этих спорах Константин доказывал право каждого народа на свою письменность, ссылаясь на тексты «священного писания» и на опыт ряда народов (армян, персов, иверов, т. е. грузин, коптов, арабов, сирийцев и др.), издавна имевших свою письменность.

В Риме Константин и Мефодий были приняты очень торжественно. Папа Адриан II, которому Константин преподнес в дар мощи св. Климента, безоговорочно признал старославянский язык в письменности и в церковной службе. Ученики солунских братьев были посвящены в священники и отслужили свои первые литургии на старославянском языке в соборе св. Петра и других римских церквах.

Из Рима Константин не вернулся: он заболел и умер 14 февраля 869 г. в возрасте 42 лет; по просьбе Мефодия он был захоронен в римской церкви св. Климента, которого считал своим покровителем. Незадолго до смерти Константин Философ постригся в монахи, приняв имя Кирилла. Под этим именем он и был причислен к лику христианских святых.

§ 17. Старший брат продолжал просветительскую деятельность в подунайских славянских княжествах. В 870 г., после учреждения здесь особой славянской епархии, охватывавшей Паннонию и Моравию, Мефодий был назначен епископом. Однако по приказу группы немецких епископов он был схвачен и посажен в темницу, где просидел около двух с половиной лет. Лишь в 873 г. по приказу папы Мефодий был освобожден и смог вернуться в свою епархию, где в качестве архиепископа (старшего епископа) продолжал отстаивать культурно-религиозную самостоятельность славян, несмотря на противодействие не только латино-немецкого духовенства, обвинявшего его в «ереси», но и местных светских властей во главе с преемником Ростислава князем Святополком.

В 885 г. Мефодий скончался. Его ученики были изгнаны из Моравии, где старославянский язык перестали употреблять в богослужении в официальной церкви, а переводы Константина, Мефодия и их учеников подверглись уничтожению.

Впрочем, в Моравии и в отколовшейся от нее в 895 г. Чехии славянская письменность не совсем прекратилась. Нам известны, хотя и очень немногочисленные, славянские памятники, написанные

Лист 3 из Киевских листков

здесь в X и даже в XI вв. (Киевские листки, Пражские отрывки и некоторые другие). Все эти памятники написаны глаголицей (см. ниже).

§ 18. Ученики Мефодия, изгнанные из Моравии, отправились частью в Восточную Адриатику — к хорватам, где складывалось независимое славянское государство, частью — в Болгарию, где в это время крепла местная христианская церковь, что создавало особенно

благоприятные условия для деятельности славянских книжников. Именно в этот период на юго-западе Болгарского царства, в Македонии, создается ряд рукописей, продолжающих традиции кирилло-мефодиевских переводов (так называемая *Охридская школа*). Из числа работавших здесь писателей наиболее известен *Климент*, один из талантливейших учеников солунских братьев (его имя носит ныне Софийский университет), перу которого принадлежит ряд блестящих сочинений, в том числе, возможно, и «Житие» Мефодия.

На востоке Болгарии центром славянской книжности становится Преслав — новая столица (противостоявшая языческой Плиске) болгарского *царя Симеона* (893—927 гг.), покровительствовавшего развитию славянской письменности (так называемая *Преславская школа*). Из круга писателей симеоновского периода, который называют «золотым веком» древнеболгарской письменности, наиболее известен экзарх болгарский *Иоанн*, перу которого принадлежит ряд дошедших до нас произведений.

Сохранившиеся произведения преславских книжников написаны так называемой *кириллицей* (см. ниже).

ВОПРОС О ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 19. Определяя состав славянской азбуки и осуществляя первые переводы, языковая система которых стала образцовой для последующих славянских переводчиков и писателей, Константин Философ, несомненно, ориентировался на какой-то живой славянский диалект IX в.

Если работа над переводами греческих текстов началась до поездки солунских братьев в Моравию (см. § 15), то Константин должен был ориентироваться на *известный ему диалект*, т. е. на диалект *солунских славян*, который, можно думать, и является живой основой первых (кирилло-мефодиевских) переводов. В пользу такого утверждения свидетельствуют не только обстоятельства возникновения старославянской письменности, но и языковые особенности старейших сохранившихся памятников.

В середине IX в. славянские языки противопоставлялись друг другу весьма немногими чертами. И эти немногие языковые различия указывают на болгаро-македонскую основу старославянского языка, т. е. на славинский диалект жителей исторической Македонии. В частности, можно выделить две фонетические особенности, которые могли характеризовать диалект солунских славян.

1) Мягкие согласные, чередующиеся с [д] и [т], в древнеславянских памятниках обычно передаются как **жд** и **шт** (об их происхождении см. в § 93). Звуки [ж͡'д'] и [ш͡'т'] свойственны только болгаро-македонским говорам; мораване в соответствии с этими согласными должны были произносить [ʒ'] (т. е. [д͡'з']; ср. в совр.

чешском *z*) и [ц'] *(с)*, а предки словенцев, т. е. жители Паннонии, должны были произносить [j] и [ч'] *(č)*; ср. ст-сл. **межда, свѣшта,** чш. *meza, svice,* слвн. *meja, sveča.*

2) В древнейших славянских памятниках, написанных так называемой глаголицей (см. ниже), даже если они моравского происхождения, используется одна буква для обозначения гласного ['а] (после мягкого согласного) и гласного [ě] особого происхождения (из долгого *е* или из дифтонга — см. § 77, 106). По-видимому, составитель азбуки не слышал здесь разных гласных звуков, а слышал лишь один гласный [æ], который он воспринимал как реализацию одной гласной фонемы переднего ряда нижнего подъема. Именно так и обстоит дело в восточнобалканских славянских диалектах, в то время как у мораван и жителей Паннонии во втором случае звучали гласные типа *э* или *и*, отличающиеся от ['а]; ср.ст-сл. **грѣхъ** [гр'æхъ], чш. *hřích*, слвц. *hriech*, слвн. *grêh*.

На принадлежность старославянского языка болгаро-македонской группе указывает и состав народных (не книжных) греческих заимствований, что могло характеризовать лишь язык славян, постоянно общавшихся с греками (см. § 373).

СЛАВЯНСКИЕ АЗБУКИ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

§ 20. Старейшие из сохранившихся славянских текстов написаны двумя азбуками, одну из которых называют глаголицей, другую — кириллицей. Азбуки эти по начертанию букв, по характеру письма очень не похожи одна на другую (см. фотокопии отрывков из глаголических и кириллических памятников, а также таблицу «Кириллическая азбука в сопоставлении с византийским унциалом и глаголицей» на форзаце).

Какая из двух азбук является более древней? Какая из них создана Константином (Кириллом)? Как и когда появилась другая азбука (раньше или позднее)? Решение этих вопросов затруднено тем, что переводы самих славянских первоучителей, осуществленные в IX в., до нас не дошли и мы не знаем, какой азбукой они были написаны.

В середине XIX в. было высказано мнение о более древнем происхождении кириллицы по сравнению с глаголицей. Однако дальнейшие открытия заставили многих исследователей отказаться от этого мнения и признать глаголицу более древней системой славянского письма. Этой точки зрения сейчас придерживается большинство языковедов-славистов.

В пользу более древнего происхождения глаголицы по сравнению с кириллицей говорят следующие факты:

1. Памятники, написанные глаголицей, связаны с Моравией (например, уже упоминавшиеся Киевские листки и Пражские отрывки) и Паннонией, т. е. как раз с теми областями, где протекала деятельность славянских первоучителей, а также с Хорватией и Македонией, где работали непосредственные ученики Константина и Мефодия, из-

гнанные из Моравии. Древнейшие же из известных нам кириллических памятников написаны, как правило, на востоке Балканского полуострова, где непосредственного влияния солунских братьев не было; причем расцвет кириллической письменности начинается с конца IX — начала X в.

2. Памятники, написанные глаголицей, как правило, более архаичны по языку, чем кириллические тексты, что должно указывать на их связь с первыми славянскими переводами.

3. Глаголица менее совершенна по составу букв, чем кириллица; например, в ней используется одна буква для обозначения открытого ⟨æ⟩ и ⟨(')a⟩, очень близких по звучанию; в кириллице же для каждой из этих фонем введена своя буква: ѣ и ꙗ. Это значит, что составители кириллицы уже имели опыт использования письма для записи славянской речи.

4. В кириллице используется ряд букв, обозначавших звуковые сочетания, которые могли появиться у славян лишь с конца IX — начала X в. Это заимствованные из греческой азбуки буквы ѯ [кс] и ѱ [пс]; в глаголице таких букв не было, так как в середине IX в. у славян не могло быть соответствующих звукосочетаний.

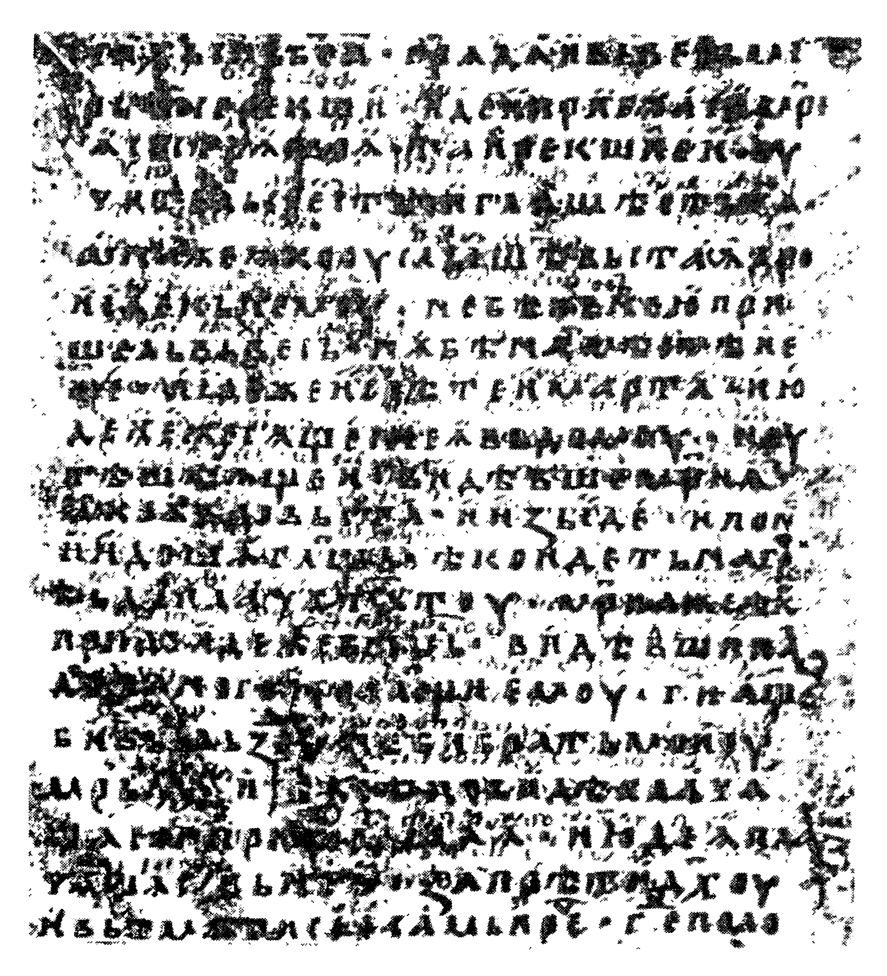
5. В памятниках, написанных кириллицей, нередко встречаются отдельные слова или предложения в глаголической записи; это должно свидетельствовать о том, что соответствующий кириллический текст списан с глаголического. Напротив, все известные нам кириллические приписки в памятниках, написанных глаголицей, позднейшего происхождения.

6. Основным писчим материалом в те времена служил пергамен[1], который представлял собой специальную обработку кожи молодого животного (теленка, козленка, ягненка). Самый тонкий и изящный пергамен изготовлялся из кожи ягнят, в частности мертворожденных. Это был довольно дорогой писчий материал, поэтому нередко прибегали к использованию старой книги для записи нового текста. С этой целью старый текст смывался (или соскабливался) и по нему писали новый. Такой текст называется палимпсестом. Среди известных нам палимпсестов есть кириллические рукописи, написанные по смытой глаголице; но нет ни одного глаголического памятника, который был бы написан по смытой кириллице.

На более древнее происхождение глаголицы и ее связь с деятельностью Константина Философа указывает и ряд других обстоятельств, которые будут понятны, если разобраться в источниках каждой из двух славянских азбук.

§ 21. Источник кириллицы ни у кого не вызывает сомнений: в основу этой азбуки положен византийский унциал (торжественное, уставное письмо, которым писались богослужебные

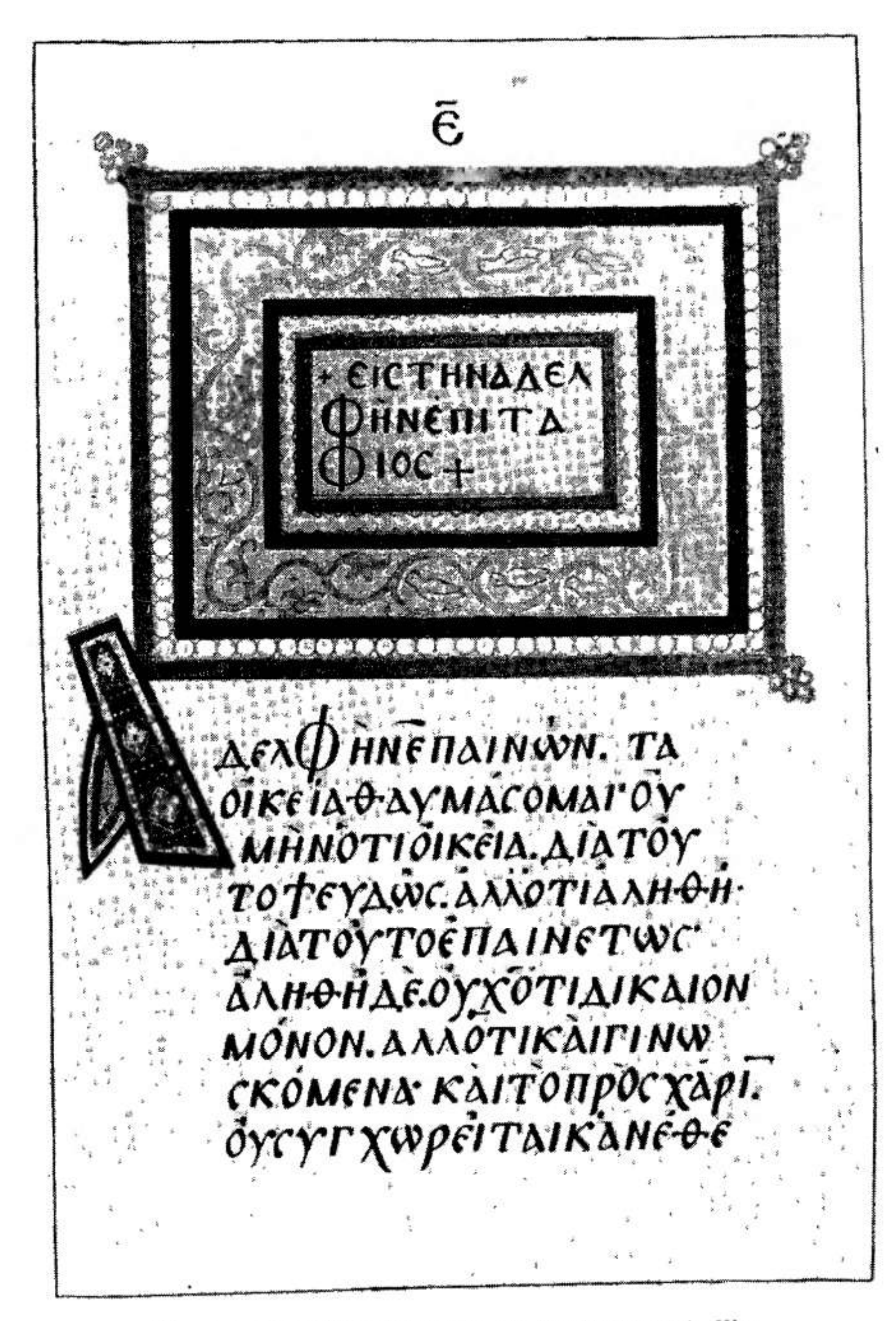
[1] Это название связано с малоазиатским городом Пергамом, где, по преданию, во II в. до н. э. при пергамском царе Евмене II было усовершенствовано изготовление этого писчего материала. Отсюда его латинское название *charta pergamena*, т. е. 'пергамская бумага'.

Образец палимпсеста *(Боянское евангелие)*

книги). При этом начертание букв кириллицы обычно сближают с начертаниями букв греческого унциала X в. (ср. буквы кириллицы и византийского унциала в таблице на форзаце). Очевидно, что кириллица могла быть составлена в конце IX или в X в. лицами, хорошо знакомыми с греческим письмом и, возможно, имевшими опыт пользования им.

Кириллица использует почти все буквы греческого унциала, в том числе и такие, которые не были необходимы для передачи славянских звуков. Поскольку в славянской речи были звуки, отсутствующие в греческом языке, для их обозначения использовались буквы (**ш, щ, ж, ч, ц, б, ѫ, ѧ, ъ** и др), не заимствованные из греческой азбуки, а взятые из какого-то другого источника. Любопытно, что

Ē

+ ΕΙϹ ΤΗΝ ΑΔΕΛ
ΦΗΝ ΕΠΙΤΑ
ΦΙΟϹ +

ΑΔΕΛΦΗΝ ΕΠΑΙΝΩΝ. ΤΑ
ΟΙΚΕΙΑ ΘΑΥΜΑϹΟΜΑΙ ΟΥ
ΜΗΝ ΟΤΙ ΟΙΚΕΙΑ. ΔΙΑ ΤΟΥ
ΤΟ ΨΕΥΔΩϹ. ΑΛΛ ΟΤΙ ΑΛΗΘΗ.
ΔΙΑ ΤΟΥΤΟ ΕΠΑΙΝΕΤΩϹ
ΑΛΗΘΗ ΔΕ. ΟΥΧ ΟΤΙ ΔΙΚΑΙΟΝ
ΜΟΝΟΝ. ΑΛΛ ΟΤΙ ΚΑΙ ΓΙΝΩ
ϹΚΟΜΕΝΑ· ΚΑΙ ΤΟ ΠΡΟϹ ΧΑΡΙ
ΟΥ ϹΥΓΧΩΡΕΙΤΑΙ ΚΑΝ ΕΘΕ

Образец византийского унциала (уставного письма). IX в.

многие из них очень сходны с соответствующими буквами глаголицы (см. таблицу на форзаце), из которой они могли быть заимствованы, если признавать, что глаголица была в употреблении раньше кириллицы. И здесь обращает на себя внимание ряд очень важных обстоятельств.

Младший современник солунских братьев черноризец Храбр в своем трактате (см. § 14) не только ни разу не поминает об употребительности у славян двух видов письма, но и настойчиво подчеркивает, что Константин Философ создал совершенно оригинальную азбуку, которую он решительно противопоставляет греческой, созданной еще язычниками. Такое противопоставление не могло относиться к кириллице, целиком включившей в себя буквы греческого алфавита.

Не менее показательно и то, что все греческие буквы кириллицы, соответствующие буквам глаголицы, не сохраняют своих греческих названий, а именуются так, как они называются и в глаголице («аз», а не «альфа»; «глаголи», а не «гамма» и т. д.). И только буквы, отсутствовавшие в глаголице, сохраняют в кириллице свои греческие названия («фита», «кси», «пси»).

Таким образом, можно сказать, что кириллица — это греко-византийский унциал, дополненный стилизованными глаголическими буквами, необходимыми для обозначения на письме специально славянских фонем, отсутствовавших в греческом языке.

Образец греческого минускула (скорописи). IX в.

§ 22. Источники глаголицы вызывают много споров. Были попытки сблизить ее с греческим минускульным (т. е. скорописным, курсивным) письмом, которое обычно использовалось при составлении деловых документов. Однако более или менее удовлетворительно с византийским минускулом сближаются очень немно-

гие буквы глаголицы (см. таблицу на с. 28). Кроме того, глаголическое письмо существенно отличается от греко-византийского минускула по своей манере: для греческой скорописи было характерно наличие элементов букв, выступающих за верхнюю или нижнюю линию строки, слитные или связные написания букв, запетление букв с целью ускорения письма; для глаголицы характерна случайность элементов, выступающих за линии строки, раздельное написание букв (см. фотокопии отрывков из глаголических рукописей на с. 20, 31, 33), использование петель как графических элементов букв.

Учитывая все это, многие исследователи пытались сблизить глаголицу с иными системами письма (с хазарским, сирийским, коптским, древнееврейским, армянским, грузинским и др.). В процессе этих попыток становится очевидной связь глаголицы не с одним, а с несколькими алфавитами, прежде всего византийским (минускульным), древнееврейским (в основном в его самарянской разновидности), коптским. Ряд глаголических букв не имеет аналогий в известных нам азбуках и обнаруживает признаки сознательного индивидуального творчества. Яркий пример — первая буква глаголицы, имеющая форму креста — христианского символа, естественного в начале азбуки, созданной специально для записи «священных» христианских текстов.

Перечисленные признаки указывают на появление глаголицы в результате сознательной творческой деятельности вдумчивого филолога, знакомого, в частности, с различными восточными системами письма. Именно таким человеком и был Константин Философ.

§ 23. В общих чертах история появления двух славянских азбук может быть представлена следующим образом.

Константин Философ (св. Кирилл), знакомый не только с греческой письменностью, но также и с письмом самарянским и коптским, создал оригинальную, хорошо приспособленную к записи славянской речи азбуку. Для передачи звуков, сходных (или тождественных) с греческими, им были использованы несколько видоизмененные греческие буквы (например, буквы, обозначавшие [в], [г], [д], [е], [л], [м], [о], [п], [х] и некоторые другие), в основном в их скорописной (минускульной) разновидности. Для обозначения специфически славянских звуков Константин мог использовать буквы других алфавитов, обозначавшие сходные звуки. Так, например, для обозначения звука [ш'] была использована древнееврейская — самарянская буква «шин» — **ш**; для обозначения [ц'] в глаголице употреблялась буква, явно напоминающая самарянскую «цаде» — Ⱌ. А. М. Селищев предполагает самарянское происхождение также глаголических букв, служивших для обозначения звуков [ч'], [к], [б] и некоторых других.

Завезенная Константином и Мефодием в Моравию глаголица закрепилась здесь (а затем и в Паннонии, где братья также работали в течение ряда лет) как специфически славянская азбука, которая

Греческая скоропись	Глаголица	Кириллица	Греческая скоропись	Глаголица	Кириллица
α	Ⰰ	ⲁ	μ	Ⰱ	Б
γ	Ⰳ	г		Ⱍ	Ч,Ц
δ	Ⰴ	д		Ⰷ	ꙁ,ѕ
ι	Ⰹ	і		Ⱛ	Ѵ
λ	Ⰾ	л		Ⰶ	Ж
υ	Ⱆ	у		Ⱎ	Ш
τ	Ⱅ	т		Ⱋ	Щ
σ	Ⱄ	с		Ⱘ	Ѫ,Ѭ
χ	Ⱈ	х		Ⱙ	Ѧ,Ѩ
ν	Ⱀ	N		Ⱔ	Ѧ
υ	Ⱓ	ю		Ⱑ	Ѣ
ο	Ⱁ	о		Ⱏ	Ъ
ε	Ⰵ	є		Ⱐ	Ь

Сравнительная таблица греческой скорописи, глаголицы и кириллицы *(По В. Н. Щепкину)*

именно поэтому продолжала использоваться местными славянскими книжниками после изгнания учеников Мефодия.

Что же касается Болгарии, то здесь, в славянских поселениях, издавна тесно связанных с Византией, еще до появления глаголицы сложилась традиция использования греческого письма (греческих букв) для записи славянской речи[1]. Эта традиция была настолько сильна (а в среде местных книжников и знати она могла поддерживаться еще и греческой образованностью), что глаголица, заведенная в Болгарию после 885 г. из Моравии, приживалась здесь с трудом.

[1] На это, между прочим, помимо косвенных данных, прямо указывает черноризец Храбр, который пишет, что до изобретения старославянской азбуки славяне «римскими и грьчьскъıми писменъı нѫждахѫ сѧ писати словенскѫ рѣчь безъ оустроениꙗ... и тако бѣшѧ многа лѣта».

Учитывая сложившиеся в Восточной Болгарии традиции письменности, ученики Константина и Мефодия, исходя из многолетнего опыта пользования глаголицей, приспособили греческую азбуку для записи славянской речи (одна из легенд приписывает эту работу Клименту). При этом буквы, необходимые для изображения таких славянских звуков, которые отсутствовали в греческом языке, были взяты из созданной Константином-Кириллом глаголицы или созданы по ее образцам (эти буквы составляют 45% старославянской азбуки) с некоторыми изменениями их начертания — по типу угловатых и прямоугольных букв греческого унциала.

Следует при этом учитывать, что в давние времена «кириллицей» называлась азбука, которую мы теперь именуем глаголицей и создание которой приписываем Константину (Кириллу). Название это, видимо, и отражало связь глаголицы (в нашем понимании) с деятельностью славянского первоучителя.

Позднее название «кириллица» стало связываться в народном сознании с более распространенной среди славян новой азбукой, поскольку само имя Константина (Кирилла) жило в памяти славян как имя создателя славянской письменности вообще. Более ранняя, но почти забытая большинством славянских народов азбука вошла в историю под именем «глаголица», как обычно и именовались системы письма в древних славянских сочинениях[1].

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 9—23

С е л и щ е в А. М. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, § 1—4 (с. 3—16).

С е л и щ е в А. М. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, § 1—12 (с. 7—33), 15—27 (с. 35—67).

Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка. М., 1984.

Х а б у р г а е в Г. А. Становление русского языка. М., 1980, гл. 2 (с. 37—69).

Х а б у р г а е в Г. А. Старославянский — церковнославянский — русский литературный.— В кн.: История русского языка в древнейший период (Вопросы русского языкознания, вып. 5). М., 1984 (с. 5—35).

Материалы по происхождению старославянского языка и деятельности славянских первоучителей опубликованы в изданиях:

Л а в р о в П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности.— Труды славянской комиссии, т. I. Л., 1930.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Обзоры и исследования о возникновении славянской письменности и о деятельности солунских братьев см. в работах:

---

[1] Собственно г л а г о л и ц а — это не специальное название; в дословном переводе на современный язык *глаголица* значит 'буквица, система букв (или звуков)'. Поэтому глаголицей можно назвать любую азбуку. Специальным названием определенной системы письма слово *глаголица* становится сравнительно поздно.

Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.

Мареш В. Ф. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве.— Вопр. языкознания, 1961, № 6.

Иванова Т. А. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950—1960).— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. XXII, 1963, вып. 2.

Иванова Т. А. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите.— Вопр. языкознания, 1969, № 6.

Кипарский В. Р. О происхождении глаголицы.— В сб.: Климент Охридски. Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. София, 1966.

Львов А. С. О пребывании Константина Философа в монастыре Полихрон.— Советское славяноведение, 1971, № 5.

ДРЕВНЕЙШИЕ СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

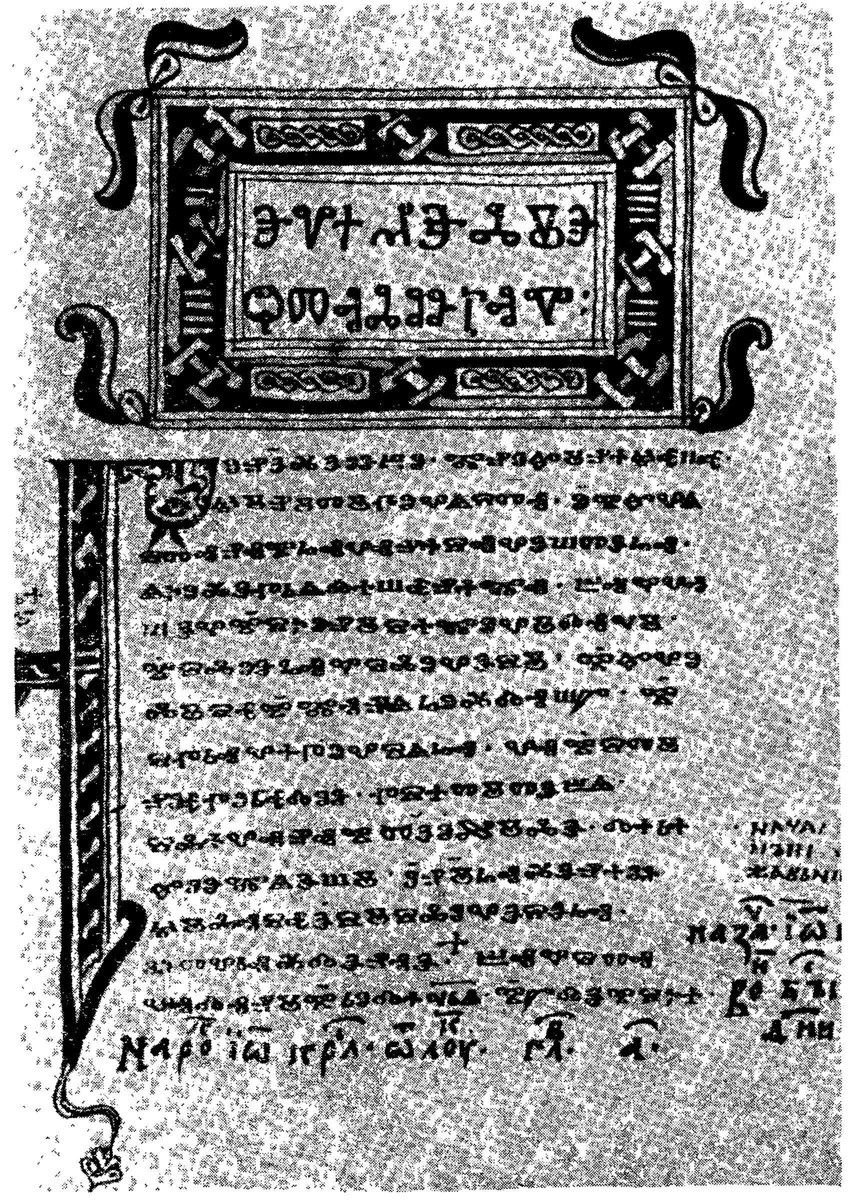
§ 24. Осуществленные во второй половине IX в. переводы Константина, Мефодия и их ближайших учеников до нас не дошли: они были уничтожены после изгнания учеников Мефодия из Моравии. Нам известны в языковом отношении более или менее близкие к кирилло-мефодиевским переводам славянские тексты X—XI вв., одни из которых написаны глаголицей, другие — кириллицей.

Дошедшие до нас древнейшие глаголические памятники почти все написаны в Македонии (за исключением отдельных отрывков, видимо, писанных в Моравии). Эти памятники, судя по всему, являются довольно близкими копиями первых переводов и отражают их высокое качество по сравнению с переводами более поздними. В глаголических памятниках отражен более древний строй языка, чем в памятниках, написанных кириллицей; это касается как звуковой системы старославянского языка, так и его грамматического строя. В лексическом отношении глаголические памятники характеризуются довольно значительным количеством непереведенных греческих слов.

Сохранившиеся старейшие кириллические памятники отражают более позднее состояние древнеславянского языка. Одни из них (например, надписи) являются оригинальными текстами, другие представляют собой списки новых переводов канонических христианских сочинений, в ряде случаев менее точных в смысле передачи текста греческого оригинала, чем переводы, связанные с кирилло-мефодиевскими традициями. Лексика многих памятников балканского происхождения, писанных кириллицей, содержит немало тюркизмов, что позволяет считать эти памятники восточноболгарскими.

Почти все известные нам памятники не датированы, и время их

написания восстанавливается приблизительно на основании **палеографических** данных (т. е. особенностей начертания букв, писчего материала и т. д.), а также данных языка.

Заглавная страница из Зографского евангелия (см. кириллические приписки внизу страницы и на полях справа)

ГЛАГОЛИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

§ 25. Среди важнейших глаголических памятников необходимо назвать сдедующие:

1. Киевские листки, представляющие собой отрывок католической обедни (мессы; отсюда другое название памятника — Киевский миссал), что указывает на моравское происхождение текста. О западнославянской принадлежности Киевских листков свидетельствует и такая их особенность, как отражение согласных [ц'] *(c)* и [з'] *(z)*, чередующихся соответственно с [т] и [д] (см. § 19, п. 1). От текста сохранилось лишь 7 листов; он считается самым древним из дошедших до нас глаголических памятников, написанных в X в., и именно по нему даются обычно типовые начертания глаголических букв. Название памятника связано с Киевской духовной академией, в собрании которой он и был открыт в 1874 г. И. И. Срезневским (ныне хранится в Центральной библиотеке АН УССР). Издание осуществлено в 1900 г. И. В. Ягичем в Вене. К IX Международному съезду славистов памятник был издан с фотографическим (факсимильным) воспроизведением текста, кириллической транслитерацией и параллельным латинским текстом, подробным описанием, библиографией исследований и словоуказателем: Німчук В. В. Київські глаголичні листки. Київ, 1983.

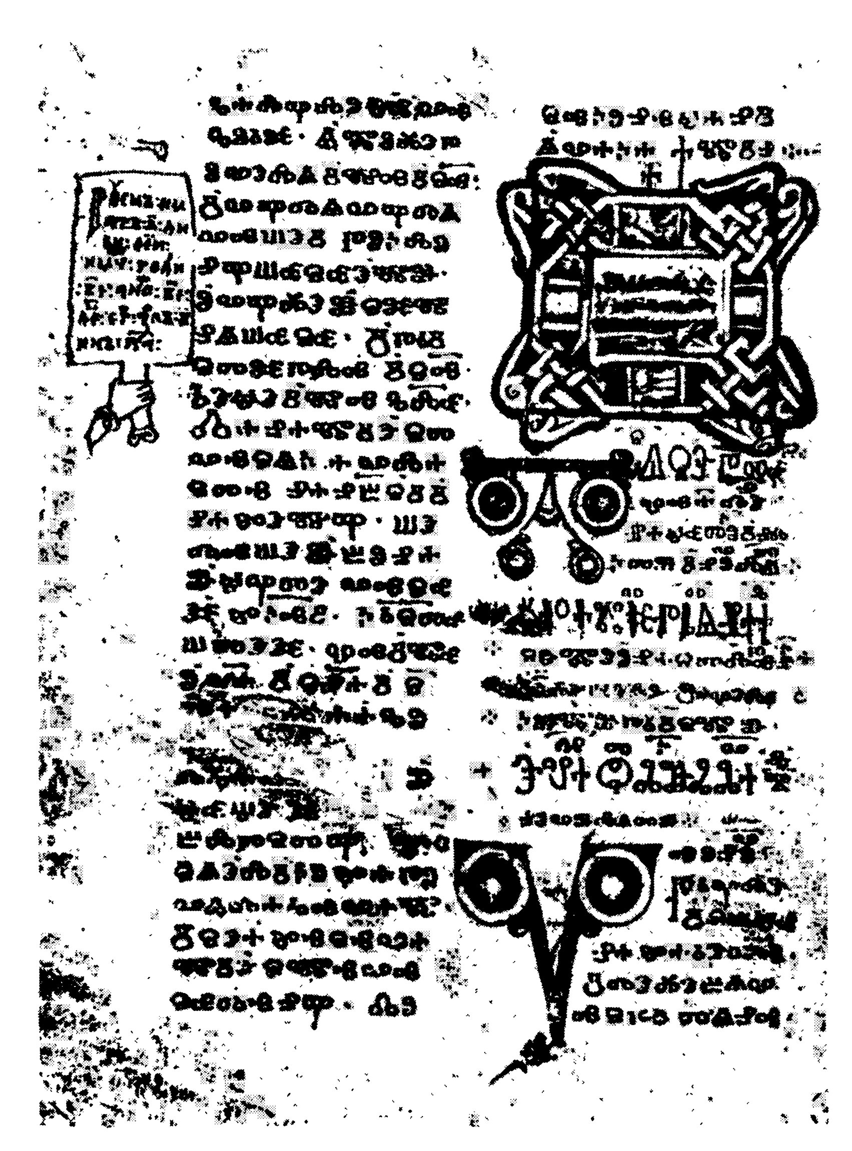
2. Зографское евангелие[1] получило свое название от Зографского монастыря на Афоне[2], где оно в течение длительного времени хранилось. В памятнике имеются позднейшие вставки и приписки, сделанные кириллицей; объем текста — 304 листа, время его написания — XI в. (а не X в., как думали некоторые ученые). В 1860 г. памятник был подарен Александру II, который передал его Публичной библиотеке (ныне библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), где он сейчас и хранится. Зографское евангелие издано И. В. Ягичем в 1879 г. в Берлине (переиздано в 1954 г. в Граце).

3. Мариинское евангелие получило свое название от монастыря св. богородицы Марии на Афоне, где этот памятник хранился в течение длительного времени и был найден в 1842 г. В. И. Григоровичем; в настоящее время находится в Москве, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. Мариинское

---

[1] Евангелием ('благовествованием') называют первые четыре книги так называемого «Нового завета» (христианской части «Библии» или «Священного писания»), в которых рассказывается о «жизни» и «деяниях» Исуса Христа. Каждая из четырех книг приписывается разным авторам-евангелистам: Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Евангелие лежит в основе христианского вероучения.

[2] Полуостров Афон («Святая гора») — восточный мыс Халкидонского полуострова на северо-востоке современной Греции; славится многочисленными православными монастырями. В афонских монастырях хранится свыше 10 тыс. рукописей (главным образом, греческих и славянских), многие из которых представляют большую ценность. Эти собрания рукописей полностью до сих пор еще не описаны.

Страница из Ассеманиева евангелия

евангелие написано в XI в., видимо, в Македонии; объем памятника — 173 листа. Издан этот памятник В. И. Ягичем в 1883 г. в Петербурге со статьей об особенностях его языка и полным словарем (переиздано в 1960 г. в Граце).

4. Ассеманиево евангелие представляет собой апракос (т. е. сборник евангельских чтений по христианскому календарю). Свое название памятник получил по имени востоковеда

Ассемани, вывезшего эту рукопись в XVIII в. из Иерусалима. Хранится Ассеманиево евангелие в Ватикане (в связи с чем его иногда называют еще Ватиканским евангелием). Памятник относится к XI в. и содержит 158 листов. Фототипическое издание осуществлено в 1929 г. в Праге И. Вайсом и И. Курцем; там же в 1955 г. И. Курц выпустил новое издание Ассеманиева евангелия кириллицей. В 1981 г. памятник переиздан в Софии.

5. Сборник Клоца состоит из 14 листов и представляет собой отрывки из сборника поучений. 12 листов были найдены видным славянским филологом В. Копитаром в Триенте в библиотеке графа Клоца (откуда и название этого памятника) и изданы в 1836 г.; позднее Ф. Миклошичем были найдены в музее в Инсбруке и изданы в 1860 г. еще два листа. Памятник относится к XI в. Полное издание с описанием палеографических особенностей и словарем осуществлено В. Вондраком в 1893 г. в Праге; там же в 1959 г. А. Досталем выпущено новое издание с фотокопиями всех листов и с передачей текста кириллицей.

6. Синайская псалтырь хранится в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове, откуда и получила свое название. На основании содержания и особенностей языка этот памятник считают связанным с кирилло-мефодиевской эпохой. Лучшее издание принадлежит С. Северьянову и сделано им в Петрограде в 1922 г.; переиздано в 1954 г. в Граце.

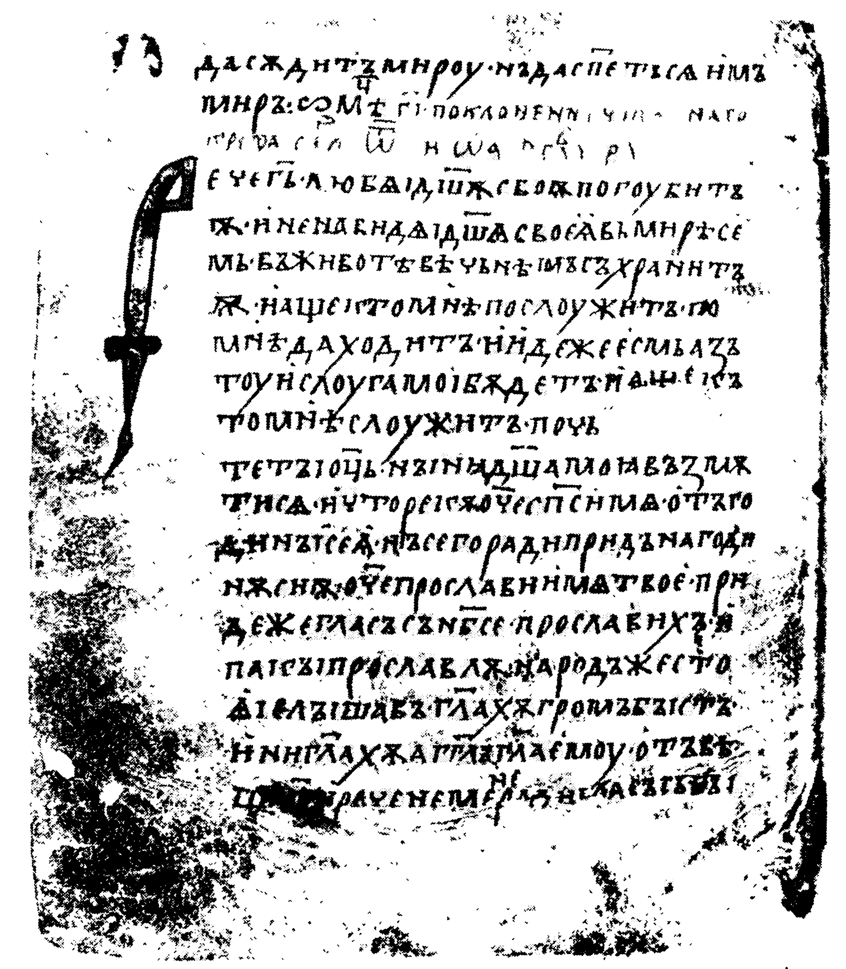
7. Боянский палимпсест — так назван смытый глаголический текст, по которому написано недельное евангелие (апракос) XIII в. (Боянское евангелие), найденное в 1845 г. В. И. Григоровичем в селе Бояна под Софией и хранящееся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (см. фотографию на с. 24). Лишь в наше время болгарский ученый И. Добрев, используя современные методы фотосъемки, прочитал 26 страниц некогда стертого глаголического текста, которые также оказались частью недельного евангелия, написанного в конце XI в. Боянский палимпсест издан И. Добревым в 1972 г. в Софии.

8. С именем В. И. Григоровича связано также и открытие отдельных глаголических фрагментов, принадлежащих к старейшим славянским памятникам: Охридских и Рильских глаголических листков. Обе находки относятся к 1845 г. Первая — полтора пергаменных листа недельного евангелия — связана с г. Охридом, который был одним из центров славянской книжности (см. § 18). Хранятся Охридские листки в рукописном отделе Одесского университета. Лучшее издание было осуществлено Г. А. Ильинским в 1915 г. в серии «Памятники старославянского языка» (т. 3, вып. 2).

9. Вторая находка — Рильские глаголические листки (по имени Рильского монастыря в Болгарии) — также полтора пергаменных листа глаголического текста молитвослова. Позднее, в 1880 г., на дощатом переплете рукописи XV в. К. Ирачек обнаружил отпечатки глаголического текста, писанного тем

же почерком; а в 1936 г. болгарский ученый И. Иванов открыл между дощатым и кожаным переплетом той же рукописи еще 2 пергаменных листа и несколько обрезков, исписанных той же рукой. Полностью — с фотографиями всех листов, обрезков и отпечатков на переплете, с передачей текста кириллицей и словарем — памятник был издан и прокомментирован болгарским академиком И. Гошевым в 1956 г. в Софии.

10. Синайский требник (эвхологий — сборник молитв и служб на все случаи жизни) был обнаружен и хранится в монастыре св. Екатерины на Синае. Лучшее издание (глаголицей и с передачей глаголического текста кириллицей) осуществлено известным словенским ученым Р. Нахтигалом в 1941—1942 гг. в Любляне.

Страница из Саввиной книги

КИРИЛЛИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

§ 26. Старейшими кириллическими рукописями являются древнеболгарские, отчетливо отражающие местные языковые особенности:

1. Саввина книга — сборник евангельских чтений, имеющий две приписки с упоминанием попа Саввы, по имени которого и назван этот памятник. Рукопись относится к XI в. и по особенностям орфографии считается одним из старейших кириллических текстов. Хранится в Москве. В 1899 г. вышло исследование В. Н. Щепкина «Рассуждение о языке Саввиной книги», содержащее тщательный анализ языка этого памятника. В 1903 г. им же Саввина книга была издана в серии «Памятники старославянского языка» (т. I, вып. 2. С.-Петербург); переиздана в 1959 г. в Граце.

2. Супрасльская рукопись содержит мартовскую минею, т. е. книгу церковных чтений на все дни марта — жития святых, легенды, беседы Иоанна Златоуста и т. д. Относится к XI в. и включает около 260 листов, составляющих три части. Рукопись была найдена в монастыре в Супрасле, около Белостока. Первая ее часть хранится в Любляне, в бывшей лицейской библиотеке; вторая находилась в Варшаве; третья часть (16 листов) принадлежала академику И. А. Бычкову и хранится в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Полное издание памятника осуществлено С. Северьяновым в Петербурге в 1904 г. в «Памятниках старославянского языка» (т. II, вып. 1); переиздано в 1956 г. в Граце, а в 1985 г. в Софии.

3. Енинский апостол — сборник апостольских чтений,

Страница из Супрасльской рукописи

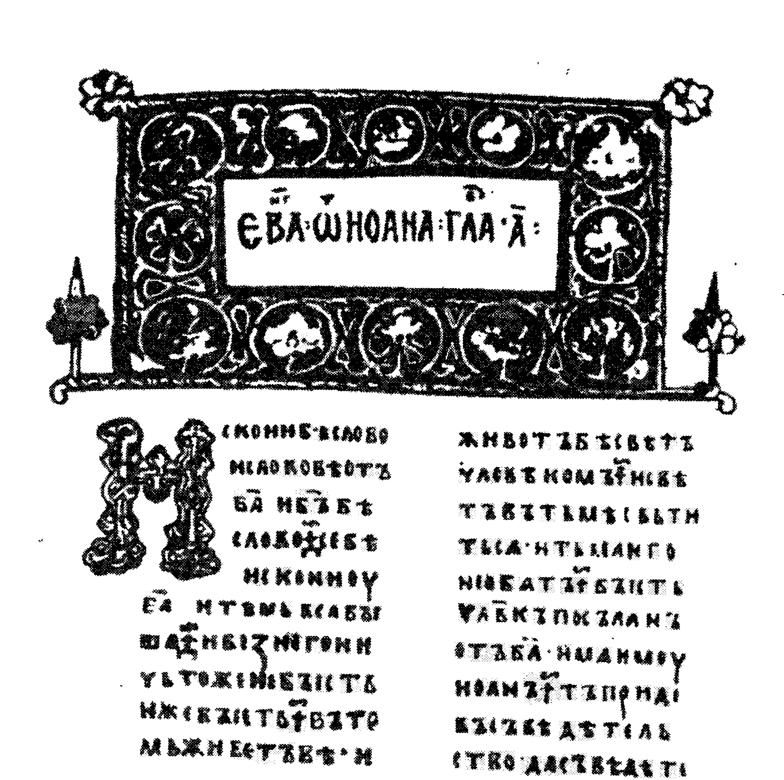
найденный в декабре 1960 г. при реставрации церкви св. Параскевы в селе Енина близ Казанлыка (в Болгарии). Является старейшим из сохранившихся славянских списков «Апостола». Рукопись содержит 39 листов, большинство из которых очень плохо сохранилось. Издан Енинский апостол в 1965 г. в Софии К. Мирчевым и Хр. Кодовым с фотографическим воспроизведением каждого листа, лингвистическим описанием и словником. Памятник относится ко второй половине XI в. и отражает особенности древнеболгарского языка.

4. Известен и ряд других кириллических памятников, представляющих собой отрывки текстов религиозного содержания, такие, как Хиландарские листки (отрывок поучения Кирилла Иерусалимского; найдены В. И. Григоровичем в Хиландарском монастыре на Афоне). Листки Ундольского (отрывки евангелия; принадлежали книголюбу В. М. Ундольскому), Македонский листок (отрывок текста, напоминающий одно из произведений экзарха Иоанна) и ряд др. В основном эти тексты издавались в серии «Памятники старославянского языка» в 1900—1906 гг. в Петербурге.

5. Христианская литература, ориентированная на кирилло-мефодиевские традиции, в X—XI вв. переписывалась не только в Болгарии, но и в других славянских странах; и так же, как и древние болгары, книжники, представлявшие другие средневековые славянские народы, в своей письменной практике в той или иной степени отражали особенности своей родной речи. Критический анализ языка таких памятников, необходимый для отделения особенностей местной речи от тех черт, которые связаны с собственно старославянскими языковыми традициями, позволяет использовать эти тексты для реконструкции языковой системы кирилло-мефодиевских переводов в не меньшей степени, чем памятники балканского происхождения.

Из числа местных текстов, дающих богатый материал для реконструкции системы собственно старославянского языка, наиболее многочисленны древнерусские, среди которых как по времени, так и по качеству выполненной работы выделяется Остромирово евангелие. Это древнейший восточнославянский датированный памятник, написанный в 1056—1057 гг. дьяконом Григорием (с помощниками) для новгородского посадника Остромира (откуда название рукописи). Памятник включает 294 листа; он роскошно оформлен и очень хорошо сохранился. Находится в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Впервые Остромирово евангелие было издано А. Х. Востоковым в 1843 г.; в 1889 г. купцом Савинковым было осуществлено фотолитографическое (3-е) издание.

Из памятников раннего церковнославянского языка русской редакции можно назвать также Чудовскую псалтырь XI в., Изборник Святослава 1073 г., Изборник 1076 г. и ряд других текстов XI в., из которых древней-

Заглавная страница из Остромирова евангелия

шими, возможно, являются 19-я и 20-я тетради (16 листов) так называемого Реймского евангелия, написанные кириллицей, как полагают некоторые исследователи, на Руси в первой половине XI в. (см. предварительную публикацию Л. П. Жуковской: Реймское евангелие. История его изучения и текст. М., 1978).

Из памятников чешской (моравской ?) редакции заслуживают упоминания глаголические Пражские отрывки, относящиеся к XI—XII вв.

Списки древнеславянских текстов сербской и среднеболгарской редакций относятся к XII—XIII вв. Некоторые исследователи считают древнесербскими кириллические тетради Реймского евангелия (см. выше), переписанные в XI в.

§ 27. Старейшими (из сохранившихся) славянскими датированными текстами являются не рукописи, а надписи (граффити) на стенах церквей, а также на могильных плитах, выполненные большей частью кириллическими буквами. От рукописей они отличаются не только техникой «письма» (процарапыванием по камню или штукатурке), но и тем, что являются по содержанию оригинальными (не переведенными с греческого). Несмотря на подчас крайне небольшой объем, эти памятники представляют особую цен-

Добруджанская надпись *(фотография)*

ность, если они датированы и служат исходным пунктом для определения времени написания недатированных кириллических рукописей путем сравнения начертаний букв.

1. Древнейшая — Добруджанская надпись 943 г. (см. фотографию на с. 39), найденная в 1950 г. в Румынии при строительстве канала Дунай — Черное море. Эта древнеболгарская по происхождению надпись тщательно разобрана чешским славистом Ф. В. Марешем (см. пражский журнал «Slavia», г. XX, 1951 г.).

2. Не датирована, но, судя по содержанию, выполнена не позднее 60-х годов X в. обнаруженная в 1952 г. при раскопке одной из преславских церквей (в восточной Болгарии) надпись на могиле чергубыля Мостича (см. рис. на форзаце), превосходящая по объему большинство древних славянских граффити. Публикации и анализу надписи специально посвящен сборник Болгарской Академии наук «Надписът на чъргубиля Мостич» (София, 1955).

3. Наиболее интересной для лингвистов по-прежнему остается открытая еще в 1894 г. датированная надпись, высеченная в 993 г. на каменной могильной плите по распоряжению болгарского царя Самуила (см. фотографию на с. 40). Надпись издавалась неоднократно.

4. В 1956 г. в южномакедонском городе Битоле при разборе мечети была открыта мраморная плита с довольно большой по объему датированной надписью начала XI в., очень ценная в собст-

Надпись царя Самуила *(прорись)*

венно историческом отношении (в ней впервые славяноязычное население Балканского полуострова названо *болгарами*). Битольская надпись 1015—1016 гг. публиковалась трижды, в том числе — Й. Заимовым, которому принадлежит тщательный анализ этого памятника (см.: Вопр. языкознания, 1969, № 6, с. 123—133).

КИРИЛЛИЧЕСКАЯ АЗБУКА

БУКВЫ И ИХ ЗВУКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

§ 28. Из двух славянских азбук наибольший практический интерес представляет кириллица, поскольку именно она лежит в основе современной русской письменности, а также письменности украинцев, белорусов, болгар, сербов и ряда других народов.

Как указывалось, кириллица составлена на основе византийского унциала и во многом заимствует традиции греко-византий-

ской письменности. В частности, кириллическое письмо в отдельных случаях сохраняет греческий способ передачи звуков, например способ передачи звука [у] сочетанием букв **оу**, хотя, в отличие от греческого языка, в языке славян не было звука, который бы обозначался одной буквой *у* (в греческой письменности эта буква обозначала лабиализованный гласный переднего ряда [ü]). В ряде случаев в кириллической письменности буквы греко-византийского унциала по существу употреблялись только потому, что за ними было закреплено определенное числовое значение. Так, например, буквы **ѯ** («кси»), **ѱ** («пси») и некоторые другие не могли использоваться при записи славянских слов, поскольку сочетания [кс], [пс] в языке славян до X в. были невозможны, а в заимствованных греческих словах такие сочетания могли передаваться (и нередко передавались!) сочетанием букв **кс**, **пс**. Тем не менее буквы **ѯ**, **ѱ** и др. сохранялись в славянской азбуке как знаки чисел (соответственно «60» и «700») и иногда использовались при записи греческих слов: **алеѯандръ**, **ѱалъмъ** и под.

Вместе с тем в кириллической азбуке было много букв, обозначавших специфически славянские звуки, которых не было в греческом языке. Таких букв было 13; если же учесть также и лигатуры (т. е. буквы, составленные из комбинации двух букв), отсутствующие в греческом алфавите, то можно насчитать 19 «своих» из общего числа 43 букв, входивших в состав кириллической азбуки (см. таблицу «Кириллическая азбука в сопоставлении с византийским унциалом и глаголицей» на форзаце).

§ 29. Кириллические буквы **а, б, в, г, д, є, ж, з, к, л, м, о, п, р, с, т, ф, х, ш** очень незначительно изменились в своих начертаниях и до сих пор обозначают в славянском (в частности, в русском) письме те звуки, которые они обозначали в старославянских памятниках. Некоторые из этих звуков обозначались также дублетными буквами.

Так, звук [о], кроме буквы **о**, мог обозначаться также буквой **ѡ** (греческой «омегой»), которая в звуковом значении употреблялась редко (в греческом языке она обозначала долгий *о*, в отличие от буквы *о*, обозначавшей краткий *о*) и обычно использовалась для обозначения числа «800». Звук [ф], кроме буквы **ф** («фрьтъ»), изображался также буквой **ѳ** («фита»). Звук этот не был свойствен языку славян, поэтому в собственно славянских словах никогда не встречался. Он мог произноситься лишь в словах, заимствованных из греческого; при этом старославянские книжники произносили как [ф] и греческую φ («фи»), и зубной спирант, похожий на *т* с придыханием (близкий английскому *th*), обозначавшийся в греческом алфавите буквой ϑ («тета»). Буквы *ф* и Θ в заимствованных из греческого словах писались в соответствии с их греческим употреблением: **Филипъ**, греч. Φίλιππος, но **ѳома**, греч. Θωμᾶς. Кроме того, **ф** и **ѳ** имели разное числовое значение.

Буква **ѵ**, **у** («ижица») в греческой азбуке, как указывалось,

обозначала лабиализованный гласный верхнего подъема переднего ряда [ü]; старославянскими книжниками этот гласный в соответствующих греческих словах произносился как [и], т. е. как нелабиализованный гласный того же образования: **кvпарисъ, мvро** и т. д. В греческой письменности эта же буква использовалась для обозначения второго (неслогового) элемента дифтонга [ey̯]; в греческих словах, содержавших этот дифтонг, старославянские книжники произносили букву *y* как [в]: **еvангелик**, т. е. [јеванъг'ел'йје].

Буква **ѕ** («зело») обозначала звонкую свистящую аффрикату [ʒ'] ([д͡з']), изменившуюся затем в мягкий свистящий [з'].

Звук [и] обозначался двумя буквами: **и** (писалась как современная **н**) и **і**, имевшими разное числовое значение, откуда и их широко распространенные названия: «*и* восьмеричное» и «*и* десятеричное», так как первая обозначала число «8», а вторая — «10».

Изменили со временем начертания буквы **ц**[ц'], **v**[ч'], **н**[н].

Буквы **ъ** и **ь** обозначали очень краткие гласные звуки соответственно заднего и переднего ряда. Буквы **ѧ** и **ѫ** обозначали носовые гласные, произносившиеся как *е* и *о* с носовым оттенком, т. е. [е^н] (буква **ѧ** — «юс малый») и [о^н] (буква **ѫ** — «юс большой»).

§ 30. Многие кириллические буквы были л и г а т у р а м и, т. е. представляли собой соединение двух букв. Кроме уже упоминавшейся буквы **оу** («укъ»), лигатурами были буквы **щ**, соединявшая **ш** и **т**, и **ы** или **ъи**, соединявшая **ъ** и **і** или **и** (т. е. **ъ** и одну из двух букв, обозначавших [и]), последняя лигатура иногда писалась с первым элементом **ь**, т. е. так, как она пишется в современной русской азбуке — **ы**.

Лигатурами были также буквы **ѥ, ꙗ, ю, ѩ, ѭ**: они соединяли **і** (т. е. *и*) и соответственно **є, а, оу** (где второй элемент в новой лигатуре был утрачен: **іоу → ю**), **ѧ, ѫ**. Такие буквы принято называть «йотованными» (или «йотированными») **є, а** и т. д. Йотованные буквы употреблялись как после букв, обозначавших согласные, так и после букв, обозначавших гласные звуки, а также в начале слов. После согласных йотованные буквы указывали на мягкость предшествующего согласного. В начале слов и после гласных йотованные буквы обозначали целый слог, начинавшийся с [j] и содержавший соответствующий гласный, т. е. обозначали сочетание двух звуков: [је], [ја], [ју], [је^н], [јо^н].

ЧИСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КИРИЛЛИЧЕСКИХ БУКВ. НАДСТРОЧНЫЕ ЗНАКИ (ДИАКРИТИКИ)

§ 31. В соответствии с традициями греческого письма буквы старославянских азбук, как уже отмечалось, служили не только для обозначения звуков, но и для обозначения чисел. При этом, в отличие от глаголицы, в которой числа обозначались буквами в порядке их следования в азбуке, в кириллице числа обозначались,

как правило, теми же буквами, что и в греко-византийской письменности, в соответствии с их порядком в греческом алфавите.

В тех случаях, когда буквой надо было обозначить число, над нею ставился надстрочный знак «титло», а с двух сторон — точки. Например, ·а҃· = *1*, ·в҃· = *2* и т. д. Девятью буквами обозначались единицы, девятью — десятки и девятью — сотни (см. числовое значение кириллических букв в таблице на форзаце).

Как и в современной системе числовых обозначений цифрами, десятки добавлялись к единицам, а сотни к десяткам слева: ·кв҃· = 22 (·к҃· = 20, ·в҃· = 2); ·рлд҃· = 134 (·р҃· = 100, ·л҃· = 30, ·д҃· = 4) и т. д. Исключение составляли числа второго десятка: здесь сначала ставился знак единицы, а затем, справа, знак десяти: ·аі҃· = 11, ·ві҃· = 12 и т. д. (это отражено в современных названиях чисел: *двадцать один* — сначала название десятка, а затем название единицы; но *одиннадцать* — дословно «один на десяти» — сначала название единицы, а затем — десятка; аналогично: *двенадцать, тринадцать* и т. д.).

Для обозначения тысяч использовались те же буквы, что и для обозначения единиц; но в этом случае слева внизу добавлялся специальный значок тысячи: ҂·а҃· = 1000, ·҂врлг҃· = 2133 и т. д. Нередко единицы, десятки, сотни и т. д. в старославянских памятниках указываются раздельно: ·м҃· и ·г҃· = 43, т. е. «40 и 3».

§ 32. В старославянской письменности очень широко использовались различные надстрочные (диакритические) знаки. Уже было упомянуто о титлах, которые употреблялись при обозначении чисел. Однако указание на числовое значение букв не было единственной или даже основной функцией титл. Значительно чаще титла использовались для указания на сокращенное написание слова.

Необходимость экономии такого дорогого писчего материала, как пергамен, а также экономии времени приводила к тому, что наиболее употребительные слова писались сокращенно. При этом для указания на сокращенное написание слова над ним ставился знак титла: **б҃ъ** = *богъ*, **гдь҃** или **г҃ь** = *господь*, **гл҃ъ** = *глаголъ* — «слово» и т. д. Титла могли иметь разные начертания: ҃, ҃, ▬, ˜, ⌒ и т. д.

Иногда под титлом вписывалась над строкой одна из пропущенных букв (обычно обозначающая согласный звук); в этом случае титло писалось в виде дужки: **бы͡с** = *быстъ*, **иерс͡лмъ** = *иероусалимъ* и т. д.

Для обозначения пропуска букв **ъ** («еръ») и **ь** («ерь») использовался особый надстрочный значок ꙽, получивший в соответствии со своей функцией название «паерок»; **к꙽то** = *кътo*, **в꙽сѣхъ** = *вьсѣхъ* и т. д.

Специальный надстрочный значок, напоминающий современный апостроф, использовался для указания на мягкость согласных: **кон'ь** или **ко͡нь**, **къ н'емоу**, **вол'а** или **во͡ла** и т. д. (как указывалось

в § 30, мягкость согласного могла также обозначаться йотованной буквой: **къ нꙗмоу, волꙗ**).

Старославянские тексты являются переводами с греческих книг. Поэтому в них нередко употребляются знаки, механически перенесенные из греческих оригиналов и в самих старославянских памятниках ничего не обозначавшие. К таким «пустым» знакам в первую очередь относятся так называемые знаки придыхания, которые ставились над гласными в виде скобочек или запятых: ’ или ‘.

§ 33. Древнее славянское письмо было сплошным: слова в строке не выделялись, заглавные буквы употреблялись в начале глав, но не предложений (см. фотокопии отрывков из памятников). Конец главы обычно обозначался комбинацией точек и черточек: ·⁞·, ·⁝·, ∶·, ∶ — и т. д.

Знаков препинания в нашем современном смысле не было, хотя отдельные предложения или части предложений могли (но далеко не всегда) выделяться точками, которые ставились не внизу строки, как теперь, а посредине высоты букв.

Приведем типичный пример такого употребления точек в древнем славянском тексте:

Ізиде сѣꙗи сѣатъ сѣмене своего · і егда сѣꙗше · ово паде при пѫти · і попърано бы · і птицѧ небєскыꙗ позобашѧ є · а дроугое паде на камене · і прозѧбъ оусъше · зане не імѣаше влагы · а дроугое паде посрѣдѣ трьньѣ · і възрасте трькье і подави є · а дроугое паде на землꙗ и добрѣ · і прозѧбъ сътвори плодъ · съторицеѭ· (Зогр. ев., *Л.*, VIII).

[*Вышел сеятель сеять свои семена. И когда сеял, некоторые (семена) упали на дорогу и были затоптаны, и птицы небесные поклевали их. А другие упали на камень (на каменистую почву) и, проросши, засохли, поскольку не имели влаги. А иные упали посреди сорняка. И разросся сорняк и заглушил их. А многие упали на хорошую землю и, проросши, дали плод сторицѐю.*]

ФОНЕТИКА

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 34. Определение старославянского языка как книжно-литературного (см. § 1—3) означает, что говорить о его звуковой системе в том смысле, в каком обычно говорится о фонетике живого языка, нельзя. Сохранившиеся тексты X—XI вв. отражают (и при этом с разной степенью последовательности) особенности чтения, сложившиеся в регионе их создания; а их сопоставительное изучение позволяет восстановить особенности орфографической системы кирилло-мефодиевских переводов, определявшей книжные нормы чтения текстов, т. е. орфоэпические нормы старославянского языка. Именно реконструкция орфографической системы первых славянских переводов, изучение позднейших местных отклонений от нее и сопоставление ее с показаниями живых славянских диалектов, с одной стороны, и с реконструируемой с помощью сравнительно-исторического метода звуковой системой праславянского языка позднего периода — с другой, позволяют с большой определенностью охарактеризовать систему фонем старославянского языка, а точнее — того славянского диалекта, на который ориентировался Константин, составляя славянскую азбуку.

§ 35. Сравнительно-историческое изучение орфографической системы, которая, судя по реконструкциям, должна была характеризовать славянские тексты кирилло-мефодиевского периода, обнаруживает, что составленная Константином (Кириллом) азбука довольно точно воспроизводит систему фонем[1] одного из древних славянских диалектов Македонии, скорее всего, распространенного в окрестностях Солуня (см. § 19). А если обратиться к кириллической азбуке, усовершенствованной с учетом опыта книжников восточной Болгарии (см. § 23), то можно утверждать, что кириллическое письмо располагало средствами для передачи всех гласных и почти всех согласных фонем восточнобалканских славянских говоров и даже основных позиционных вариантов фонем, хотя в последнем случае переписчики дошедших до нас текстов

[1] На «совершенство» славянской азбуки, составленной Константином Философом, обратили внимание уже книжники X в., явно имевшие при этом в виду ее соответствие фонологической системе, в то время еще слабо варьировавшейся в смежных славянских диалектах.

не всегда последовательны. Впрочем, сама эта непоследовательность тоже дает материал для суждений о собственно фонетических (артикуляционно-акустических) особенностях звуковой системы, положенной в основу языка первых переводов.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 36. Орфография старейших славянских текстов отражает следующий состав гласных фонем (в круглых скобках указываются буквы, которыми соответствующие фонемы изображались в кириллице): ⟨и⟩ (**и, і**), ⟨ы⟩ (**ꙑ, ъи**), ⟨у⟩ (**ѹ, ю**), ⟨е⟩ (**є, ѥ**), ⟨о⟩ (**о, ѡ**), ⟨а⟩ (**а, ꙗ**), ⟨æ⟩ (**ѣ**), ⟨ь⟩ (**ь**), ⟨ъ⟩ (**ъ**), ⟨ę⟩ (**ѧ, ѩ**), ⟨ǫ⟩ (**ѫ, ѭ**).

По артикуляционным характеристикам эти 11 гласных фонем можно классифицировать следующим образом:

<table>
<tr><th colspan="2" rowspan="2">Ряд / Подъем</th><th rowspan="2">Передний</th><th rowspan="2">Средний</th><th colspan="2">Задний</th></tr>
<tr><th>Нелабиализованные</th><th>Лабиализованные</th></tr>
<tr><td colspan="2">Верхний</td><td>⟨и⟩</td><td>⟨ы⟩</td><td></td><td>⟨у⟩</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Средний</td><td>носовые</td><td>⟨ę⟩</td><td></td><td></td><td>⟨ǫ⟩</td></tr>
<tr><td>ротовые</td><td>⟨е⟩ ⟨ь⟩</td><td></td><td>⟨ъ⟩</td><td>⟨о⟩</td></tr>
<tr><td colspan="2">Нижний</td><td>⟨æ⟩</td><td></td><td>⟨а⟩</td><td></td></tr>
</table>

Фонема, обозначавшаяся буквой ѣ, образовывалась в различных славянских диалектах IX—XI вв. по-разному, поэтому в общеславянской транскрипции ее обозначают символом [ě] — без указания на качество образования. Например, в говорах Моравии, как и в древнерусских, она, видимо, характеризовалась высоким подъемом (в транскрипции — [ê]). В говорах же, на которые была ориентирована глаголическая азбука, эта фонема по степени подъема, несомненно, совпадала с ⟨а⟩ (см. § 19), в связи с чем в транскрипции произношения славянских книжников Древней Болгарии она должна быть обозначена как [æ].

Старославянской фонеме ⟨ę⟩ в русском языке в основах слов соответствует ['а], а в соответствии с ⟨ǫ⟩ произносится [у], ['у].

§ 37. Славянские гласные фонемы периода старейших переводов различались не только по образованию (по качеству), но и по п р о д о л ж и т е л ь н о с т и з в у ч а н и я (по к в а н т и т а т и в н о м у — количественному признаку). По продолжительности звучания можно выделить три группы гласных фонем:

1) долгие: ⟨и⟩, ⟨ы⟩, ⟨у⟩, ⟨ę⟩, ⟨ǫ⟩, ⟨æ⟩, ⟨а⟩;
2) краткие: ⟨е⟩, ⟨о⟩;
3) редуцированные (сверхкраткие): ⟨ь⟩, ⟨ъ⟩.

В эпоху славянских первоучителей квантитативная характеристика гласного в принципе не зависела от его положения в словоформе, а была таким же постоянным (конститутивным) признаком гласной фонемы, как ряд и подъем, поэтому ни в глаголическом, ни в кириллическом письме не существовало специальных указаний на долготу или краткость гласного: признак этот восстанавливается в результате сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков (включая показания и славянских говоров). Так, гласный ⟨а⟩ произносился как долгий независимо от фонетической позиции — и под ударением, и в предударенных, и в заударенных слогах, а гласный ⟨о⟩ во всех возможных фонетических позициях произносился кратко. Например, в слове **рода** (род. п. существительного **родъ**) находившийся под ударением в первом слоге [ŏ] произносился кратко, а заударенный [ā] произносился как долгий гласный (т. е. [рŏдā]). Точно так же произносились эти гласные и в словоформе **садомь**: [сāдŏмъ], хотя здесь уже под ударением [ā], а в заударенной позиции — [ŏ].

§ 38. Нельзя не обратить внимания на определенную симметричность системы гласных фонем периода древнейших переводов, где противопоставлены друг другу ряды передних и непередних гласных (исключая ⟨ы⟩):

⟨и⟩ ~ ⟨ы⟩ ~ ⟨у⟩
⟨ę⟩ ~ ⟨ǫ⟩
⟨ь⟩ ~ ⟨ъ⟩
⟨е⟩ ~ ⟨о⟩
⟨æ⟩ ~ ⟨а⟩

«Неустойчивость» ⟨ы⟩ в этой системе фонологических противопоставлений сказалась на его дальнейшей судьбе: будучи противопоставленным ⟨у⟩ по признаку «лабиальный ~ нелабиальный», он совпал с ⟨и⟩ фонологически (как в русском языке, где [и] и [ы], сохраняясь как звуки, оказались позиционными вариантами одной фонемы), что в большинстве славянских языков привело и к их фонетическому совпадению. Это отражено в ряде рукописей балканского происхождения, писцы которых спорадически смешивают буквы **и** и **ъı**.

Гласные фонемы противопоставлялись не только «по горизонтали», но и «по вертикали», причем, как правило,— не менее чем по двум постоянным признакам. Например, ⟨и⟩ ~ ⟨ę⟩ и ⟨у⟩ ~ ⟨ǫ⟩ противопоставлены по степени подъема и по отсутствию ~ наличию назальности (или ринезма — носового образования); ⟨е⟩ ~ ⟨æ⟩ и ⟨о⟩ ~ ⟨а⟩ — по степени подъема и продолжительности звучания. В этой системе противопоставлений «неустойчивыми» оказывались ⟨ь⟩ и ⟨ъ⟩, которые противопоставлены соответственно ⟨е⟩ и ⟨о⟩ только по одному — квантитативному признаку, что предопределило их дальнейшее исчезновение, начавшееся до создания известных нам славянских текстов (см. ниже).

ПОЗИЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ

§ 39. Сопоставительное изучение современных славянских говоров подсказывает, что в чтении древних славянских книжников гласные фонемы могли варьироваться под влиянием соседних согласных. Так, А. М. Селищев полагал, что гласные заднего ряда ⟨у⟩, ⟨о⟩, ⟨а⟩ в положении после мягких согласных произносились как гласные среднего ряда [у̇], [о̇], [а̇] (знаком [˙] обозначается более переднее образование гласного); а в положении между мягкими согласными те же фонемы, возможно, произносились как еще более передние гласные [ӱ], [ӧ], [ӓ]. Например, в слове **югъ** корневой гласный мог произноситься как гласный среднего ряда: [jу̇гъ]; в слове **чаша** в положении между шипящими, которые в старославянском языке были мягкими, в первом слоге произносился гласный переднего ряда: [ч'ӓш'а̇].

На письме такие позиционные изменения не отражались, и не исключено, что они по-разному реализовались в чтении разных книжников — в зависимости от их диалектной принадлежности. Более определенны позиционные изменения, которым подвергались фонологически наименее «устойчивые» редуцированные гласные. Эти изменения нашли отражение в памятниках письменности, а в отдельных случаях имели и фонологические последствия.

Редуцированные *й* и *ы̌*

§ 40. Редуцированные гласные среднего подъема ⟨ь⟩ и ⟨ъ⟩ под влиянием соседнего средненёбного согласного [j] и перед гласным верхнего подъема [и] в результате аккомодации (приспособления) произносились как гласные верхнего подъема и, таким образом, по звучанию (по качеству) совпали соответственно с гласными верхнего подъема *и* и *ы*, оставаясь при этом редуцированными. Так в определенных фонетических позициях в старославянском языке появились редуцированные гласные [й] и [ы̆], которые, в отличие от [ь] и [ъ], не являлись самостоятельными фонемами, а представляли позиционные разновидности фонем ⟨ь⟩ и ⟨ъ⟩.

Для обозначения редуцированных [й] и [ы̆] (или, как их часто называют, напряженных редуцированных) в старославянской письменности обычно использовались те же буквы **и** (или **і**) и **ꙑ** (или **ъи**), которые обозначали и соответствующие долгие гласные фонемы ⟨и⟩, ⟨ы⟩.

Из сказанного очевидно, что буквы **и**(**і**), **ꙑ**(**ъи**) обозначают долгие гласные [и] и [ы] в положении не перед *j* или *и*. Напротив, в тех случаях, когда теми же буквами обозначаются гласные, звучавшие в положении перед *j* и *и*, эти гласные, как правило, были редуцированными.

Например, в словах **имѣник, свиниѭ** (вин. п.), **бииъ** и под. бук-

вой **и** обозначены гласные, произносившиеся перед **м** и **н**, и гласные, произносившиеся перед [j]; последние были редуцированными: [им'ěнйjе], [св'ин'йjǫ], [б'йjетъ] (русск.: *именье, свинью, бьет*). В словах **рыѭ, хытрыи** и под. буквой **ы** обозначается долгий гласный, звучавший перед **т** (в слове **хытрыи**), и редуцированные гласные, произносившиеся перед *j* и *u*: [рыjǫ], [хытрый] (русск. *рою, хитрый*).

Изменение *ь* и *ъ* в [й] или [ы̆] было позиционным, а потому могло происходить не только в середине слова, но и в конце слов, если следующее слово начиналось с *j* или *u*. В этом случае позиционно развившийся напряженный редуцированный также обозначался на письме буквой **и** или **ы**. Так, в Мар. ев. читаем: **въдасты и** ('отдал его') — вместо **въдастъ и** (т. е. [въдастъй > въдастый]); аналогично: **поставитъı и, видѣлы и єси** и т. д. вместо **поставитъ и, видѣлъ и єси**; в Сб. Кл.: **прѣдамı и** («я предам его») вместо **прѣдамь и**.

§ 41. Редуцированный гласный [й] был в старославянском языке также на месте сочетания **jь*, появлявшегося на стыке двух морфем. Редуцированный [й] такого происхождения можно отметить в следующих случаях:

а) в конце форм именительного-винительного падежа единственного числа существительных, местоимений и полных прилагательных мужского рода: **краи** [край] < **krajь*, где *kraj-* основа существительного, а *-ь* — окончание именительного падежа единственного числа мужского рода (ср. **кон-ь, врач-ь**); **мои** [мой] <**mojь*, где *moj-* основа, *-ь* — окончание (ср. **наш-ь, ваш-ь**); **новъıи** [новый] < <**novъjь*, где *-jь* является формой именительного-винительного падежа единственного числа мужского рода указательного местоимения, в котором *j-* основа (ср. [j-его], [j-ему] и т. д.], а *-ь* — окончание (то же, что в **наш-ь**);

б) в окончании родительного падежа множественного числа существительных: **свинии** [св'ин'йй] < **svinьjь*, где *svinьj-* основа, а *-ь* — окончание (ср. **боур-ь, ꙁемл-ь**); **имѣнии** [им'ěн'йй] < *iměnьjь*, где *iměnьj-* основа, *-ь* — окончание родительного падежа множественного числа (ср. **пол-ь, мор-ь**) и т. д.;

в) в суффиксе сравнительной степени прилагательных: **новѣи** [нов'ěй] < **novějь*, **новѣиши** [нов'ěйш'и] < **novějьši* и т. д.

Редуцированный [й] < **jь* встречается также в ряде других образований на стыке двух морфем, если предшествующая морфема оканчивалась [*j*], а последующая начиналась [*ь*]. Например, [*й*] находим в образовании **достоинъ** [достойнъ], являющемся прилагательным с корнем *-стој-* (ср. **стоıати**) и суффиксом [-ьн-] (ср. **вѣчьнъ, вѣрьнъ, сильнъ** и т. д.). Оказавшись в этом образовании рядом, [j] и [ь] слились в редуцированный [й]: **dostojьnъ* > > [достойнъ].

Сильное и слабое положение редуцированных

§ 42. Редуцированные принято противопоставлять остальным гласным, долгим и кратким, которые обычно называют гласными полного образования. Это противопоставление связано, в частности, с тем, что длительность звучания гласных полного образования в старославянском языке, как указывалось (см. § 37), не зависела от их положения в словоформе; напротив, длительность звучания редуцированных гласных в эпоху старейших переводов в различных фонетических позициях, видимо, уже не была одинаковой.

Место редуцированных гласных в славянской системе фонологических противопоставлений (см. § 38), их судьба в славянских языках заставляют предполагать, что в эпоху древнейших переводов в одних фонетических позициях редуцированные гласные должны были произноситься менее четко; такие фонетические позиции принято называть слабым положением редуцированных. В других фонетических позициях редуцированные гласные произносились более ясно; такие фонетические позиции принято называть сильным положением редуцированных.

§ 43. В слабом положении редуцированные гласные были в следующих случаях:

1) В абсолютном конце неодносложного слова:

сынъ — в слове два гласных (**ы** и **ъ**), следовательно, два слога; во втором слоге **-нъ** редуцированный гласный в слабом положении, так как находится в абсолютном конце неодносложного слова;

власть — во втором слоге **-сть** редуцированный в слабом положении, так как в абсолютном конце неодносложного слова;

краи [край] — с редуцированным [й] (см. § 41) — во втором слоге редуцированный [й] в слабом положении, так как в конце неодносложного слова.

2) В безударенном положении перед слогом с гласным полного образования:

дъва — в первом слоге **дъ-** редуцированный гласный в слабом положении, так как находится перед слогом с гласным полного образования [а] и на него не падает ударение;

въ домоу — в предлоге редуцированный гласный в слабом положении, так как он находится перед слогом с гласным полного образования [о] и на него не падает ударение;

житие — в слоге **-ти-** редуцированный [й] (см. § 40) в слабом положении, так как он перед слогом с гласным полного образования [е] и на него не падает ударение.

3) В безударенном положении перед слогом с редуцированным гласным в сильном положении:

въздъхъ (ср. русск. *вздох*) — в первом слоге редуцированный гласный в слабом положении, так как он перед слогом с редуцированным гласным в сильном положении (см. § 44) и на него

не падает ударение; **вѣрьнъıи** — в слоге **-рь-** редуцированный в слабом положении, так как находится перед слогом с редуцированным в сильном положении (см. § 44) и на него не падает ударение.

§ **44.** В с и л ь н о м п о л о ж е н и и редуцированные гласные были в следующих случаях:

1) В положении под ударением:

шьпътъ (ср. русск. *шепот*) — в первом слоге **шь** — редуцированный в сильном положении, так как на него падает ударение;

тъ ('тот') — ударение падает на редуцированный гласный, который и находится в сильном положении;

подърыкть (ср. русск. *подроет*) — ударение падает на редуцированный [ы̆] (ср. § 40), поэтому он в сильном положении.

2) Независимо от ударения в положении перед слогом с редуцированным гласным в слабом положении:

шьпътъ — во втором слоге **-пъ-** безударенный редуцированный гласный в сильном положении, так как он находится перед слогом с редуцированным в слабом положении (см. § 43, 1);

къ мънѣ (ср. русск. *ко мне*) — в предлоге редуцированный в сильном положении, так как перед слогом с редуцированным гласным в слабом положении;

вѣрьнъıи — в слоге **-нъı-** редуцированный [*ы̆*] (см. § 40) в сильном положении, так как он находится перед слогом со слабым редуцированным *й* (см. § 43).

Падение редуцированных

§ **45.** Дошедшие до нас памятники XI в. отразили изменения, которые к этому времени произошли с редуцированными гласными в живой речи славянских писцов. Изменения эти связаны с усилением различий в произношении слабых и сильных редуцированных.

В с л а б о м п о л о ж е н и и редуцированные гласные совсем п е р е с т а л и произноситься. Так, вместо **сынъ** [сынъ] в XI в. начинают произносить [сын], вместо **горъка** [горъка] начинают произносить [горка], вместо **къто** [къто] > [кто], вместо **чьто** [ч'ьто] > [ч'то], вместо **имѣниѥ** [им'ěн'йје] > [им'ěн'је].

Редуцированные гласные, находившиеся в с и л ь н о м п о л о ж е н и и, с о в п а л и с гласными полного образования (прояснились в гласные полного образования). При этом [ь] > [е], а [ъ] > [о]: **тельць** [т'ел'ьц'ь] > [т'ел'ец'], где после [л'] на месте сильного [ь] (перед слогом с конечным слабым редуцированным) в XI в. начинает произноситься [е]; **крѣпъкъ** [кр'ěпъкъ] > [кр'ěпок], где после [п] на месте сильного [ъ] начинает произноситься [о]; **шьпътъ** [ш'ьпътъ] > [ш'епот], где на месте [ь] в сильном положении (под ударением) произносится [е], а на месте [ъ] в сильном положении (перед слогом со слабым редуцированным) произносится [о].

Редуцированные [й] и [ы̆] в сильном положении совпали с соответствующими гласными полного образования: новꙑи [новы̆й] в XI в. начинает произноситься [новый], где на месте сильного редуцированного [ы̆] звучит гласный полного образования [ы]; свинии [св'ин'йй] (род. п. мн. ч.) начинает произноситься [св'ин'ий] — с гласным полного образования [и] в слоге -ни-, где когда-то был редуцированный [й] в сильном положении.

В некоторых древнеславянских памятниках на месте сильных редуцированных [й] и [ы̆] находим гласные [е] и [о], как на месте сильных [ь] и [ъ]. Так, в Мариинском евангелии читаем: господеи (вм. господии), болеи (вм. болии), нарицаемои (вм. нарицаемꙑи) и т. д. Объясняется это, видимо, тем, что еще до падения редуцированных в этих формах в результате грамматической аналогии стали произносить ь и ъ вместо й и ы̆: господьи [господ'ъй] — под влиянием господь, больи, [бол'ьй] — под влиянием боль, нарицаемъи [нар'иц'ajемъй] — под влиянием нарицаемъ и т. д. В XI в. в этих формах ь проясняется в [е], а ъ — в [о], как и во всех других случаях.

§ 46. Падение редуцированных, т. е. исчезновение слабых и прояснение сильных редуцированных в гласные полного образования, было процессом, характеризовавшим живую речь славян. Что же касается славянской письменности, то ее орфография в основном оставалась традиционной. Это значит, что, произнося [сын], [кто], [т'ел'ец'], [им'ěн'jе] и т. д., писцы XI в. стремились писать по традиции сꙑнъ (а не сꙑн), къто (а не кто), тельць (а не телец), имѣник (а не имѣньк, как мы пишем теперь) и т. д.

Однако в отдельных случаях писцы под влиянием своего живого произношения ошибались в употреблении букв, обозначавших когда-то редуцированные гласные звуки, т. е. писали эти буквы не там, где они писались в то время, когда служили обозначением редуцированных гласных. Эти ошибки и дают нам возможность утверждать, что в XI в. редуцированных гласных уже не было в живой речи славянских книжников.

Так, в ряде памятников XI в. можно заметить пропуск букв, обозначавших когда-то слабые редуцированные [ь] или [ъ]. Например, в Зогр. ев. читаем: много (вм. мъного), всегда (вм. вьсегда), всѧ (вм. вьсѧ), диьсь (вм. дьньсь) и т. д.; в Мариинском евангелии: птицъ (вм. пътиць), многъ (вм. мъногъ), книжникъ (вм. кънижьникъ) и т. д. В Ас. ев. пропуск букв ь и ъ встречается даже в конце слов, где обычно писцы продолжали их употреблять довольно последовательно, так как нетрудно было усвоить или запомнить, что слово должно оканчиваться не на согласный, а на ь или ъ; см.: вѣровах (вм. вѣровахъ), плачет (вм. плачетъ), бꙑл (вм. бꙑлъ) и т. д.

Поскольку в XI в. буквы ь и ъ уже не обозначали гласных звуков и писались по традиции, то славянские писцы в это время нередко их смешивают. Например, в Зогр. ев. читаем: сьде («здесь») и съде,— писец после с не произносит никакого звука (о чем гово-

рят указанные выше его же написания много, вса и др.), но знает, что должен быть написан значок ь или ъ; для него уже безразлично, какой из этих значков употребить. К тому же в ряде южнославянских диалектов [ь] и [ъ] еще до падения редуцированных совпали в одном гласном звуке, что приводило к их смешению и в том случае, когда они обозначали гласные в сильном положении. В силу указанных причин переписчик Зогр. ев. пишет на разных страницах дьньсь и дънъсъ, подобьно и подобъно и т. д.: В Мар. ев.: мьздж и мъздж, вѣрьни и вѣрънꙑ и т. д.; в Ас. ев.: кто и кьто, правьдж и правъдж, пришедъ и пришедь и т. д.; ср. ъ на месте сильного [ь] в Ен. ап.: дънъ, силънъ, тъмнаѣ (вм. тьмьнаѣ) и т. п.

Утрата слабого редуцированного *й* в славянских памятниках письменности отражается в виде замены буквы и, некогда обозначавшей слабый редуцированный [й], буквой ь, употребляющейся для «отделения» гласного от согласного, так как между ними произносится *j*, перед которым и утратился слабый редуцированный [й]. Например, вместо костиѭ [костйјǫ] начинают произносить [костјǫ] и для «отделения» [ǫ] от [т'] (между ними произносится [j]) пишут костьѭ; вм. имѣниѥ пишут имѣньѥ, так как стали произносить [им'ен'је], и т. д.

Прояснение сильных редуцированных в гласные полного образования отражается в памятниках письменности в виде употребления букв є, о на месте бывших редуцированных в сильном положении. Например, в Зогр. ев.: цръковь — вм. цръкъвь, так как на месте сильного редуцированного (в старом слоге -къ-) уже произносится [о]; пришедъ (вм. пришьдъ), сжчець (вм. сжчьць), бисеръ (вм. бисьръ) и т. д.; в Мар. ев.: вѣренъ (вм. вѣрьнъ), крѣпокъ (вм. крѣпъкъ), день (вм. дьнь) и т. д.; в Ас. ев.: конець (вм. коньць), день (вм. дьнь) и т. д.; в Ен. ап.: дивенъ (вм. дивьнъ), дънесъ и днесъ (вм. дьньсь) и т. д.

ГЛАСНЫЕ В НАЧАЛЕ СЛОВА

§ 47. Не все гласные в старославянском языке могли быть в начале слова. Обычны в начале слова гласные [о], [ǫ]: осмь, отьць, око, жѕъкъ, жгль, жтроба и т. д.

Довольно свободно употреблялся и начальный [а]: агньць ('ягненок'), авити ('явить, явиться'), агода ('ягода'), азъ ('я') и т. д. Однако в памятниках встречаются написания, в которых отражается развитие протетического [j] перед начальным [а]: ꙗгньць, ꙗвити и некоторые другие. В ряде славянских языков развитие [j] перед начальным [а] получило очень широкое распространение (например, в русском языке, кроме союза *а* и междометия *ах*, откуда *ахать, ахнуть*, нет слов, которые начинались бы с гласного [*а*] и при этом не были бы заимствованными); однако в старославянском языке случаи с [j] перед начальным [а] сильно ограниченны.

В памятниках письменности балканского происхождения употребление буквы ꙗ (в глаголических текстах ⱑ) в начале слов обуслов-

лено позицией после [и]. Так, например, в Мар. ев. ѣꙁъ [jазъ] объясняется соседством и: въпрошѫ и ѣꙁъ вы ('спрошу и я вас') (*Мр.*, XI); так же следует объяснять и ѣште [jаш'т'е] (вм. аште) в предложениях и ѣште любите ('и если любите') (*Л.*, VI), и ѣште идѫ ('и если приду') (*Ин.*, XIV), ѣбие [jаб'ије] (вм. абиѥ) в сочетании и ѣбиѥ ('и тотчас') (*Л.*, V) и т. д.

В ряде слов начальный [j] перед [а] не является протетическим, т. е. фонетически развившимся, а издавна входил в состав основы; в этих случаях [jа] не может противопоставляться начальному [а]. Сюда относятся такие слова, как ꙗръ, ꙗрость, ꙗма, ꙗже ('которая') и некоторые другие.

Протетический [j] обычен в старославянском языке перед [у]: югъ, юноша, ютро, юже и т. п. Однако возможно и начальное [у] (без протетического [j]): оутро, оуже, оучити (и производные).

§ 48. Последовательно развивался протетический [j] перед начальными [ę], [æ], [е]: ѩзыкъ, ѩдро ('быстро'), ѩти ('взять') (но ср. възѧти — не в начале слова [j] в том же корне отсутствует) и т. д.: ꙗсти, ꙗдь (ср. древнерусск. *ѣсти*, совр. русск. *еда*), ꙗзва (из **jězva*) ('рана'), ꙗдра ('грудь') (ср. не в начале слова — после приставки: вънѣдра, русск. *внедрить, недра*, где *н* от приставки вън-), ꙗхати (ср. древнерусск. *ѣхати*, совр. *ехать*). Протетический [j] последовательно развивался и перед кратким [е]: ѥсмь, ѥзеро, ѥдинъ, ѥлень и т. д.

Практически в старославянском языке были невозможны слова с начальными [ę], [æ], [е]. Лишь в отношении некоторых полузнаменательных слов, по природе своей начальных в предложении, можно предполагать, что они произносились с начальным [е], а не [jе]: єда [еда] (но не [jеда]) ('если, разве, неужели'), єнъ [енъ] ('да'), єсє [ес'е] ('вот'), єтєръ [ет'еръ] ('некий') (впрочем, возможно и ѥтєръ [jет'еръ]). Именно эти слова пишутся с є, а не ѥ в Супр. рук. и Остр. ев. — памятниках, довольно последовательно различающих буквы є и ѥ для обозначения [е] и [jе]. В других памятниках древней славянской письменности употребление буквы є в начале слов не показательно, так как нередко она используется и для обозначения [jе]. Тем более это относится к памятникам глаголическим, в которых вообще не было специальной буквы для обозначения [jе], поэтому написания єго, єдинъ и т. п. в них следует читать как [jего], [jед'инъ] и т. д.

§ 49. Совершенно невозможны были в начале слова гласные [ь], [ъ], [ы].

Перед [ь] в начале слова развивался протетический [j], при этом начальное [jь] > [и]; в середине слов (после согласных) [ь] в тех же морфемах сохраняется: имѫ (из **jьmǫ*), но възьмѫ (русск. *возьму*), где после з сохраняется ь; см. также игрь (из **jьgrь*) ('игра'), игълинъ ('игольный') (от **jьgъla*) и т. д.

Полагают, что протетический [j] развивался и перед [и] лю-

бого происхождения, т. е. **ити** ('идти') произносили [jит'и], **илъ** ('ил', 'глина') произносили [jилъ] и т. д. Но, близкие по образованию, [jи-] слились в один гласный [и-], как это произошло и в тех случаях, где начальный [j] перед [и] не был протетически развившимся, например в формах **имъ, ихъ** и т. д. — из **jimъ, *jixъ*, где [j-] — основа местоимения (ср. [j-его], [j-ему] и т. д.).

Перед гласными [ъ] и [ы] произносился протетический [в] (из *ṷ): **вълль**, но ср. после согласного в том же корне: **възъпити** ('завопить, закричать'); **вън-** (приставка, обозначающая движение внутрь); **выкнѫти** ('учиться'), но ср. в том же корне при чередовании гласных **ы**‖**у**: **наоука** [на-ук-а], **оучити**; **выдра, высокъ** и др.

Во всех рассмотренных случаях первоначально перед гласными в начале слов развивались неслоговые *i̯ и *ṷ, которые затем и изменялись в согласные *i̯ > [j], *ṷ > [в].

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 50. Сохранившиеся славянские памятники позволяют восстановить для эпохи первых переводов следующий ряд согласных фонем[1]: ⟨п⟩ (**п**), ⟨б⟩ (**б**), ⟨в⟩ (**в**), ⟨м⟩ (**м**), ⟨т⟩ (**т**), ⟨д⟩ (**д**), ⟨с⟩ (**с**), ⟨с'⟩ (**с, с'**) ⟨з⟩ (**з**), ⟨л⟩ (**л**), ⟨л'⟩ (**л, л'**), ⟨н⟩ (**н**), ⟨н'⟩ (**н, н'**), ⟨р⟩ (**р**), ⟨р'⟩ (**р, р'**), ⟨ʒ'⟩ или ⟨з'⟩ (**ѕ**, ʒ), ⟨ц'⟩ (**ц**), ⟨ч'⟩ (**ч**), ⟨ш'⟩ (**ш**), ⟨ж'⟩ (**ж**), ⟨ш'т'⟩ (**шт, щ**), ⟨ж'д'⟩ (**жд**), ⟨j⟩ (**ꙇ**), ⟨к⟩ (**к**), ⟨г⟩ (**г**), ⟨х⟩ (**х**); в греческих словах встречались также согласные ⟨ф⟩ (**ф, ѳ**), [г'] (**г'**, в глаголице — буква «гервь», передаваемая при перепечатке глаголических текстов кириллицей знаком ћ), а также [к'] и [х'].

Фонема ⟨j⟩ была возможна т о л ь к о п е р е д г л а с н ы м и, причем т о л ь к о в н а ч а л е с л о в и л и п о с л е г л а с н ы х, всегда образуя таким образом двузвучный слог [-ja-], [-je-] и т. д. Эта ее синтагматическая особенность, видимо, была настолько заметной, что составители кириллицы, позаботившиеся о графическом изображении ⟨j⟩, не мыслили этой фонемы вне слога, для обозначения которого были предложены лигатуры с первым элементом **ꙇ**, т. е. **ꙗ, ѥ**, и т. д.

§ 51. В ряду согласных необходимо выделить с о н о р н ы е ⟨м⟩, ⟨н⟩, ⟨н'⟩, ⟨л⟩, ⟨л'⟩, ⟨р⟩, ⟨р'⟩; первые три были н о с о в ы м и, остальные — р о т о в ы м и. Ротовые сонорные (⟨л⟩, ⟨л'⟩, ⟨р⟩, ⟨р'⟩) являются наиболее звучными согласными; в старославянском языке они м о г л и б ы т ь с л о г о в ы м и. Эти согласные принято называть п л а в н ы м и.

Все остальные согласные являются шумными.

§ 52. Шумные согласные принято классифицировать п о с п о с о б у о б р а з о в а н и я, т. е. в зависимости от того, каким обра-

[1] Как и в § 36, в круглых скобках указываются б у к в ы, которыми соответствующие фонемы изображались в кириллице.

зом (каким способом) воздушная струя преодолевает воздвигнутую на ее пути преграду. Старославянские шумные согласные по способу образования могут быть объединены в следующие группы:

1) фрикативные: ⟨в⟩, ⟨ф⟩, ⟨с⟩, ⟨з⟩, ⟨с'⟩, ⟨ш'⟩, ⟨ж'⟩, ⟨х⟩, ⟨j⟩;

2) взрывные (смычно-взрывные): ⟨п⟩, ⟨б⟩, ⟨т⟩, ⟨д⟩, ⟨к⟩, ⟨г⟩;

3) аффрикаты (или смычно-проходные, которые соединяют взрыв и фрикацию): ⟨ч'⟩, ⟨ц'⟩, ⟨ʒ'⟩ (эта аффриката позднее изменилась в ⟨з'⟩);

4) сложные (соединявшие фрикацию и взрыв): ⟨ш'͡т'⟩, ⟨ж'͡д'⟩.

§ 53. Все согласные по участию голоса делятся на глухие и звонкие. В старославянском языке все сонорные согласные были звонкими. Шумные согласные могли быть и глухими, и звонкими, образуя по этому признаку пары, которые в старославянском языке функционально не были соотносительными (кроме, вероятно, пары ⟨с⟩ ~ ⟨з⟩):

глухие	⟨п⟩	⟨ф⟩	⟨т⟩	⟨с⟩	⟨с'⟩	⟨ц'⟩	⟨ш'⟩	⟨ч'⟩	⟨ш'͡т'⟩	⟨к⟩	⟨х⟩
звонкие	⟨б⟩	⟨в⟩	⟨д⟩	⟨з⟩	(⟨з'⟩)	⟨ʒ'⟩	⟨ж'⟩		⟨ж'͡д'⟩	⟨г⟩	⟨j⟩

Глухая шипящая аффриката ⟨ч'⟩ не имела звонкой пары, которая была утрачена, видимо, еще в докирилло-мефодиевский период, поэтому не только в кириллице, но и в глаголице для нее не было специальной буквы. На месте когда-то существовавшей звонкой шипящей аффрикаты * ǯ' в старославянском языке последовательно оказывается ⟨ж'⟩.

Звонкий [з'] отражен текстами XI в. на месте более ранней аффрикаты ⟨ʒ'⟩ (т. е. [д'͡з']), которая характеризовала фонологическую систему кирилло-мефодиевского периода, а потому для нее была введена в азбуку специальная буква ѕ («зело»). Исторически, таким образом, противопоставленные по глухости ~ звонкости пары ⟨ц'⟩ ~ ⟨ʒ'⟩ и ⟨с'⟩ ~ ⟨з'⟩ не сосуществовали: в кирилло-мефодиевский период звонкой пары не имела фонема ⟨с'⟩, а в период создания дошедших до нас текстов балканские (и восточнославянские) писцы ориентировались на фонологическую систему, в которой не имела звонкой пары фонема ⟨ц'⟩.

Как указывалось, фонема ⟨ф⟩ не была свойственна славянским языкам, и славянские книжники использовали ее только в заимствованных (греческих) словах, писавшихся с ф и ѳ (см. § 29). Наличие этой фонемы противопоставляет фонологическую систему старославянского языка всем без исключения раннесредневековым славянским диалектам, которые заменяли в иноязычных заимствованиях (в том числе и из греческого) согласный [ф] другими согласными (например, [п]).

§ **54.** В зависимости от того, где, какими органами речи образуется преграда на пути воздушной струи, согласные классифицируются по месту образования.

По активному органу речи согласные принято делить на губные и язычные.

Губными в старославянском языке были согласные ⟨м⟩, ⟨б⟩, ⟨п⟩, ⟨в⟩, причем первые три, несомненно, были губно-губными (или билабиальными). Что касается согласной ⟨в⟩, которая произошла из неслогового *\u{32F}u и, следовательно, первоначально также была билабиальной, то возможно, что в произношении ряда славянских книжников она уже была губно-зубной. Губно-зубным был согласный ⟨ф⟩.

Все остальные согласные были язычными, т. е. образовывались в результате сближения передней (переднеязычные), средней (среднеязычные) или задней (заднеязычные) части спинки языка с зубами или нёбом.

Система согласных фонем старославянского языка может быть представлена в целом следующим образом:

Место образования / Способ образования		Губные	Язычные					Акустическая характеристика
			Переднеязычные			Среднеязычные средненёбные	Заднеязычные задненёбные	
			Зубные	Нёбно-зубные	Передне-нёбные			
Фрикативные		⟨ф⟩ ⟨в⟩	⟨с⟩ ⟨з⟩	⟨с'⟩ (⟨з'⟩)	⟨ш'⟩ ⟨ж'⟩	⟨х'⟩ ⟨j⟩	⟨х⟩	Шумные
Смычные	Взрывные	⟨п⟩ ⟨б⟩	⟨т⟩ ⟨д⟩			⟨к'⟩ ⟨г'⟩	⟨к⟩ ⟨г⟩	
	Аффрикаты			⟨ц'⟩ ⟨ʒ'⟩	⟨ч'⟩			
	Сложные				⟨ш͡'т'⟩ ⟨ж͡'д'⟩			
	Носовые	⟨м⟩	⟨н⟩		⟨н'⟩			Сонорные
	Боковые		⟨л⟩		⟨л'⟩			
	Дрожащие				⟨р⟩ ⟨р'⟩			

§ 55. В системе согласных фонем старославянского языка, в отличие от системы согласных русского языка, очень слабо представлены пары твердых и мягких согласных. Как правило, согласные были либо твердые (⟨ф⟩, ⟨в⟩, ⟨п⟩, ⟨б⟩, ⟨м⟩, ⟨т⟩, ⟨д⟩, ⟨х⟩, ⟨к⟩, ⟨г⟩), либо мягкие (⟨ш’⟩, ⟨ж’⟩, ⟨ц’⟩, ⟨ʒ’⟩, ⟨ч’⟩, ⟨ш͡’т’⟩, ⟨ж͡’д’⟩, ⟨j⟩); при этом после мягких согласных были невозможны гласные ⟨о⟩, ⟨ъ⟩, ⟨ы⟩, а ⟨æ⟩ употреблялась лишь после мягких ⟨ц’⟩, ⟨ʒ’⟩, ⟨с’⟩.

Лишь немногие согласные могли быть как твердыми, так и мягкими: ⟨н⟩ — ⟨н’⟩, ⟨л⟩ — ⟨л’⟩, ⟨р⟩ — ⟨р’⟩, ⟨с⟩ — ⟨с’⟩ (позднее можно встретить отражение развившегося по диалектам ⟨з⟩ — ⟨з’⟩ — в результате изменения [ʒ’] > [з’]); учитывая наличие в старославянском языке большого числа греческих слов с [х’], [к’] и [г’] (фонологический статус которых в старославянском языке требует специального решения — см. ниже), можно считать, что они были противопоставлены твердым славянским заднеязычным ⟨х⟩, ⟨к⟩, ⟨г⟩. Важно, однако, отметить, что во всех указанных случаях *твердые и мягкие согласные не составляли соотносительных пар*: те и другие характеризовали разные слова (и разные морфемы), т. е. не соотносились друг с другом в разных фонетических позициях. Иными словами, мягкость старославянских палатальных согласных была их *постоянным (конститутивным) признаком*.

Что касается твердых согласных, то, судя по особенностям древней славянской системы фонологических противопоставлений и позднейшей судьбе твердых согласных в разных позициях, они должны были в период древнейших переводов в разных фонетических позициях произноситься неодинаково. Условием, которое могло влиять на фонетическую реализацию твердых согласных фонем, было положение перед гласными переднего или непереднего ряда. Можно, в частности, предполагать, что *твердые согласные фонемы (кроме заднеязычных) перед гласными переднего ряда произносились «полумягко»* — с небольшим смещением по месту образования в направлении твердого нёба. Так, например, **бити, пьнь, видѣти, синии** и т. д. могли читаться как [б˙ит˙и], [п˙ьн˙ь], [в˙ид˙æт˙и], [с˙ин˙ий] — с полумягкими [б˙], [т˙], [п˙], [н˙], [в˙], [д˙], [с˙] в положении перед гласными переднего ряда [и], [ь], [æ].

Особое место занимают в ряду твердых согласных фонем заднеязычные задненёбные [х], [к] и [г], которые в славянских по происхождению словах никогда не произносились перед гласными переднего ряда, следовательно, *не могли быть полумягкими*. Перед гласными переднего ряда **χ, к** и **г** встречаются только в греческих словах, где они, судя по всему, произносились как мягкие (палатальные, средненёбные): **χѵтонъ** — видимо [х’итонъ], **кѵпарисъ** [к’ипар˙исъ], **кесаръ** [к’есар’ъ], **ангелъ** [анг’елъ] и т. п. (одно из свидетельств палатального образования

[г'] в греческих заимствованиях — наличие в глаголице специальной буквы «гервь» для этого согласного, видимо, заметно отличавшегося от [г] — см. таблицу на форзаце). Наличие в старославянском языке в греческих заимствованиях средненёбных (мягких) [х'], [к'], [г'] противопоставляло фонологическую систему старославянского языка всем раннесредневековым славянским диалектам, не знавшим таких согласных, которые, следовательно, не могли восприниматься славянскими книжниками того времени как позиционные варианты твердых задненёбных согласных.

§ 56. Если позиционные изменения твердых согласных фонем перед гласными переднего ряда не отражаются в древней славянской письменности и предполагаются в результате сравнительно-исторической реконструкции, то позиционные ассимилятивные изменения шумных согласных под влиянием последующих шумных согласных достаточно последовательно отражены сохранившимися текстами.

Так, согласный [з], если он оказывался в положении перед глухим согласным, подвергался оглушению, т. е. изменялся в [с]. Обычно это можно наблюдать в приставках **из-**, **раз-**, **без-** и под.: **исходити** (ср. **изити** — перед гласным оглушения не происходит), **растоунти** (ср. **разбоиникъ**), **беспльтьнъ** (ср. **безвѣстьнъ**) и т. д.

Конечный согласный тех же приставок в положении перед последующим [з], [с], [ж'], [ш'] или [ц'] подвергался ассимиляции по месту образования и сливался с начальным согласным корня: **безаконик** (вм. ожидаемого *__беззаконик__), **исъхнѫти** (вм. ожидаемого *__иссъхнѫти__), **бежизньнъ** (вм. *__безжизньнъ__), **ишьдъ** (вм. *__исшьдъ__), **ицѣли** (вм. *__исцѣли__, что, впрочем, иногда встречается в памятниках письменности). То же происходило и при соединении предлога со знаменательным словом: **бестраха** (т. е. **бес страха**), **исънъмишта** (т. е. **ис сънъмишта** [='из собрания']) и т. д.

ПОЗДНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

§ 57. В сохранившихся текстах, писанных в конце X — XI вв., нашли отражение изменения, произошедшие к этому времени с шипящими согласными в славянских говорах Балканского полуострова и повлиявшие на нормы чтения местных книжников. Одним из таких изменений было отвердение шипящих, в связи с чем на письме после букв, обозначавших отвердевшие шипящие согласные, начинают писать нейотованные буквы **а**, **оу**, а также **ъ** (вм. **ь**). Например, в Мар. ев.: **ишедъша**, **можааше**, **въходѧшта**, **сѫштоу**, **вълѣзъшоу**, **отъроучьна**, **пришъдъ**, **неджжънъıѧ**, **лежѧштъ**, **даждъ**, **оугождъши** и т. д. Такие написания в памятниках XI в. регулярны.

В славянских рукописях XI в. отражается также изменение аффрикаты [ʒ'] > [з'] с последующим отвердением [з'] > [з]. Об этом можно судить на основании смешения букв **з** (обозначавшей [з]) и **ѕ** (первоначально служившей для

обозначения аффрикаты [ʒ'] и в дошедших до нас памятниках X в., например в Киев. л., употребляющейся только там, где была эта аффриката), позволяющего предполагать, что звуковое значение этих букв совпало. Например, в Зогр. ев.: **польза** (вм. **польѕа**, или даже **польѕꙗ**), **пѣнѧзь** (вм. **пѣнѧѕь**), **стьзѧ** (вм. **стьѕѧ**), **мнози** (вм. **мъноѕи**) и т. д.; в Мар. ев.: **кънѧзи** (вм. **кънѧѕи**), **врази** (вм. **враѕи**), **мьнозѣхъ** (вм. **мъноѕѣхъ**) и т. д.

§ 58. Очень широко отражается в памятниках письменности XI в. у п р о щ е н и е н е н а ч а л ь н ы х с о ч е т а н и й [бл'], [пл'], [вл'], [мл'], происходившее в ряде южнославянских говоров. Изменение этих сочетаний связано с ослаблением артикуляции [л'] в положении после губного согласного, в результате чего на месте [л'] появляется [j], который впоследствии утрачивается: [бл'] > > [б'j] > [б'], [пл'] > [п'j] > [п'] и т. д. Появление [j] на месте [л'] после губных (так называемого „*l-epentheticum*" — «вставочного *л*») отражается в написаниях **вь, пь, мь, вь** перед гласными; например, в Сав. кн.: **земьꙗ** (вм. **землꙗ**), т. е. [з'ем'ја < < з'емл'а]; в Супр. рук.: **дивьꙗхѫсѧ** (вм. **дивлꙗхѫсѧ**), **любьꙗше** (вм. **люблꙗше**), **томьѥник** (вм. **томлѥник**), **капью** (вм. **каплю**) и т. д. В большинстве дошедших до нас памятников **ь** после **б, п, м, в** отсутствует, что, видимо, отражает исчезновение [j] после губных. Например, в Мар. ев. читаем: **ославенъıꙗ** (вм. **ославленъıꙗ**); в Зогр. ев.: **престав енье** (вм. **приставлѥниѥ**); в Ас. ев.: **въ кораби** (вм. **корабли**) и т. д.

§ 59. Некоторые позднейшие изменения согласных связаны с падением редуцированных гласных.

Одним из последствий падения редуцированных было р е г р е с с и в н о е с м я г ч е н и е с о г л а с н ы х, что отражается на письме в постановке буквы **ь** после бывшего твердого согласного. Например, в Зографском евангелии, наряду с пропуском букв **ъ** и **ь** (см. § 46), находим: **вьнѣ**; до падения редуцированных было **вънѣ** [вън̆е], после падения редуцированных — [вн̆е]; оказавшись перед [н'], согласный [в] подвергся ассимиляции — стали произносить [в'н̆е], что и побудило писца написать после **в** букву **ь**. По той же причине в памятниках XI в. пишут: **вьзиде** (вм. **възиде**), **сь нимь** (вм. **съ нимь**).

Оказавшиеся после утраты слабых редуцированных рядом два одинаковых согласных сливаются в один; например, в Син. пс.: **подъ ѩзыкомоимъ**, т. е. **ѩзыком моимъ** [вм. **ѩзыкомь моимь** — конечный слабый редуцированный утратился], **поклонıтıсѧ**, т. е. **поклонит ти сѧ** (вм. **поклонитъ ти сѧ**) и т. п.

Другие изменения согласных, произошедшие в славянских диалектах к XI в., в старейших сохранившихся памятниках отражаются менее регулярно.

СТРОЕНИЕ СЛОГА

§ 60. Одной из характерных особенностей старославянского языка является однотипность в построении слогов: все слоги строились по принципу восходящей (или возрастающей) звучности.

Звучность определяется комплексом факторов, включающих работу голосовых связок, интенсивность артикуляции, бо́льшую или меньшую плотность преграды. Наиболее звучными являются, естественно, слоговые гласные; неслоговые гласные ([и̯], [у̯]) менее звучны, чем соответствующие слоговые. Из согласных звуков наиболее звучными являются сонорные, среди которых выделяются плавные ([р], [р'], [л], [л']) — самые звучные из всех согласных; при отсутствии в слоге гласного плавные сонорные в старославянском языке могли быть слогообразующими.

Носовые сонорные менее звучны, чем плавные, поэтому в старославянском языке они обычны в положении перед последними (например: **нравъ, мрѣти, землꙗ** и т. д.).

Неслоговые гласные практически равны по звучности сонорным. Поэтому в старославянском языке [в] < **u̯* оказывается возможным перед плавными (как любой другой согласный: **врата, ловлѭ** и т. п.) и вместе с тем, как и сонорный, может находиться после любого шумного согласного перед гласным (**творити, сквозѣ** и т. п.).

В современном русском литературном языке происхождение [в] из неслогового гласного отражается в том, что глухие согласные перед ним, как и перед гласными и сонорными согласными, не озвончаются; ср.: [з'б'ит'], [з'д'е́лът'], но [свʌл'и́т'], как [сруб'и́т'] (а не «[звʌл'и́т']»).

Менее звучными являются все остальные, шумные согласные, причем звонкие согласные, естественно, являются более звучными, чем глухие. Но и различные по способу образования звонкие или глухие шумные согласные, в свою очередь, неодинаковы по звучности: смычные согласные оказываются более звучными, чем фрикативные.

Славянские языки того периода, когда тенденция к построению слогов по принципу восходящей звучности была актуальной, обнаруживают высокую чувствительность к малейшим различиям звуков речи по звучности. Так, например, в то время как заднеяёбные смычно-взрывные согласные перед носовыми сонорными в старославянском языке были обычны (**двигнѫти, крикнетъ** и под.), более звучные передние смычно-взрывные перед теми же смычными носовыми сонорными, к которым они ближе по звучности, чем задние согласные, оказывались невозможными: праслав. **dadmь* > > старослав. **дамь**, русск. *дам*; праслав. **sъpnъ* > старослав. **сънъ**, русск. *сон* — с утратой переднеязычного смычно-взрывного перед носовым сонорным (подробнее см. ниже, § 102).

Таким образом, звуки речи внутри одного слога в старославянском языке могли располагаться только в таком порядке:

Начало слога → конец слога

Согласный				Гласный
фрикативный	смычный (взрывной или аффриката)	носовой сонорный или *в*	плавный	

Это, конечно, не означает, что в каждом слоге должны были быть все типы звуков. В слоге могло не быть согласного (например, **о-стро-въ, ѫ-зъ-къ** — см. первые слоги этих слов), мог быть один согласный (например, **сє-стра, бы-стръ, сто-лъ, сла-ва** — первые слоги в первых двух словах, последние — в двух последующих), два согласных (например, **сто-лъ, сла-ва, дръ-ва, дво-ръ, нра-въ, тво-ри-ти** — см. первые слоги) и даже три согласных (**о-стро-въ, бы-стръ, сє-стра, въ-здра-стє, ро-ждь-ство, скво-зѣ** и т. д.). И если в слоге оказывалось более одного согласного, они следовали друг за другом только в указанном порядке: более звучный звук, как правило, был невозможен в положении перед менее звучным или равным ему по звучности[1].

Поскольку в каждом слоге есть слоговой звук, который при этом является самым звучным, то в результате действия принципа восходящей звучности каждый слог в старославянском языке оканчивался гласным (или слогообразующим сонорным согласным). Это явление принято называть «законом открытого слога».

§ 61. Построение слога в соответствии с требованиями принципа восходящей звучности в период создания старейших славянских текстов было настолько универсальным, что распространялось даже на слова, заимствованные из греческого, если в них были сочетания звуков, противоречившие требованиям указанного принципа. Обычно в таких сочетаниях перед менее звучными согласными после более звучных развивался гласный призвук, впоследствии совпавший с [ь] или [ъ]. Например, в греч. Αἴγυπτοσ [aįgüptŏs], содержащем сочетание [pt] — с одинаковыми по звучности согласными, в старославянском языке развился [ь], и слово стало произноситься **єгѵпьтъ** [ег’ипъть] — с по-

[1] Впрочем, есть исключение: **исходити, въсходити**, где [с] перед фрикативным [х]; образовались эти случаи морфологически: приставка оканчивалась на [с], а корень начинался с [х].

следующим прояснением сильного [ь] в [е]: **егүпетъ**. В греч. ψαλμόσ [psalmős] принципу возрастающей звучности слога противоречили обе группы согласных — [ps] и [lm], так как в обеих более звучный согласный находится перед менее звучным; слово начинает произноситься **пъсалъмъ** [пъсалъмъ], после падения редуцированных — **псалом(ъ)**. По той же причине греч. παῦλοσ [paṷlos], где перед плавным произносился неслоговой гласный, в старославянском языке стало звучать **павьлъ** [пав'ълъ]; после падения редуцированных — **павел(ъ)**.

Вместе с тем заметна тенденция избегать резкого возрастания звучности внутри слога, в связи с чем в тех случаях, когда рядом оказывались «крайние» по звучности согласные — свистящий и плавный, в ряде славянских диалектов между ними развивался смычно-взрывной: [ср > стр], [зр > здр]. Поскольку произношение «вставочного» смычного нормально в славянских говорах Македонии (на севере современной Греции), исторически связанных с говорами Солуня, где и в настоящее время произносят *стре́да, страм, стре́бро, здре́е* (-'зреет') и т. п.[1], то можно предполагать, что часто встречающиеся в рукописях X—XI вв. написания **страмъ** (вм. **срамъ**), **въздрасте** (вм. **въз-расте**), **въздрадовати сѧ** (вм. **въз-радовати**), **раздрѣшити** (вм. **раз-рѣшити**) и под. отражают традиции кирилло-мефодиевских переводов.

§ 62. В старославянском языке слоговыми могли быть не только гласные, но и плавные сонорные согласные [р̥] и [л̥], например в словах [вр̥хъ] — 'верх', [твр̥дъ] — 'твердый', [гр̥дъ] — 'гордый', [дл̥гъ] — 'долгий', [вл̥къ] — 'волк' и т. д. На письме слоговой характер плавного в таких случаях обозначался постановкой буквы **ъ** или **ь** после **р** или **л**. Так, приведенные слова в древнеславянских памятниках обычно пишутся: **връхъ** или **врьхъ**, **твръдъ** или **тврьдъ**, **гръдъ** или **грьдъ**, **длъгъ** или **дльгъ**, **влъкъ** или **влькъ** и т. д. Во всех этих случаях **ръ**, **рь**, **лъ**, **ль** оказываются между согласными (внутри корня). В современном русском языке таким написаниям всегда соответствуют ***-ер-***, ***-ор-*** или ***-ол-*** между теми же согласными: старослав. **връхъ**, русск. ***верх;*** старослав. **твръдъ**, русск. ***твердый;*** старослав. **гръдъ**, русск. ***гордый;*** старослав. **длъгъ**, русск. ***долгий;*** старослав. **вльkъ**, русск. ***волк*** и т. д.

Иногда буква **ъ** или **ь** в корнях таких слов вообще не писалась: **врхъ**, **трдъ**, **грдъ**, **длгъ** и т. д. Однако эти написания в памятниках сравнительно редки: славянские книжники ясно чувствовали слоговое деление этих слов и для указания на границу слога после **р** или **л**, обозначавшего конечный слоговой звук, ставили знак **ъ** или **ь**, соответствовавший до известной степени едва заметному гласному призвуку, который всегда сопутствует произношению слогового плавного.

---

[1] См.: Ш к л и ф о в Б. Долнопреспанският говор. Принос към проучването на югозападните български говори. София, 1979, с. 35.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 36—62

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 15—47.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. § 8—10, 14—15, 20, 22—24, 27—28.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 93—101 (с. 65—70).

Селищев А. М. Старославянский язык, ч. 1, § 36—37, 87, 93—99, 149—151, 171—197, 200а, 213—217.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЭПОХИ

(история праславянского языка в свете данных сравнительно-исторической фонологии)

§ 63. Фонетико-фонологическая система того диалекта, на который ориентировались славянские первоучители (см. § 19), оформилась в результате развития системы, сложившейся к концу праславянской эпохи и унаследованной (с несущественными диалектными различиями) всеми славянскими языками, в каждом из которых ее дальнейшее преобразование (трансформация) осуществлялось относительно изолированно. И если памятники других славянских языков отразили результаты трансформации поздней праславянской системы за довольно значительный срок, да к тому же — через «призму» древнеславянских орфографических норм, то собственно старославянская орфография закрепила фонологическую систему одного из архаических славянских диалектов, по времени близкую поздней праславянской (ср. выше § 5). Именно поэтому описанная выше старославянская система фонем и их возможных реализаций чрезвычайно близка восстанавливаемой с помощью сравнительно-исторического метода поздней праславянской системе и по существу является фактическим подтверждением реалистичности лингвистических реконструкций.

Поздняя праславянская система фонем и их вариантов, являющаяся исходной для любого современного славянского языка, включая русский, оформилась в процессе развития ранней праславянской фонологической системы, которая, в свою очередь, сложилась в результате объединения ряда древних индоевропейских диалектов, а потому включала элементы, находящие соответствия в различных индоевропейских языках, не переживших тех фонетических изменений, которые были пережиты праславянским языком за длительный период его истории. Сопоставление старославянской системы фонем и их реализаций с соотносительными звуками других индоевропейских языков (балтийских, индо-иранских — в частности древнеиндийского, древнеперсидского; германских — готского, немецкого и др.; латинского, древнегреческого и т. д.) позволяет восстановить (реконструировать) систему фонем, характеризовавшую

праславянский язык раннего периода, т. е. дает возможность проследить происхождение славянских гласных и согласных звуков и унаследованной славянскими языками системы фонологических противопоставлений (или оппозиций), определивших дальнейшие изменения позднепраславянской фонологической системы в каждом отдельном славянском языке.

Анализ причинно-следственных отношений тех изменений, которые произошли с индоевропейскими (по происхождению) звуками в процессе исторического развития праславянского языка, дает материал для реконструкции истории самого́ праславянского языка, являющейся ранней историей (или предысторией) русского и других славянских языков.

§ 64. Сравнительное изучение славянских языков и сопоставление полученных данных с показаниями родственных индоевропейских языков позволяют более или менее надежно представить общий процесс образования и последующего развития праславянского языка — вплоть до его распада.

Поскольку языковые изменения, в результате которых ранняя («исходная») праславянская фонетико-фонологическая система преобразовалась в позднюю, восстанавливаются с помощью сравнительно-исторического метода и не могут быть прослежены по письменным памятникам, их абсолютная хронология (т. е. более или менее точное время, например век) не всегда может быть определена. В связи с этим при реконструкции истории праславянского языка основное значение приобретает относительная хронология, т. е. определение времени развития той или иной языковой черты по отношению к другой или другим языковым особенностям.

§ 65. Сравнительно-исторический метод предполагает ретроспективную реконструкцию истории праславянского языка, т. е. продвижение исследователя от более позднего (известного) состояния к более раннему (неизвестному) — искомому состоянию языка. В учебных целях такой путь нецелесообразен: более полное представление о последовательности языкового развития можно получить, если, используя уже готовые результаты сравнительно-исторических исследований, представить историю праславянского языка от «исходного» — унаследованного состояния — к позднему, соответствующему периоду распада праславянского языкового единства. Материал родственных индоевропейских языков, являющийся основанием ретроспективных реконструкций, при хронологическом изложении истории языкового развития служит лишь иллюстрацией описываемых древних фонетико-фонологических систем.

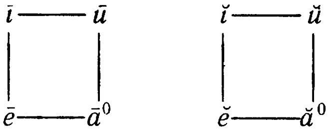
ИСХОДНАЯ ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

§ 66. Если праславянским языком считать генетически индоевропейскую систему, характеризовавшуюся рядом своеобразных черт, позволяющих отличать ее от синхронных индоевропейских диалектов, то необходимо предположить, что появлению такой язы-

ковой системы должен был предшествовать период ее оформления, т. е. протославянский,— период относительно обособленного развития потенциально славянского языкового комплекса. Языковое содержание такого периода — это объединение преимущественно индоевропейских и, по-видимому, каких-то иносистемных диалектов, в процессе интеграции (сближения) которых и оформилась ранняя система праславянского языка, отличная от других индоевропейских. Не исключено, что именно в ходе поглощения иносистемных говоров, вошедших в состав протославянского объединения, и активизировались те тенденции развития, которые обусловили отличие праславянского от родственных индоевропейских языков, включая структурно наиболее близкие славянским балтийские и древние иранские говоры.

§ 67. Система гла́сных, на базе которой осуществлялась нивелировка диалектов протославянского союза, сохраняла индоевропейские долгие и краткие *ī̆, ū̆* и *ē̆*, но знала лишь одну пару гласных на месте индоевропейских *ō̆* (т. е. *ō — ŏ*) и *ā̆* (*ā — ă*). Реконструкция артикуляционно-акустической характеристики этой пары гласных для столь раннего периода языковой истории нереалистична; однако последовательный переход во всех славянских языках краткого гласного этой пары в *о* подсказывает, что исходная для славянской фонологической системы пара открытых непередних гласных характеризовалась лабиальностью, следовательно, бемольной тональностью, что может быть отражено в транскрипции *ā̆*^{0}.

Таким образом, для вокализма (системы гласных) протославянского периода можно предполагать симметрию фонологических противопоставлений долгих и кратких гласных по признакам «диезный (нелабиальный) ~ бемольный (лабиальный)» — по горизонтали и «закрытый (диффузный) ~ открытый (компактный)» — по вертикали:

Квантитативная характеристика являлась в этой системе дифференциальным признаком (ДП), противопоставлявшим долгие и краткие гласные одного качества (*ī ~ ĭ, ē ~ ĕ* и т. д.) на фонологическом уровне.

Кроме монофтонгов, базовая система вокализма протославянского объединения характеризовалась богатой серией дифтонгов (*ē̆i̯, ā̆*^{0}*i̯, ē̆u̯, ā̆*^{0}*u̯*) и дифтонгоидов — дифтонгических сочетаний любого из восьми слоговых гласных с сонорными

(*ĕl, ĕr, ĕn, ĕm, ĭl, ĭr, ĭn, ĭm, ă⁰l, ă⁰r, ă⁰n* и т. д.— всего 32 сочетания), которым в других индоевропейских языках соответствовали не только *ĕl, ĕr, ĕn, ĕm, ĭl, ĭr* и т. д., но и слоговые сонорные *l̥, r̥, n̥, m̥,* утраченные еще в допротославянскую эпоху (в балтийских языках им соответствуют такие же дифтонгоиды, как и в праславянском).

§ 68. Признак лабиальности в протославянских диалектах оказался несовместимым с диезной тональностью, поэтому лабиальные гласные в положении после диезного сонанта *i̯*, сместившись вперед (по причине артикуляционного, собственно фонетического порядка), делабиализовались: *i̯ŭ > i̯ĭ, i̯ă⁰ > i̯ĕ*. Произошло, таким образом, функциональное «смещение» унаследованной системы вокализма, в которой функции диезных гласных расширились, а бемольных — сократились:

(') *ĭ ∼ ŭ*

(') *ĕ ∼ ă⁰*

Следствием этого изменения явилось развитие аффиксальных чередований в сочетаниях типа *-tŭ- ∼ -i̯ĭ-, -tă⁰- ∼ -i̯ĕ-* — с одной и той же функцией *ŭ : ĭ* и *ă⁰ : ĕ* (как старослав. **сєл-о ∼ пол-ѥ**, праслав. *sĕl-ă⁰n ∼ pă⁰li̯-ĕn*).

§ 69. Достаточно рано должно было произойти сокращение гласных в составе дифтонгов и дифтонгоидов, следствием чего явилось сокращение их вдвое, ибо *ēi̯ > ĕi̯, ā⁰u̯ > ă⁰u̯, ā⁰r > ă⁰r* и т. д., где признак долготы стал характеризовать дифтонг в целом. Напротив, в конце словоформ в сочетаниях с *n* перед согласным гласный подвергался удлинению, что вело к разложению дифтонга (в случаях типа *dā⁰r-ŭns > dā⁰r-ūns*). Обычно такое изменение претерпевал напряженный диффузный гласный (т. е. *ŭ* или *ĭ*). Однако в некоторых диалектах это изменение распространялось и на флексии с *ĕ* (в том числе и *-i̯ĕ- < -iă⁰-*). Иными словами, в то время как в одних диалектах протославянского союза сохранялось *nă⁰zi̯-ĕns* (откуда впоследствии *-i̯ens- > -i̯ę-* — старослав. вин. мн. ч. **нож-ѧ**), в других диалектах *-i̯ĕns- > -i̯ēns- > -i̯ě-* (откуда впоследствии древнерусск. *нож-ѣ*). Так в диалектах протославянского союза наметилось одно из древнейших собственно славянских диалектных различий: -(') *ę* ∼ -(') *ě* во флексиях имен и местоимений.

Вообще же в конце слов очень рано могли наметиться изменения, неизвестные внутри словоформ. Так, к очень раннему времени относится развитие признака диффузности у гласного *ā⁰* в конечном закрытом слоге (вследствие суперлабиализации и возрастания напряженности) перед невзрывным согласным, т. е. перед *-s-* и *-n-*:

dā̆^{0}r-ŭns < *dā̆^{0}r-ă^{0}ns* (вин. мн. ч.). Изменение это происходило позднее, чем *-i̯ā̆^{0}-* > *-i̯ĕ̄-*, поэтому при **дар-ы** в том же вин. мн. ч. находим не **нож-и* (как было бы в результате *nă^{0}zi̯ă^{0}ns* > > **nă^{0}zi̯ŭns* > **nă^{0}zi̯ĭns* > **nă^{0}zi̯īns*), а **нож-ѧ** или *нож-ѣ* (см. выше).

§ 70. Система согласных подсказывает, что праславянское единство формировалось на базе индоевропейских диалектов, не знавших палатальных согласных, ибо на месте индоевропейских палатальных в диалектах протославянского союза функционировали свистящие *s* < *k'* (слав. **sĭrd-* или **sĕrd-*, латш. *sirds* 'сердце' — ср. грч. καρδία, гот. *hairto*) и *z* < *g'*, *g'h* (слав. **ză^{0}mbă^{0}s*, латш. *zuobs* 'зуб' — ср. грч. γόμφοσ 'гвоздь', 'колышек'; слав. **zĕi̯mā̆^{0}*, латш. *ziema* — ср. грч. χεῖμα, лат. *hiems* 'зима'). Индоевропейские придыхательные смычные в этих говорах совпали с «простыми» смычными, т. е. *d* < *d, dh; t* < *t, th; b* < *b, bh* и т. д. (например, слав. **mĕdŭ(n)*, лит. *medùs* — ср. др.-инд. *mádhu* 'медовый напиток', грч. μέϑυ [mĕthü] 'хмельной напиток', в то время как слав. **dă^{0}mă^{0}s* — ср. др.-инд. *dámaḥ*, грч. δόμοσ)[1]. Эти же диалекты сохраняли индоевропейские неслоговые сонорные (*r, l, n, m*), но в конце слов знали только *-n* (но не *-m*). Сохранялись также неслоговые *i̯, u̯* (в частности, в составе дифтонгов).

Основу протославянского языкового объединения составляли диалекты, которые ранее вместе с древнебалтийскими пережили вокализацию призвука при слоговых плавных, развив перед ними гласный типа *i* (реже — типа *u*): слав. **mĭrt-*, лит. *mir̃tis* — ср. др.-инд. *mṛtiḥ* 'смерть', *mṛtáḥ* 'мертвый'; слав. **u̯ĭlk*, лит. *vil̃kas* — ср. др.-инд. *vṛkaḥ* 'волк' и т. п.

Протославянскими диалектами была унаследована тенденция к палатализации индоевропейского свистящего после *i, u, r, k*, которая завершилась изменением индоевропейского *s* > *x* в положении не перед согласным: слав. **ă^{0}u̯xă^{0}s* — ср. лит. *ausis*, гот. *auso* 'ухо'. Известно *x* иного происхождения, видимо, распространявшееся из диалектов, ранее входивших в ту же общность, что и будущие иранские (типа слав. **să^{0}xā̆^{0}*, н.-перс. *šāx* 'сук', 'ветвь' — но ср. лит. *šakà* 'сук', др.-инд. *çā́kha* 'сук', 'ветвь'), а также начальный *x*, возможно, из *kh* или из *sg (h)*.

§ 71. Таким образом, нивелировка диалектов, завершившаяся оформлением праславянского языка, осуществлялась при ориентации на систему согласных, исключавшую слоговые сонорные и палатальные шумные (кроме *j* — см. ниже); причем, судя по позднейшим отражениям, твердые («недиезные») согласные были

[1] В транскрипции др.-инд. форм знаком ḥ принято обозначать глухое придыхание, выступающее в конце словоформы на месте и.-евр. свистящего. В транскрипции греческих примеров указывается древнегреческое (а не современное) произношение.

подвержены лабиализации, приобретая бемольную тональность (ср. выше — § 67—68), что для палатальных (i̯, а также j) было невозможным. Фонологически, таким образом, исходная для праславянского система характеризовалась наличием группы сонантов и пяти пар глухих-звонких шумных согласных (фрикативных и смычных), противопоставленных по месту образования; при этом частные различия между нёбными до развития ряда палатальных согласных не имели значения ДП, т. е. были фонологически нерелевантными (несущественными):

	сонанты	фрикативные	смычные
губные	*m u̯*	—	*p b*
зубные	*n l̂*	*s z*	*t d*
нёбные	*r i̯*	*x j*	*k g*

В предложенной схеме, относящейся к периоду, предшествующему консонантизации *u̯* и *i̯* (их переходу во фрикативные согласные в положении перед гласными: *u̯ (a)* > *v (a)*, *i̯ (a)* > *j (a)* — см. далее), не должно вызывать возражений место, отведенное *j*, который в современных консонантных системах разных славянских языков определяется как сонорный: судьба *j* (в том числе и позднéе развившегося из *i̯* перед гласными) в праславянском поддается непротиворечивому объяснению лишь при фонологической характеристике его как шумного согласного (см. далее историю консонантизма в праславянском). С точки же зрения фонетической, если учесть, что акустические параметры праславянского *j* нам неизвестны, такое предположение вполне допустимо для эпохи до падения редуцированных, когда *j* не чередовался с сонантом *i̯* (даже если исторически и восходит к нему).

§ 72. Звуковые изменения, пережитые праславянским языком, тесно связаны с особенностями ударения, которое было не силовым, как в русском и ряде других современных языков, а интонационным (тоновым, или музыкальным); ударенный слог отличался от безударенных не силой выдоха, а движением тона.

В одних случаях ударенный гласный произносился с повышением тона, который несколько понижался к концу слога. Такую интонацию принято называть восходящей (или акутовой). В середине слов восходящая интонация (или восходящее ударение) в праславянском языке имела место в слоге, гласный которого происходил из индоевропейского долгого гласного, из дифтонга с долгим гласным (впоследствии сократившимся) или из долгого слогового сонорного (т. е. из *r̥̄, *l̥̄, *n̥̄ или *m̥̄).

В других случаях ударенный гласный произносился с понижением тона, который несколько повышался к концу слога. Такую интонацию можно назвать нисходящей (или циркумфлексной). В середине слов нисходящая интонация (или нисходящее ударение) в праславянском языке имела место в слоге, гласный которого происходил из индоевропейского краткого гласного, из дифтонга с кратким гласным или из краткого слогового сонорного.

Впоследствии большинство славянских языков утратило интонационное ударение, заменив его силовым (экспираторным, или динамическим). Лишь сербскохорватский и словенский языки и сейчас представляют под ударением различные интонации: в одних словах ударение бывает восходящее, в других — нисходящее (впрочем, не всегда в соответствии с праславянскими интонациями).

Следы давних интонационных различий сохраняют многие славянские языки, в том числе и русский. Так, например, там, где раньше в дифтонгических сочетаниях **or*, **er*, **ol*, **el* интонация была восходящей, в русском языке находим *-оро́-*, *-ере́-*, *-оло́-* (с ударением на втором гласном): *воро́на, вперёд, боло́то*. Там же, где раньше те же дифтонгические сочетания произносились с нисходящей интонацией, в русском находим *-о́ро-*, *-е́ро-*, *-о́ло-* (с ударением на первом гласном): *го́род, во́рон, бе́рег, го́лод*[1].

КАЧЕСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОЛГИХ И КРАТКИХ ГЛАСНЫХ

§ 73. Охарактеризованные фонологические отношения и первоначальные изменения (типа сокращения гласных в составе дифтонгов, делабиализации гласных после *i̯* и под.), несомненно, предшествовавшие другим общеславянским новообразованиям (или инновациям), еще не характеризовали такой языковой системы, носители которой ощущали бы свое языковое своеобразие (свою «отдельность», обособленность) при столкновении, например, с ираноязычными («скифскими») племенами или, тем более, носителями древнебалтийских говоров. Для того чтобы протославяне могли осознать себя как своеобразный народ, отличающийся по языку от окружавших их индоевропейских племен, т. е. стать праславянами, их язык должен был пережить комплекс присущих только ему фонетико-фонологических и грамматических новообразований. На фонетико-фонологическом уровне таковыми можно считать изменения, связанные с дефонологизацией квантитативных различий между гласными — с утратой признаком длительности (продолжительности) звучания значения дифференциального, способного противопоставлять гласные фонемы. В диалектах складывающегося праславянского языкового единства это вело к качественной дифференциации долгих и кратких гласных, коль скоро квантитативные различия между гласными, сохраняясь на фонетическом уровне, стали терять значение ДП.

§ 74. Качественная дифференциация долгих и кратких закрытых гласных естественно вела к тому, что признак диффузности (см. § 67) сохраняли лишь долгие гласные, остававшиеся напряженными, в то время как краткие, утрачивая этот признак,

[1] Результаты новейших исследований праславянского ударения представлены в книге: Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

начинали произноситься как компактные, менее напряженные, что и могло привести к еще большему их сокращению:

$$\bar{\imath} > i \qquad \bar{u} > у\ (ы)$$

$$\breve{\imath} > ь \qquad \breve{u} > ъ^0$$

В ходе этого изменения краткий (ставший сверхкратким) недиезный гласный должен был сохранить лабиальность (бемольную тональность), именно по этому признаку («лабиальный ~ нелабиальный»), противопоставляясь делабиализованному долгому гласному ($ъ^0$ ~ *у*).

§ 75. Качественная дифференциация долгих и кратких открытых гласных также должна была активизировать какие-то признаки, по которым они могли быть противопоставлены в новой фонологической системе. Для недиезных гласных таковым опять-таки оказался признак лабиальности, поэтому $\breve{a}^0 > o$ (краткий), но $\bar{a}^0 > a$ (долгий). В новой вокалической системе оппозиция *о* ~ *а* оказалась параллельной оппозиции $ъ^0$ ~ *у (ы)* — по признаку «лабиальный ~ нелабиальный».

Сложнее объяснить результаты качественной дифференциации долгого и краткого ненапряженных диезных гласных. Естественным было параллельное предыдущему изменение (') $\breve{e} >$ (')*е* (краткий), (') $\bar{e} >$ (') *æ* (долгий), с большей степенью открытости долгого гласного (как и $a < \bar{a}^0$). Вокалическая система с оппозицией (') *е* ~ (') *æ*, как указывалось, отражена составителями глаголической азбуки, в которой одним знаком обозначены гласные звуки, восходящие как к *$\bar{e}$, так и к *(') $\bar{a}^0$ (см. § 19.2, 20.3, 38): **мѣсто** и **моѣ** (русск, *моя*) — фонетически, несомненно, [м'æсто] и [моjæ].

Нельзя, однако, не учитывать, что в сложившейся системе компактных (ненапряженных) диезных гласных *е* и *æ* в аффиксальных морфемах соотнесены соответственно с *о* и *а*, причем *æ* ~ *а* были противопоставлены только по признаку «диезный ~ недиезный». Этот признак нейтрализуется, если *æ* оказывается в сочетании с диезным согласным, т. е. как раз там, где *а* и *'æ* оформляли одну и ту же аффиксальную морфему (например, флексию им. падежа ед. ч. женского рода *-i̯-æ* и *-t-a*). Это могло способствовать фонологическому сближению *'æ* с *а*, осознанию их в качестве вариантов одной компактной нелабиализованной фонемы (например: **moi̯-æ* — фонологически ⟨moi̯-a⟩, как и ⟨t-a⟩), в то время как *æ* (не после диезных согласных) оказывался за пределами такой соотнесенности, т. е. осознавался в качестве самостоятельной фонемы — с признаком диезности, не зависевшим от качества предшествующего согласного, что могло способствовать фонологизации артикуляционно-акустических различий между *æ* и *'æ*. Это отражено составителями кириллицы, введшими для обозначения *æ* (в отличие от *'æ*!) специальный знак

ѣ, в то время как ['æ] обозначался символом ꙗ ('ᴀ), подчеркивавшим его фонологическое тождество с *а*.

Впрочем, это достаточно тонкое и, видимо, собственно фонологическое по своей сущности различие замечалось далеко не всеми книжниками, пользовавшимися кириллицей. В обоих значениях используется ѣ в надписи Самуила, в Саввиной книге, Енинском апостоле и нек. др. кириллических текстах древнеболгарского происхождения. Например, на первых страницах Ен. ап.: **годѣ, дѣлателю, прѣжде, разоумѣ** и др.— и **коуп(л)ѣми, дѣлателѣ, вьсѣ** и т. д.

В праславянских диалектах, объединивших *'æ* и *а* в одну фонему ⟨(')а⟩, гласный, развившийся из **ē* после недиезных согласных, со временем (как обычно считают,— после монофтонгизации дифтонгов — см. ниже) развил новое качество — напряженность, что противопоставляло его фонеме ⟨е⟩ не только по признаку долготы, уже ставшему нерелевантным, но и по степени подъема.

Таким образом, в раннем праславянском система гласных фонем могла варьироваться по говорам, т. е. была представлена двумя диалектными подсистемами:

Подсистема *А:*	⟨(')i⟩	⟨у(ы)⟩	подсистема *Б:*	⟨(')i⟩	⟨у(ы)⟩
	⟨(')ь⟩	⟨ъ⟩		⟨(')ь⟩	⟨ъ⟩
	⟨(')е⟩	⟨о⟩		⟨(')е⟩	⟨о⟩
	⟨(')æ⟩	⟨а⟩		⟨ě⟩	⟨(')а⟩

Диалект, на который опирался Константин Философ, характеризовался фонологической подсистемой *А*.

§ 76. Происхождение славянских гласных из долгих и кратких индоевропейских гласных звуков обнаруживается в их соответствиях гласным тех индоевропейских языков, которые не пережили аналогичного процесса. Так, например, происхождение славянского ⟨а⟩ (из протослав. $\bar{a}^0$ < **ā*, **ō*, с одной стороны, и из **'ē* — с другой) обнаруживается в том, что в языках, сохранивших эти индоевропейские гласные, славянскому ⟨а⟩ в одних словах соответствует [ā], в других — [ō]: ст.-сл. **мати**, русск. *мать*, ср. лат. *māter*, грч. μάτηρ [mátēr]; ст.-сл. **братръ**, русск. *брат*, ср. лат. *frāter*, грч. φράτωρ [frātōr]; ст.-сл. **дати, даръ**, русск. *дать, дар*, ср. лат. *dōno* ('дарю'), *dōnum* ('подарок'), грч. δίδωμι [didōmi] ('дарю'), δῶρον [dōrŏn] ('дар'); ст.-сл. **ꙁнати**, русск. *знать*, ср. лат. *cognōsco* (где *g* соответствует слав. [з]), грч. γιγώσκω [gignôsko] ('узнаю').

⟨'а⟩ < **ē*: ст.-сл. **жаль**, русск. *жаль*, ср. лит. *gélti* ('больно'), *gelonis* ('пчелиное жало'). Связь ['а] с гласным **ē* после мягких согласных обнаруживается в ряде суффиксов. Например, в суффиксе основы инфинитива глаголов II спряжения после генетически твердых согласных находим [ě] (ѣ) < **ē*, после мягких согласных — только ['а]: **видѣти, сѣдѣти, горѣти** и т. д., русск.

видеть, сидеть, гореть; но после исторически мягких согласных: **дъıшати** (из *dyš'ēti), **кричати, дрьжати, стоıати** и т. д., русск. *дышать, кричать, держать, стоять* [стʌјáт']; в суффиксе сравнительной степени прилагательных: **новѣиши, сильнѣиши** и т. д., русск. *новейшая, сильнейшая;* но после шипящих: **мъножаиши, крѣпъчаиши** и т. д., русск. *ближайшая, крепчайшая, величайшая* и т. д.; в суффиксах существительных: **гыбѣль**, русск. *гибель,* но **печаль** (из *peč'ēlь), русск. *печаль.*

⟨**о**⟩ < *ă, *ŏ. В языках, сохранивших эти индоевропейские гласные, славянскому [о] в одних словах соответствует [ă], в других — [ŏ]: ст.-сл. **ось**, русск. *ось,* ср. лат. *ăxis,* грч. 'άξων [ắksōn], лит. *ašis*; ст.-сл. **морѥ**, русск. *море,* ср. лат. *măre,* гот. *marei*; ст.-сл. **домъ**, русск. *дом,* ср. лат. *dŏmŭs,* грч. δόμος [dŏmŏs] ('строение'); ст.-сл. **око**, русск. *око, окно,* ср. лат. *ŏcŭlŭs* ('глаз'), грч. ὄσσε [ŏssĕ].

§ **77.** ⟨**ě**⟩ (**ѣ**) < *ē. Как было уже отмечено в § 75, славянский долгий гласный переднего ряда [ě], обозначавшийся в кириллице буквой **ѣ**, произошел из индоевропейского долгого гласного *ē, который и соответствует ему в языках, сохраняющих различие *ē и *ĕ: ст.-сл. **сѣмѧ**, русск. *семя, семени,* ср. лат. *sēmen,* лит. *semenys;* ст.-сл. **ꙁвѣрь**, русск. *зверь,* ср. лит. *žvēris,* грч. θηρόσ [thērŏs].

Гласный [ě] (**ѣ**) появляется и в тех случаях, где в праславянском языке было обычным удлинение гласного и где на месте краткого *ŏ в результате удлинения находим [а] < *ō, а на месте краткого *ĕ находим [ě] (**ѣ**) < *ē: как **градъ** < *grōdъ < < *gă⁰rdă⁰s (где удлинение *ŏ сопровождало перестановку звуков), так и **брѣгъ** < *brēgъ < *bĕrgă⁰s. Ср. также ст.-сл. **нѣстъ** (русск. *нет*) из *ne-estъ (т. е. 'не есть').

Кроме того, славянский гласный ⟨ě⟩ (**ѣ**) мог образоваться и из дифтонгов на *i̯ (см. об этом ниже).

⟨**е**⟩ < *ĕ. Славянский краткий гласный [е] (**є**) произошел из индоевропейского краткого гласного *ĕ, который и соответствует ему в языках, сохраняющих различие *ē и *ĕ: ст.-сл. **берѫ**, русск. *беру,* ср. лат. *fĕrō,* грч. φέρω [fĕrō] ('несу'); ст.-сл. **небо**, русск. *небо,* ср. лат. *nĕbula* ('туман'), грч. νέφος [nĕfŏs] ('туча, туман'); ст.-сл. **медъ**, русск. *мед,* ср. лит. *medùs* ('мёд'), грч. μέθυ [mĕthü] ('опьяняющий напиток, вино'), μεθύω [mĕthüo] ('я пьян').

['е] < *'ŏ. В ряде слов и форм славянский [е] появился на месте индоевропейского *ŏ в положении после мягких согласных. Так, например, в им. п. ед. ч. срд. р. в соответствии с [о] после твердых согласных в положении после мягких согласных находим [е]: **село, окъно, ново** и т. д. (ср. русск. *село, окно, новое*), но после мягких согласных: **полѥ, морѥ, синѥ** и т. д. (ср. русск. *поле, море, синее* и т. д.; см. § 68).

§ 78. ⟨**и**⟩ < **ī*. Славянский долгий гласный [и] произошел из индоевропейского долгого **ī*, который и соответствует ему в языках, сохраняющих этот гласный: ст-сл. **пити**, русск. *пить*, ср. грч. πίνω [pīnō] ('пью'), др-инд. *pītaḥ*; ст-сл. **живъ**, русск. *живой*, ср. др-инд. *jīváḥ* ('живой'), лит. *gývas*, лат. *vīvus* ('живой').

['и] < *'*ū*. В ряде славянских форм долгий гласный [и] развился из индоевропейского долгого **ū* в положении после мягкого согласного, в частности после *j*: ст-сл. **шити**, русск. *шить* — ср. др-инд. *syūtáḥ* ('шитый'), гот. *siujan*, лит. *siúti* ('шить').

⟨**и**⟩ < **jь*. В начале слов славянский [и] мог происходить из более раннего сочетания **jь*, в котором **ь* — из и-евр. *ĭ* или '*ŭ* (см. далее): ст-сл. **иго**, русск. *иго* — ср. лат. *jŭgŭm*, др-инд. *yugám* ('иго'); в ряде славянских корней такой *j* < *i̯* развился как протетический перед начальным *ь* (см. § 49), что, вероятно, относится к более позднему периоду.

⟨**ь**⟩ < **ĭ*. Славянский редуцированный гласный [ь] происходит из и-евр. краткого гласного **ĭ*, который и соответствует ему в языках, сохраняющих старое качество этого гласного: ст-сл. **вьдова**, русск. *вдова* (из др-р. *вьдова*), ср. др-инд. *vidhávā*, лат. *vĭdua* ('вдова'); ст-сл. **мьзда**, русск. *мзда* (из др-р. *мьзда*), ср. гот. *mizdo* ('плата'), осет. *mizd*; ст-сл. **мьнии**, русск. *меньше* ([е < ь] под ударением), ср. лат. *mĭnor* ('меньше'), грч. μινύθω [minūthō] ('уменьшаю'); ст-сл. **гость**, русск. *гость* (из др-р. [гост'ь] — ('купец, приезжий'), ср. лат. *hostĭs* ('враг, чужеземец').

['ь] < *'*ŭ*. В ряде слов и форм славянский [ь] появился на месте и-евр. **ŭ* (обычно изменявшегося в [ъ] — см. § 79) в положении после мягких согласных. Так, в окончании именительного-винительного падежа ед. числа муж. рода после твердых согласных находим [ъ] (из **ŭ*): **столъ, рабъ, новъ** и т. д., после мягких — [ь]: **ножь, корабль, синь**.

[ь] < **ĕ(j)*. Славянский [ь] находим также и на месте и-евр. **ĕ* в положении перед [j] в дифтонге **ei̯*, если этот дифтонг находился перед гласным (впоследствии этот [ь] перед [j] изменился в редуцированный [й] — см. § 40): ст-сл. **виж** (из [въjǫ]), русск. *вью*, ср. лит. *vejù*; ст-сл. **трие** (из [търje] — 'три'), ср. грч. τρεῖς [trei̯s] .

§ 79. ⟨**ы**⟩ < **ū*. Славянский долгий гласный [ы] происходит из и-евр. долгого гласного **ū*, который и соответствует ему в других индоевропейских языках; при этом долгий **ū* находим в соответствии со славянским [ы] в положении перед согласным или в конце слова: ст-сл. **дымъ**, русск. *дым*, ср. лит. *dúmai* (мн. ч.), др-инд. *dhūmáḥ*, лат. *fūmŭs* ('дым'); ст-сл. **сынъ**, русск. *сын*, ср. лит. *sūnùs*, др-инд. *sūnúḥ* ('сын'); ст-сл. **ты**, русск. *ты*, ср. лат. *tū*, нем. *du* ('ты').

В положении перед гласным и-евр. **ū* в праславянском языке переходил в дифтонг **ŭu̯*, который впоследствии в славянских

языках стал произноситься как [ъв]; ср. **быти — ҁабъвенъ** (перед согласным — [ы], перед гласным — [ъв]), **крыти — кръвь** (вин. п.), **свекры — свекръвь**.

⟨**ы**⟩ < *$\bar{u}$ < *$\bar{a}^0$. В окончаниях [ы] происходит из *$\bar{u}$, развившегося на месте и-евр. *$\bar{a}^0$ в закрытом слоге. Например, в имен. падеже ед. числа **камы** ('камень') некогда произносилось *-$\bar{a}^0n$ (ср. грч. ἄκμων [ákmōn]); и-евр. *kamōn* в праславянском языке изменилось в **kamūn*, а после утраты конечного *-*n* (по «закону открытого слога») **kamūn* > **kamū* > **камы** (в конечном закрытом слоге перед группой согласных *$\bar{a}^0$ мог происходить и из *$\breve{a}^0$ в результате удлинения; например, в окончании вин. падежа мн. числа существительных муж. рода *-$\breve{a}^0ns$ > *-$\bar{a}^0ns$).

⟨**ъ**⟩ < *$\breve{u}$. Славянский редуцированный гласный [ъ] происходит из и-евр. краткого гласного *$\breve{u}$, который и соответствует ему в других индоевропейских языках: ст-сл. **дъва**, русск. *два* (из др-р. *дъва*), ср. др-инд. *dŭvá*, грч. δύω [dŭō] ('два'); ст-сл. **мъхъ**, русск. *мох* ([о < ъ] под ударением — др-р. *мъхъ*), ср. лит. *mŭsaĩ* (мн. ч.) ('плесень'), лат. *mŭscŭs* ('мох'); ст-сл. **сынъ** (см. конечный **ъ**), русск. *сын* (из др-р. *сынъ*); ср. лит. *sūnùs*, др-инд. *sūnŭḥ* ('сын').

⟨**ъ**⟩ < *$\breve{u}$ < *$\breve{a}^0$. В некоторых окончаниях славянский [ъ] происходит из *$\breve{u}$, развившегося на месте и-евр. *$\breve{o}$ в конечном закрытом слоге. Так, если в приведенном выше **сынъ** конечный [ъ] из *$\breve{u}$, то, например, в словоформе **сънъ** (русск. *сон*), некогда принадлежавшей к иному типу склонения, корневой [ъ] также из *$\breve{u}$ (ср. **съп-ати**), а конечный — на месте и-евр. *$\breve{o}$ (ср. грч. ὕπνος [hŭpnŏs]): *$s\breve{u}pn\breve{a}^0s$ > *$s\breve{u}pn\breve{u}s$, а после утраты конечного *-*s* и упрощения **pn* > *n* (см. ниже) > *$s\breve{u}p\breve{u}$ > [сънъ]; ст-сл. **даръ**, др-р. *даръ* — ср. грч. δῶρον [dōrŏn], следовательно, *$d\bar{a}^0r\breve{a}^0n$ > *$d\bar{a}r\breve{u}n$ > [даръ] (вин. п.).

ДРЕВНЕЙШИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

§ 80. Судьба индоевропейских долгих и кратких гласных отразилась в общеславянских чередованиях гласных звуков, связанных с индоевропейскими чередованиями.

Под чередованием понимается закономерная мена звуков, происходящая при словообразовании или словоизменении в одной и той же морфеме (корне, приставке, суффиксе или окончании)[1]. Возникают чере-

[1] Следует при этом учитывать, что чередованием можно считать лишь такую мену звуков, которая наблюдается в определенную эпоху функционирования языка. Так, славянский *ь* < *$\breve{i}$, следовательно, первоначальное *$m\breve{i}gl\bar{a}$ изменилось позднее в праславянском языке в *mьgla* (откуда потом ст-сл. **мьгла**, русск. *мгла*). Однако это не дает права говорить о чередовании *ĭ* // *ь* в праславянском языке, так как эти звуки произносились в корне приведенного выше слова в разные периоды развития праславянского языка, а не одновременно.

дования в результате артикуляционного варьирования фонем в различных фонетических позициях, т. е. как позиционные (или фонетические), но с течением времени, вследствие перестройки фонологической системы языка, могут превратиться в чередования фонем. Если чередование уже не определяется изменением фонетической позиции фонемы (собственно синтагматическими условиями), оно начинает использоваться как дополнительное (а иногда и как основное) морфологическое средство. Такие чередования принято называть морфологическими.

Праславянский язык унаследовал ряд морфологических чередований, которые позднее видоизменились в соответствии с изменением самих чередующихся индоевропейских гласных. Эти чередования гласных по происхождению могли быть количественными и качественными.

Количественными принято называть чередования одинаковых по качеству (по артикуляции), но разных по продолжительности звучания гласных (например, чередование **ī* и **ĭ*, т. е. долгого и краткого гласных одного качества).

Качественными принято называть чередования одинаковых в количественном отношении (по продолжительности звучания), но разных по качеству (по артикуляции) гласных звуков (например, чередование **ĭ* и **ĕ*, т. е. двух кратких гласных разного образования — верхнего и среднего подъема).

Если чередующиеся гласные различаются не только качественно, но и по продолжительности звучания, то говорят о качественно-количественном чередовании.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

§ 81. В связи с качественной дифференциацией долгих и кратких гласных все индоевропейские количественные чередования, унаследованные праславянским языком, изменились в качественно-количественные.

ŏ // ō > [o] // [a]. Такое чередование характерно для глагольных основ со значением недлительного, однонаправленного действия (краткий гласный) и длительного, иногда — повторяющегося действия (долгий гласный); это же чередование можно наблюдать и в основах существительных, образованных от глаголов. Так как к концу праславянского периода **ŏ* > **ă*^{0} > [o], **ō* > **ā*^{0} > > [a] (см. § 76), то индоевропейское (и раннее праславянское) чередование краткого и долгого *o* изменилось в общеславянское качественно-количественное чередование [o] // [a]: ст-сл. **скочити** — **скакати** (в начале праславянской эпохи **-skă*^{0}*k-* // **-skā*^{0}*k-*), русск. *вскочит — скачет;* ст.-сл. **просити** — **въпрашати**, русск. *просит — спрашивает;* ст.-сл. **горѣти** — **гарь**, русск. *гореть — гарь, загар.*

ĕ // ē > [e] // [ě] (ѣ). Морфологическое значение этого чере-

дования то же, что и предыдущего. Так как в праславянском языке позднего периода *ĕ > [е], а *ē > [ě] (ѣ) (см. § 77), то чередование краткого и долгого *е* изменилось в общеславянское чередование [е] // [ě]: ст-сл. **летѣти** — **лѣтати** (в начале праславянской эпохи *-*lĕt-* // *-*lēt-*); ст-сл. **плести, плетѫ** — **съплѣтати**; **седьло** — **сѣдѣти**.

ĭ // *ī* > [ь] // [и]. Морфологическое значение то же, что и значение предыдущих чередований. Так как в праславянском языке позднего периода *ĭ > [ь], а *ī > [и] (см. § 78), то чередование краткого и долгого *i* изменилось в чередование [ь] // [и]: ст-сл. **ьбрати** — **събирати** (в начале праславянской эпохи *-*bĭr-* // // *-*bīr-*), русск. *брать* (из др-р. *бьрати*) — *собирать;* ст-сл. **стьлати** — **ꙁастилати**, русск. *стлать* (из др-р. *стьлати*) — *застилать;* ст-сл. **рьци** (повелительное наклонение: 'скажи') — **отърицати**.

ŭ // *ū* > [ъ] // [ы]. Морфологическое значение то же, что и значение предыдущих чередований. Так как *ŭ > [ъ], *ū > [ы] (см. § 79), то чередование краткого и долгого *u* изменилось в чередование [ъ] // [ы]: ст-сл. **сълати, посълъ** — **посылати** (в начале праславянской эпохи *-*sŭl-* // *-*sūl-*), русск. *слать, послать, посол* (из др-р. *посълати, посълъ*) — *посылать, посылка;* ст-сл. **дъхнѫти** — **дышати**, русск. *вздохнуть, вздох* (из др-р. *дъхнути, въздъхъ*) — *дышать, дыхание;* ст-сл. **съпати, сънъ** — **ꙁасыпати**, русск. *спать, сон* (из др-р. *съпати, сънъ*) — *засыпать, усыпить.*

КАЧЕСТВЕННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ

§ 82. Из унаследованных праславянским языком качественных чередований наиболее распространенными были следующие.

ĕ // *ŏ* > [е] // [о]. Это самое распространенное качественное чередование, широко представленное не только в славянских, но и в других индоевропейских языках. Полагают, что оно возникло как чередование позиционное в связи с передвижением ударения с корня на соседний слог (к началу или концу слова), причем исходной была ступень *ĕ. Ступень [е] обычно характеризует первичные глагольные основы, а ступень [о] — отглагольные имена и вторичные глагольные основы: ст-сл. **берѫ** — **съборъ** (в праславянском *-*bĕr-* // *-*bŏr-*), русск. *беру* — *сбор;* ср. грч. φέρω [fĕrō] ('несу') — φόρος [fŏrŏs] ('несущий'); ст-сл. **стелѭ** — **столъ**, русск. *стелит* — *стол;* ст-сл. **нести** — **ношa**, **носити**, русск. *нести* — *ноша, носит;* ст-сл. **ведѫ** — **водити**, русск. *веду* — *водит, повод.*

Это же качественное чередование могло быть представлено долгими гласными, т. е. *ē* // *ō*. Так как в праславянском *ē > [ě], а *ō > [а], то качественное чередование на ступени долготы изменилось в [ě] (ѣ) // [а]: ст-сл. **сѣдѣти** — **садъ, садити** (в начале праславянской эпохи *-*sēd-* // *-*sōd-*), русск. *сел* — *сад, посадит.*

Так как после мягких согласных *'ē > ['а] (см. § 76), то в этом случае чередование долгих *ē и *ō представлено в славянских языках одним гласным *а* после старого мягкого и твердого соглас-

ного: ст-сл. **жаръ** — **гарь** (в прасл. *-*gēr-* > *-*ž'ēr-* // *-*gā⁰r-*), ст-сл. **чадъ** — **кадило** (в прасл. *-*kēd-* > *-*č'ēd-* // *-*kā⁰d-*)[1].

§ **83.** *ŭ* // *ou̯* > [ъ] // [у], [ов]. Морфологическое значение этого качественно-количественного чередования аналогично предыдущему: ступень *ŭ (ст-сл. **ъ**) первоначально характеризовала первичные глагольные основы, ступень дифтонга *ou̯ (ст-сл. **ꙋ** или **ов** — см. § 110) — основы отглагольных имен и вторичных (производных) глаголов. Ст-сл. **дъхнѫти** — **доухъ, доушити**, русск. *(вз)дохнуть* (из *дъхнути*) — *дух, душить;* ст-сл. **съхнѫти** — **соухъ, соушити**; русск. *сохнуть* (из *съхнути*) — *сухой, сушить.*

§ **84.** *ĕ* // *ĭ* > [е] // [ь]. Это чередование первоначально сопровождало глагольное формообразование. Полагают, что ступень *ĭ (ст-сл. **ь**) — результат редукции *ĕ в безударном положении. Изменившись в качественно-количественное, это чередование характеризовало глагольные корни с исходным *ĕ (см. § 82): ст-сл. **берѫ** (основа наст. вр.) — **бьрати** (основа инфинитива; в начале праславянской эпохи: *-*bĕr-* // *-*bĭr-*), русск. *беру* — *брать* (из др-р. *бьрати*); ст-сл. **стелитъ** — **стьлати**, русск. *стелит* — *стлать* (из др-р. *стьлати*); ст-сл. **рекѫ** ('скажу') — **рьци** (из *rĭkoi̯) ('скажи').

Гласный *е* мог быть представлен на ступени долготы, что приводило к появлению качественно-количественного чередования, в котором ступень *ē характеризовала как глагольные, так и именные основы, а ступень *ĭ — глагольные основы со значением единичного, недлительного действия. Так как *ē > [ě] (**ѣ**), то в праславянском языке позднего периода чередование изменилось в [ě] // [ь]: ст-сл. **свѣтити, свѣтъ** — **свьтѣти** ('светиться'), **освьнѫти** (из *svĭtnonti) ('рано встать, увидеть рассвет') (в прасл. *-*svēt-* // *-*svĭt-*); ст-сл. **блѣскъ** — **бльснѫти**, русск. *блеск* — *блеснуть.*

Известно и аналогичное чередование в корнях с исходным *ŭ* > [ъ] (см. § 83); ст-сл. **ꙁъвати** — **ꙁовѫ, ꙁовъ** (в раннем прасл. *-*zŭv-* // *-*zā⁰v-*), русск. *звать* (из *зъвати*) — *зову, зов.*

§ **85.** Поскольку каждый из пары чередующихся звуков мог находиться в чередованиях с другими гласными, то возможны цепи чередований, например *ĭ // *ī // *ē // *ĕ // *ŏ // *ō; в результате изменений, произошедших с этими гласными в праславянском языке, к концу праславянской эпохи эта цепь представлена чередованиями гласных: [ь] // [и] // [ě] // [е] // [о] // [а].

Как правило, не все звенья этой цепи (не все ступени этого ряда чередований) могут быть восстановлены для каждой морфемы; однако в некоторых корнях восстанавливается большинство звеньев: ст-сл. **грьбѣти** ('быть погребаемым') — **грибати** — **погрѣбати, грѣти** (из *grebti) — **гребѫ** — **гробъ** — **грабити**; **рьци** — **нарицати** — **изрѣкати** — **рекѫ** — **рокъ, пророкъ**; ср. др-р. *рьци* — *отърицати* — *рѣчь* — *изреку* — *рокъ, пророкъ;* ст-сл. **(съ)бирати** — **бьрати** — **берѫ** — **съборъ**, русск. *собирать* — *брать* (из др-р. *бьрати*) — *беру* — *сбор.*

[1] Об изменении *g > [ж'] и *k > [ч'] перед гласными переднего ряда см. ниже, § 88.

I ПЕРЕХОДНОЕ СМЯГЧЕНИЕ ЗАДНЕНЁБНЫХ

§ 86. В истории собственно праславянского языка можно выделить два периода, каждый из которых знаменуется широкой реализацией определенной фонологической тенденции, вызвавшей к жизни серию фонетических изменений, приводивших к существенной перестройке фонологической системы праславянского языка. Наиболее яркая инновация раннего праславянского периода — это появление группы палатальных (так называемых «исконносмягченных») согласных.

§ 87. Замечено, что целому ряду неродственных языков Евразии свойственны особенности, связанные с реализацией тенденции к сингармонизму согласных и гласных одного слога, т. е. к сближению тембра смежных звуков. Появление палатальных согласных — непосредственный результат реализации этой тенденции.

«Внутренние» (структурные) условия для развития тенденции к внутрислоговому сингармонизму были созданы еще в протославянский период, когда признак диезности с *i̯* был перенесен на последующий гласный (*i̯ŭ* > *i̯ĭ*, *i̯ă⁰* > *i̯ĕ* — см. § 68): в образовавшихся группах признак диезности характеризовал оба смежных звука, следовательно, стал общим для всей группы — силлабемы, противопоставленной бемольной группе *tŭ*, *tă⁰*. Под воздействием тенденции к внутрислоговому сингармонизму признак диезности и во всех остальных случаях стал передаваться гласным предшествующему согласному, который, таким образом, должен был смещаться по месту образования в палатальную область. Так в праславянском языке оформилась позиционная «полумягкость» твердых согласных фонем, предполагаемая перед гласными переднего ряда в славянском произношении периода старейших текстов (см. § 55).

§ 88. Особенно чувствительным смещение по месту образования оказывалось для задненёбных (заднеязычных) согласных, палатализация которых привела к появлению в праславянском языке звуков нового качества — передненёбных *š'*, *č'*, *ǯ'* (последний еще до распада праславянского языкового единства изменился в [ж'] — см. § 53).

Процесс изменения твердых задненёбных согласных в мягкие (палатальные) шипящие согласные **x* > [ш'], **k* > [ч'], **g* > **ǯ'* > [ж'] в положении перед гласными переднего ряда принято называть первым переходным смягчением (палатализацией) задненёбных согласных[1].

[1] Смягчение называют переходным, если оно приводит к образованию звука нового качества.

Например, в праславянском языке в период I смягчения задненёбных *teįxina (где *x<*s, ср. лит. teisùs — 'справедливый') > >tišina, ст-сл. **тишина** [т'иш'ина]; точно так же: *kendo (ср. нем. Kind — 'дитя', сохраняющее k и сочетание in перед согласным) > >*č'ędo, ст-сл. **чѧдо** [ч'ęдо]; *gena (ср. лат. gens — 'род, племя', genus — 'род', грч. γένος [genŏs] — 'рождение') >*ǯ'ena, ст-сл. **жена** [ж'ена].

Особо нужно отметить положение задненёбных перед *ē: после изменения задненёбных в мягкие шипящие перед праславянским *ē сам *ē после мягких шипящих изменился в [а] (см. § 76]; *krikēti>*krič'ēti>krič'ati, ст-сл. **кричати** [кр'ич'ати]; ср. **видѣти**.

То же можно отметить в корнях слов: *kēdъ>*č'ēdъ>ст-сл. **чадъ**, русск. *чад*; ср. **кадити**, где перед гласным заднего ряда в том же корне задненёбный сохранился; *gērъ>*ǯ'ērъ>ст-сл. **жаръ**, русск. *жар*; ср. **горѣти**, где перед гласным заднего ряда в том же корне задненёбный сохранился.

Аналогичному изменению подвергались перед гласными переднего ряда и группы согласных, оканчивавшиеся задненёбным: изменение задненёбного в шипящий влекло за собой ассимиляцию предшествующего свистящего, поэтому *sk>*sč'>*š'č'; *zg>*zǯ'>*žǯ'. Впоследствии в тех южнославянских диалектах, один из которых отразился в древнейших славянских переводах, конечный шипящий элемент был утрачен, поэтому в старославянском языке и находим мягкие сложные согласные [ш'т'] (из *š'č', т. е. *š't'š') и [ж'д'] (из *žǯ', т. е. *ž'd'ž'): *voskiti>*voš'č'iti>ст-сл. **воштити**, русск. *(на)-вощить*, ср. *воск*; *pisketi>*piš'č'ēti>ст-сл. **пиштати**, русск. *пищать*, ср. *пискъ*; *mŭzgiti>*mъžǯ'iti>ст-сл. **мъждити** ('слабеть'), русск. ц-сл. *изможденный*, ср. русск. *промозглый*.

§ 89. Переходному смягчению подвергалась также группа *kt (исконная или из *gt — в результате оглушения g перед t) в положении перед гласными переднего ряда. Палатализация *t в этом сочетании влекла за собой палатализацию предшествующего задненёбного, что приводило к развитию долгого мягкого (сильно палатализованного) *t't', развивавшего шепелявый призвук типа š в южных и восточных праславянских диалектах, типа s — в западных диалектах. Таким образом, в речи южных и восточных славян *kt'>*t't'>*št'š>*š't'š' (в речи западных славян *t't'>*st's>*s't's').

В дальнейшем в речи южных славян, как и в предыдущих случаях, конечный фрикативный элемент был утрачен, т. е. *š't'š'> [ш'т'], что и отражено старославянским языком (в речи восточных и западных славян был утрачен начальный фрикативный элемент, поэтому в древнерусском языке *š't'š'> [ч'], а в западнославянских языках, например в польском. *s't's'> [c'], т. е. [t's']:

*pekti (инфинитив от основы *pek-, ср. пекѫ, с суффиксом *-ti, ср. нес-ти, писа-ти] > > ст-сл. пешти, русск. *печь*, пльск. *piec*;

*noktь (ср. лат. *nox*, род. п. *noktis*, лит. *naktis*, нем. *Nacht* — 'ночь') > > ст-сл. ношть, русск. *ночь*, пльск. *noc*;

*mogtь > *moktь (ср. могѫ, русск. *могу*, нем. *mögen* — 'мочь', Macht — 'сила, мощь') > ст-сл. мошть (русск. ц-сл. *мощь*), русск. *мочь*, пльск. moc.

§ 90. Первое переходное смягчение задненёбных согласных отражается в славянских языках, в частности в старославянском и русском, в виде чередования задненёбных и шипящих согласных: задненёбный сохранился в положении перед гласным заднего или среднего ряда, в то время как перед старым гласным переднего ряда на месте задненёбного оказывается шипящий: ст-сл. **тихо**, русск. *тихо* — **тишина**, русск. *тишина*, где чередуются [х] // [ш' > ш]; ст-сл. **ходити**, русск. *ходить* — **шьдъ**, русск. *шедший*, где чередование [х] // [ш' > ш] вызвано чередованием корневых гласных [о] // [ь > е]; ст-сл. **рѫка**, русск. *рука* — **порѫчити**, русск. *поручить*: чередуются [к] // [ч']; ст-сл **кадити**, русск, *кадить* — **чадъ**, русск. *чад*, где чередование [к] // [ч'] связано с чередованием корневых гласных $*\bar{o}$ // $*\bar{e}$ (см. § 82); ст-сл. **полагати**, русск. *полагать* — **положити**, русск. *положить*, где чередуются [г] // [ж' > ж]; ст-сл. **горѣти, гарь**, русск. *гореть, гарь* — **жаръ**, русск. *жар*, где чередование [г] // [ж' > ж] обусловлено старым качественным чередованием корневых гласных $*\breve{\bar{o}}$ // $*\bar{e}$ > [о, а] // ['а].

Чередования задненёбных с шипящими, возникнув как позиционные (задненёбные — перед задними гласными, шипящие — перед передними гласными), с течением времени закрепились как чередования исторические, уже не связанные с позицией согласного звука. Переход этих чередований в исторические, традиционные намечается уже в праславянском языке, когда произошло изменение $*\bar{e}$ > ['а] после мягких шипящих: в период старославянских памятников шипящий в таких образованиях, как **слышати, кричати, чадъ, лежати, жаръ** и под., уже не был перед гласным переднего ряда, который когда-то обусловил его появление в этих словах; а при сопоставлении **слышати — слоуха** (род. п.), **кричати — крика, чадъ — кадити, жаръ — гарь** и т. д. обнаруживаем, что шипящий и задненёбный здесь оказываются в тождественной фонетической позиции — перед гласным [а], который лишь исторически восходит к гласному переднего ряда $*\bar{e}$ в одном случае, к гласному заднего ряда $*\bar{o}$ ($*\bar{a}^0$) — в другом.

Переход позиционных чередований задненёбных и шипящих согласных в исторические завершается после падения редуцированных, когда в ряде слов и форм шипящие оказываются в положении перед согласными: **рѫка — рѫчька**, после падения редуцированных — **рѫчка**, где утратился гласный переднего ряда [ь], некогда обусловивший появление [ч'] (из **k*). Ср. также **ходити — шьла > шла** [ш'ла] — после утраты слабого редуцированного, вызвавшего смягчение **х* > [ш'] в форме **шьла**, шипящий оказывается перед согласным, где он позиционно не обусловлен.

СУДЬБА СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ С *j < *i̯

§ 91. Ассимилирующее воздействие на предшествующий согласный оказывал также *j — из *i̯, который в позиции между согласным и гласным (т. е. внутри одного слога), в свою очередь, мог происходить в результате консонантизации *i (в случаях типа *nosi̯-a < *nosi-a — именное образование от основы инфинитива nosi-ti). Внутри слога, приобретавшего под влиянием *j диезную тональность, согласный смещался по месту образования в направлении твердого нёба — в область образования *i (или *i̯). Результаты этой ассимиляции, вследствие которой *j был утрачен (видимо, позднее, в следующий период истории праславянского языка), были различными в зависимости от места образования ассимилированного согласного.

§ 92. Переднеязычные сонорные согласные под воздействием последующего средненёбного *j смещались по месту образования к средней части нёба и, сливаясь с *j, начинали произноситься как долгие мягкие (палатальные) сонорные, впоследствии утратившие долготу. Таким образом, *nj > *n'j > *n̄' > > [н'], *lj > [л'], *rj > [р']: *klonjǫ (ср. русск. *с-клон*) > ст-сл. **клонѭ** [клон'ǫ], русск. *на-клоню*; *volja (ср. **велѣти** — с [л·] полумягким, а не мягким, так как после него сохраняется [ě]) > ст-сл. **волꙗ** [вол'а], русск. *воля*; *burja (ср. русск. *бурный*] > ст-сл. **боурꙗ** [бур'а], русск. *буря*.

§ 93. Зубные и задненёбные язычные согласные, а также группы этих согласных под влиянием средненёбного (тоже язычного) *j смещались по месту образования в направлении средней части нёба и, сливаясь с *j, начинали произноситься как долгие мягкие (палатальные) согласные, развившие шепелявость, а затем, после утраты долготы, изменившиеся в мягкие (палатальные) шипящие согласные [ш'], [ж'], [ч'], *ǯ' > [ж'], [ш͡'т'], [ж͡'д'].

Так появились фрикативные шипящие согласные на месте сочетаний зубных фрикативных с *j — *sj > [ш'], *zj > [ж']: *nosja (ср. **носити,** русск. *носить*) > ст-сл. **ноша** [нош'а], русск. *ноша*; *vozjǫ (ср. **возити**, русск. *возить*) > ст-сл. **вожѫ** [вож'ǫ], русск. *вожу*.

Так же изменялись и зубные смычные, под влиянием *j передвигавшиеся в палатальную область и, сливаясь с *j, произносившиеся как долгие сильно палатализованные смычные: *tj > >*t'j > *t͡'t', *dj > *d'j > *d͡'d'. В дальнейшем долгие палатализованные смычные в западных славянских диалектах развили свистящий призвук, а в южных и восточных — шипящий и в конечном счете изменились в сложные шипящие или аффрикаты (ср. изменение *kt' в славянских языках разных групп — § 89): в старославянском языке *tj > [ш͡'т'], а звонкий *dj > [ж͡'д']. В речи восточных славян *tj > [ч'], *dj > [ж'] (из *d͡'ž'); в речи западных славян (на-

пример, в польском языке) соответственно находим [с'] *(ц)* и [dz']:

xotjǫ* (ср. **хотѣти, русск. *хотеть*) > ст-сл. **хоштѭ** [хош'т'ǫ], русск. *хочу*, пльск. *chcę*;

světja* (ср. **свѣтъ, русск. *свет, светить*) > ст-сл. **свѣшта** [свё-ш'т'а], русск. *свеча*, пльск. *świeca*;

xodjǫ* (ср. **ходити, русск. *ходить*) > ст-сл. **хождѭ** [хож'д'ǫ], русск. *хожу*, пльск. *chodzę*;

sadja* (ср. **садити, русск. *садить*) > ст-сл. **саждꙗ** [саж'д'а], русск. *сажа*, пльск. *sadza*.

Задненёбные согласные под воздействием **j* также передвинулись по месту образования в область твердого нёба и в конечном счете совпали с мягкими шипящими согласными — **xj* > [ш'], **kj* > [ч'], **gj* > * ǯ' > [ж']:

souxja* (ср. **соухъ, русск. *сухой*) > ст-сл. **соуша** [суш'а], русск. *суша*;

sěkja* (ср. **сѣкѫ, русск. *секу*) > ст-сл. **сѣча** [сеч'а], русск. се*ча*;

storgja* (ср. **стрѣгѫ, русск. *стерегу*) > ст-сл. **стража** [страж'а], др-р. *сторожа* ('сторожевой пост'), ср. *сторож*.

Аналогичное изменение претерпевали под влиянием **j* и праславянские сочетания зубных и задненёбных согласных: смещаясь в палатальную область, конечный согласный этих сочетаний ассимилировал предшествующий согласный, в результате чего развивался сложный мягкий (палатальный) шипящий согласный **š't'š'*, **ž'd'ž'*; впоследствии в южнославянских диалектах, черты которых отразились в старославянском языке, конечный фрикативный элемент этих сложных согласных был утрачен и, таким образом, **stj*, **skj* > > [ш'т'], **zdj*, **zgj* > [ж'д'], т. е. так же, как сочетания **sk* и **zg* изменялись в положении перед старыми гласными переднего ряда (см. § 88): **tьstja* (ср. **тьсть**, русск. *тесть*) > ст-сл. **тьшта** [т'ьш'т'а], русск. *тёща*; **iskjǫ* (ср. **искати**, русск. *искать*) > ст-сл. **иштѫ** [иш'т'ǫ], русск. *ищу*; **prigvozdjǫ* (ср. **гвоздь**, русск. *гвоздь*) > ст-сл. **пригвождѭ** [пр'игвож'д'ǫ], русск. *пригвозжу* (произносится [ж'ж']).

Памятники письменности иногда отражают изменение зубных согласных в шипящие в положении п е р е д м я г к и м и с о н о р н ы м и, развившимися на месте сочетаний сонорных с **j*: **mysljenĭje* (ср. **мыслити**, русск. *мыслить*) > ст-сл. **мышлѥниѥ** [мыш'л'ен'йе], русск. ц-сл. *мышление*; **vъz-ljubjenъ* (ср. **въз-дѣлати**, русск. *возделанный*) > ст-сл. **вънслюблѥнъ**. Однако в подобных случаях изменение зубных отражается непоследовательно; наряду с **въжлюблѥнъ**, **съмоштрѭ** (из **sъmotrjǫ*) и т. п. более обычным являются **възлюбити**, **съмотрѭ** и т. д.

П р о и с х о ж д е н и е исконносмягченных согласных из праславянских твердых согласных о т р а ж а е т с я в славянских языках

(в частности, в старославянском и русском) в виде чередований исконносмягченных с теми согласными, из которых они произошли (ср. § 90).

§ 94. Из рассмотрения процессов праславянской внутрислоговой палатализации очевидно, что славянские исконносмягченные согласные развились в результате ассимилятивного изменения различных твердых согласных:

č’ [ч’] < **k’*, **kj*;
ǯ’ [ж’] < **g’*, **gj*; *ž’* [ж’] < **zj*;
t’: [ш’͡т’] < **kt’*, **gt’*, **tj*, **stj*, **sk’*, **skj*;
d’: [ж’͡д’] < **dj*, **zdj*, **zg’*, **zgj*;
š’ [ш’] < **x’*, **xj*, **sj*;
n’ [н’] < **nj*;
l’ [л’] < **lj*;
r’ [р’] < **rj*.

Развитие звуков новой, переднепёбной артикуляции означало существенное изменение праславянской системы консонантизма — с развитой дифференциацией нёбных согласных фонем:

	сонанты	фрикативные	смычные
губные	⟨m⟩ ⟨u̯⟩	—	⟨p⟩ ⟨b⟩
зубные	⟨n⟩ ⟨l⟩	⟨s⟩ ⟨z⟩	⟨t⟩ ⟨d⟩
нёбно-зубные	⟨n’⟩ ⟨l’⟩ ⟨r’⟩	—	⟨t’:⟩ ⟨d’:⟩
передненёбные	⟨r⟩ ⟨i̯⟩	⟨š’⟩ ⟨ž’⟩	⟨č’⟩ ⟨ǯ’⟩
непередненёбные	—	⟨x⟩ ⟨j⟩	⟨k⟩ ⟨g⟩

В консонантной системе, сложившейся на рубеже раннего и позднего праславянского периодов, «незаполненными» оставались ряды непередненёбных сонантов, губных и нёбно-зубных шумных фрикативных согласных. В ряду шумных эти «пробелы» впоследствии были заполнены за счет развития ⟨с’⟩, а затем и ⟨з’⟩ (нёбно-зубные), далее ⟨в⟩ (из **u̯* перед гласными) и, наконец, ⟨ф⟩ (ср. старославянскую систему консонантизма в § 54).

§ 95. Важнейшим фонологическим результатом развития нёбно-зубных и передненёбных согласных явилось оформление внутрислоговых звукосочетаний с общим признаком «диезная ~ недиезная тональность» (например: *š’e ~ xo*, *ž’ь ~ zъ*, *ǯ’æ ~ ga* и под.), т. е. завершение фонологической тенденции, наметившейся в предшествующий период.

АКТИВИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВОСХОДЯЩЕЙ ЗВУЧНОСТИ СЛОГА

ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

§ 96. Образование внутрислоговых сочетаний с общим для всего слога ДП должно было активизировать «слогоощущение», что имело в истории праславянского языка далеко идущие последствия, связанные с развертыванием тенденции к однотипному пост-

роению слогов — по принципу восходящей звучности (см. § 60). Реализация этой тенденции начинает новый период в развитии праславянского языка — поздний праславянский; а ее фонетические результаты в ряде случаев оказываются неодинаковыми в разных славянских языках, подчеркивая тем самым, что процессы, обусловленные тенденцией к возрастающей звучности слогов, завершались в начальный период распада праславянского языкового единства.

§ 97. Одним из простейших и потому, видимо, наиболее ранних процессов явилось отпадение конечных в словоформе согласных: **darъs* > *darъ*, **selod* > *selo* и т. д. Этот процесс, резко сокративший функции согласных фонем, имел важные формально-морфологические последствия, завершив переразложение основ, следовательно, оформив новые флективные морфемы.

Ярким примером, иллюстрирующим переразложение древних основ в результате реализации собственно фонетических процессов, осуществлявшихся в ходе развития праславянского языка, может служить образование древних славянских (в частности, старославянских) типов именного склонения, исторически связанных с разными распространителями унаследованных (индоевропейских по происхождению) основ.

Сравним старославянские формы слов, некогда имевших одинаковые падежные окончания, присоединявшиеся к корням посредством разных распространителей — тематических гласных: **даръ** (ср. грч. δῶρον [dōrŏn] — 'дар') и **гость** (ср. лат. *hostis* — 'враг, чужеземец'). Эти слова в старославянском языке в ряде падежей имели разные флексии; например:

им. п. ед. ч.	**дар-ъ**	**гост-ь**
дат. п. мн. ч.	**дар-омъ**	**гост-ьмъ**
вин. п. мн. ч.	**дар-ы**	**гост-и**

Очевидно, что в этих словоформах к окончанию следует отнести то, что не входит в неизменяемую часть слова. Однако к началу праславянской эпохи граница между основой (неизменяемой частью слова) и окончаниями в этих же формах была иной:

им. п. ед. ч.	*dōr-ŏ-s	*gŏst-ĭ-s
дат. п. мн. ч.	*dōr-ŏ-mŭs	*gŏst-ĭ-mŭs
вин. п. мн. ч.	*dōr-ŏ-ns	*gŏst-ĭ-ns

Можно заметить, что окончания в одном и том же падеже и числе для обоих слов были одинаковыми; основы же оканчивались разными гласными, соединявшими корни с окончаниями.

В праславянском языке индоевропейские гласные подверглись изменениям (см. § 75—79): **ĭ* > [ь], **ŭ* >]ъ], **ŏ* в конечном слоге перед согласным усиливал лабиализацию, т. е. **ă*^{0} > **ŭ* (перед конечным **-s* или **-ns*); краткие гласные перед носовыми согласными в конечном слоге подвергались удлинению, т. е. **ŭns* > **-ūns*, **-ĭns* > **īns*; при этом **ū* > [ы], а **ī* >]и]; наконец, под влиянием тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности (по «закону открытого слога») согласные в конце словоформ утратились. Таким образом:

*dōrŏs → *dā̆^{0}rŭs → *dā̆^{0}rŭ → даръ
*dōrŏmŭs → *dā̆^{0}ră^{0}mŭ → даромъ
*dōrŏns → *dā̆^{0}rŭns → *dā̆^{0}rūns → *dā̆^{0}rū → дары

*gŏstĭs → *gă^{0}stĭ → гость
*gŏstĭmŭs → *gŏ^{0}stĭmŭ → гостьмъ
*gŏstĭns → *gă^{0}stīns → *gă^{0}stī → гости

Поскольку в отдельных падежах старые тематические гласные были утрачены (например, в вин. п. мн. ч.), в тех словоформах, где эти гласные сохранились (например, в дат. п. мн. ч.), они стали восприниматься как элементы окончаний, т. е. изменяемой части слова. В результате граница между основой и окончаниями переместилась на один слог вперед и основа всех имен стала оканчиваться на согласный, после которого следуют разные окончания — в зависимости от того, каким тематическим гласным оканчивалась некогда основа существительного.

§ 98. Внутри словоформ та же тенденция вызывала перемещение слоговой границы, если за конечным согласным слога следовал гласный: **boi̯-ьs* > *bo-jь*, **sou̯-a-ti* > *so-va-ti* и под.

Видимо, к этому же времени относится и утрата **j* после палатальных согласных (см. § 91), т. е. **noš'ja* > *noš'a*, поскольку сохранение *j* в подобных случаях противоречило тенденции не произносить фрикативных не в начале слога (ср. § 60). Явно в этот период было завершено и изменение прежних сочетаний губных с **j*, которое по славянским языкам дает неодинаковые результаты.

§ 99. Палатализация губных согласных осуществлялась в результате осложнения губной артикуляции артикуляцией языка, т. е. смещения места образования **j* из средней области в переднюю часть нёба, что привело к его совпадению с палатальным плавным [л'], который после любого губного согласного не противоречил принципу возрастающей звучности слога. Так на месте праславянских сочетаний губных с **j* развились сочетания губных с мягким (палатальным) плавным [л'] — «*l* epentheticum» (ср. § 58): **bj* > [бл']; **pj* > [пл']; **mj* > [мл'].

Это изменение во всех славянских языковых группах отражается в начале корней: **bjudo* (заимствовано из гот. *biudis* — 'стол', род. п.; производное от *biudan* — 'предлагать') > ст-сл. **блюдо** [бл'удо], русск. ***блюдо***, пльск. *bluda*; **pjeu̯ati* (ср. лит. *spiáuti* — 'харкать, плевать') > ст-сл. **плквати** [пл'ват'и], русск. ***плевать***, пльск. *pluną̌c*.

В конце основ сочетания губных с [л'] сохраняются лишь в восточнославянских (в частности, в русском) и отчасти в южнославянских (в том числе и в старославянском) языках; в речи западных славян *l* после губных не сохранился[1] (об утрате [л] после губных в конце основ в южнославянских диалектах см. § 58):

---

[1] Некоторые исследователи считают, что в речи предков западных славян «*л* вставочного» в конце корней вообще не было: *j* утратился, смягчив предшествующий губной.

*ljubjǫ (ср. **любити**, русск. *любить*) > ст-сл. **люблѭ** [л'убл'ǫ], русск. *люблю*, пльск. *lubię*;

*kapja (ср. **капати**, русск. *капать*) > ст-сл. **каплꙗ** [капл'а], русск. *капля*, пльск. *kapia*;

*zemja (ср. **ꙁемьныи**, русск. *земной*) > ст-сл. **ꙁемлꙗ** [з'емл'а], русск. *земля*, пльск. *ziemia*.

Наличие [бл'] в готском заимствовании *блюдо* подсказывает абсолютную хронологию процессов этого периода — начало нашей эры (славяне активно контактировали с готами в II—IV вв. н. э.), что подтверждается результатами процессов, осуществлявшихся в поздний праславянский период, и в других заимствованиях из готского (см. ниже).

Обобщение чередований губных с сочетанием «губной + л'» вело к появлению таких чередований и в корнях с *в*, развившимся из *u̯ перед гласным *i*: по аналогии с **коупити** — **коуплѭ** — **коуплꙗ** и под. появляются **ловити** (из *lou̯iti) — **ловлѭ** — **ловлꙗ** (ср. то же в русском: *ловить*, но *ловлю*, *ловля*). Вне регулярных морфологических соответствий *u̯ перед *j до появления «*l* epentheticum» был утрачен (слился с предшествующим гласным — см. далее); ср. из *bou̯jь — ст-сл. **боуи** [буј-ь], русск. *буйный* (но не «бовль»).

ДИССИМИЛЯЦИЯ И УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

§ 100. Все славянские языки достаточно последовательно отражают изменения в унаследованных или морфологически образовавшихся в праславянском языке группах согласных, противоречивших требованию внутрислогового возрастания звучности. В частности, последовательно п о д в е р г а л и с ь в п р а с л а в я н с к о м я з ы к е у п р о щ е н и ю г р у п п ы с о г л а с н ы х, о к а н ч и в а в ш и е с я ф р и к а т и в н ы м — наименее звучным шумным согласным.

Два фрикативных (одинаковых по звучности) согласных слились в один; если такой группе, подвергшейся упрощению, предшествовал краткий гласный, то он удлинялся и на его месте в славянских языках (в том числе и в старославянском) оказывается долгий гласный. Так, оказавшиеся рядом *ss > [с], например, при образовании сигматического аориста (одной из форм прошедшего времени с суффиксом *s) от глагола **нести** (основа инфинитива **нес-**): *nĕssъ > *nēsъ > **нѣсъ**; от глагола **пасти** (основа инф. **пас-**): *pāssъ > **пасъ**.

Сочетание *zs в результате ассимиляции (оглушения) изменялось в *ss > [с]: *izsou̯xiti > **исоушити**.

Если перед фрикативным *s находился более звучный смычный согласный, то такое сочетание подвергалось упрощению. Если группе согласных, подвергшейся упрощению, предшествовал краткий гласный, то он обычно удлинялся:

*ts(>*ss) > [с]; например, при образовании сигматического

аориста от основ на *t: *čitsъ > *čīsъ > **чисъ** ('я прочитал(а)') (от основы **чьт-** < *-čit-, ср. **чьтѫ**, русск. *чту* < ***чьту***);

*ds > *ts(> *ss) > [с]; например, в том же аористном образовании от основ на *d: *vědsъ > *větsъ > *vēsъ > **вѣсъ** ('я привел(а)') (от основы **вед-** < *věd-, ср. **ведѫ**, русск. ***веду***); в форме 2-го лица настоящего времени так называемых нетематических глаголов перед окончанием *-si: *dadsi > *datsi > **даси** ('ты даешь') (от основы **дад-** < *dad-, ср. **дадимъ**, русск. ***дадим***);

*ps > [с]: *opsa > **оса** (ср. лит. *vapsà* — 'овод');

*bs > *ps > [с] — в аористном образовании от основы на *b: *grěbsъ > *grěpsъ > *grēsъ > **грѣсъ** ('я похоронил(а)') (от основы **греб-**, ср. **гребѫ**, русск. *погребать*).

*ks > *kx >]х]. Индоевропейский *s после *k не перед взрывным согласным, как указывалось выше, изменялся в [х] (см. § 70); в результате ассимиляции по способу образования *kx изменялось в *xx с последующим стяжением в [х̄]; предшествующий краткий гласный при этом обычно удлинялся. Например, в аористном образовании от основ на *k: *rěksъ > *rěkxъ > *rēxъ > **рѣхъ** ('я сказал(а)') (от основы **рек-**, ср. **рекѫ**, русск. *изреку*); *pěksъ > *pēxъ > > **пѣхъ** ('я испек(ла)') (от основы **пек-**, ср. **пекѫ**, русск. ***пеку***).

В положении перед взрывным согласным *s после *k сохранялся, поэтому *kst > [ст] (происходила утрата взрывного *k перед сохранившимся фрикативным *s); ср. в форме 2-го лица множ. числа того же аористного образования (перед окончанием *-te): *rěkste > *rēste > **рѣсте**; *pěkste > *pēste > **пѣсте** ('вы сказали', 'вы испекли').

§ 101. Если рядом оказывались два одинаковых по месту образования смычно-взрывных согласных, то в результате д и с с и м и л я ц и и п о с п о с о б у о б р а з о в а н и я предшествующий смычный изменялся во фрикативный, что приводило к образованию группы «фрикативной + смычный», соответствовавшей принципу восходящей звучности слога:

*tt > [ст]; например, при образовании инфинитива (с суффиксом *-ti) от основ на *t: *plětti > **плести** (от основы **плет-**, ср. **плетѫ**, русск. ***плету***); *mětti > **мести** (от основы **мет-**, ср. **метѫ**, русск. ***мету***).

*dt > *tt > [ст]. Звонкий смычный *d перед глухим *t оглушался, образуя группу *tt: *vědti > *větti > **вести** (от основы *věd-, ср. **ведѫ**, русск. ***веду***); *vŏldtĭs > *vŏlttĭs > **власть** (с корнем *vŏld- > **влад-**, ср. **владѣти**, русск. ц-сл. ***владеть, власть***).

§ 102. В том случае, когда рядом оказывались два разных по месту образования смычных согласных, группа подвергалась упрощению — утрачивался предшествующий смычный:

*pt, *bt > [т]. Результаты утраты губных смычных перед *t находим в инфинитивных образованиях (с суффиксом **-ти**); *těpti (ср. ст-сл. **тепѫ** — 'ударяю') > **тети** ('ударять'); *pogrěbti (ср. ст-сл. **гребѫ**, русск. *погребать*) > *pogrēti > ст-сл. **погрѣти** ('похоро-

нить'); ср. также в образовании существительного: *dŏlbtŏd (ср. ст-сл. **длъбити**, русск. ***долбить***) > ст-сл. **длато**, русск. *долото.*

*pn, *bn, *tn, *dn* > [н]. Результаты утраты смычных перед **n* находим в глагольных образованиях с суффиксом *-nǫ-* < *-non-* (ст-сл. **-нѫ-**, русск. *-ну-*): **ou̯sŭpnonti* (ср. ст-сл. **съпати**, русск. ***засыпать***) > ст-сл. **оусънѫти**, русск. *уснуть* (из др-р. *усънути*); **(sŭn)gŭbnonti* (ср. ст-сл. **гыбѣль**, русск. ***гибель***) > ст.-сл. **сългынѫти**, русск. *сгинуть*; **osvĭtnonti* (ср. ст-сл. **свѣтъ**, русск. *свет*) > > ст-сл. **освьнѫти** ('рано встать, увидеть рассвет'); **vendnonti* (ср. ст-сл. **оувѧдати**, русск. ***увядать***) > ст-сл. **вѧнѫти**, русск. *вянуть.*

skn* > [сн]. Индоевропейский **s* перед смычным согласным сохранился, но сам смычный перед **n* был утрачен: **blĭsknonti* (ср. ст-сл. **бльскъ, русск. *блеск*) > ст-сл. **бльснѫти**, русск. *блеснуть*; **toi̯skno* (ср. русск. ***тискать***) > ст-сл. **тѣсно**, русск. *тесно.*

tm, *dm* > [м]. Результаты утраты зубных смычных перед губным **m* обнаруживаются как в образованиях существительных, так и в некоторых глагольных формах: **vĕrtmen* (ср. ст-сл. **врьтѣти, русск. ***вертеть***) > ст-сл. **врѣмѧ** (т. е. 'то, что совершает полный оборот'), русск. ц-сл. *время,* диал. *веремя*; **pledmen* (ср. ст-сл. **плодъ**, русск. *плод*) > ст-сл. **плелѧ**, русск. *племя*; **dadmĭ* (ср. ст-сл. **дадимъ**, русск. ***дадим***) > ст-сл. **дамь**, русск. *дам.*

§ 103. Славянские языки, включая старославянский, отразили также результаты праславянского у п р о щ е н и я т о ж д е с т в е н н ы х п о м е с т у о б р а з о в а н и я с о г л а с н ы х, не вызывавшегося требованиями возрастающей звучности, но свидетельствующего о тесной артикуляционной связи согласных одного слога в рассматриваемый период. Так, подверглось упрощению сочетание губных согласных **bv* > [б]:

obvenzati* (приставка **ob-*, корень **-venz-* > **-vęz-*, ср. ст-сл. **вѧꙁати, русск. *вязать*) > ст-сл. **обѧꙁати**, русск. ц-сл. *обязать*;

obvolkod* (та же приставка, корень **-volk-* > ст-сл. **-влак-, русск. *-волок-*) > ст-сл. **облако**, русск. ц-сл. *облако,* ср. *оболочка.*

В южных и восточных славянских диалектах в результате ассимиляции были утрачены зубные смычные перед плавным **l*: **dl,* **tl* > [л]. Упрощение этих групп согласных отражается в южнославянских (в частности, в старославянском) и восточнославянских (в том числе и в русском) языках; в западнославянских языках группы *dl, tl* сохраняются:

vedlъ* (ср. ст-сл. **ведѫ, русск. ***веду***) > ст-сл. **велъ**, русск. *вёл,* но пльск. *wiódł*;

mūdlŏd* > ст-сл. **мыло, русск. *мыло,* но пльск. *mydło*, чш. *mydlo*;

pletlъ* (ср. ст-сл. **плетѫ, русск. ***плету***) > ст-сл. **плелъ**, русск. *плел,* но пльск. *plótł.*

§ 104. Рассмотренные процессы в группах согласных являются общеславянскими, следовательно, отражены в старых (праславянских) образованиях во всех славянских языках. Позднее, уже после распада праславянского языка, в различных славянских языках появляются новообразования, содержащие группы согласных,

ранее невозможные. Такие группы согласных, например, постоянно встречаются в новообразованиях с суффиксом *-ну-*: русск. *капнуть, топнуть, боднуть, гибнуть* и т. д.; чш. *sednouti, zvadnouti* и др.; пльск. *żgbnąć, stopnąć* и т. д.

В ряде случаев невозможные ранее сочетания согласных появились в славянских языках после падения редуцированных; ср. русск. *крупный* < др-р. *крупьный*, где утратился [ь] в слабом положении; *городской* < др-р. *городьскыи; обвинить* < др-р. *объвинити; седло* < *седьло, светлый* < *свѣтьлыи* и т. д.

МОНОФТОНГИЗАЦИЯ ДИФТОНГОВ

§ 105. Возрастанию внутрислоговой звучности противоречили слоги, содержавшие нисходящие дифтонги и дифтонгоиды, унаследованные праславянским языком (см. § 67, а также § 69), поскольку в их составе более звучный слоговой гласный предшествовал менее звучному неслоговому или сонанту. Перестройка слогов по принципу восходящей звучности вела к ликвидации дифтонгов как внутрислоговых единств, не соответствовавших новым требованиям к структуре слога. И если в позиции перед гласными ликвидация дифтонгов осуществлялась путем их «разложения», отчуждения неслогового элемента от слогового, который становился конечным в слоге (см. § 98), то п е р е д с о г л а с н ы м и и в к о н ц е с л о в о ф о р м д и ф т о н г и м о н о ф т о н г и з и р о в а л и с ь — стягивались в гласный однородного образования.

Например, корень **-poi̯-*, содержавший дифтонг *oi̯*, под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности в праславянском языке стал звучать по-разному в разных образованиях. В том случае, если после дифтонга следовал гласный звук, происходило перемещение слоговой границы, в результате чего дифтонг распался на два звука: *o*, оказавшийся теперь в конце слога, и *i̯*, который стал начинать новый слог и в положении перед слоговым (более звучным!) гласным изменился в [j]: **poi̯-e-tъ* > > **po-i̯e-tъ* > **поѥтъ** [по-jе-тъ], русск. *поёт*.

Если же дифтонг находился в положении перед согласным или в абсолютном конце словоформы, то оба элемента дифтонга сливались в один гласный звук. В частности, в результате монофтонгизации дифтонга **oi̯* образовался гласный [ě] (**ѣ**), который и находим в том же корне в положении перед согласным: **poi̯-ti* > **пѣти** [п'æ-т'и], русск. *петь*; **poi̯-snь* > **пѣснь** [п'æ-сн'ъ], русск. *песня*.

То же происходило и в конце словоформы, где неслоговой **i̯* закрывал слог. Например, сравнивая старославянскую форму местного падежа **столѣ** и греческую λύκοι [lükoi̯] ('о волке'), можно предположить, что старославянское окончание этого падежа **-ѣ** [ě] происходит из дифтонга **oi̯*, сохранившегося в греческом окончании.

В результате монофтонгизации дифтонгов в праславянском языке образовался ряд новых гласных звуков.

§ 106. [ě] (ѣ) < *oi̯. Дифтонг, образовавшийся из индоевропейских *ŏi̯ и *ăi̯, в положении перед согласным, а также в конце словоформы (при восходящей интонации — см. § 72), в результате ассимиляции слогового гласного последующему неслоговому и произошедшего затем слияния обоих гласных в один изменился в долгий гласный переднего ряда [ě], совпавший с гласным, произошедшим из *ē (см. в § 77), в связи с чем этот гласный в старославянских памятниках обозначался той же буквой ѣ («ять»). Так, при сопоставлении старославянского **цѣна** (русск. *цена*) с литовским *kainà* ('цена, возмездие, месть') можно предположить, что в праславянском языке произносилось **koi̯na*: в положении перед согласным дифтонг *oi̯ > [ě], откуда **kěna* (затем **цѣна**[1]). Элементы дифтонга в том же корне сохранились в положении перед гласным, например в глагольном образовании **каıати** [kajaти] < **kai̯ati* (с тем же корнем **-kai̯-* < **-kă⁰i̯-* с первоначальным значением 'порицать, оплакивать, мстить'). То же и в ряде других основ и в окончаниях:

ст-сл. **тѣсто**, русск. *тесто*, ср. грч. σταῖς, род. п. σταιτός [stai̯tŏs] (из **tai̯st-* в результате перестановки) ('тесто из пшеничной муки на воде'), ирл. *tāis* ('тесто');

ст-сл. **берѣте, несѣте** и т. д. (повелит. накл., русск. *берите, несите*), ср. грч. φέροιτε [fĕroi̯te] ('несите');

ст-сл. **столѣ, вльцѣ** и т. д. (местн. п. ед. ч., русск. *на столе, о волке*), ср. грч. λύκοι [lükoi̯] ('о волке'), οἴκοι [oi̯koi̯] ('дома', т. е. 'в доме').

То же произошло и с ранними заимствованиями, содержавшими дифтонги *oi̯* или *ai̯*. Например, имя римского императора, заимствованное славянами (через германское посредство) в качестве нарицательного наименования монарха, первоначально звучало **kāi̯sarjŏs* (лат. *caesar*; ср. нем. *Kaiser* — 'царь', сохранившее дифтонг); в результате монофтонгизации дифтонга *ai̯* перед согласным **kăi̯sarjos* > **kěsar'ь* > **цѣсарь** (с изменением **k* > [ц'], как и в **цѣна**); со значением 'римский император' (а не 'монарх вообще') славянские памятники употребляют слово **к'ѣсарь**, переводя так грч. καῖσαρ [kai̯sar] (ст-сл. **цѣсарь** является переводом грч. βασιλεὺς [basileús], грч.-византийск. [vasileu̯s] — 'царь').

§ 107. [и] < *oi̯. Тот же дифтонг в конце словоформы, если он находился под нисходящей интонацией, изменялся не в [ě], а в долгий гласный [и], такой же, как и [и] < *ī (см. § 78). Наблюдается это только в окончаниях:

ст-сл. **ти** (русск. *те*), **столи, вльци** и т. д. (им. п. мн. ч. муж. р., русск. *волки, кони*), ср. грч. τοί [toi̯] ('те'), λύκοι [lükoi̯] ('волки'), οἴκοι [oi̯koi̯] ('домá');

ст-сл. **бери**, русск. *бери*, ср. грч. φέροι [fĕroi̯] ('неси').

[и] < *ei̯. В ряде славянских слов [и] находим на месте индоевропейского дифтонга *ei̯*, который в конце словоформы или

---

[1] Об изменении *к > [ц'] см. ниже.

перед согласным монофтонгизировался после ассимиляции слогового *е* последующему неслоговому *i̯*: ст-сл. **видъ**, русск. *вид, видеть*, ср. лит. *véidas* ('лицо'); ст-сл.. **тихъ**, русск. *тихий*, ср. лит. *teisùs* ('справедливый'); ст-сл. **ити**, русск. *идти*, ср. лит. *eĩti*, грч. εἶμι [*ei̯mi*] ('иду').

§ 108. [у] < **ou̯*. Судьба дифтонга **ou̯* (из **ŏu̯* и **ău̯*) аналогична судьбе дифтонга **oi̯*: в положении перед гласным он распался (причем **u̯* в положении перед гласным изменился в [в]); в положении перед согласным или в конце словоформ — монофтонгизировался, изменившись в [у]: **sou̯-a-ti* > *so-u̯a-ti > **со-ва-ти**, русск. *совать* (ср. лит. *šáuti, šáuju* — 'стрелять'); но **sou̯-non-ti* > **suu̯-nǫ-ti* > **соу-нѫ-ти**, русск. *сунуть*.

То же и в других случаях, где в славянских языках [у]:

ст-сл. **оухо**, русск. *ухо*, ср. лит. *ausìs*, гот *auso*, лат. *auris* (из *au̯sis*) — 'ухо' (о происхождении [х] < **s* см. § 70);

ст-сл. **плоути** [плут'и] ('плыть, течь'), ср. лит. *pláuti* ('мыть, полоскать'), др-инд. *plaváḥ* ('лодка'), ср. сохранение элементов дифтонга в славянских языках перед гласными: **пловѫ, плавати, плавь** ('корабль'), русск. *пловец, плавать*;

ст-сл. **слоути** [слут'и] ('слыть, иметь известность'), но перед гласным **слово, слава** (из **slou̯od, *slau̯a*).

['у] < **eu̯*. Дифтонг **eu̯*, соответствовавший дифтонгу **ou̯* после мягкого согласного, также изменился в [у] — с сохранением мягкости предшествующего согласного:

ст-сл. **блюсти** [бл'ус'т'и], русск. *блюсти* [бл'ус'т'и], *наблюдать*, ср. грч. πεύθομαι [peu̯thŏmai̯] ('наблюдаю, бодрствую'); следовательно, **блюсти** < **bjeu̯dti*, где дифтонг **eu̯* (после **j*) в положении перед согласным изменился в ['у] (относительно [бл'] < **bj* см. § 99);

ст-сл. **блюѭ**, русск. *блюю* [бл'уjу], *блюет*, ср. лит. *bliáuti* ('реветь'), грч. φλέω [flĕō] ('я полон, теку через край'), ср. перед гласным: **блевати**, русск. *блевать*.

§ 109. Различная судьба дифтонгов в зависимости от положения в слове (словоформе) отражается в общеславянских чередованиях гласных дифтонгического происхождения с сочетаниями звуков, входивших некогда в состав дифтонгов и сохранившихся в позиции перед гласными. Например, образование [ě] (ѣ) из дифтонга **oi̯* отражается в чередовании [ě] // [oj]: ст-сл. **пѣти**, русск. *петь, петух* — **поѭ** [пojǫ], русск. *пою*; ст-сл. **вѣнокъ**, русск. *венок* — **повои**, русск. диал. *повойник* ('женский головной убор, повязка'); ст-сл. **дѣтѧ**, русск. *дети* — **доѭ** [дojǫ], русск. *дою, доить*.

Происхождение [и] < **ei̯* также отражается в соответствующем чередовании, причем в положении перед **j* гласный **ĕ* > **ĭ* > [ь] (см. § 78), который впоследствии перед [j] изменился в редуцированный [й]. Таким образом, дифтонгическое происхождение [и] отражается в чередовании [и] // [йj]: ст-сл. **вити**, русск. *вить* —

виѭ [в'ӣјǫ], русск. *вью*; ст-сл. **вити**, русск. *бить* — **виѭ** [б'ӣјǫ], русск. *бью*.

Происхождение славянского [у] из дифтонгов *ou̯, *eu̯ также отражается в соответствующих чередованиях [у] // [ов] ([ав]), [ев]: ст-сл. **соунѫти**, русск. *сую, сунуть* — **совати**, русск. *совать, засов* (из. др-р. *засовъ*); ст-сл. **слоути** — **слово, слава**; **плоути** — **пловѫ, плавати**. Такое чередование возможно и в окончании: ст-сл. **сыноу** [сыну] (род. п.) — **сынови** (дат. п.)[1].

После мягких согласных ['у] // [ев]: ст-сл. **плюѭ** [пл'уjǫ], русск. *плюю* — **плевати**, русск. *плевать*; ст-сл. **горюѭ** [гор'уjǫ], русск. *горюю* — **горевати**, русск. *горевать*.

§ 110. В составе дифтонгов слоговые гласные могли вступать в обычные для них чередования.

Например, в глаголе **вити** — гласный [и] < *ei̯, а в корне существительного **вѣнокъ** — гласный [ě] < *oi̯, следовательно, некогда в этих образованиях корень звучал *-vei̯-//*-voi̯-, где было представлено известное качественное чередование *е* // *о* в составе дифтонга [ср. § 82].

Ср. аналогичное чередование: ст-сл. **гнити**, русск. *гнить* — **гнѣвъ**, русск. *гнев*, где происхождение [ě] < *oi̯ обнаруживается в чередовании **гнѣвъ** — **гнои** [гнојь], русск. *гной*; ст-сл. **цвисти** ('цвести') — **цвѣтъ**, русск. *цвет*; ст-сл. **сито**, русск. *сито* — **сѣвъ**, русск. *сев*; то же в окончаниях: **къ соуши** (где [и] < *ei̯) — **къ водѣ** (где [ě] < *oi̯) и т. д.

В ряде корней монофтонгизации подвергся лишь один из чередовавшихся дифтонгов: ст-сл. **вити**, русск. *бить* (где [и] < *ei̯) — **вои** [бојь], русск. *бой*: ступень *е* представлена гласным [и] (из *ei̯), ступень *о* отражена в сохранившемся [oj].

Чередование дифтонга *ou̯ с индоевропейским гласным *ū или дифтонгом *йu̯ (см. § 79) отражается в славянских чередованиях [ы] // [ъв] // [ов] ([ав]) или [у] (из *ou̯) при этом [ы] и [у] — перед согласным или в конце слова, а [ъв] или [ов] — в положении перед гласным: ст-сл. **крыти**, русск. *крыть* — **кръвь**, **съкръвенъ**, русск. *кровь, сокровенный* — **покровъ**, русск. *кров*; ст-сл. **рыти**, русск. *рыть* — **ровъ**, русск. *ров*; ст-сл. **слꙑхати**, русск. *услыхать* — **слоухъ**, русск. *слух*.

Так как [ы] // [ъ] (см. § 81), а [ъ] // [у] (см. § 83), то отмеченный ряд чередований может быть продолжен: ст-сл. **дъхнѫти**, русск.

---

[1] В русском языке это чередование широко представлено в глагольных основах: *беседую* — *беседовать*, *рисую* — *рисовать* и т. д.; оно настолько продуктивно, что характеризует даже новообразования: *телеграфирую* — *телеграфировать*, *проектирую* — *проектировать*.

вдохнуть (из др-р. *въдъхнути*) — **дъıшати**, русск. *дышать* — **доухъ**, русск. *дух*; ст-сл. **съхнѫти**, русск. *сохнуть* (из др-р. *съхнути*) — **ꙁасыхати**, русск. *засыхать* — **соухъ**, **соуша**, русск. *сухой*, *суша*; то же в окончаниях: **сын-ъ** — **сын-ы** — **сын-оу** — **сын-овє**; ср. в русском языке *мёд* (др-р. *медъ*) — *меды* — *в меду* — *медовый*.

ОБРАЗОВАНИЕ НОСОВЫХ ГЛАСНЫХ

§ 111. Носовые гласные [ę] (**ѧ**) и [ǫ] (**ѫ**), унаследованные из праславянского языка не только старославянским, но и другими славянскими языками, образовались в праславянском языке из дифтонгических сочетаний с носовыми согласными **en*, **em*, **on*, **om* и т. д. (см. § 67). Судьба этих сочетаний аналогична судьбе дифтонгов: они сохранились в положении перед гласными, но изменились в положении перед согласными и в конце словоформы. Изменение это заключалось в том, что конечный в слоге носовой согласный утрачивался, а предшествующий гласный приобретал носовой оттенок. При этом на месте дифтонгических сочетаний с гласными переднего ряда (из **en*, **em*, **in*, **im*) развился носовой гласный переднего ряда [ę], а на месте сочетаний с гласными заднего ряда (из **on*, **om*, **un*, **um*) развился носовой гласный заднего рода [ǫ].

В других индоевропейских языках, не знавших тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности, славянским носовым гласным соответствуют сочетания гласных с носовыми согласными: ст-сл. **ꙁѧть** [з'ęтъ], русск. *зять*, ср. лит. *žéntas*, следовательно, [з'ęтъ] < **zentь*; ст-сл. **десѧть** [д'ес'ęтъ], русск. *десять*, ср. лит. *dẽšimt*, лат. *decem*, следовательно, [д'ес'ęтъ] < < **desemtь*; ст-сл. **пѫть** [пǫтъ], русск. *путь*, ср. лат. *pons*, род. п. *pontis* ('мост'), следовательно, [пǫтъ] < **pontь*.

Такому же изменению подвергались сочетания гласных с носовыми согласными и в праславянских заимствованиях. Так, древнегерманское заимствование *kuning* (ср. нем. *König* — 'король, князь') у славян стало звучать **kъnęʒ'ь* (ст-сл. **кънѧꙁь**, русск. *князь*), где [ъ] < **ŭ*, а [ę] из сочетания **in* перед согласным (об изменении **g* > [ʒ'] см. ниже). Аналогично образовалось и старославянское **пѣнѧꙃь** [п'ён'е ʒ'ь] (мелкая монета) — с [ę] на месте германского *in*; ср. др-герм. *phenning* (нем. *Pfennig*).

§ 112. Поскольку сочетания **en*, **em*, **on*, **om* и т. д. утрачивали носовой согласный лишь в закрытом слоге, а в положении перед гласным сохранялись (при этом происходило перемещение слоговой границы: гласный оказывался в конце слога, а носовой согласный начинал следующий слог), то носовые гласные могут чередоваться с сочетаниями гласных с носовыми согласными, т. е. с сочетаниями, из которых они и образовались: ст-сл. **ꙁвѫкъ**, русск. *звук* — **ꙁвонъ**, русск. *звон* (из др-р. *звонъ*), *звонок*; ст-сл. **пѫты**, русск. *путы*, *опутать* —

ꙁапона, прѣпоны, русск. *перепонка* (из *перепонъка*), ц-сл. *препоны;* ст-сл. начѧти, русск. *начать* — начьнѫ, начинати, русск. *начну, начинать;* ст-сл. ѩти, възѧти, русск. *взять* — възьмѫ, ѥмъши, русск. *возьму, заем, взимать*; ср. в конце словоформы: ст-сл. имѧ — имене (род. п.), русск. *имя* — *имени.*

Гласные, сочетавшиеся с носовыми согласными, могли чередоваться, поэтому после образования носовых гласных оказывается возможным чередование [ę] // [ǫ], отражающее старые качественные чередования гласных. Так, в словах ꙁвьнѣти — ꙁвонъ чередуются [ь] // [о] (ср. бьрати — съборъ); но в некоторых образованиях эти чередующиеся гласные в сочетании с носовыми согласными были в закрытом слоге и соответственно изменились *en > [ę], *on > [ǫ]: ꙁвѧкати — ꙁвѫкъ (русск. *звякать* — *звук*). См. в других корнях: ст-сл. погрѧꙁнѫти, русск. *погрязнуть, грязь* — грѫꙁъ, русск. *груз, погрузить(ся)*; ст-сл. трѧсти, русск *трясти* — трѫсъ ('землетрясение'), русск. *трусить; ст-сл.* сѫпрѧгати, русск. *упряжка, запрягать* — сѫпрѫгъ, русск. *супруг.*

Возможны и такие случаи, когда один из членов чередования не образовал носового гласного: ст-сл. начѧти ([ę] < *en; ср. начьнѫ, починъ, русск. *начать* — *почин*) — коньць, русск. *конец*, где сочетание [он], находясь перед гласным, сохранилось.

Чередование носовых гласных возможно также и в аффиксах, например в глагольных окончаниях настоящего времени и в суффиксах причастий: ст-сл. несѫть, ведѫть, несѫшти, ведѫшти, русск. *несут, ведут, несущая, ведущая* — просѧть, видѧть, просѧшти, видѧшти, русск. *просят, видят, просящая, видящая.*

§ 113. Появление новых гласных (⟨u⟩ и ⟨ę⟩ ~ ⟨ǫ⟩) усложнило систему вокализма тех праславянских диалектов, на базе которых развивались говоры, определившие особенности фонологической системы старославянского языка (ср. выше § 75):

Диффузные (напряженные)	⟨(') *i*⟩ ~ ⟨у⟩ ~ ⟨(') u⟩ ⟨(') ę⟩ ~ ⟨ǫ⟩
Открытые (компактные)	⟨(') ь⟩ ~ ⟨ъ⟩ ⟨(') е⟩ ~ ⟨о⟩ ⟨ě⟩ ~ ⟨(') а⟩

Нетрудно заметить, что именно в это время сложились те особенности вокалической системы, которые предопределили ее перестройку в исторический период развития славянских языков (см. § 38). Одно из направлений последующего преобразования вокалической системы, сложившейся после монофтонгизации дифтонгов, связано с включением лабиального *u* в сочетания, характеризовавшиеся диезной тональностью [там, где *i̯u*<*i̯eu̯*]. Этот «прецедент» уже в праславянском языке дал себя знать в аналогическом появлении диффузного лабиального *ǫ* в слогах с диезной тональностью на сты-

ке морфем (в случаях типа *znajǫš'č'i* — под влиянием *nesǫš'č'i*; *znajǫ* — как *nesǫ* и под.). Таким образом, еще до распада праславянского языкового единства новые гласные оказались возможными как после фонологически твердых, так и после исконносмягченных согласных: ⟨(')ę⟩ ~ ⟨(')ǫ⟩; причем эта особенность оказалась специфической только для непередних долгих гласных фонем: (') *u*, (')ǫ, (')a; для остальных (краткого и редуцированного) гласных внутрислоговое сочетание с диезными согласными оставалось невозможным.

СУДЬБА СОЧЕТАНИЙ ГЛАСНЫХ С ПЛАВНЫМИ

Развитие неполногласных сочетаний

§ 114. Принципу возрастающей звучности слога противоречили и унаследованные праславянским языком индоевропейские дифтонгические сочетания с плавными **or,*ol, *er, *el* и под. (см. § 67), поскольку более звучный слоговой гласный предшествовал здесь менее звучному плавному согласному.

Как и в рассмотренных выше случаях, дифтонгические сочетания с плавными сохранили последовательность и качество составлявших их элементов в положении перед гласными; при этом в результате перемещения слоговой границы плавный оказался в начале следующего слога. Так, праславянские *prostorъ, *koljǫ > *kol'ǫ, *orati ('пахать') и под. в старославянском языке продолжали звучать **просторъ** (со слоговым делением: [про-сто-ръ], русск. *простор*), **колѭ** ([ко-л'ǫ], русск. *колю*), **орати** ([о-ра-т'и], русск. диал. *орати* — 'пахать') и т. д.

В положении перед согласными те же сочетания претерпели изменения, по-разному отразившиеся в разных славянских языках и даже в одном и том же славянском языке осуществившиеся по-разному в зависимости от качества слогового гласного и от положения в слове всего сочетания.

В южных диалектах, на один из которых ориентированы нормы старославянского языка, в середине слов (следовательно, в положении между согласными) на месте сочетаний кратких гласных с плавными (т. е. на месте праславянских сочетаний **tŏrt, *tĕrt, *tŏlt, *tĕlt*, где *t* — условное обозначение любого согласного) развились сочетания типа **трат, трѣт, тлат, тлѣт** (т. е. сочетания плавных с долгими гласными между согласными), которые принято называть неполногласными, так как в восточнославянских языках (в частности, в русском) в тех же морфемах между теми же согласными им соответствуют сочетания типа *торот, терет, толот* (иногда *т'елот*), которые условно называют полногласными.

§ 115. Развившиеся на месте дифтонгических сочетаний с плавными неполногласные сочетания совпали с исконными праславянскими сочетаниями **-ра-**, **-рѣ-**, **-ла-**, **-лѣ-**, находившимися в положении

между согласными в одной морфеме. В связи с этим необходимо различать эти одинаково звучавшие в старославянском языке, но генетически (по происхождению) различные сочетания.

Происхождение сочетаний типа **трат, трѣт, тлат, тлѣт** (в одной морфеме) обнаруживается в результате сопоставления однородных фактов разных славянских языков, в частности старославянского, с одной стороны, русского — с другой.

Исконные сочетания **-ра-**, **-рѣ-**, **-ла-**, -**лѣ**- являются общеславянскими, т. е. одинаково звучат во всех славянских языках. Например, ст-сл. **правьда, крѣпъкъ, славъ, слѣдъ** и под. в русск. соответствуют слова, в корнях которых произносятся те же сочетания: *правда, крепкий* (из *крѣпъкъ*), *слабый, след* (из *слѣдъ*); ср. то же в пльск. (западнослав.): *prawidło, krzepki, słaby, ślad* (<*slědъ*, где [ě] > [a] после мягкого *l*), чш. *pravidlo, křepký, slabý, sled*. Одинаковое произношение сочетаний в языках разных славянских групп и указывает на их исконность, т. е. на такое же произношение и в праславянском языке: **pravъ*, **krěpъkъ*, **slabъ*, **slědъ* (слог здесь всегда был открытым).

Если же слово содержит старославянское неполногласное сочетание **-ра-**, **-рѣ-**, **-ла-** или **-лѣ-** (между согласными в одной морфеме), развившееся из праславянского **ŏr*, **ĕr*, **ŏl* или **ĕl* в положении перед согласным, то на его месте в славянских языках других групп должны произноситься иные сочетания, так как в восточнославянских языках в положении между согласными **ŏr* > [оро], **ĕr* > [ере], **ŏl*, **ĕl* > [оло], а в западнославянских языках (кроме чешского и словацкого), например в польском, **ŏr* > [ro] (или ró[ru]), **ĕr* > [že] (из **re* > [rže]), **ŏl* > [ło], **ĕl* > [le].

На то, что старославянским неполногласным сочетаниям в праславянском языке предшествовали сочетания кратких гласных с плавными, указывают факты других индоевропейских языков, сохранивших первоначальные сочетания:

ст-сл	русск.	пльск.	другие индоевропейские языки	праслав.
брада	*борода*	*broda*	нем. *Bart* ('борода')	**bŏrda*
градъ	*огород*	*gród*	нем. *Garten* ('сад')	**gŏrdъ*
врата	*ворота*	*wrota*	лит. *var̃tai* ('ворота')	**vŏrta*
врѣгъ	*берег*	*brzeg*	нем. *Berg* ('гора')	**bĕrgъ*
врѣꙁа	*берёза*	*brzoza*	лит. *ber̃žas*, нем. *Birke* ('берёза')	**bĕrza*
глава	*голова*	*głowa*	лит. *galvà*, лат. *calva* ('череп')	**gŏlva*
гласъ	*голос*	*głos*	нем. *Hals* ('шея')	**gŏlsъ*
сладъкъ	*солод*	*słodki*	лит. *saldùs* ('сладкий')	**sŏldъ*
млѣко	*молоко*	*mleko*	нем. *Milch* ('молоко')	**mĕlko*

Поскольку в положении перед согласным унаследованные праславянским языком сочетания **ŏr*, **ĕr* и т. д. противоречили принципу возрастающей звучности слога, они к концу праславянской эпохи подверглись изменениям. В большинстве славянских языков под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности произошла перестановка (метатеза) звуков внутри рассматриваемых сочетаний: **ŏr*>**ro*, **ĕr*>**re* и т. д. (см. пльск. *broda*<**bŏrda*, *głowa*<**gŏlva* и т. д.); при этом в языках южнославянских, в том числе и в старославянском (а также в чешском и словацком), метатеза сопровождалась удлинением гласного звука, таким образом, в положении перед согласным **or*>**rō*> [ра] (так как **ō*> [а]), **ĕr*>**rē*> [р·ě] (т. е. **рѣ**, так как **ē*> [ě]), **ŏl*>**lō*> [ла], **ĕl*>**lē*> [лě].

Например, в прасл. **bŏrda*, где первый слог был закрытым (**bŏr-da*), произошла метатеза, сопровождавшаяся удлинением переместившегося в конец слога гласного: **bŏr-da*>**brō-da*, в результате чего закрытый слог стал открытым; как и в других случаях, **ō*> [а], поэтому в ст-сл. **brō-da*>**врада**. Точно так же прасл. **bĕrgъ* (**bĕr-gъ*)>**brēgъ* (**brē-gъ* — с открытым первым слогом)>**брѣгъ**; **gŏlva* (**gŏl-va*)>**glōva* (**glō-va*)>**глава**; **mĕlko* (**mĕl-ko*)>**mlēko* (**mlē-ko*)>**млѣко**.

В древнерусском языке (как и в лехитских диалектах, т. е. польских, кашубских, сербо-лужицких и полабских) метатезированный гласный остался кратким; но здесь между плавным и согласным (после которого оказался плавный в результате перестановки) развился новый гласный *о* или *е* — аналогичный прежнему (как полагают — из гласного призвука, произносившегося между оказавшимися рядом согласными): **bŏrda*>**b*^{ə}*rŏ-da* > **bəroda* > *борода* [бо-ро-да]; **bĕrza* > **b*^{ə}*rĕ-za*>**bəreza*>*береза* [б'е-р'о-за]. В лехитских языках этот призвук был утрачен: **bŏrda*>**b*^{ə}*rŏ-da*>пльск. *broda*; **bĕrza*>**bər'ĕ-za*>пльск. *brzoza*.

§ 116. Различная судьба дифтонгических сочетаний гласных с плавными в старославянском и в русском языках позволяет выделять в составе русского литературного языка старославянские по происхождению (а точнее церковнославянские, см. § 1) слова, содержащие неполногласные сочетания, противопоставленные русским (восточнославянским) полногласным сочетаниям. Так, церковнославянское происхождение таких широко употребительных в нашем литературном языке слов, как *вратарь, предотвратить, обращение, вращать, ограда, ограждение, преградить, прибрежный, глава, главный, оглавление, главарь, возглавить, гласный, огласить, гласность, провозглашение, возглас, млекопитающее* и др., свидетельствуется наличием в корнях этих слов неполногласных сочетаний *-ра-, -ре-, -ла-, -ле-*, которым противопоставлены в тех же морфемах русские полногласные сочетания *-оро-, -ере-, -оло-*: *ворота, воротить, поворот, ворот, огород, город, изгородь, перегородить, берег, побережье, голова, поголовно, голос, голосить, молоко* и т. д. Нетрудно заметить, что слова с неполногласными сочетаниями употребляются в литературном языке обычно с отвлеченным или переносным значением, а также в качестве терминов, в то время как слова восточнославянского происхождения, как правило, употребляются для обозначения конкретных предметов,

действий; ср., с одной стороны: *обращение* (товаров), *оградить* (от нападок), *глава* (правительства), *провозглашение* (республики) и т. д., с другой стороны: *поворот* (направо, налево), *перегородить* (комнату), *голова* ('часть тела'), *голос* ('звуки человеческой речи') и т. д.

Начальные сочетания перед согласными

§ 117. Судьба дифтонгических сочетаний **ŏr, *ŏl* в начале морфем (корней или приставок) несколько отлична от судьбы тех же сочетаний в середине слова.

В положении перед гласным эти сочетания, как и во всех других случаях, не подвергались изменению, так как плавный отходил к началу следующего слога и оба звука (гласный и плавный) сохранялись в первоначальной последовательности: прасл. **ŏrati (*ŏr-a-ti)* > ст-сл. **орати**, русск. диал. *орати (о-ра-ти);* ср. то же сочетание в грч. 'ἀρόω [aroō] ('пашу'), лат. *arō* ('пашу'), лит. *arti* ('пахать').

В положении перед согласным то же сочетание под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности подверглось изменению. В южных славянских диалектах изменение было таким же, как и в положении между согласными: **ŏrt-, *ŏlt-* (где *t* — любой согласный) > **rōt-, *lōt-* > **рат-**, **лат-** (где [a] < **ō*). Так же изменились эти сочетания и во всех других славянских языках, но только в том случае, если находились под восходящей интонацией (т. е. имели некогда долгий гласный, впоследствии сократившийся).

Например, в образованиях с корнем **ŏr-* (что и *орати*) перед согласным в славянских языках находим: прасл. **ŏr-ta-jь* > **rō-ta-jь* > ст-сл. **ратаи** ('пахарь'), русск. диал. *ратай;* прасл. **ŏrdlo* > **rōdlo* > ст-сл. **рало**, срб-хрв. *ра̏ло*, др-р. *рало*, чш. *rádlo*, ср. лит. *árklas* ('соха').

Под нисходящей интонацией те же сочетания в речи восточных и западных славян изменялись без удлинения гласного, т. е. в *рот-, лот-*, а не в *рат-, лат-*, как в старославянском и других южнославянских языках. Факты других индоевропейских языков подтверждают предположение о происхождении таких сочетаний из дифтонгических сочетаний гласных с плавными:

прасл.	другие индоевропейские языки	ст-сл.	русск.	польск.
**ŏrbъ*	нем. *Arbeit* ('работа')	**рабъ**	*хлебороб*	*robota*
**ŏrvьnъ*	лат. *arvum* ('пашня')	**равьнъ**	*ровный*	*równy*
**ŏrstъ*	грч. ὀρσοδάκνη [ŏr-sŏdáknē] ('росток')	**растъ**	*рост*	*rosły*
**ŏldĭji*	лит. *aldijà* ('лодка')	**ладии**	*лодка*	*łódź*
**ŏlkъtь*	лит. *alkū́ne* ('локоть')	**лакътъ**	*локоть*	*łokieć*

В некоторых рукописях древнеболгарского происхождения отражено иное изменение подобных сочетаний, что, видимо, имело место в славянских диалектах Балканского полуострова: гласный сохраняется перед плавным, но после плавного развивается редуцированный. Например, прасл. *ŏlkati (*ŏl-ka-ti) 'ощущать голод' (ср. лит. álkati) вместо ожидаемого ***лакати** (ср. чш. lákati, срб-хрв. *ла̏ком*) отражается в виде **алъкати**, **алъчьнъ**; прасл. *ŏldĭja, наряду с **ладии** (ср. русск. ц-сл. *ладья*), в отдельных памятниках отражено также и в виде **алъдии**.

§ 118. Различная судьба праславянских дифтонгических сочетаний перед согласными в начале морфем в разных славянских языках при нисходящей интонации также дает возможность выделить церковнославянское наследие в составе русского литературного языка. Так, наличие сочетаний *ра-*, *ла-* в словах ***раб***, ***равный***, ***растение***, ***ладья*** и под., противопоставленных русским ***роба***, ***робот***, ***ровный***, ***рост***, ***прирост***, ***лодка***, позволяет говорить о словах типа ***раб***, ***равный*** как о церковнославянизмах, которые обычно используются для обозначения отвлеченных понятий,в отличие от русских соответствий, выступающих с конкретным значением: *равные* (величины) — *ровное* (поле), *растение*, *возраст* ('время жизни') — *рост* ('размеры'), *рослый* и т. д.

Сочетания плавных с редуцированными

§ 119. В древнеславянских памятниках следует различать два типа сочетаний плавных с редуцированными между согласными (т. е. сочетаний **трът**, **трьт**, **тлът**, **тльт**) в корнях слов. Эти два типа сочетаний различались не только происхождением, но и звуковым значением.

Различия в происхождении и звуковом значении между двумя типами написаний **трът** и под. обнаруживаются в результате их сопоставления с фактами других славянских языков, в частности русского.

а) В одних случаях написаниям **трът**, **трьт**, **тлът**, **тльт** в русском языке соответствуют сочетания *торт*, *терт*, *толт*, т. е. такие, в которых гласный предшествует плавному. Например, ст-сл. **грърдъ**, **гръло**, **кръмъ** — русск. ***гордый***, ***горло***, ***кормить***; ст-сл. **врьхъ**, **прьвъ** или **пръвъ**, **прьстъ** или **пръстъ** — русск. ***верх***, ***первый***, ***перст***; ст-сл. **вльна** или **влъна**, **влькъ** или **влъкъ**, **дльгъ** или **длъгъ** — русск. ***волна***, ***волк***, ***долг*** (ср. § 62).

б) В других случаях написаниям **трът**, **трьт**, **тлът**, **тльт** в русском языке соответствуют сочетания ***трот***, ***трет***, ***тлот***, ***тлет***, т. е. такие, в которых гласный следует за плавным. Например, ст-сл. **връвь** (вин. п.), **кръвавъ** — русск. *бровь*, ***кровавый***; ст-сл. **крьстъ**, **брьвьно** — русск. *крест*, *бревно*; ст-сл. **блъха**, **глътъка** — русск. *блоха*, *глотка*; ст-сл. **сльза**, **бльснѫти** — русск. *слеза*, *блеснуть* и т. д.

§ 120. Происхождение сочетаний плавных с **ъ** или **ь**, которым в русском языке соответствуют сочетания типа *торт*, обнаруживается

в результате сопоставления фактов славянских языков с данными других индоевропейских языков:

ст-сл.	русск.	другие индоевропейские языки	предполагаемое прасл.
гръдъ[1]	*гордый*	лат. *gŭrdus* ('глупый')	**gъ̯r̥dъ < *gŭrdŏs*
грьло	*горло*	лат. *gŭrgulio* ('дыхательное горло'), лит. *gurklȳs* ('зоб')	**gъ̯r̥dlo<*gŭrdlŏd*
врьхъ	*верх*	лит. *viršùs* ('верх')	**vь̯r̥xъ<*vĭrsŭs*
прьстъ	*перст*	лит. *pir̃štas* ('палец')	**pь̯r̥stъ<*pĭrstŏs*
длъгъ	*долгий*	лат. *indŭlgeo* ('быть снисходительным, долготерпеливым'), др-инд. *dīrgháḥ* ('длинный')	**dъ̯l̥gъ<*dŭlgŏs*
влькъ	*волк*	лит. *vil̃kas*, др-инд. *vr̥kaḥ* ('волк')	**vь̯l̥kъ< *vĭlkŏs*
плънъ	*полный*	лит. *pìlnas* ('полный'), др-инд. *pr̥nā́ti* ('наполнять')	**pь̯l̥nъ<*pĭlnŏs* .

Сопоставления указывают на то, что в праславянском языке в сочетаниях рассматриваемого типа редуцированный гласный произносился п е р е д п л а в н ы м (где сейчас в русском языке произносится [е] или [о], развившийся из этого редуцированного): **gъrdъ, *vьrxъ, *dъlgъ, *vьlkъ* и т. д.

Поскольку сочетания, оканчивавшиеся плавным, противоречили принципу возрастающей звучности слога, если далее следовал согласный звук, то они в праславянском языке претерпели изменение: конечный в слоге плавный стал слоговым, а предшествовавший ему редуцированный стал произноситься как неслоговой призвук, т. е. как звук менее звучный, чем последующий слоговой плавный: **gъr-dъ>*gъ̯r̥-dъ, *vьr-xъ>*vь̯r̥-xъ* и т. д. В дальнейшем неслоговые **ъ̯* и **ь̯* перед слоговыми плавными совсем перестали произноситься: [гр̥дъ], [вр̥х], [дл̥гъ], [вл̥къ]; в древних славянских текстах это отражается в смешении букв **ъ** и **ь** после **р** и **л**: **гръдъ** или **грьдъ**, **връхъ** или **врьхъ**, **длъгъ** или **дльгъ**, **вл̥ъкъ** или **влькъ**.

Слоговые плавные сохранились после утраты неслогового редуцированного в ряде славянских языков: сербско-хорватском, словенском, чешском, словацком: ст-сл. **гръдъ** [гр̥дъ], срб-хрв.

[1] О написаниях **-ръ-** или **-рь-** (и т. д.) см. § 62.

гр̑дан ('безобразный, противный'), чш. *hrdý* [hr̊dȳ] ('гордый'); ст-сл. **врьхъ** [вр̊хъ], срб-хрв. *вр̑х,* чш. *vrch* [vr̥x]; ст-сл. **зрьно** [зр̊но], срб-хрв. *зр̑но,* чш. *zrno* [zr̥no]; ст-сл. **влькъ** [вл̥къ], срб-хрв. *вӯк,* чш. *vlk* [vl̥k].

В других славянских языках, в частности в древнерусском, плавные утратили способность образовывать слог, а редуцированный гласный вновь стал слоговым; при этом в древнерусском языке он оказался в сильном положении и в дальнейшем прояснился в гласный полного образования: **vьr̥хъ* > др-р. *вьрхъ* > совр. *верх;* **zьr̥no* > *зьрно* > *зерно* и т. д.

§ **121.** Закрепившиеся в старославянской орфографии написания типа **трът, трьт, тлът, тльт,** обозначавшие слоговые плавные в положении между согласными, с о в п а л и с такими же написаниями, отражавшими и с к о н н ы е (общеславянские) с о ч е т а н и я п л а в н ы х с р е д у ц и р о в а н н ы м и в положении между согласными.

О том, что написания **ръ, рь** и т. д. в ряде корней отражают исконные общеславянские сочетания и потому обозначают два звука — плавный и слоговой редуцированный гласный, свидетельствуют параллели из индоевропейских языков:

ст-сл.	русск.	другие индоевропейские языки	предполагаемое прасл.
бръвь (вин. п.)	*бровь*	лит. *bruvìs* ('бровь'), др-инд. *bhrūḥ* ('бровь')	**brъvь* < **brŭu̯ĭs*
кръха	*кроха* *крошить*	лит. *krùšti* ('толочь'), грч. κρούω [krúō] ('стучу')	**krъxa* < **krŭsa*
крьстъ	*крест*	из древненем. *Krist* ('Христос')	**krьstъ* < **krĭstŏs*
брьвьно	*бревно*	галльск. *briva* ('мост'), нем. *Brücke* ('мост, половик')	**brьvьno* < **brĭu̯-*
плъть	*плоть*	лит. *plutà* ('корка, толстая кожа')	**plъtь* < **plŭtĭs*
блъха	*блоха*	лит. *blusá* ('блоха')	**blъxa* < **blŭsa*
бльснѫти	*блеснуть*	лит. *blizgéti* ('мерцать'), грч. φλέγω [flĕgō] ('горю')	**blьsk-* < **blĭsk-*

Редуцированный гласный в этих сочетаниях мог быть как в сильном, так и в слабом положении — в соответствии с общими правилами (см. § 43—44): **връвь, крьстъ** и под.— в сильном положении (под ударением); **крьстити, сльꙁа** и под.— в слабом положении (перед слогом с гласным полного образования). В последнем случае в большинстве сохранившихся рукописей буквы **ь** и **ъ** смешиваются; например, в М а р. е в.: **кръстити, слъꙁами** и под.

ВТОРИЧНЫЕ СМЯГЧЕНИЯ ЗАДНЕНЁБНЫХ

§ 122. Изменения дифтонгов и дифтонгоидов, вызванные тенденцией к построению слогов по принципу восходящей звучности, отразились не только на вокалической, но и на консонантной системе. Дело в том, что одним из синтагматических следствий монофтонгизации явилось появление новых сочетаний твердых согласных с передними (диезными) гласными дифтонгического происхождения ⟨ě⟩, ⟨и⟩, а также ⟨ę⟩. Тенденция к внутрислоговому сингармонизму вновь вызывала смещение места образования твердых согласных в направлении твердого нёба (ср. § 87). Последующая судьба твердых по происхождению согласных перед передними гласными дифтонгического происхождения в славянских языках ничем не отличается от судьбы тех же согласных перед «старыми» передними гласными [ср. в русском языке тождественное произношение первого согласного в словах [п’ен’] (из _пьнь<*pĭnĭs_) и [п’ес’н’] (из _пѣснь<*poi̯snĭs_)], что должно указывать на их совпадение с ранее возникшими позиционно «полумягкими» согласными.

II СМЯГЧЕНИЕ ЗАДНЕНЁБНЫХ

§ 123. В ряде словоформ перед новыми передними гласными оказывались задненёбные согласные. И это вновь вызвало передвижение их артикуляции. В результате на месте задненёбных вновь стали произноситься передненёбные мягкие (палатальные) согласные, но теперь уже не шипящие (как в эпоху I переходного смягчения задненёбных — см. § 88), а мягкие свистящие.

П р о ц е с с и з м е н е н и я з а д н е н ё б н ы х с о г л а с н ы х в м я г к и е (палатальные) с в и с т я щ и е согласные *x > [с’], *k > [ц’], *g > [ʒ’] > [з’] в положении п е р е д г л а с н ы м и [ě] (ѣ) и [и] д и ф т о н г и ч е с к о г о п р о и с х о ж д е н и я п р и н я т о н а з ы в а т ь **в т о р ы м** п е р е х о д н ы м с м я г ч е н и е м (палатализацией) з а д н е н ё б н ы х с о г л а с н ы х.

Например, в период I переходного смягчения задненёбных слово _*koi̯na_ (ср. лит. _kainà_ — ‘цена, возмездие’) не претерпело изменений в звуковом составе, так как задненёбный _*k_ находился перед гласным заднего ряда. Однако после того, как дифтонг _*oi̯_ в положении перед согласным изменился в [ě], слово стало

произноситься *kěna, где *k оказался перед гласным переднего ряда. В результате передвижения артикуляции задненёбного *kěna > *c'ěna, ст-сл. **цѣна**, русск. *цена*[1].

§ **124.** Результаты II переходного смягчения задненёбных в старославянском языке обычны в конце основ, оканчивающихся задненёбными согласными, так как многие окончания имён, а также глаголов содержали некогда дифтонг *oį, изменившийся в [ě], [и]:

а) дательный — местный падеж ед. числа существительных и прилагательных женского рода (типа *вода, ногá*): **водѣ, ноѕѣ** (где перед [ě] < *oį на месте *g по II переходному смягчению [ꙁ']: ср. **нога**), **рѫцѣ** (ср. **рѫка**), **велицѣ странѣ** (ср. **велика страна**);

б) местный (русский предложный) падеж ед. и множ. чисел существительных и прилагательных мужского и среднего рода: **столѣ, столѣхъ** (русск. *на столе, на столах*), **вльцѣ** (где перед [ě] < *oį на месте *k по II переходному смягчению [ц']; ср. **влькъ**), **вльцѣхъ, сладъцѣ соцѣ** (ср. **сладъкъ сокъ**), **въ оцѣ** (ср. **око**), **мъноѕѣхъ селѣхъ** (ср. русск. *во многих сёлах*);

в) именительный падеж множ. числа существительных и прилагательных мужского рода: **столи, влъци**, (ср. **влькъ**), **оученици** (ср. **оученикъ**), **слоуси** (ср. **слоухъ**), **высоци стлъпи** (ср. **высокъ стлъпъ**);

г) формы повелительного наклонения глаголов: **бери, берѣте** (русск. *бери, берите*), **помоѕи, помоѕѣте** (ср. **помогѫ**), **пьци, пьцѣте** (ср. **пекѫ**) и т. д.

В группах согласных *sk и *zg, оканчивающихся задненёбными, в отличие от их изменения в период I смягчения (см. § 88), появление в конце сочетания мягкого (палатального) свистящего не влекло за собой ассимилятивного смягчения предшествующего зубного свистящего. Поэтому в памятниках встречаем: **къ горѣ елеоньсцѣ** (из *-sk-ě), ср. **гора елеоньска**; местн. п. **моꙁѕѣ** (из *mozge), ср. **моꙁгъ**.

Однако и здесь, в образовавшихся палатальных группах *st's' (т. е. sc' < *sk) и *zd'z' (из *zg), могла происходить утрата конечного фрикативного элемента, что и отражается в эпизодических написаниях **ст, ꙁд** (вместо ожидаемых **сц** [ст'с'], **ꙁѕ** [зд'з']) перед ѣ и **и**, обозначающими гласные дифтонгического происхождения. Например, в С у п р. р у к.: **римъстѣи** (**цръкъви**), т. е. [р'имъст'ěй] < [р'имъсц'ěй], ср. **римьскаꙗ**; местн. п. **дрѫꙁдѣ**, т. е. [др'ęзд'ě] < [др'ęзд'з'е] < *dręzgě, ср. **дрѫꙁга** ('лес').

---

[1] Новейшие исследования показывают, что II смягчение задненёбных было пережито не всеми позднепраславянскими говорами. Так, по наблюдениям А. А. Зализняка, в новгородских берестяных грамотах XI—XIII вв. встречаются только написания, с о х р а н я ю щ и е задненёбные перед ѣ дифтонгического происхождения: *кѣлъ* (ст-сл. **цѣлъ**, русск. *целый*), *хѣрь* (ст-сл.. **сѣръ**, русск. *серый*), *по бѣлъкѣ* (др-р. *бѣлъцѣ*, ср. ст-сл. **по рѫцѣ**) и под.

§ 125. В южных и восточных славянских диалектах задненёбные согласные изменялись в мягкие свистящие согласные и в том случае, если от гласного *ě* или *i* дифтонгического происхождения их отделял согласный **v: *kvoitъ*>**květъ*>ст.-сл. **цвѣтъ**, русск. *цвет; *gvoizda*>**gvězda*>ст-сл. **ѕвѣꙁда**, русск. *звезда;* имен. падеж множ. числа от слова **вльхвъ** ('волшебник, предсказатель') **vьlxvoi*>**vьlxvi*>ст-сл. **вльсви**, др-р. *вълсви* (совр. *волхвы*).

В западнославянских языках такого изменения задненёбных перед [v] не происходило; ср.: русск. *цвет,* пльск. *kwiat,* чш. *květ*; русск. *звезда,* пльск. *gwiazda,* чш. *hvězda.*

III СМЯГЧЕНИЕ ЗАДНЕНЁБНЫХ

§ 126. В ряде слов и форм мягкие свистящие согласные на месте задненёбных обнаруживаются не перед [ě] (ѣ) или [и] дифтонгического происхождения, а в иных условиях. Так, невозможно объяснить II переходным смягчением появление мягких свистящих согласных в таких, например, словах, как **нарицати**, русск. *нарицательный, порицать* (ср. **рекѫ, нарѣкати**), **овьца**, русск. *овца* (ср. др-инд. *avikà*), **мрьцати**, русск. *мерцать* (ср. **мрькнѫти**), **ꙁрьцало** (ср. русск. *зеркало*), **лице**, русск. *лицо* (ср. **ликъ, обликъ**), **польѕа**, русск. *польза* (ср. **льгъкъ**), **кънѧѕь**, русск. *князь* (ср. **кънѧгыни**) и т. д.: во всех случаях после мягкого свистящего следует либо [а], который не из **ē* (так как в этом случае на месте задненёбного был бы шипящий — по I переходному смягчению), либо гласный переднего ряда [е], [ь], который не является старым передним гласным, так как в этом случае на месте задненёбного в период I переходного смягчения развился бы шипящий согласный.

Указанные случаи платализации задненёбных были впервые отмечены известным русским языковедом И. А. Бодуэном де Куртенэ, который предположил здесь межслоговую ассимиляцию, т. е. влияние на задненёбные предшествующих гласных переднего ряда (следовательно, гласных предшествующего слога). Процесс изменения задненёбных согласных в мягкие (палатальные) свистящие согласные под влиянием предшествующих гласных переднего ряда можно обозначить как **третье** переходное смягчение (палатализацию) задненёбных согласных. Иногда этот процесс характеризуют как разновидность II переходного смягчения задненёбных, так как результаты обоих процессов совпадают. Некоторые лингвисты называют III переходное смягчение бодуэновской палатализацией — по имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, впервые отметившего и попытавшегося объяснить этот процесс.

Исходя из реальных фактов отражения результатов III смягчения задненёбных, принято считать, что оно осуществлялось в позиции после гласных переднего ряда *i, ь, ę* (ст-сл. **ѧ**), а также после диезного слогового сонанта *ŗ*, (из **ьr* — см. ниже) перед

любым гласным (непередним, так как перед гласными переднего ряда задненёбные изменились в шипящие в эпоху I смягчения), кроме *ъ* и *у* (ст-сл. **ы**). Эти условия подчеркивают активизацию процесса после монофтонгизации дифтонгов, т. е. после того как задненёбному стал непосредственно предшествовать передний гласный [ę], а не твердый сонант дифтонгоида **en* (или **in*), и после того как появился, вероятно, диезный по своей тональности сонант [р'] (видимо: [мр̥'ц'ат'и]). На этот период указывает и совпадение результатов II и III переходных смягчений задненёбных в большинстве славянских языков (в южно- и восточнославянских).

§ 127. Результаты III переходного смягчения задненёбных, как и результаты II смягчения, отражаются в славянских языках, в частности в старославянском и русском, в виде чередований свистящих согласных с задненёбными, из которых они произошли: ст-сл. **нарицати, прорицатель**, русск. *отрицать* ([ц'>ц] <**k* в положении после [и] перед гласным [а], т. е. не перед [ъ], [ы] и не перед согласным) — **нарѣкати, издрѣкати**, русск. *изрек, пререкаться* ([к] сохранился, так как находился не после [и], [ь], [ę] или [р̥́'] <**ьr*); ст-сл. **лице**, русск. *лицо* ([ц'>ц] <**k* в положении после [и] перед гласным [о], на месте которого после палатализации стал произноситься [е], т. е. было **liko*>**lic'o*> [л'иц'е] — см. об изменении **'o*> [е] в § 77) — **ликъ**, русск. *облик* ([к] сохранился в положении перед [ъ]); ст-сл. **мрьцати** [мр̥ц'ат'и] <**mьrkati*, русск. *мерцать, мерцание* ([ц'>ц] <**k* в положении после [р'] <**ьr* перед гласным [а]) — **мрькнѫти**, русск. *меркнуть* ([к] сохранился перед согласным), *сумерки*, др-р. *сумьркы* ([к] сохранился перед [ы]); ст-сл. **пътица, оулица** и т. д., русск. *ученица, молодица, лестница* (в суффиксе *-иц-а* задненёбный изменился после [и] перед гласным [а]) — **оученикъ, длъжьникъ**, русск. *старик, ученик, должник* (задненёбный согласный сохранился перед [ъ]); ст-сл. **кънѧѕа, кънѧѕю**, русск. *князя, князю* ([з'<ʒ'] <**g* в положении после [ę] перед гласными [а], [у]) — **кънѧгыни**, русск. *княгиня*, др-р. *кънягыня* ([г] сохранился перед [ы]); ст-сл. **польѕа**, русск. *польза* ([з<ʒ'] < **g* после [ь] перед гласным [а]) — **льгъкъ**, русск. *легкий*, др-р. *легъкъ* ([г] сохранился перед [ъ]).

Активность рассматриваемого процесса в поздний праславянский период подчеркивается наличием именно свистящего в заимствованиях из готского **кънѧѕь** и **пѣнѧѕь**, которые могли проникнуть в славянскую речь в начале нашей эры (см. § 99). Замечательно, что заимствованное в то же время слово **цръкы** (русск. *церковь*, др-р. *цьркы — цьркъве*), видимо, из гот. **kirikó*, всеми славянскими языками отражается с (мягким) свистящим на месте **k* перед гласным переднего ряда не дифтонгического происхождения, что, с одной стороны, подчеркивает достаточно поздний характер заимствования, с другой — указывает

на изменение задненёбных в свистящие в поздний праславянский период во всех случаях, когда соседний гласный переднего ряда вызывал смещение артикуляции задненёбного согласного в палатальную область.

На относительно позднее осуществление процесса указывает и его межслоговой характер: он должен был протекать тогда, когда прежняя «автономность» слога уже была ослаблена.

§ 128. Традиционно формулируемые позиционные условия III смягчения в словоформах, реально известных славянским языкам, нередко не соответствуют наличию в них исконно смягченного или задненёбного согласного, на что обратил внимание уже И. А. Бодуэн де Куртенэ. Как правило, это объясняется г р а м м а т и ч е с к о й а н а л о г и е й.

Например, в форме именительного падежа существительного **кънѧѕь** не должно быть [ʒ'>з'], так как после задненёбного в праславянском языке следовал [ъ]: **kъnęgъ*. Появление [ʒ'] (из которого позднее [з']) в именительном падеже вызвано тем, что в большинстве падежей изменение **g*> [ʒ'] в основе данного существительного было закономерным, так как для этого были необходимые условия: род. п. **kъnęga*>**кънѧѕа**; дат. п. **kъnęgu*> **кънѧѕю**; твор. п. **kъnęgomь*>**кънѧѕемь** (['е]<**'o*). Стремление к обобщению основы привело к вытеснению основы **kъnęg-* и в именительном падеже (т. е. в той форме, где **g* сохранился в положении перед **ъ*) основой [кънęʒ'-]; на месте [ъ] в окончании после [ʒ'] начинает произноситься [ь], существительное в косвенных падежах получает окончания мягкого варианта, в частности в творительном падеже вместо [-омъ] закрепляется окончание [-емъ], в местном падеже вместо [-ě] — [-и].

Возможна и обратная аналогия. Так, в косвенных падежах существительных мужского рода с суффиксом [-ик-] должно было произойти смягчение задненёбного: род. п. **uč'enika* (**k* перед **a*); дат. п. **uč'eniku* (*k* перед *u*<**ou̯*) и т. д. Между тем в старославянском языке обнаруживаем: **оученика, оученикоу** (ср. то же в русск.: *ученика, ученику* и т. д.) — задненёбный сохраняется. Предполагается, что здесь на сохранение задненёбного в формах косвенных падежей оказала влияние основа им.-вин. падежа ед. числа и вин. падежа мн. числа, где **k* находился перед **ъ*, **y* (**ы**): **uč'enikъ*, **uč'eniky*>**оученикы**.

«Вмешательство» грамматической аналогии в отражение результатов III смягчения естественно, если учесть, что изменению здесь подвергался конечный согласный основы — корня или суффикса, оказывавшийся в разных формах в разных фонетических позициях.

В связи с оформлением мягких свистящих в самостоятельные фонемы чередования *x//s' k//c', g//ʒ'* постепенно утрачивали позиционный характер, что на морфологическом уровне активизировало тенденцию к аналогическому выравниванию фонемного оформления основ (ср. позднее то же с результатами II смягчения в русском языке: *рука — руке* — вместо др-р. отношения *рука — руцѣ*). Особенно

интересно это проявилось в дифференциации суффиксов типа **-иц-а** и **-ик-ъ**, где аналогическое распространение свистящего или задненёбного на все формы одного слова с первоначально одним и тем же суффиксом **-ik-* привело к оформлению двух суффиксов, использующихся для производства имен разных родов: **-иц-** для имен женского рода, **-ик-** — для имен мужского рода.

Широкое отражение аналогического выравнивания морфем (происходившего после завершения III смягчения) позволяет обратить внимание на то, что единственной позицией, в которой появление мягкого свистящего в результате III смягчения не требует аналогического объяснения, оказывается положение перед ⟨a⟩: **мрьцати, нарицати, подвиѕатисѧ** (ср. русск. *подвиг*) и под. В связи с этим первоначальные собственно фонетические условия III смягчения задненёбных можно было бы, вопреки традиции, сформулировать как изменение заненёбных в мягкие свистящие после *i, ь, ę, r̥'* (из**ьr*) перед открытым гласным *a*. При такой формулировке, между прочим, получает объяснение до сих пор не интерпретированное сохранение задненёбного в случаях типа *льгота* (но ср. *польза*), которые не допускают аналогического истолкования.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 63—128

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I, М., 1961, § 10, 20—32, 38—47, 65.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, § 1—24.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957, § 12—13, 16—18, 30—31.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 20—92 (с. 19—65), 102—113 (с. 71—80), 135—152 (с. 102—116), 174—186 (с. 121—148), 191—197 (с. 152—159).

Селищев А. М. Старославянский язык, ч. 1. М., 1951, § 44—147, 156—170, 194—197, 203—213.

ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

СТРУКТУРА СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 129. Особенности лексического состава старославянского языка целиком обусловлены его книжно-литературным происхождением и условиями создания первых переводов богослужебных текстов, непременно имевших греческие оригиналы, но предназначенных для славян.

Старославянская лексика кирилло-мефодиевского периода не может быть восстановлена в своем конкретном первоначальном составе, даже если при этом опираться на словарь двух десятков старейших сохранившихся рукописей, часть которых представляет тексты произведений, переводившихся самим Константином и его непосредственными соратниками, а часть является списками произведений, переведенных спустя 1,5—2 столетия после завершения деятельности славянских первоучителей.

Специфика лексики любого языка, в отличие от фонетики и морфологии, заключается в том, что она представляет незамкнутую структуру, поэтому ее изучение требует значительно большего по численности и многообразию круга текстов. Малая численность текстов и их относительное единообразие уже сами по себе ограничивают возможности отражения в них реально существующих в языке словарных единиц. Это необходимо иметь в виду при характеристике лексики старославянского языка, памятники которого не сохранились, а их возможные списки или последующие редакции представлены довольно узким кругом повторяющихся в разных рукописях произведений. В известных нам текстах слова, реально или потенциально свойственные старославянскому языку, во многих случаях могли не найти отражения только потому, что в них не было надобности при передаче соответствующего содержания. Вот почему памятники разного содержания (и разных жанров), как правило, в большей степени расширяют наши сведения о лексическом фонде старославянского языка, чем тексты одного содержания. Так, например, открытие в 1960 г. Енинского апостола — единственного текста апостольских чтений XI в. — позволило, несмотря на плохую сохранность рукописи (наличие в ней больших текстовых утрат), увеличить список знаменательных слов, фиксируемых славянскими памятниками X—XI вв. (по времени наиболее

близкими эпохе первых переводов), сразу на 120 единиц; при этом в памятнике оказалось не более десятка слов, не встречающихся в хорошо известных поздних списках Апостола (XIII — XIV вв.).

§ 130. Ни в одной из сохранившихся рукописей X—XI вв., естественно, не употребляются все известные старославянские слова. Но вместе с тем нет и ни одной рукописи (исключая отрывки, представленные 2—3 листками), в которой не было бы слов, употребляющихся только в ней и не встречающихся в других рукописях. Даже *памятники одного и того же содержания, относящиеся к одной и той же эпохе, в словарном своем составе никогда не совпадают полностью*: лексические замены и правки ярче всего отражают переводческую и редакторскую работу древних славянских книжников (ср. § 3). Так, если сопоставить между собой старейшие сохранившиеся списки евангелия, т. е. списки переводов одного и того же по содержанию памятника, выполненные в XI в. на Балканах,— Зографского, Мариинского, Ассеманиева и Саввиной книги,— то можно констатировать, что каждый из них содержит по нескольку десятков знаменательных слов, не встречающихся в остальных списках.

И тем не менее, несмотря на трудности реконструкции конкретного лексического состава языка первых переводов, исследование лексики сохранившихся славянских текстов *позволяет составить вполне объективное представление об общих особенностях старославянского словаря*.

§ 131. Условия сложения старославянского языка, оформившегося в текстах переводов с греческого, определили заметное *богатство и разнообразие его лексического фонда*. Даже если ограничиться материалом 15—20 старейших сохранившихся рукописей балканского происхождения (написанных в Македонии и Восточной Болгарии), то и в этом случае он охватывает, по подсчетам Р. М. Цейтлин, свыше 10 000 словарных единиц. В основной своей массе этот круг слов характеризовал и язык утраченных первых переводов (частью, может быть, представленных в кирилло-мефодиевских переводах эквивалентами известных по сохранившимся рукописям слов). Если же учесть, с одной стороны, отмечавшиеся выше утраты, а с другой — «потенциальные» старославянские слова, отсутствующие в сохранившихся рукописях, но восстанавливаемые по производным от них, то состав старославянского словаря предстанет еще более богатым.

Если подходить к старославянской лексике как к *системе*, то в ее состав надо включать большое число общеславянских слов, от которых образованы отмеченные в памятниках производные. Так, **говѧжда жила** (Супр. рук.) позволяет предполагать наличие в старославянском словаре существительного **говѧдо** ('бык' или 'скот вообще'?), реально в текстах отсутствующего. Прилагательное

в словосочетании **въ котыгѫ льнѣнѫ** (там же) указывает на непроизводное **льнъ** ('лен'); целое гнездо **цѣна, цѣнити, съцѣнити, бесцѣньнъ, мъногоцѣньнъ** подсказывает существование в структуре старославянской лексики прилагательного **цѣньнъ**, которое в сохранившихся рукописях отсутствует. Также следует предполагать и наличие в составе старославянского словаря лексем **бѣгъ, крава, кора. кръмило, свекръ, синь(и), слонъ** и др., в старейших сохранившихся текстах отсутствующих и не входящих в число 10 000.

Любопытны свидетельства у п о т р е б и т е л ь н о с т и старославянских слов в сохранившихся текстах. Во всех (или почти во всех, за исключением одной-двух) старейших рукописях X—XI вв. встречается около шести десятков слов. Среди них широко употребительные служебные слова (союзы и частицы **и, да, нъ, аште, ꙗко, ѥгда, же, оубо** и др., предлоги **въ, до, къ, о, отъ, по**), местоимения **и, иже, ты, онъ, мои, твои, свои, себе, тъ, вьсь** и др., а также очень характерные для содержания богослужебных текстов знаменательные слова — имена и глаголы **быти, рещи** (свыше 3000 употреблений; чаще всего в форме **рече**), **богъ, божии, видѣти, вѣдѣти** ('знать'), **вѣра, глаголати** ('говорить'), **господь, грѣхъ, добръ, доуша, дьнь, дѣло, имѣти, отьць, свѧтъ, срьдьце, сътворити, сынъ, ходити, хотѣти** и др. Свыше 200 слов фиксируется не менее чем в 10 рукописях X—XI вв.

Около 350 корней представлены в известных нам старейших славянских текстах балканского и моравского происхождения только одним образованием — с разной степенью употребительности; среди них: **бръвь, быстръ, гѫба, гоумьно, длань, иго, кобыла, колѣно, кость, ланита, ледъ, лѣсъ, лопата, мѣхъ, орѫдиѥ, пила, рана, рано, сестра, сковрада, срьпъ, хлъмъ, чаша** и др. Чаще всего от одного корня встречается 2—5 образований. Больше всего образований зарегистрировано от корня **дѣ-** (**дѣти** — 'деть, положить', **дѣꙗти** и др.) — около 90 лексем, от корня **рек-** (**рещи**) образовано 64 лексических единицы, отмеченных в старейших славянских рукописях; от корня **би-** (**бити, побити** и т. д.) — 39, **цѣл-** (**цѣлъ, цѣлити** и др.) — 35, **жи-** (**живъ, жити, жизнь, животъ** и т. д.) — 31, **вѣр-** (**вѣра, вѣрити** и др.) — 30, **ꙗд-** (**ꙗсти, ꙗства, ꙗдьца** — 'обжора' и др.), **мѫдр-** (**мѫдръ, мѫдрость** и др.) и **свѣт-** (**свѣтити, свѣтьлъ** и др.) — по 29, **бѣг-** (**бѣгати** и др.) — 26, **мѣр-** (**мѣра, мѣрити** и др.) — 23, **бѣд-** (**бѣда, бѣдьнъ** и др.) — 18 и т. д. Бóльшая часть таких образований — общеславянские слова, многие из которых являются праславянскими по происхождению.

§ 132. В силу особенностей источников, с одной стороны, и специфики старославянского языка как литературно-книжного — с другой, з н а ч и т е л ь н а я ч а с т ь и з в е с т н ы х с т а р о с л а в я н с к и х с л о в п р е д с т а в л е н а е д и н и ч н ы м у п о т р е б л е н и е м т о л ь к о в о д н о м п а м я т н и к е. Такие слова принято называть г á п а к с а м и (от лат. gapax legomena). Гапаксы составляют около 25% зафиксированного в рукописях словарного состава старославянского языка и представлены д в у м я о с н о в н ы м и г р у п п а м и, очень разными по своему характеру.

Значительная часть гапаксов — это слова, единичность употребления которых обусловлена их несвойственностью той сфере действительности, которая отражена известными славянскими текстами, а также ограниченностью состава текстов. Р. М. Цейтлин удачно характеризует их как «гапаксы поневоле», ибо расширение числа и жанрового разнообразия памятников, несомненно, вывело бы многие такие слова из разряда гапаксов, хотя, с другой стороны, привело бы к включению в их состав словарных единиц, в памятниках не зафиксированных, но, очевидно, входивших в структуру старославянской лексики (подобно приводившимся в § 131 «потенциальным» старославянизмам типа **говѧдо, цѣньнъ** и др.). *К числу «гапаксов поневоле» относятся* такие *широко употребительные в славянских языках праславянские по происхождению* слова, как **баба, бѫдрость, весна, дроужьба, заѩць, работьникъ, тесати, тетъка, хоботъ, челѩдь** и т. д.

Другая группа гапаксов — это специфичные именно для старославянского языка как книжно-литературного *искусственные образования*, нередко — *окказионализмы*, появление которых в том или ином контексте обязано творчеству отдельного переводчика или редактора, стремившегося точнее и вместе с тем образно передать то или иное место греческого оригинала. В более поздних церковнославянских текстах подобные образования нередки как *проявление индивидуальных особенностей стиля* авторов оригинальных произведений. Таковы, если ориентироваться только на рукописи X—XI вв., многочисленные «мотивированные» производные типа **длъгослоужиѥ, неиздреченьникъ, народоводим(а), славословествиѥ, сынобожьствиѥ** и под. Вообще многие мотивированные производные, в том числе сложные слова, представлены в старейших славянских памятниках именно гапаксами. Например, по наблюдениям Р. М. Цейтлин, из зафиксированных в древнеболгарских рукописях X—XI вв. 130 названий отвлеченных понятий с суффиксом **-ьств-о** почти половина представлена гапаксами (**апостольство, безбожьство, блаженьство, вештьство** и т. д.— более 60 образований).

§ 133. Лексика старославянского языка, с точки зрения *источников* ее формирования, *распадается на два основных слоя*, граница между которыми, впрочем, не во всех случаях может быть проведена достаточно четко, ибо каждый из них неоднороден по происхождению.

Около половины старославянского словаря составляет лексика, по происхождению непосредственно связанная с живой славянской речью эпохи первых переводчиков. В подавляющем большинстве это слова праславянские по происхождению и общеславянские — по распространению: **землꙗ, соуша, пѣсъкъ, морѥ, рѣка, вода, каплꙗ, дъждь, роса, село, полѥ, лѣсъ, небо; чловѣкъ, людиѥ, народъ,**

жити, ити, вести, рещти, плакати, радовати сѧ, горѥ, смѣхъ; хлѣбъ, мѧсо, рыба, мѫка, пьшеница, медъ, сѣꙗти, бьрати и мн. др. Это — лексика, характеризовавшая славянские говоры, на которые опирались первые переводчики и которыми пользовались в повседневном общении редакторы и переписчики позднейших рукописей. Подобные слова составляют более 40% всего словарного состава старославянских текстов и являются частью общеславянского лексического фонда, многие единицы которого в сохранившихся рукописях отсутствуют, составляя «потенциальную» часть старославянского словаря (коль скоро их появление в тексте неизбежно в случаях, если появится необходимость в обозначении соответствующих предметов, действий, качеств,— ср. выше).

К этому же слою старославянского словаря следует отнести и собственно диалектную лексику, известную только южнославянским говорам (например: **аѥръ** — 'воздух', **жрьдь, вълѣсти** — 'войти', **съборъ** — 'собрание, сонм', **жизнь, кладѧзь** и т. п.) или западнославянским говорам (типа **братръ, дрьколь** — 'посох', **жаль** — 'гроб', **животъ** — 'жизнь', **ѥдинъ** — 'некий', **стоуденьць** — 'колодец, источник', **ништь, вѣнити сѧ** и др.). По преимуществу это лексика, хотя и диалектная, но также праславянского происхождения. В эту же группу входят и заимствования, подобные южнославянским грецизмам типа **аѥръ, корабль, сѫбота** и нек. др., восходящим (в отличие от основной массы старославянских грецизмов — см. далее) не к языку оригиналов, а к словарю тех южнославянских диалектов, которые непосредственно соприкасались с греческими. Таковы же по происхождению и редкие заимствования из других языков (например, германские заимствования **блюдо, боукы, кънѧѕь, мытарь, пѣнѧѕь, црькы** и др.).

Все ли эти заимствования были в переводах самого Константина Философа, пока сказать трудно; но нет сомнения в том, что лексические единицы этой группы имелись и в языке первых переводов и что источником их для первоучителей были не те языки, к словарю которых эти заимствования восходят этимологически, а сами славянские говоры, что и отличает их от иной группы заимствований, специфических для старославянского словаря — как словаря книжно-литературных текстов, переведенных с греческих оригиналов.

§ 134. Эта иная группа заимствований, входящая во второй слой книжной славянской лексики и охватывающая от 15 до 20% всего словарного состава сохранившихся текстов, представлена грецизмами оригиналов, оставленными без перевода. Впрочем, очень значительную часть этой лексической группы составляют имена собственные (прежде всего — личные и географические, а также производные от них), перевод которых принципиально невозможен. Так что процент грецизмов нарицательных (существительных и прилагательных; грецизмов-глаголов вообще очень мало) для переводов с греческого на язык, не имевший до того книжно-литературной традиции, оказывается значи-

тельно ниже, чем можно было бы предполагать в данной ситуации.

В большинстве своем заимствования этой группы связаны с основными понятиями христианства, религиозного мировоззрения, с церковной обрядностью, отношениями и реалиями, характеризовавшими деятельность библейских (в частности, евангельских) персонажей (протекавшей на Ближнем Востоке, а не в Средней Европе) и т. п. (примеры см. ниже). Наличие таких слов в древних славянских памятниках (переводах Евангелия, Апостола, Псалтыри и т. д.) кажется понятным и естественным: не находя им эквивалентов в собственно славянской речи языческого периода, переводчики включали их в текст на правах неизбежных культурных заимствований. *Большинство из них со временем стало достоянием литературных славянских языков*, получая общеславянское распространение.

И все же непереведенные грецизмы указанного типа составляют меньшую часть того *слоя старославянской лексики, который связан с передачей значения греческих слов, не имевших эквивалентов в словаре живых славянских говоров* дохристианского времени: «прямые» грецизмы в количественном отношении заметно уступают *славянским словам, созданным самими переводчиками* — Константином Философом или его последователями, ориентировавшимися на образцы, предложенные славянскими первоучителями.

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КНИЖНО-СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

§ 135. При сопоставительном изучении словаря сохранившихся текстов X—XI вв. и более поздних обнаруживается, что не только славянские первоучители, но и их последователи, встречаясь в языке греческих оригиналов со словами, обозначавшими нехарактерные для языческого общества понятия и отношения, далеко не всегда оставляли соответствующую греческую лексему без перевода; гораздо чаще они стремились *перевести* греческое слово — даже если оно еще не имело в то время собственно славянского словарного эквивалента. Более или менее регулярны в старейших славянских памятниках грецизмы, относящиеся к области церковной терминологии, постоянно употреблявшиеся в обиходе церковной службы (типа **апостолъ, анъг'елъ, еоуанъг'елиѥ, епискоупъ, олътарь, пъсалъмь** и т. п.); но даже и они в ряде известных нам рукописей оказываются переведенными: в соответствии с грецизмом **аминъ** в отдельных памятниках встречается **истина**; в соответствии с **олътарь** — **жрьтвьникъ, иереи** — **свѧштеникъ** и т. п. В еще большей степени это относится к словам обиходным, непосредственно не связанным с христианской обрядностью, которые в разных памятниках представлены как в греческом, так и в славянском вариантах,

как, например: иг'емонъ и воѥвода, икономъ и домоуzаконьникъ, домоуправитель.

Нет необходимости предполагать, что в указанных случаях славянские первоучители непременно включали в свой текст «перевод», а не само греческое слово. Но приведенные здесь примеры иллюстрируют, несомненно, широко использовавшийся первыми переводчиками и очень характерный для старославянского языка способ передачи греческих слов средствами славянской речи, который принято называть калькированием. Калькирование — это поморфемный перевод иноязычного слова; в старославянском языке кальки — это основная группа лексики, отсутствовавшей в живой славянской речи дохристианского времени, но вместе с тем и не являющейся иноязычными заимствованиями в привычном смысле.

§ 136. Очень характерный способ создания новых славянских слов для перевода лексики греческих оригиналов — словосложение. В старейших славянских рукописях сложным (двух-, а то и трехоснóвным) является каждое 15-е слово!

В большинстве случаев сложные слова славянских переводов соответствуют греческим сложным словам. Так, например, благо-вол'ение — перевод грч. εὐ-δοκία [eu̯dŏkia], благо-дѣть ('благодеяние') — грч. εὐ-εργησία [eu̯ĕrgēsia], благо-словие — грч. εὐ-λογία [eu̯lŏgía], жестокосрьдие — грч. σκληρο-καρδία [sklērŏkardía], мало-доушие — грч. μικρο-ψυχία [mikrŏpsüxía], лъже-пророкъ — грч. ψευδο-προφήτης [preu̯dŏprŏfētēs], скоро-письць — грч. ταχυ-γράφος [taxügráfŏs].

Обычно в таких сложных словах вторая часть представляла собой отыменное или отглагольное образование и характеризовалась распространенными словообразовательными суффиксами и окончаниями. Первая часть сложного слова, как правило, представляла имя (существительное, прилагательное и числительное — ѥдино-чѧдъ — 'единственный ребенок', грч. μονο-γενής [mŏnŏgĕnēs]) и соединялась со второй частью тематическим гласным (см. в приведенных выше примерах: благ-о-, жесток-о-, мал-о-, лъж-е- и т. д.; ср. с другим тематическим гласным: дом-оу-zаконь-никъ, грч. οἰκο-νομος [oi̯kŏnomŏs] — 'эконом, управляющий хозяйством').

В старославянском языке подвергся обобщению в качестве элемента соединения основ («соединительного гласного») тематический -о- (после мягких согласных -е-), встречающийся значительно чаще других тематических гласных в сложных образованиях. Таким образом по типу благ-о-словие, добр-о-дѣи ('благодетель'), мал-о-вѣръ, мил-о-срьдие, плод-о-родие, скор-о-письць и т. д., где -о- действительно восходит к тематическому *ŏ первой части образований, появились сложные слова типа вод-о-носъ, где первая часть (вод-а) имела некогда тематический гласный *ā, а не *ŏ; мед-о-точьнъ ('медоточивый'), где первая часть имела в основе тематический

*ŭ; **кръв-о-пролитик**, где первая основа некогда оканчивалась на *ū; **звѣр-о-видънъ**, где первая часть представляла древнюю основу на *ĭ и т. д.

Сложные имена обычно образовывались для обозначения различных качеств, свойств (**добродѣѩи** — 'делающий добро', **маловѣръ** — 'неверующий', **милосрьдъ** — 'добрый сердцем', следовательно, **милосрьдик** — обладание этим качеством и т. д.), поэтому нередко одно и то же имя могло использоваться и как существительное и как прилагательное (**милосрьдъ** и **милосрьдыи**, **маловѣръ** и **маловѣрыи** и т. п.).

Сложными могли быть и глаголы, образованные от соответствующих именных основ. Так, от **благословик** — **благословити**, от **плодоносьнъ** — **плодоносити**, от **милосрьдъ** — **милосрьдовати** и т. д.

§ 137. Сложное греческое слово не обязательно переводилось способом калькирования, т. е. тоже сложным славянским словом. Так, грч. сложное слово κατακλυσμός [kataklüsmŏs] переводится словами **потопъ** или **вода**, несомненно существовавшими в славянской речи и приобретающими в соответствующем контексте новое значение (или новый оттенок значения). Грч. καρποφορεῖν [kargŏfŏrein] передается глаголом **плодити сѧ** (впрочем, в Супр. рук. калька: **плодоносьствовати**). Сложные греческие слова переведены такими словами, как **винарь** ('садовник, огородник'), **гнѣздо**, **зълоба**, **клевета**, **ключарь**, **пьрга** ('спор, дискуссия', ср. *словопрение*), **сѣньница**, **оубоичьнъ** (но в Супр. рук.: **съмрьтоносьнъ**) и др. Напротив, такие старославянские сложные слова, как **водоносъ**, **виноградъ**, **воквода**, **дрѣводѣлга**, (**прѣ**)**люводѣи**, **срьдоболга** и др., передают однокорневые слова греческих оригиналов. С л о в о с л о ж е н и е, таким образом, из способа калькирования превращается в практике старославянских книжников в п р о д у к т и в н ы й с п о с о б с л о в о о б р а з о в а н и я при необходимости создания «неологизмов» — лексических эквивалентов слов греческого оригинала.

В более поздних славянских текстах словосложение приобретает особую продуктивность, резко увеличивая число сложных слов, становящихся своеобразным средством «украшения» стиля, что чрезвычайно широко развивается в позднейших церковнославянских памятниках, особенно — оригинальных (например, в древнерусских житийных и проповеднических сочинениях).

§ 138. И все же о с н о в н о й с п о с о б с о з д а н и я к н и ж н ы х с т а р о с л а в я н с к и х «н е о л о г и з м о в» — и с п о л ь з о в а н и е п р о д у к т и в н ы х с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы х а ф ф и к с о в — суффиксов и приставок, присоединившихся к собственно славянским корневым морфемам. В ряде случаев мы и здесь встречаемся с калькированием, но не сложных слов, а однокорневых образований. Так, ст-сл. **безгодик** точно калькирует грч. 'αωρία [ar̄ia]: приставка **без-** передает грч. отрицание α- (ср.: *а-логизм, а-реальный*), суффикс **-ик** (точнее [-ӣj-e]) соответствует греческому суффиксу отвлеченных наименований -ία, причем

в старославянском отвлеченное значение оформлено принадлежностью существительного к среднему роду (см. ниже); оба аффикса присоединены к корню **-год-** ('пора, время, срок, час'), который в старославянском используется для перевода грч. слова ὥρα [ōr-a].

Исследователи выделяют в языке старейших славянских памятников свыше 100 словообразовательных аффиксов разной степени продуктивности. Большинство из них — общеславянские по распространению и праславянские по происхождению; лишь очень немногие по происхождению остаются невыясненными, хотя и оказываются по распространению общеславянскими, что может объясняться авторитетом старославянских текстов, оказавших влияние на формирование лексической системы литературных славянских языков.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 139. В своем словотворчестве славянские переводчики по преимуществу пользовались аффиксами, значение которых было вполне определенным (хорошо ощущалось) в период деятельности старших книжников. Первичные же (по преимуществу одно- и двуфонемные) праславянские (индоевропейские по происхождению) многозначные аффиксы, например именные суффиксы -r-, -l-, -t-, -k- и др., производные с которыми достаточно широко представлены в славянских языках, включая старославянский (например: **да-р-ъ** — от **да-ти, жи-р-ъ** — от **жи-ти, пи-р-ъ** — от **пи-ти; бы-л-ь** — от **бы-ти, жи-л-а** — от **жи-ти, дѣ-л҄-о** — от **дѣ-ти; чьс-т-ь** < **čьt-t-ьs* — от **чьт-ѫ, влас-т-ь** < **vold-t-ьs* — от **влад-ѣти, мошть** < **mog-t-ьs* — от **мог-ѫ— зна-к-ъ** — от **зна-ти, звѫ-к-ъ** < **zvon-k-os* — от **звон-ъ** и т. д.), не используются при создании новых слов, видимо, потому, что в приведенных выше (и многих других) общеславянских по распространению образованиях они в период создания старейших переводов уже не вычленялись, т. е. **дар-ъ, пир-ъ, был-ь, власт-ь, мошт-ь** и т. п. уже воспринимались как непроизводные. Такие образования характеризовали тот слой старославянской лексики, который связан с диалектной основой языка первых переводов и последующих списков.

§ 140. Широкое применение в словотворчестве переводчиков получали суффиксы, производные от первичных, еще не подвергшиеся ко времени деятельности старейших переводчиков переразложению и функционировавшие с относительно узким кругом значений (зачастую — однозначные). В книжно-литературном словопроизводстве такие многофонемные суффиксы, как правило, приобретали продуктивность значительно бо́льшую, чем в словопроизводстве живых славянских говоров эпохи средневековья, так что некоторые из них (см. ниже) производят впечатление исключительно книжных (собственно старославянских), даже если в действительности являются этимологически праславянскими.

Словообразовательные аффиксы (в первую очередь суффиксы), получившие широкую продуктивность в словотворчестве книжников, характеризуют по преимуществу две группы производных: названия лиц (по роду деятельности, профессии, религиозной или социальной принадлежности, особенностям поведения и т. д.— по признакам, которые не были актуальны или попросту не известны в дохристианском обществе) и названия отвлеченных понятий (действий, состояний, качеств и т. д.). Удельный вес книжно-славянских образований, которые обозначали бы конкретные предметы, действия, бытовые отношения и т. п., весьма невелик: в соответствующих случаях славянские переводчики чаще использовали лексику живых славянских говоров или (если речь шла о предметах и отношениях, не характерных для славянского средневекового быта) сохраняли непереведенными грецизмы оригиналов (типа **алавастръ** — 'сосуд для жидкости', **мѵро** — 'благовоние', **кѵарисъ**, **талантъ** — '(ближневосточная) золотая монета' и т. п.).

§ 141. Как средства образования названий лиц очень продуктивными в старославянском языке оказываются производные от -k- суффиксы **-ьц-(ь)**, **-ик-(ъ)** и **-иц-(а)**, со временем обраставшие новыми формантами.

Такие, например, образования с суффиксом **-ьц-**, как **жьн-ьц-ь, стар-ьц-ь, мрьтв-ьц-ь** и др., могли существовать реально в славянских диалектах дохристианского времени (как и наименования со значением уменьшительности: **жрѣб-ьц-ь** — 'осленок', **тел-ьц-ь** — 'теленок', **агн-ьц-ь** — 'ягненок' и под.). По их образцу произведены многочисленные образования от прилагательных, как правило, переводящие греческие субстантивированные прилагательные: **свѧт-ьц-ь** (вариант — **свѧт-ыи**), **хытр-ьц-ь, чрьн-ьц-ь, слѣп-ьц-ь** (вариант — **слѣп-ыи**), **хром-ьц-ь** (вариант — **хром-ыи**) и др., а также отглагольные производные **бор-ьц-ь, дав-ьц-ь** ('дающий безвозмездно'), **жьр-ьц-ь, льст-ьц-ь, твор-ьц-ь, чьт-ьц-ь** и мн. др. При необходимости придать таким образованиям экспрессию осуждения они оформлялись как имена на **-а**: **пив-ьц-ь** или **винопив-ьц-а** ('пьяница'), **оубиица** (т. е. [убӣј-ьц'-а]), **чародѣица** (т. е. [-дěј-ьц'-а] — 'колдун', 'обманщик'), **ꙗд-ьц-а** ('обжора') и др.

§ 142. Очень широкую продуктивность обнаруживает суффикс **-ик-**, использовавшийся как для названий конкретных предметов (**источьн-ик-ъ, сьребрьн-ик-ъ** и др.), так и особенно для производства названий лиц: **безакон-ьн-ик-ъ, блѫд-ьн-ик-ъ, врат-ьн-ик-ъ** ('сторож у дверей, привратник'), **грѣш-ьн-ик-ъ, длъж-ьн-ик-ъ, ꙗзыч-ьн-ик-ъ, мѫч-ен-ик-ъ, оуч-ен-ик-ъ** и мн. др. Поскольку такие образования, как правило, произведены от основ причастий (**мѫч-ен-ъ** — от **мѫч-ити**) и особенно — прилагательных (типа **блѫд-ьн-ъ, грѣш-ьн-ъ**), то из них вычленяется более сложный суффикс **-(ь)ник-**: **двьр-ьник-ъ** (от **двьр-ь** — то же, что и **вратьникь**), **застѫп-ьник-ъ, клевет-ьник-ъ** и т. д. Образования эти очень многочисленны (только в текстах

X—XI вв. невосточнославянского происхождения их около 170) и, как правило, не калькируют греческих слов (в греческом им соответствуют либо прилагательные на -ος [-ŏs], либо агентивные имена на -της [-tēs], -τῶρ (типичный суффикс деятеля [-tōr]) и -ευς [-eu̯s]).

§ 143. Вариантом того же суффикса, служившим средством образования названий лиц женского пола, был суффикс **-иц-а** (с вариантом **-(ь)ниц-а** и с возможностью образования названий предметов, как и в случае с **-ик-**: **жит-ьн-иц-а, риꙁ-ьниц-а** — 'кладовая, помещение для одежды' и др.); при этом, как правило, такие образования соотносимы с именами мужского рода на **-ьн-ик-**: **блѫд-ьн-иц-а, грѣш-ьн-иц-а, двьр-ьниц-а, мѫч-ен-иц-а** и т. д. В ряде случаев эти образования соотносимы с именами на **-ьц-**: **чрьн-иц-а** (ср. **чрьн-ьц-ь**), **стар-иц-а** (ср. **стар-ьц-ь**), **юн-иц-а** ('молодая корова, телка'; ср. **юн-ьц-ь**). Некоторые образования произведены непосредственно от названий лиц мужского пола: **вратар-иц-а** (от **вратарь**), **родител-ьниц-а** (от **родитель**) и др. Наконец, так же образованы и названия лиц по специфически женским качествам: **богород-иц-а, дѣв-иц-а**.

Среди образований с указанными суффиксами заметное место принадлежит гапаксам.

§ 144. Некоторые старославянские суффиксы, даже если они и связаны со словообразовательными средствами средневековых славянских говоров, обязаны своей продуктивностью прежде всего деятельности переводчиков. Среди них особенно активным оказывается суффикс **-тел'-(ь)**, с помощью которого от глагольных основ образованы многочисленные названия деятелей (мужского рода): **възда-тел-ь** (от **възда-ти**), **гони-тел-ь** (от **гони-ти**), **гоуби-тел-ь** (от **гоуби-ти**), **дѣла-тел-ь** (от **дѣла-ти**), **жи-тел-ь** (от **жи-ти**), **мѫчи-тел-ь** (от **мѫчи-ти**), **побѣди-тел-ь** (от **побѣди-ти**), **роди-тел-ь** (от **роди-ти**), **оучи-тел-ь** (от **оучи-ти**) и т. д. (таких образований зафиксировано более 70). Все производные отчетливо мотивированы и обнаруживают явно книжный характер; как правило, они не свойственны славянским говорам, но и не являются кальками. Под влиянием старославянского этот суффикс был усвоен всеми славянскими литературными языками, где продолжает сохранять продуктивность (ср. относительно новые образования в русском: *води-тель, изобрета-тель, потреби-тель* и под.).

§ 145. Иноязычного происхождения суффикс названий деятелей по ремеслу **-ар'-(ь)**, очевидно, заимствованный из готского (или через посредство готского: ср. лат. *-arius*); некоторые из образований с этим суффиксом сами являются заимствованиями: **мыт-ар-ь** — 'сборщик податей' (от **мыт-о** — 'подать, налог'; ср. гот. *motareis*), **вин-ар-ь** — 'огородник'. Собственно старославянские образования: **врат-ар-ь** ('привратник'; от **врат-а**), **клевет-ар-ь** ('обвинитель'; от **клевет-а**), **рыб-ар-ь** ('рыбак'; от **рыб-а**) и др.; в более поздних текстах встречается заимствование **боук-ар-ь** — 'книжник'

(ср. гот. *bokareis*). Наличие в этом ряду готских заимствований указывает на развитие суффикса в живой славянской речи до появления переводов с греческого.

Книжный характер рассмотренных образований подчеркивается их вариативностью — наличием параллельных образований с разными суффиксами (иногда — и разными основами) при переводе одних и тех же греческих слов (нередко — в одном и том же памятнике); **бестоуд-ьн-ик-ъ** — **бестоуд-ьц-ь**, **благодат-ьн-ик-ъ** — **благода-тел-ь** — **благодѣ-тел-ь**, **избавьник-ъ** — **избави-тел-ь**, **отъход-ьн-ик-ъ** — **отъшьл-ьц-ь**, **оуби-иц-а** — **оубител-ьник-ъ**, **мыт-ар-ь** — **мьздоим-ьц-ь**, **клевет-ар-ь** — **обличи-тел-ь**.

§ 146. Определенностью значения характеризуется суффикс **-ѣн-ин-/-ıан-ин-** (из **-jēn-in-*), а точнее — сочетание двух суффиксов, из которых первый служил для образования названий лиц по месту жительства, национальной или социальной принадлежности, а второй (**-ин-**) присоединялся к первому только в ед. числе для указания на одно лицо мужского пола: **галилѣ-ıан-ин-ъ** ('житель Галилеи'), **ег'упьт-ѣн-ин-ъ** ('житель Египта'), **назар-ѣн-ин-ъ** ('уроженец, житель Назарета'), **самар-ѣн-ин-ъ** ('житель Самарии') и т. д., в том числе и **крьстиıанинъ** ('христианин'). Во множ. числе суффикс единичности отсутствовал: **галилѣ-ıан-е**, **ег'упьт-ѣн-е** и т. д.

Суффикс **-ин-** мог присоединяться и к другим образованиям мужского рода для выражения идеи единичности: **господ-ин-ъ** ('хозяин' — наряду с **господь**), **поган-ин-ъ** ('язычник' — наряду с **поганъ**).

В старейших списках евангелия известен корень с тем же значением в образованиях, явно восходящих к первым переводам: **ин-о-чѧдъ** — то же, что и **кдиночѧдъ**, **кдинорождены** ('единственный ребенок'), **ин-о-рогъ** ('единорог'), **ин-ок-ъ**, **иночьство** — то же, что и **чрьноризьць**, **чрьноризьство** ('монах, отшельник' — 'монашество'). Все образования соответствуют греческим сложениям с первым элементом μονο- [mŏnŏ] — 'один'.

Не путать с омонимом **ин-ъ** — русск. *ин-ой*.

§ 147. Обеим группам имен мужского рода соответствуют образования женского рода явно книжного происхождения (ибо, как правило, их не могло быть в дохристианской славянской речи) с суффиксом **-ын'-и**: **господ-ын-и**, **крьстиıан-ын-и**, **раб-ын-и** и т. д. В славянских текстах (не только старейших, но и позднейших, включая оригинальные) это единственный суффикс, служивший для производства названий женщин по национальной или территориальной принадлежности: **агарıан-ын-и** ('агарянка' — от **агар'-ан-е**), **ег'упьтѣн-ын-и**, **елин-ын-и** (от **елин-ъ**), **самарѣн-ын-и**, **солоунѣн-ын-и** (от **солоун-ѣн-е**) и т. д. Ср. в древнерусской «Повести временных лет», где названия женщин разных национальностей образованы только так: *болгарыни, грекыни, чехыни, ясыни.*

Этот же суффикс встречается и в названиях отвлеченных понятий — человеческих качеств и действий, некоторые из которых очень частотны, но почти всегда имеют дублеты с иными суффиксами, более продуктивными в подобных образованиях. Таковы синонимы **благ-ꙑн-и** и **благост-ꙑн-и** ('доброта'; ср. **благ-ост-ь**), **гръд-ꙑн-и** ('высокомерие, гордыня'; ср. **гръд-ост-ь**), **льг-ꙑн-и** ('легкость, облегчение'; ср. **льг-от-а**), **прав-ꙑн-и** ('справедливость, правый суд'; ср. **прав-ост-ь**), **свѧт-ꙑн-и** (ср. **свѧт-ост-ь**) и т. д.

§ 148. Оформление названий отвлеченных понятий как существительных женского рода характерно для славянской диалектной лексики. Эта традиция, естественно, была усвоена и первыми переводчиками, которые предложили большое число новообразований по продуктивным общеславянским моделям. Все они образованы от прилагательных с общим значением качества или свойства, а также отвлеченного признака по значению прилагательного. Наиболее употребительны в славянских переводах образования женского рода с двумя суффиксами: **-ост-(ь)/-'ест-(ь)** и **-от-(а)/-'ет-(а)**.

Суффикс **-ост-ь** (после мягкого согласного производящей основы выступает с начальным [-'е-]) отмечен более чем в 50 образованиях, часть которых, видимо, характеризовала славянские диалекты до появления первых переводов; но большинство образований носит явно книжный характер, передает значения греческих слов: **благ-ост-ь, жал-ост-ь, крот-ост-ь, лѣн-ост-ь, лют-ост-ь, мил-ост-ь, мрьтв-ост-ь, мѫдр-ост-ь, наг-ост-ь, нѣм-ост-ь, прост-ост-ь, рад-ост-ь, рьвьн-ост-ь, скор-ост-ь, тврьд-ост-ь, тих-ост-ь, тѧг-ост-ь, хоуд-ост-ь, хꙑтр-ост-ь, ꙗр-ост-ь; боуѥсть** (т. е. [буј-ест'-ь] — 'глупость, неразумность'), **гор'-ест-ь, добл'-ест-ь** и мн. др.

Суффикс **-от-а** (после мягких согласных [-'е-]) в славянских языках используется для образования наименований признаков (см.: *выс-от-а, шир-от-а, слеп-от-а* и под.). Эта традиция отражена и в словообразовательной практике старославянских книжников: **велик-от-а, вельлѣп-от-а** ('пышная красота'), **длъг-от-а, наг-от-а, нечист-от-а, прав-от-а, рѣсн-от-а** ('истинность'), **свѣтьл-от-а, скор-от-а, соух-от-а, тих-от-а, чист-от-а; ништ-ет-а, соуѥта** (т. е. [суј-ет-а]), **тъщ-ет-а** ('ущерб, вред') и др. Некоторые из таких образований отмечены лишь в форме множ. числа, приобретая в этом случае конкретное значение: **нечистоты, штедроты, пѣготы** ('пятна на коже прокаженного').

Образования с обоими суффиксами в большинстве случаев дублируют друг друга: **наг-ост-ь — наг-от-а, прав-ост-ь — прав-от-а, тих-ост-ь — тих-от-а** и т. д. Те и другие производные широко используются как производящие основы новых, типично книжнославянских прилагательных (**благ-ост-ьнъ, хꙑтр-ост-ьнъ, добродрьз-ост-ьнъ, прѣмил-ост-ивъ, тѧг-от-ьнъ, пѣг-от-ивъ**) и глаголов (**прѣмѫдр-ост-ити, наг-от-овати, отѧг-от-ѣти**).

§ 149. Особенно широко переводчики греческих текстов использовали суффиксы, оформляющие названия отвлечен-

ных понятий как существительные среднего рода, что для диалектной речи нехарактерно. Самые продуктивные из этих средств оформились в системе самого́ старославянского языка и со временем, получив распространение во всех славянских литературных языках, стали специфическими показателями культурно-книжных образований. В основе таких суффиксов лежат форманты, использующиеся при словообразовании в живой славянской речи.

Например, в славянских диалектах издавна бытовал суффикс *-ие* (точнее [-йј -е]), использовавшийся для производства собирательных существительных среднего рода (такие образования известны и старославянскому языку: **был-ик, дѫб-ик, камен-ик** и др.). Славянские переводчики использовали эту модель для производства названий отвлеченных понятий: **беззакон-ик, безоум-ик, велич-ик, лицемѣр-ик, облич-ик, подоб-ик** и мн. др. Особенно широко этот формант использовался для образования названий действий от основ страдательных причастий: **благослов(л')-ен-ик, крьшт-ен-ик, рожд-ен-ик, твор'-ен-ик, оугожд-ен-ик, съпас-ен-ик, оугад-ен-ик, оусѣкнов-ен-ик, говѣ-н-ик, лихоима-н-ик, невѣдѣ-н-ик, трьпѣ-н-ик** и т. п. Поскольку причастные формы в ряде случаев в памятниках не зафиксированы, многие исследователи считают, что в подобных случаях следует выделять суффикс **-(е)ник**, образующий названия действий (а затем и их результатов) непосредственно от основ инфинитива: **говѣ-ник** — от **говѣ-ти, имѣ-ник** от **имѣ-ти, (до)стоѩ-ник** — от **(до)стоѩ-ти, облада-ник** — от **облада-ти, плодопринош-еник** (из **-nosį-enьje*) — от **плодоприноси-ти, оуч-еник** — от **оучи-ти** и т. д.

Производство отглагольных имен с абстрактным значением по рассмотренной модели в старославянском языке и в его дальнейшей истории (в церковнославянском) практически не было ограничено. А формант [-йј -е] приобрел статус специфического показателя значения опредмеченного действия или его результата, в связи с чем он нередко присоединялся к другим суффиксам — средствам образования названий отвлеченных понятий (см. далее).

§ 150. От именных основ (существительных или прилагательных) названия отвлеченных понятий образованы посредством суффикса **-ьств-(о)**: **бал-ьств-о** ('средство исцеления'; от **бал-ии** — 'врач'), **безбож-ьств-о** (от **безбож-ьн-ъ**), **блажен-ьств-о** (от **блажен-ъ**), **бож-ьств-о** ('божественная сущность'; от **бог-ъ**), **брат-ьств-о** или **братр-ьств-о** (от **брат(р)-ъ**), **воевод-ьств-о** (от **воевод-а**), **диѩкон-ьств-о** (от **диѩкон-ъ**), **дрѫхл-ьств-о** (от **дрѫхл-ъ**), **дѣв-ьств-о** (от **дѣв-а**), **епископ-ьств-о** (от **епископ-ъ**), **един-ьств-о** (от **един-ъ**), **зъловѣр-ьств-о** (от **зъловѣр-ъ**), **иереньство** (т. е. [иjереј-ьств-о], от **иереи**), **ковар-ьств-о** (от **ковар-ьн-ъ**), **мѫж-ьств-о** (от **мѫж-ь**), **обидьлив-ьств-о** (от **обидьлив-ъ**), **род-ьств-о** (от **род-ъ**), **тръж-ьств-о** (от **тръг-ъ**), **оубож-ьств-о** (от **оубог-ъ**), **чрьнориз-ьств-о** (от **чрьнориз-ьц-ь**) и мн. др. (только в невосточнославянских

рукописях X—XI вв. таких образований около 150, среди которых, естественно, очень много гапаксов).

Нередко такие образования осложняются формантом **-ик** (см. выше): **богат-ьств-о** и **богат-ьств-ик**, **велич-ьств-о** и **велич-ьств-ик**, **владыч-ьств-о** и **владыч-ьств-ик**, **мъnож-ьств-о** и **мъnож-ьств-ик**, **отьч-ьств-о** и **отьч-ьств-ик**, **съвѣдѣтел-ьств-о** и **съвѣдѣтел-ьств-ик**, **чловѣколюб-ьств-о** и **чловѣколюб-ьств-ик**, **чюв-ьств-о** и **чюв-ьств-ик** и т. д. Некоторые производные зафиксированы в старейших памятниках только с осложненным суффиксом **-ьств-ик**: **безмлъвьствик**, **благодарьствик**, **братолюбьствик**, **подобьствик**, **сынобожьствик** и др.

Принято считать, что в старейших кирилло-мефодиевских переводах суффикс не осложнялся формантом **-ик**, который по происхождению является моравизмом, т. е. стал использоваться в период функционирования славянских переводов в Моравии. С течением времени (в ходе исторического развития церковнославянского языка) вариант **-ьств-ик** получает все большее распространение, особенно — в восточнославянском изводе. Так, если в сохранившихся балканских памятниках X—XI вв. образования на **-ьств-о** и **-ьств-ик** соотносятся как 130 : 60, то в восточнославянском переводе «Хроники» Георгия Амартола, по подсчетам В. М. Истрина, их соотношение — 85 : 105.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 151. Словообразование других знаменательных частей речи (прилагательных и глаголов; об образовании местоимений, наречий и служебных частей речи см. в соответствующих разделах) не обнаруживает суффиксальных средств, которые были бы специфическими именно для старославянского языка, противопоставляясь суффиксам живых славянских диалектов. Специфика старославянского языка обнаруживается в развитии активности отдельными суффиксами соответствующих частей речи при производстве новых слов, нередко уже распространенных продуктивными в языке славянской книжности суффиксами существительных, от которых они образованы.

Так, в словообразовании качественных прилагательных в сфере старославянского языка получают продуктивность варианты общеславянского суффикса **-ив-** (**-лив-**, **-ьлив-**), образующие от существительных и глаголов производные со значением 'склонный к чему-либо, обладающий тем, что указано производящей основой': **льст-ив-ъ**, **лъж-ив-ъ**, **златонос-ив-ъ**, **кръвопад-ив-ъ**, **мъногомилост-ив-ъ**, **правьд-ив-ъ**, **безоум-ьлив-ъ**, **обид-ьлив-ъ**, **послоуш-ьлив-ъ** и т. д.

§ 152. В качестве средства образования относительных прилагательных с общим значением 'относящийся к тому, что названо производящей основой' чрезвычайно продуктивен в старославянском языке суффикс **-ьн-** (**вѣр-ьн-ъ**, **длъж-ьн-ъ**, **грѣш-ьн-ъ** и т. д.), который постоянно присоединяется к типично именным основам: **бож-ьств-ьн-ъ**, **благодар-ьств-ьн-ъ**, **ест-ьств-ьн-ъ**, **рожд-ьств-ьн-ъ**, **своеvол-ьств-ьн-ъ**, **мил-ост-ьн-ъ**, **цѣломѫдр-ост-ьн-ъ**, **гоуби-тел-ьн-ъ**, **оучи-тел-ьн-ъ** и т. д.

Как средство образования относительных прилагательных со значением 'относящийся к группе, виду, коллективу' продуктивен суффикс **-ьск-**: **епископ-ьск-ъ, кретич-ьск-ъ, жьрьч-ьск-ъ, ратьнич-ьск-ъ, пророч-ьск-ъ, чловѣч-ьск-ъ, оубительнич-ьск-ъ** (от **оубител-ьн-ик-ъ**) и т. д. Только с этим суффиксом образуются прилагательные, указывающие на отношение к месту, пространству (**град-ьск-ъ, мор-ьск-ъ, пол-ьск-ъ, небес-ьск-ъ** и под.), в том числе производные от собственных (географических) названий: **галилѣискы** (т. е. [гал'ил'ěј-ьск-] — от **галилѣꙗ, назарет-ьск-ъ** (от **назаретъ**), **елеон-ьск-а** (гора), **июдеиска** (т. е. [иуд'ěј-ьск-а] земля) и т. д.

§ 153. Притяжательные прилагательные в старославянском языке, как и в живых славянских диалектах, довольно последовательно разграничивают функции суффикса **-ин-**, присоединявшегося к производящим именам женского рода и мужского на **-а** (**мари-ин-ъ** — от **мариꙗ, богородич-ин-ъ** — от **богородиц-а, ион-ин-ъ** — от **ион-а** и др., а также и **осьлѧт-ин-ъ** — от **осьлѧ** — срд. рода), и **-ов-**, использовавшегося для образований от иных основ мужского рода (**исоус-ов-ъ, адам-ов-ъ, симон-ов-ъ** и т. д.), который после мягких согласных выступал в варианте **-'ев-** (**издраил'-ев-ъ, кесар'-ев-ъ, оучител'-ев-ъ** и т. д.). Особенностью старославянского языка была тенденция сохранять вариант **-ов-** после [-j-] в образованиях от иноязычных основ: **арх'икрѣ-ов-ъ, анъдрѣ-ов-ъ, фарисѣ-ов-ъ**. Вообще этот суффикс обнаруживает в языке переводов явную тенденцию к «экспансии» в группе производных от личных имен мужского рода, конкурируя с **-ин-**: **июд-ин-ъ** и **июд-ов-ъ** (от **июд-а**).

Старославянские переводчики при образовании притяжательных прилагательных продолжали пользоваться и древней славянской моделью, восходящей к образованиям с суффиксом *-j- (см., несомненно, народные **говѧждь** < **gou̯end-j-ŏs*, **овьчь** < **ou̯ik-j-ŏs*, **отьчь** < **otik-j-ŏs* и под.), по образцу которых произведены такие притяжательные от библейских имен собствѐнных (следовательно, речь идет об образованиях книжных, собственно старославянских!), как **авраамл'ь** (от **авраамъ**), **паоул'ь** (от **паоулъ**), **симон'ь** (от **симонъ**), **ꙗковл'ь** (от **ꙗковъ**) и под. (ср. некнижные древнерусские образования типа *Володимѣрь* — от Володимѣръ, *Ярославль* — от *Ярославъ*). Эти образования, продолжающие народные славянские традиции, в текстах XI в. и последующих (церковнославянских) конкурируют с развивающими большую продуктивность производными на **-ов-**: **авраамл'ь — авраамовъ, симон'ь — симоновъ.**

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 154. Глагольная лексика особенно ярко отражает указанные выше источники формирования старославянского словаря (см. § 133—134). Она представлена, с одной стороны, не столь многочисленными по числу лексем, но чрезвычайно частотными по употребительности славянскими глаголами со значением конкретных

действий, состояний, бытовых отношений — типа **бити, быти, бьрати, вести, гаснѫти, жити, знати, ити, коупити, мошти, мыти, нести, пасти, пѣти, решти, стоıати, сѣдѣти** и т. д., т. е. общеславянскими глагольными лексемами, связанными с диалектной основой старославянского языка. С другой стороны, древнеславянские тексты насыщены собственно книжными образованиями, переводящими отвлеченную лексику греческих оригиналов, во многих случаях — гапаксами, а потому по общей численности употреблений заметно уступающими указанной группе глаголов, но превосходящими их по абсолютному числу лексем. Основы всех этих глаголов характеризуются теми же суффиксальными распространителями, что и основы общеславянских (праславянских по происхождению) глаголов. Но поскольку глагольные новообразования старославянских переводов в подавляющем большинстве произведены от именных основ (со значением деятелей или отвлеченных понятий), то в старославянском глагольном словоообразовании они активизировали в качестве продуктивных те суффиксальные средства, которые всегда использовались при производстве отыменных глагольных основ.

В силу указанных обстоятельств наиболее продуктивным в старославянском (книжно-литературном) глагольном словообразовании оказался суффикс *-ова-* // *-уј-* (генетически *-ов-а-* // *-у-ј-* < **-оu̯-а-*/**-оu̯-ј-*) глаголов I спряжения: **вѣр-ова-ти — вѣр-оу-ѭтъ** (точнее [в'ѣр-уј-ǫтъ]), как и **бесѣд-ова-ти, дар-ова-ти, мил-ова-ти** и т. д. Этот способ образования широко представлен у многоаффиксных именных основ: **апостол-ьств-ова-ти, вѣр-ьств-ова-ти, пророч-ьств-ова-ти, цѣсар-ьств-ова-ти, цѣло-мѫдр-ьств-ова-ти, съ-вѣдѣ-тел-ьств-ова-ти** и т. д.

Другим аффиксом, получившим широкое применение в отыменных собственно старославянских образованиях, является древний глагольный суффикс «принудительности» (активного воздействия) *-и-*, образующий глаголы II спряжения типа **вод-и-ти — вод-ѧтъ**, как и **вар-и-ти, гас-и-ти, гон-и-ти, лож-и-ти, мол-и-ти, нос-и-ти, род-и-ти, точ-и-ти** и т. д. Он используется в тех случаях, когда необходимо было придать глагольной лексеме частное значение воздействия: **благослов-и-ти, всъскрьс-и-ти, прѣждесвѧт-и-ти, прѣмѫдрост-и-ти** и т. д. Значение несовершенного вида (или многократности — для бесприставочных глаголов типа **родити, точити**) привносилось в такие образования с помощью суффикса *-а-*, перед которым некогда *-і-* изменялся в **ј* и смягчал конечный согласный именной основы (например: **(по)гас-и-ти — (по)гаш-а-ти**); исторически эти праславянские образования сопровождались удлинением корневого гласного, если он был кратким (**гон-и-ти — ган'-а-ти**), что сохранялось и в системе старославянского видообразования. Иными словами, как **род-и-ти — ражд-а-ти, расточ-и-ти — растач-а-ть**, так и **благослов-и-ти — благословл'-а-ти, въскрьшт-а-ти, въсхышт-а-ти, (о)свѣшт-а-ти** и т. д.

§ 155. Специальным средством глагольного словообразования являются приставки.

По происхождению приставки — это самостоятельные полуслужебные слова типа наречий, которые уточняли значение знаменательных слов и могли употребляться в предложении в любом месте. Однако очень рано они начинают примыкать к ближайшему знаменательному слову, превращаясь таким образом либо в предлоги (в сочетании с именем), либо в приставки (в сочетании с глаголом).

В старославянском языке приставки были основным средством изменения лексического значения непроизводной глагольной основы; при этом иногда для них функция изменения лексического, а не грамматического значения глагола была главной. В отдельных случаях приставка настолько меняла лексическое значение основы, что приставочное образование воспринималось как не связанное с производящим глаголом. Таковы, например, **зависѣти** — по отношению к **висѣти, завидѣти** ('завидовать') — по отношению к **видѣти** и др., сохранявшие значение несовершенного вида.

Однако в целом в старославянском языке приставки были не только словообразовательным средством, но и средством изменения грамматического (видового) значения глагольных основ. Более того: некоторые приставки в старославянском языке уже превращались из словообразовательных в средство формообразования, т. е. служили почти исключительно для образования глаголов совершенного вида от основ несовершенного вида.

Таким образом, в старославянском языке можно выделить две основные группы глагольных приставок: 1) приставки, в значительной мере утратившие реальное значение и преимущественно использовавшиеся как средство образования основ совершенного вида; 2) приставки, служившие для изменения как грамматического, так и лексического значения глагольных основ.

§ 156. Приставки, употреблявшиеся в основном с грамматическим значением (**ꙁа-, о- / об-, по-, съ(н)-, оу-**),— это давние славянские (праславянские по происхождению) средства глагольного словообразования, со временем формализовавшиеся и почти утратившие первоначальные пространственные значения. Ср., однако, **за-ити**, где еще ощущается прежнее значение, сохраняющееся предлогом **ꙁа-**; **оу-сѣкнѫти** ('отсечь'), где ощущается значение удаления, отделения (ср. русск. *у-бежать, у-нести*); **сън-ити** ('сойти'), **съ-врѣшти** ('сбросить'), где сохраняется значение, свойственное предлогу **съ**.

Праславянскими по происхождению являются в большинстве своем и приставки, пространственные значения которых еще достаточно ощутимы: **въ(н)-**, указывающая на направленность внутрь (**вън-ити** — 'войти', **въ-ложити**); **до-**, указывающая на достижение предела (**до-ити, до-коньчати**); **на-**, указывающая на направленность к поверхности (**на-лагати — на-лежати**); **от(ъ)-**, сохраняющая понятие отделения (**от-ити, отъ-рѣшити** — 'отвязать, отделить'). В собственно старославянских, книжных образованиях эти приставки теряют конкретные пространственные значения, сохраняя лишь общую «идею» проникновения (внутрь), достижения предела, отторжения и т. д., как в случаях **вън-оушити** (как бы 'вложить в уши'), **въ-орѫжати, до-садити, на-мѣнꙗти, на-слѣдовати, от-врьгнѫти, отъ-поуштати** и под.

§ 157. Некоторые из славянских приставок сохраняли в период создания первых переводов определенность основного (одно- или двузначного) пространственного значения, на базе которого развиваются новые для них абстрактные значения. К их числу относятся характерные для старославянских образований приставки **из-** / **ис-**, указывающая на направленность изнутри (**из-ити, ис-тръгнѫти** — 'вырвать (наружу)', **из-гаьати** и т. д.); **низъ-**, указывающая на направленность вниз (**низъ-ложити, низъ-ринѫти** — 'сбросить, скинуть', **низъ-ходити** и др.); **раз-** / **рас-**, указывающая на разделение, разъединение (**раз-дагати, раз-д-рѣшити** — 'разорвать', **рас-пѧти**); **при-**, сохранившая значение присоединения, приближения, прибавления (**при-ближити сѧ, при-лагати, при-плодити**); **подъ-**, сохранившая значение 'вниз, внизу' (**подъ-лагати, подъ-клонити**) и др. Именно эта группа приставок получает в старославянском языке особенно широкое применение; так что некоторые из них становятся специфически книжными (собственно старославянскими), оказываясь продуктивным средством распространения глагольных основ со значением отвлеченных действий.

Наиболее характерны в этой функции приставки:

из- / **ис-**, которая на базе исходного (в русском ей соответствует приставка *вы-*: *вы-йти, вы-рвать, вы-гнать*) развивает значение доведения действия до полного осуществления (**из-бити, из-быти** — 'использовать', **и-соушити** < **ис-соушити** и пр.) и обычна в собственно книжных образованиях: **из-бавити, из-бытъчьствовати, из-обличити, ис-повѣдовати** и т. д.

въз- / **въс-**, первоначально указывающая на обратную направленность действия (**въз-вратити, въз-дати** — 'отдать') или на его направленность вверх (**въс-ходити, въз-двигнѫти, въз-ложити**), на базе чего развивается абстрактное значение проявления, обнаружения состояния высокой степени переживания, что очень характерно именно для книжных образований: **въз-алъкати** ('обнаружить чувство голода'), **въз-благословестити, въз-гласити, въз-любити, въз-д-радовати сѧ, въс-пѣти, въс-хотѣти** ('сильно захотеть'), **въс-хыштати**.

про-, выражавшая идею проникновения, прохождения через что-либо (**про-бости** — 'проколоть', **про-ити, про-тръгнѫти сѧ** — 'проникнуть') и очень употребительная в старославянском языке в переносном значении: **про-гнѣвати сѧ, про-зьрѣти** ('вновь обрести зре́ние' и 'провидеть, видеть будущее'), **про-коуждати** ('приносить вред, разрушать'), **про-повѣдати** и др.

прѣ-, означавшая преодоление границы и перемену, изменение положения, состояния и под. (**прѣ-ити** — 'перейти на другое место', **прѣ-спѣти** — 'переспеть, перезреть' и под.); с этими оттенками значения приставка широко использовалась при создании новых слов (нередко калькируя грч. приставку παρ-): **прѣ-дати** ('передать'), **прѣ-селити** ('переселить'), **прѣ-стѫпити** ('переступить'); **прѣ-любодѣꙗти, прѣ-мѫдростити, прѣ-образовати** и т. д.

В кальках для перевода грч. приставки προ- [prō-] используются образованные от прѣ- приставки прѣдъ- и прѣжде- со значением 'впереди' (образования с этими приставками синонимичны сложным словам с первым элементом прьво-): **прѣдъ-зъвати, прѣдъ-зьрѣти, прѣдъ-полагати, прѣдъ-страдати, прѣдъ-сѣдѣти** и **прѣжде-възлагати** (или **прьво-възлагати**), **прѣжде-зъвати, прѣжде-свѧтити, прѣжде-сътворити** и мн. др. Подобные образования в литературных славянских языках воспринимаются как безусловные старославянизмы (см. русск.: *пред-полагать, пред-сказать, пред-стоять, пред-угадать* и т. д.).

§ 158. Завершая характеристику старославянских особенностей словопроизводства знаменательных частей речи как способа формирования лексических средств выражения книжно-литературного языка славян на начальном этапе его развития, необходимо отметить, что именно здесь особенно ярко проявилась сознательная языкотворческая деятельность славянских переводчиков греческих книг. Опираясь на словарный фонд живых славянских говоров (сначала — одного из древнеболгарских диалектов, затем — диалекта моравских славян, а в сохранившихся рукописях — на диалекты районов создания соответствующих текстов), славянские книжники стремились к максимально точной передаче содержания оригиналов, что прежде всего проявилось в переводе наименований отвлеченных понятий (действий, качеств, свойств и т. п.), реалий христианского культа, особенностей ближневосточного быта, далекого от условий жизни самих славян. Именно в этой сфере значений формировалась специфически старославянская лексика, противопоставлявшая общеславянский книжно-литературный (культовый по происхождению) язык народным славянским говорам средневековья. Как правило, такие образования (по отношению к живой славянской речи эпохи первых переводов — новообразования) отчетливо мотивированы собственно славянскими (общеславянскими) значениями корней и аффиксов, из числа которых наиболее активными оказываются немногозначные, развивающие продуктивность, не соответствующую их продуктивности в диалектном словопроизводстве.

Словотворчество переводчиков приводило к появлению большого числа синонимов и даже дублетов для выражения одних и тех же понятий. Некоторые дублеты отражают диалектную среду переводов или связь их с разными школами книжности (подобно приводившимся выше дублетам **дрьколь — жрьдь, кладѧѕь — стоуденьць, гоумьно — токъ, великъ — велии, въсхꙑштати — грабити** и т. п.). Однако в большинстве случаев дублеты и синонимы отражают особенности переводческой деятельности славянских книжников.

В ряде случаев дублеты связаны с противопоставлением грецизма (который, возможно, сохранялся в первых переводах) и славянского новообразования (обычно — кальки): **тетрархъ** —

чьтвьровластьникъ; икреи — свѧтитель, свѧштеникъ (см. использование с тем же значением языческого термина **жьрьць** и диалектного заимствования **попъ**); **клирикъ — причьтьникъ** и под. В других случаях дублеты предлагают разные опыты перевода: **благоѫханиѥ — добровониѥ; благовѣстити (благовѣштати) — благовѣстовати, благовѣстьствовати; мѫченикъ — страстьникъ — страстоносьць — страстотрьпьць**. В этой серии дублетов особенно интересны и показательны в плане дальнейшего развития общеславянского книжно-литературного языка противопоставления образований, по-видимому, бытовавших в живой славянской речи, и книжных новообразований, создававшихся по образцам, предложенным славянскими первоучителями для перевода слов, не имевших эквивалентов в дохристианском славянском обществе. Таковы, например: **рабъ — работьникъ; сѫдии — сѫдитель; тврьдь — тврьдость; волѩ — благоволѥниѥ; живити — животворити; красота — вельлѣпота, благолѣпиѥ; женихъ — невѣстьникъ; ходатаи — исходатаиникъ** и т. п.

Многие из рассмотренных новообразований в сохранившихся рукописях единичны по употреблению, очень часто — гапаксы (в отличие от общеславянских слов, видимо, использовавшихся первыми переводчиками). Но они чрезвычайно интересны и показательны, во-первых, как с в и д е т е л ь с т в а п р о д у к т и в н о с т и определенных словообразовательных моделей и специфически старославянских (с течением времени — церковнославянских) словообразовательных средств и, во-вторых, как показатели о б щ е й т е н д е н ц и и р а з в и т и я языка средневековой славянской книжности. При этом можно заметить, что реализация этих тенденций ведет к неуклонному увеличению объема слова, к у в е л и ч е н и ю ч и с л а м н о г о м о р ф е м н ы х н о в о о б р а з о в а н и й, включающих по нескольку корней, суффиксов и приставок (как, например: **кокот-о-глаш-ен-иѥ** — 'крик, пение петухов', **въ-слѣд-ьств-ова-ти, из-быт-ъч-ьств-ова-ти, ис-по-вѣд-ьств-ова-ти, прѣдъ-по-лаг-а-ти, не-из-д-реч-ен-ьн-ик-ъ, про-по-вѣд-ьн-ич-ьств-о** и т. п.), что затем ярко проявляется в церковнославянских текстах, продолжающих в этом отношении традиции языка ранних славянских переводов.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 129—158

В а й а н А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 87, 130—137, 174—214.

Л ь в о в А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

М е й е А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 199—251 (с. 160—193), 300—305 (с. 222—225), 377—435 (с. 276—303).

Х а б у р г а е в Г. А. Старославянский язык. М., 1974, § 172—196 (с. 192—208), 228—242 (с. 239—246), 315—345 (с. 308—332).

Ц е й т л и н Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977.

5 Заказ 184

МОРФОЛОГИЯ

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ СЛОВ (ЧАСТИ РЕЧИ)

§ 159. В старославянском языке все и м е н а (существительные, прилагательные, счетные слова, лежащие в основе современных славянских числительных) в морфологическом отношении представляли единую группу слов, объединенную общими словообразовательными показателями, что отражалось в общности словоизменения. Различия между именами касались их лексического значения и синтаксических функций, что и определяло различия в содержании их грамматических категорий и форм.

К именам близок разряд слов, называемых м е с т о и м е н и я м и. Эти слова в предложении выполняли те же функции, что и имена, но характеризовались иными морфологическими показателями, в частности иначе склонялись. Последнее заставляет выделять местоимения в особую часть речи, отличную от имен. Поскольку склонение отдельных групп местоимений определяло особенности склонения так называемых членных (полных) прилагательных, а также некоторых групп счетных слов, то целесообразно после имен существительных рассмотреть грамматические особенности местоимений, а затем уже характеризовать остальные разряды имен.

Группе имен был противопоставлен г л а г о л, характеризовавшийся своеобразными грамматическими категориями, не свойственными другим частям речи. Впрочем, некоторые глагольные образования (инфинитив, супин, причастия), сохраняя ряд глагольных категорий, по формам и синтаксическим функциям сближались с именами, т. е. представляли группу слов, переходных от глагола к именам.

Собственно н а р е ч и я в старославянском языке очень немногочисленны и представляют интерес в основном в плане словообразовательном.

Формы местоимений и старые наречные образования могли выполнять в предложении функции с л у ж е б н ы х с л о в, пополняя унаследованные от более ранних эпох немногочисленные группы п р е д л о г о в, с о ю з о в и ч а с т и ц.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 160. Основными грамматическими категориями, характеризовавшими имя существительное в старославянском языке, как и в современном русском языке, были категории рода, числа и падежа. Древнейшие сохранившиеся славянские памятники отразили также зачатки будущей категории одушевленности.

§ 161. Категория рода является наиболее общей из грамматических категорий имени существительного. Она распределяет все существительные на три разряда, или класса, слов.

Один из таких классов принято называть существительными мужского рода. Большинство существительных муж. рода в старославянском языке имело в именительном падеже единственного числа окончание **-ъ** или **-ь** (**сынъ, столъ, отьць, пьнь** и т. д.), но возможны также и окончания **-а** (**слоуга**), **-и** (**сѫдии** — 'судья'), **-ы** (**камы** — 'камень').

Другой класс принято называть существительными женского рода, так как в него, в частности, входили существительные, обозначавшие лиц женского пола (**жена, дѣва, грѣшьница, мати** и т. д.). Большинство существительных жен. рода в старославянском языке имело в именительном падеже единственного числа окончание **-а**; но возможны окончания **-ь** (**кость, ношть**), **-и** (**рабыни, мати**), **-ы** (**свекры** — 'свекровь', **любы** — 'любовь').

Третий класс составляют существительные среднего рода. Большинство существительных этой группы в старославянском языке оканчивалось в именительном падеже единственного числа на **-о** или **-е** (**село, поле**), а некоторые на **-ѧ** (**имѧ, телѧ** — 'теленок').

В основе родовой принадлежности существительных, обозначавших лиц, лежало представление о реальном поле лица. Родовая принадлежность остальных существительных является фактом сугубо грамматическим и определяется формами согласуемых слов (местоимений, прилагательных, причастий). Так, слова **столъ, ножь, краи, камы** и др. относятся к тому же разряду слов, что и **мѫжь, отьць, гость** и т. д., потому что и те и другие определяются согласуемыми словами с одними и теми же окончаниями (например, в им. п. ед. ч.: **нов-ъ столъ, камы** и т. д., как **мѫдр-ъ мѫжь, отьць**). Слова **вода, ꙁемлꙗ, кость, любы** и др. относятся к тому же разряду слов, что и **жена, дѣва, мати** и т. д., так как и те и другие определяются согласуемыми словами с одними и теми же окончаниями (в им. п. ед. ч. **-а**: **чист-а вода, кость, любы**, как **вѣрьн-а жена, дѣва, мати**). При существительных среднего рода местоимения и прилагательные имели в именительном падеже ед. числа окончание **-о** или **-е**: **нов-о село, поле, имѧ, син'-е море**.

§ 162. Категория числа, как правило, связана с реальным

значением словоформы, которая может указать на один или не один предмет. При этом в старославянском языке существительные (как и остальные имена и глаголы) могли употребляться в формах трех чисел: единственного, двойственного и множественного.

Единственное число употреблялось обычно в тех случаях, когда речь шла об одном предмете: **братръ, столъ, сестра, село** и т. д.

Двойственное число употреблялось в тех случаях, когда речь шла о двух предметах: **братра** (т. е. 'два брата'), **стола** ('два стола'), **сестрѣ** ('две сестры'), **селѣ** ('два села'). Некоторые существительные в силу своего значения обычно употреблялись в форме двойственного числа: **рога, плешти** (русск. *плечи*) и т. д.; это так называемые парные существительные (обычно имеются в виду два рога, два плеча).

Множественное число использовалось, когда речь шла более чем о двух предметах (т. е. о трех, четырех, пяти и т. д.): **братри** (не менее чем три брата), **столи, сестры, села** и т. д. (не менее трех столов, сестер, сел).

В старославянском языке сравнительно небольшая группа слов отражает категорию числа в чисто грамматическом плане, вне связи с количеством называемых предметов. Это так называемые собирательные существительные, которые грамматически имели форму единственного числа, но обозначали множество предметов: **каменик** (ср. р., ед. ч.; то же, что **камене** — 'камни'), **листвик** (ср. р., ед. ч., то же, что **листи** — 'листья'), **братиꙗ** (жен. р., ед. ч.; обозначало группу лиц, объединенных принадлежностью к одному сословию, роду занятий и т. д.).

§ 163. Категория падежа связана с синтаксическим употреблением существительного. Падеж определяется связью данного существительного с другими словами в предложении, а падежная форма указывает на эту связь.

В старославянском языке (как и в русском) падежей было шесть: именительный (падеж главного члена), винительный (падеж прямого приглагольного дополнения), родительный (падеж несогласованного определения), дательный (падеж косвенного дополнения), творительный (падеж орудия или способа действия), местный, соответствующий русскому предложному (падеж места действия), который, как и все остальные падежи, мог употребляться как с предлогом, так и без предлога.

Многие существительные мужского и женского родов в единственном числе имели еще одну, седьмую форму, употреблявшуюся при обращении, а потому и называемую обычно звательной (**брате! отьче! сестро! жено!** и т. д.). В двойственном и множественном числах особой звательной формы не было: в качестве обращения употреблялась форма именительного падежа соответствующего числа.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ТИПЫ СКЛОНЕНИЙ

§ 164. Склонением принято называть изменение имен по числам и падежам. Разные группы имен могут склоняться по-разному, т. е. характеризоваться разными системами падежных окончаний. Имена, характеризующиеся одной системой падежных окончаний, объединяются в один тип склонения.

В старославянском языке типов склонения существительных было несколько, и связаны они были не с живыми для старославянского языка грамматическими категориями, а с тем гласным или согласным, который находился некогда в конце основы существительного и обнаруживался в старославянском языке лишь в отдельных падежных формах. Так, например, существительные **даръ, гость** и **сынъ**, относясь к одному роду, в старославянском языке склонялись по-разному (род. п.: **дара, гости, сыноу**, дат. п.: **дароу, гости, сынови** и т. д.), так как первое из них в индоевропейском праязыке имело в конце основы гласный *ŏ, второе — *ĭ и третье — *ŭ (в праславянском языке *ĭ > [ь], *ŭ > [ъ] — см. § 78, 79), что и отражается, например, в дательном падеже множественного числа: **дар-о-мъ, гост-ь-мъ, сын-ъ-мъ**.

В индоевропейском праязыке падежные окончания в большинстве случаев были общими для всех имен. Эти окончания к основам, за исключением небольшой группы слов, присоединялись с помощью тематических (соединительных) гласных *ā, *ŏ, *ĭ, *ŭ, а также *ū. В результате фонетических изменений, имевших место в праславянском языке, индоевропейские тематические гласные были утрачены. Это привело к переразложению древних основ, в связи с чем сохранившиеся в некоторых падежных формах тематические гласные (например, в дат. п. мн. ч.) стали восприниматься как элементы окончаний (см. выше — § 97).

Результатом переразложения основ было появление в праславянском языке синонимических флексий (разных окончаний для разных групп имен в одном и том же числе и падеже), т. е. образование нескольких типов склонения, связанных с индоевропейскими тематическими гласными, как правило, уже не выделявшимися в именной основе к концу праславянской эпохи. Особо склонялись существительные, основа которых в древности оканчивалась согласным (не имела тематического гласного).

Основы на *ā, *jā

§ 165. Тематический гласный *ā в начале праславянской эпохи характеризовал существительные женского рода (такие, как ст-сл. **жена, сестра, вода, вражьда** и т. д.), а также группу существительных мужского рода, обозначавших лиц мужского пола (ст-сл. **слоуга, староста, воквода** и под.).

Склонение основ на *ā, *jā

Число, падеж	Твердый вариант			Мягкий вариант			
	Окончания	Образцы		Окончания	Образцы		
Ед. ч.							
Им. п.	*-a*	жена	слоуга	*-'a, -'u*	ношꙗ	рабꙑни	сѫдии
Вин. п.	*-ǫ*	женѫ	слоугѫ	*-'ǫ*	ношѭ	рабꙑнѭ	сѫдиѭ
Род. п.	*-ы*	женꙑ	слоугꙑ	*-'ę*	ношѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Дат. п.	*-ě*	женѣ	слоуѕѣ	*-'u*	ноши	рабꙑн'и	сѫдии
Твор. п.	*-ojǫ*	женоѭ	слоугоѭ	*-'ejǫ*	ношеѭ	рабꙑнеѭ	сѫдиѥѭ
Местн. п.	*-ě*	женѣ	слоуѕѣ	*-'u*	ноши	рабꙑни	сѫдии
Зват. ф.	*-o*	жено	слоуго	*-'e*	ношѥ	рабꙑнѥ	сѫдиѥ
Дв. ч.							
Им.-вин. п.	*-ě*	женѣ	слоуѕѣ	*-'u*	ноши	рабꙑни	сѫдии
Род.-местн. п.	*-y*	женоу	слоугоу	*-'y*	ношю	рабꙑню	сѫдию
Дат.-твор. п.	*-ама*	женама	слоугама	*-'ама*	ношама	рабꙑнꙗма	сѫдиꙗма
Мн. ч.							
Им. п.	*-ы*	женꙑ	слоугꙑ	*-'ę*	ношѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Вин. п.	*-ы*	женꙑ	слоугꙑ	*-'ę*	ношѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Род. п.	*-ъ*	женъ	слоугъ	*-'ь*	ношь	рабꙑнь	сѫдии
Дат. п.	*-амъ*	женамъ	слоугамъ	*-'амъ*	ношꙗмъ	рабꙑнꙗмъ	сѫдиꙗмъ
Твор. п.	*-ами*	женами	слоугами	*-'ами*	ношꙗми	рабꙑнꙗми	сѫдиꙗми
Местн. п.	*-ахъ*	женахъ	слоугахъ	*-'ахъ*	ношꙗхъ	рабꙑнꙗхъ	сѫдиꙗхъ

Тематический *ā мог следовать как после твердого согласного, так и после *j, например в таких словах, как ношꙗ (<*nosj-a), ȥемлꙗ (<*zemj-a), волꙗ (<*volj-a), юношꙗ (<*junosj-a); [j] сохранялся, находясь в положении после гласных: свиниꙗ [св'ин'йj-a], млънии [мл̥н'йj-и] (русск. *молния*), сѫдии [сǫд'йj-и] (русск. *судья*) и др. Соответственно различались твердый вариант склонения древнейших основ на *ā и мягкий вариант склонения (основы на *jā) — с различными падежными окончаниями, закономерно соответствовавшими одни другим (см. таблицу на с. 134).

§ 166. Древняя основа на *ā обнаруживается в именительном падеже единственного числа, в дательном-творительном падеже двойственного числа, в дательном, творительном и местном падежах множественного числа (см. образцы склонений на с. 134).

Некоторые существительные мужского и женского родов мягкого варианта (т. е. некогда содержавшие в основе *j) в им. падеже ед. числа характеризовались окончанием -и. Это существительные с суффиксом -ын-и (рабꙑни, гръдꙑни, поустꙑни и др.), а также слова на -ии: млънии ('молния'), ладии ('лодка') (жен. р.); существительные мужского рода сѫдии ('судья'), балии ('врач'), корабьчии ('моряк') и др. Склонялись эти существительные так же, как и те слова мягкого варианта, которые в им. падеже ед. числа имели в окончании -ꙗ (т. е. как ношꙗ, ȥемлꙗ, юношꙗ и под.).

В дат. и местн. падежах ед. числа и в им.-вин. падеже двойственного числа тематический гласный на ступени краткости входил в состав дифтонга *o͡i̯ (из *a͡i̯), который после твердых согласных в конце слова, как известно, монофтонгизировался (*ŏi̯ > [ě] — см. § 106): женѣ (< *gĕnŏi̯ < *gĕnăi̯), водѣ и под. Если при этом основа существительного оканчивалась задненёбным согласным, то перед ѣ [ě] дифтонгического происхождения он изменялся в мягкий свистящий: слоуга — слоуѕѣ, рѫка — рѫцѣ, моуха — моусѣ.

§ 167. Окончания твердого и мягкого вариантов различались лишь первым гласным, следовавшим непосредственно после согласного основы. При этом гласные [а], [ǫ] и [у] после согласного основы сохранялись в обоих вариантах: жена — ношꙗ [нош'а], женѫ — ношѭ [нош'ǫ], женоу — ношю [нош'у]. В остальных случаях гласные разные; но они находились в строгом соответствии один другому:

Первый гласный окончания		Примеры
твердый вариант	мягкий вариант	
[-о-]	[-е-]	жен-оѭ — нош'-еѭ
[-ъ-]	[-ь-]	жен-ъ — нош'-ь
[-ě] (ѣ)	[-и-]	жен-ѣ — нош'-и
[-ы-]	[-ę] (ѩ)	жен-ꙑ — нош'-ѩ

§ **168.** Существительные с основой на мягкий свистящий согласный, развившийся из задненёбного по III переходному смягчению (см. § 126—128), в частности многочисленные образования с суффиксами **-иц-а** [-иц'-а] (из *-*īk-a*) и **-ьц-а** [-ьц'-а] (из *-*ĭk-a*) — **пътица, львица, вьдовица, грѣшьница, двьрьца** и др., в старославянском языке склонялись по мягкому варианту, т. е. по типу **ношꙗ, соушꙗ, сѣчꙗ** и под., где исконносмягченные согласные развились из *sj, *xj, *kj и т. д.

Основы на *ŏ, *jŏ

§ **169.** Тематический гласный *ŏ в праславянском языке характеризовал только существительные мужского и среднего родов, что и отражено старославянским языком: **рабъ, столъ, градъ, ѕнакъ, дльжьникъ** и т. д.; **село, иго, богатьство, ѕрьцало** и т. д. В основах ряда существительных тематическому гласному мог предшествовать *j, в связи с чем можно выделить твердый и мягкий варианты. Примерами мягкого варианта могут служить существительные **ножь** (из *$n\breve{o}zj$-$\breve{o}$-s), **кон'ь** (из *$k\breve{o}nj$-$\breve{o}$-s), **краи** (т. е. [край] < < [крај-ь] < *$kr\bar{a}j$-$\breve{o}$-s), **жрѣбии** (т. е. [ж'р'ěб'йјь] < *$g\breve{e}rb\breve{i}j$-$\breve{o}$-s) и др.; **полє** (из *$p\breve{o}lj$-$\breve{o}$-d), **морє** (из *$m\breve{o}rj$-$\breve{o}$-d), **плєштє** (из *$pl\breve{e}tj$-$\breve{o}$-d), **листвиє** (т. е. [л'иств'йј-е]), **знамениє** (т. е. [знам'ен'йје]) и т. д.

В некоторых падежах окончания твердого и мягкого вариантов были различными (см. таблицу на с. 137).

§ **170.** Древняя основа не претерпела фонетических изменений и обнаруживается в старославянском языке и твор. падеже ед. числа, в дат.-твор. падеже двойственного числа и в дат. падеже множ. числа (см. образцы склонения на с. 137); при этом в мягком варианте гласному [о] соответствовал [е].

Существительные с р е д н е г о р о д а склонялись так же, как и существительные мужского рода, но не имели специальной звательной формы. Специфическими для имен среднего рода были лишь окончания именительного-винительного падежа всех чисел:

Им.-вин. п.	Твердый вариант (*-ŏ-)		Мягкий вариант (*-j-ŏ-)	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Ед. ч.	*-o*	**село вѣко**	*-'e*	**полє ѕнамениє** [знам'ен'йј-е]
Дв. ч.	*-ě*	**селѣ вѣцѣ**	*-'u*	**поли ѕнамении** [знам'ен'йј-и]
Мн. ч.	*-a*	**села вѣка**	*-'a*	**полꙗ ѕнамениꙗ** [знам'ен'йј-а]

Основы на *jŏ утратили *j лишь в положении после согласного (например, *$nozj$-$\breve{o}$- > **ножь**); но после гласных [j] в старославянском языке сохранялся. В имен. и вин. падежах ед. числа и в род.

Склонение основ на *ŏ, *jŏ [мужской род]

Число, падеж	Твердый вариант (*-ŏ-)			Мягкий вариант (*-j-ŏ-)			
	Окончания	Образцы		Окончания	Образцы		
Ед. ч.							
Им. п.	*-ъ*	**рабъ**	**грѣхъ**	-'*ь* [-j-ь]	**ножь**	**краи**	[крај-ь]
Вин. п.	*-ъ*	**рабъ**	**грѣхъ**	-'*ь* [-j-ь]	**ножь**	**краи**	[крај-ь]
	(*-а*)	**(братра)**		(-'*а*)	**(отьца)**		
Род. п.	*-а*	**раба**	**грѣха**	-'*а*	**ножꙗ**	**краꙗ**	[крај-а]
Дат. п.	*-у*	**рабоу**	**грѣхоу**	-'*у*	**ножю**	**краю**	[крај-у]
Твор. п.	*-омь*	**рабомь**	**грѣхомь**	-'*емь*	**ножемь**	**краѥмь**	[крај-емъ]
Местн. п.	*-ě*	**рабѣ**	**грѣсѣ**	-'*и* [-j-и]	**ножи**	**краи**	[крај-и]
Зват. ф.	*-е*	**рабе**	**грѣше**	-'*у*	**ножю**	**краю**	[крај-у]
Дв. ч.							
Им.-вин. п.	*-а*	**раба**	**грѣха**	-'*а*	**ножꙗ**	**краꙗ**	[крај-а]
Род.-местн. п.	*-у*	**рабоу**	**грѣхоу**	-'*у*	**ножю**	**краю**	[крај-у]
Дат.-твор. п.	*-ома*	**рабома**	**грѣхома**	-'*ема*	**ножема**	**краѥма**	[крај-ема]
Мн. ч.							
Им. п.	*-и*	**раби**	**грѣси**	-'*и* [-j-и]	**ножи**	**краи**	[крај-и]
Вин. п.	*-ы*	**рабы**	**грѣхы**	-'*ę*	**ножѩ**	**краѩ**	[крај-ę]
Род. п.	*-ъ*	**рабъ**	**грѣхъ**	-'*ь* [-j-ь]	**ножь**	**краи**	[крај-ь]
Дат. п.	*-омъ*	**рабомъ**	**грѣхомъ**	-'*емъ*	**ножемъ**	**краѥмъ**	[крај-емъ]
Твор. п.	*-ы*	**рабы**	**грѣхы**	-'*и* [-j-и]	**ножи**	**краи**	[крај-и]
Местн. п.	*-ěхъ*	**рабѣхъ**	**грѣсѣхъ**	-'*ихъ*	**ножихъ**	**краихъ**	[крај-ихъ]

падеже множ. числа окончание мягкого варианта [-'ь] в этом случае вместе с предшествующим [j] образовало редуцированный [й], что и обнаруживается в соответствующих падежных формах (см. образцы склонения): **краи**, фонетически [край] < **kraj-ь*, **бои** [бой] < **boj-ь* и т. д.

Соотношение окончаний твердого и мягкого вариантов у основ на **ŏ* и **jŏ* то же, что и у основ на **ā* и **jā* (см. таблицу в § 167). Указанных соответствий не находим лишь в твор. падеже множ. числа (**рабы, дары — ножи, кони**) и в звательной форме. В последнем случае в твердом варианте было окончание **-є**: **рабе! братрє!** (или **братє!**) и т. д. Так как гласный переднего ряда здесь старый, то задненёбные согласные перед ним изменялись по I переходному смягчению в шипящие: **чловѣчє! дроужє! вражє!** и т. д. Основы на **jŏ* имели в звательной форме [-'у]: **коню! врачю! ножю! краю!**

§ 171. В местном падеже единственного числа, как и у основ на **ă*, некогда в окончании был дифтонг **ŏi̯* (где **ŏ* — тематический гласный), который под восходящей интонацией после твердых согласных изменился в **-ѣ** [ě]: **рабѣ** (из **ŏrbŏi̯*), **столѣ, селѣ, дѣлѣ** и т. д. Перед **-ѣ** [ě] дифтонгического происхождения задненёбные согласные изменялись по II переходному смягчению в свистящие: **влъцѣ** (им. п. **влъкъ**), **грѣсѣ** (им. п. **грѣхъ**), **враѕѣ** (им. п. **врагъ**), **вѣцѣ** (им. п. **вѣко**), **иѕѣ** (им. п. **иго**), **оусѣ** (им. п. **оухо**) и т. д. В мягком варианте дифтонг **'oi̯* > **'ei̯* > [и]: **ножи, кон'и, пол'и, мор'и, ꙁнамении** (знаменйјиј] (с долгим [-и]). То же в имен.-вин. падеже двойственного числа имен среднего рода: **дъвѣ селѣ, дъвѣ вѣцѣ** ('два века'), **дъвѣ оусѣ** ('два уха'), **дъвѣ пол'и** и т. д. Аналогично в местном падеже множ. числа: **рабѣхъ** ('о рабах'), **столѣхъ, селѣхъ** и **влѣцѣхъ, враѕѣхъ, грѣсѣхъ, вѣцѣхъ**; но после мягких согласных: **ножихъ, кон'ихъ, пол'ихъ, знаменихъ**.

Дифтонгического происхождения был и [и] в имен. падеже множ. числа имен мужского рода (**раби, столи, ножи** и т. д.), поэтому и в этой форме задненёбные согласные изменились в мягкие свистящие: **влъци** (им. п. ед. ч. **влъкъ**), **грѣси** (им. п. ед. ч. **грѣхъ**), **враѕи** (им. п. ед. ч. **врагъ**). В мягком варианте тот же дифтонг **oi̯* после **j* изменился в **ei̯* > [и]: **nozjoi̯* > **nozjei̯* > **ножи**, так же **кони, краи** (фонетически [краји] с долгим, а не редуцированным [й]) и т. д.

§ 172. Существительные с мягким свистящим согласным в конце основы, т. е. имена типа **отьць, старьць, лицє, крылыцє** и под., склонялись в старославянском языке по м я г к о м у в а р и а н т у (ср. § 168).

Когда-то эти образования имели в конце основы задненёбный согласный и склонялись по твердому варианту, что и отражается в звательной форме: здесь они имели окончание **-є** (а не **-ю**, как у основ на **jŏ*), причем перед *-е* на месте задненёбного произносился шипящий (а не свистящий, как в остальных формах), поскольку

изменение задненёбного в шипящий согласный в звательной форме произошло раньше (по I смягчению), чем появился мягкий свистящий в остальных падежах (по III смягчению). Так, в звательной форме **отьче!** (им. п. **отьць**), **старьче!** (им. п. **старьць**), **жьрьче!** (им. п. **жьрьць**) и т. д.

Основы на *ĭ

§ 173. Тематический гласный *ĭ характеризовал в начале праславянской эпохи существительные мужского и женского родов. В старославянском языке все эти существительные в имен. падеже ед. числа имели окончание **-ь**, непосредственно продолжавшее старую основу этих существительных: **гость** (из **gŏst-ĭ-s*, где в праславянском языке *ĭ > [ь]), **господь, тьсть, гѫсь** и др. (муж. р.); **кость, вѣсть, ношть, дверь** и др. (жен. р.).

Существительные мужского и женского родов в твор. падеже ед. числа и в имен. падеже множ. числа имели разные окончания.

Число, падеж	Мужской род		Женский род	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Ед. ч.				
Им. п.	*-ь*	**гость**	*-ь*	**кость**
Вин. п.	*-ь*	**гость**	*-ь*	**кость**
Род. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Дат. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Твор. п.	*-ьмь*	**гостьмь**	*-ůјǫ, -ьјǫ*	**костиѭ(-ьѭ)**
Местн. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Зват. ф.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Дв. ч.				
Им.-вин. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Род.-местн. п.	*-ůју, -ьју*	**гостью(-ью)**	*-ůју, -ьју*	**костию(-ью)**
Дат.-твор. п.	*-ьма*	**гостьма**	*-ьма*	**костьма**
Мн. ч.				
Им. п.	*-ůје, -ьје*	**гостиѥ(-ьѥ)**	*-и*	**кости**
Вин. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Род. п.	*-ůй, -ьй*	**гостии(ьи)**	*-ůй, -ьй*	**костии(ьи)**
Дат. п.	*-ьмъ*	**гостьмъ**	*-ьмъ*	**костьмъ**
Твор. п.	*-ьми*	**гостьми**	*-ьми*	**костьми**
Местн. п.	*-ьхъ*	**гостьхъ**	*-ьхъ*	**костьхъ**

§ 174. В большинстве падежных окончаний отражен гласный древней основы *ĭ > [ь]: **гост-ь, гост-ь-мь, гост-ь-ма, гост-ь-мъ, гост-ь-ми, гост-ь-хъ** (см. образцы склонения); сюда надо добавить и формы с [й] в окончании, так как перед [j] гласный [ь] > [й], что и находим в таких формах, как **костиѭ** [костйјǫ] < **kostьјǫ*, **гостиѥ** [гостйје] < **gostьје* и т. д.

В памятниках письменности встречается замена редуцированного [й] в отмеченных формах гласным [ь] по аналогии с формами тех падежей, где [ь] не находился перед [j]. Так, вместо **костиѭ** пишут **костьѭ** — такое написание отражает аналогическое появление [ь] под влиянием **кость, костьмъ, костьми**; вместо **гостии** пишут **гостьи** — под влиянием **гость, гостьмъ** и т. д.

§ 175. Существительные мужского рода в имен. и вин. падежах в ед. числе по форме совпадали с основами на *jŏ, отличаясь от последних лишь качеством предшествовавшего окончанию согласного основы: **гость** [гостъ], **господь** [господъ], **гѫсь** [гǫсъ] и т. д.; **ножь** [нож'ь], **врачь** [врач'ь], **вождь** [вож'д'ь], **отьць** [отьц'ь] и т. д. Это совпадение послужило причиной с б л и ж е н и я существительных мужского рода, некогда характеризовавшихся разными тематическими гласными.

Наиболее заметно результаты такого сближения в склонении отражают основы на сонорные согласные, которые в старославянском языке могли быть как полумягкими, так и мягкими (см. § 55). Например, слово **огнь** некогда имело основу на *ĭ и произносилось в старославянском языке с полумягким [н̇] перед гласным переднего ряда: [огн̇ъ]. Однако под влиянием существительных типа **кон'ь** (где [н'] < *nj, поэтому мягкий) в памятниках XI в. отражается мягкое произношение [н'] в слове **огн'ь**. Смягчение сонорного в конце основы приводит к смешению окончаний: в род. падеже ед. числа вместо **огни** находим **огнꙗ** (как **конꙗ**), в дат. падеже — **огню** (как **коню**). Точно так же появляются формы **звѣрꙗ, звѣрю** вместо **звѣри** (причем с мягким [р'], а не полумягким).

Существительное **господь** в глаголических памятниках (в Зогр. ев., Сб. Кл., Син. пс. и др.) в родительном падеже встречается в форме **господѣ** (т. е. [господ'æ], так как в глаголице **ѣ** обозначал [(') æ], соответствовавший ⟨ě⟩ и ⟨'a⟩ — ср. § 75), в дательном падеже **господю** — вместо **господи**. А в более поздних кириллических памятниках (Сав. кн., Супр. рук. и нек. др.) отражаются формы с отвердевшим согласным основы: **господа, господоу**; ср. русск. ц-сл. *господа бога, господу богу, господом богом* — при отсутствии в имен. падеже **господ* (только *господь*).

Напротив, в ряде форм множественного числа отражено влияние *ĭ-основ на *jŏ-основы. Так, в имен. падеже в рукописях древнеболгарского происхождения можно встретить: **коумириѥ** (Супр. рук.) — вместо **коумири, вождиѥ** (Зогр. ев.) — вместо **вожди**; в родительном падеже: **врачеи** (Ас. ев.) — вместо **врачь** (под влиянием **гостеи, татеи** и т. д. — из **гостии, татии**).

Основы на *ŭ

§ **176.** Праславянский язык унаследовал из индоевропейского очень небольшую группу существительных с основами на *ŭ, из числа которых в старославянских памятниках встречается лишь шесть имен мужского рода: **сынъ, волъ, врьхъ, ледъ, медъ, полъ** ('половина')[1]. В древних славянских текстах с окончаниями этого типа склонения отмечены еще некоторые имена (например, **гласъ, даръ, дльгъ, домъ, миръ, родъ, рѧдъ, садъ, санъ, чинъ, ꙗдъ** и нек. др.), которые были унаследованы праславянским с тематическим *ŏ, а не *ŭ.

Склонение основ на *ŭ характеризовалось своеобразными окончаниями, отражавшими конечный гласный древней основы.

Падеж \ Число	Единственное		Двойственное		Множественное	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Им. п.	*-ъ*	**сынъ**	*-ы*	**сыны**	*-ове*	**сынове**
Вин. п.	*-ъ*	**сынъ**	*-ы*	как Им. п.	*-ы*	**сыны**
Род. п.	*-у*	**сыноу**	*-ову*	**сыновоу**	*-овъ*	**сыновъ**
Дат. п.	*-ови*	**сынови**	*-ъма*	**сынъма**	*-ъмъ*	**сынъмъ**
Твор. п.	*-ъмь*	**сынъмь**	*-ъма*	как Дат. п.	*-ъми*	**сынъми**
Местн. п.	*-у*	**сыноу**	*-ову*	как Род. п.	*-ъхъ*	**сынъхъ**
Зват. ф.	*-у*	**сыноу**	—	—	—	—

§ **177.** Гласный старой основы *ŭ > [ъ] отражен в имен., вин. и твор. падежах ед. числа, в дат.-твор. падеже двойст. числа, в дат., твор. и местн. падежах множ. числа. В остальных падежах древний тематический гласный выступал на ступени чередования: *ŭ // *ū > [ы], например в имен.-вин. падеже двойст. числа и в вин. падеже множ. числа: **сыны, меды, волы**; *ŭ // *оu̯, при этом дифтонг *оu̯ перед гласными в праславянском языке дал [ов] (см. дат. п. ед. ч. **сын-ов-и, мед-ов-и, вол-ов-и**; им. п. мн. ч. **сын-ов-е, мед-ов-е, вол-ов-е**; род. п. мн. ч. **сын-ов-ъ, мед-ов-ъ, вол-ов-ъ**); в конце слова *оu̯ > [у] (см. род., местн. и зват. п. ед. ч. **сын-оу, мед-оу, вол-оу**).

§ **178.** Еще в праславянском языке небольшая группа основ на *ŭ (кроме указанных шести слов, с основами на *ŭ, праcла-

---

[1] Об и-евр. основе существительного **домъ**, обычно включаемого в эту группу имен, см.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык, М., 1974, с. 176, примеч. 2.

вянским языком были унаследованы имена *ilъ, olъ* — 'пиво', *soldъ* — 'солод', которые в старославянских текстах не встречаются, но отмечены в древнейших памятниках других славянских языков) вступила во взаимодействие с многочисленными основами на *ŏ, к которым относилось подавляющее большинство имен мужского рода. Это взаимодействие началось после того, как завершился процесс переразложения индоевропейских именных основ, в связи с чем у имен одного (мужского) рода совпали формы некоторых падежей (например, им. и вин. п. ед. ч.: **даръ, домъ, родъ, столъ** — основы на *ŏ, **сынъ, волъ, врьхъ, медъ** — основы на *ŭ; то же в вин. п. мн. ч.: **дары — сыны**).

В результате взаимодействия основ на *ŭ и *ŏ в старейших славянских памятниках старые основы на *ŭ нередко отмечаются с падежными окончаниями основ на *ŏ. Например, в род. падеже ед. числа форма **сына** встречается чаще, чем **сыноу**, в дат. падеже — **сыноу** вместо **сынови**, в местн.— **сынѣ** вместо **сыноу**. Другие существительные с основами на *ŭ отмечаются реже с окончаниями основ на *ŏ, хотя также возможны (например, в род. падеже: **връха, меда** — вместо **връхоу, медоу**).

Взаимодействие двух типов имен осуществлялось не только в направлении поглощения небольшой группы *ŭ-основ многочисленными основами на *ŏ. В ряде падежей старые основы на *ŏ начинают употребляться с окончаниями основ на *ŭ, причем эти окончания становятся характерными для существительных с о д н о с л о ж н о й о с н о в о й н а т в е р д ы й с о г л а с н ы й, о б л а д а в ш и х п о д в и ж н ы м у д а р е н и е м, т. е. для имен, характеризовавшихся теми же фонетико-морфологическими особенностями, что и все древние основы на *ŭ: род. падеж: **рѧдоу, чиноу, длъгоу, родоу, ꙗдоу** (Супр. рук.), **гласоу** (Син. пс.) и др. (вместо **рѧда, чина, гласа** и т. д.); местн. падеж: **рѧдоу, чиноу, дароу, дѫбоу, мироу** (Супр. рук.), **станоу** (Син. пс.) и др. (вместо **рѧдѣ, чинѣ, станѣ** и т. д.).

Таким образом, в старославянском языке выделяется достаточно многочисленная (включающая более двух десятков слов) группа существительных с односложной основой на твердый согласный и с подвижным ударением, среди которых уже невозможно отделить этимологические основы на *ŭ от имен, имевших некогда в конце основы тематический *ŏ, но ко времени распада праславянского языка склонявшихся по типу старых основ на *ŭ. При этом ни одним существительным в старославянском языке (по крайней мере в сохранившихся рукописях) падежные окончания, восстанавливаемые для исторических основ на *ŭ (см. таблицу в § 176), не выдерживаются последовательно: описываемый тип склонения охватывает существительные мужского рода, употреблявшиеся в ряде падежей с в а р и а н т н ы м и окончаниями.

§ 179. Среди существительных, обозначавших людей (в частности, среди имен собственных), широкое распространение получило окончание **-ови** (по типу **сыно-ови**) и развившееся по аналогии с

ним для мягкого варианта -еви в дательном падеже единственного числа: в(ого)ви, доухови, мѫжеви, архикреови, кесареви (Зогр. ев., Мар. ев.); иосифови, петрови, мосеови (Мар. ев.) и т. п. (наряду с формами богоу, доухоу, мѫжю, архикрею, кесарю, иосифоу, петроу, мосею). У названий предметов окончание -ови встречается лишь в случаях их персонификации (олицетворения) и, как правило,— рядом с формой вин.-род. падежа на -а (как у современных одушевленных существительных). Например, в Сав. кн.: намъ...а не мирови [='Нам (т. е. апостолам), а не миру (т. е. не всем людям)'] (*Ин.*, XIV); здесь же вин. падеж мира: обличитъ мира о грѣсѣ [='(Он) обличит мир (т. е. людей) в грехе'] (*Ин.*, XVI); в Супр. рук.: глаголааше адови [='(Он) говорил аду'], здесь же вин. падеж ада: ада съвѧзана показати·

Окончания основ на *ŭ распространялись также во множественном числе в имен. и род. падежах существительных муж. рода. Например, в имен. падеже: доухове, сѫдове, змиеве, зноеве (Супр. рук.), попове (Син. тр.) и др. (вместо доуси, сѫди, змии, знои, попи); родительный падеж: вѣсовъ, плодовъ, зноевъ (Супр. рук.), грѣховъ, врачевъ (Зогр. ев.) и др. (вместо вѣсъ, плодъ, знои, грѣхъ, врачь).

Основы на согласные

§ 180. Особенностью существительных, изменявшихся по этому типу склонения, было то, что их основа в именительном падеже (а у среднего рода также и в винительном падеже) единственного числа была на один слог короче, чем во всех остальных падежных формах (см. образцы склонения на с. 145). Это связано с тем, что конечный согласный основы в имен. падеже ед. числа в конце слова был утрачен под влиянием тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности (например, сѣмѧ < *sēmĕn, где в конце слова *-ĕn > [-ę]), в то время как в остальных падежных формах перед гласными окончаний он сохранился (например, в род. п.: сѣмен-е).

В старославянском языке бывшие основы на согласные (т. е. нетематические) были представлены именами всех трех родов.

К среднему роду относились образования с суффиксами: -ес-: слово, тѣло, небо, штюдо ('чудо') — род. падеж: слов-ес-е, тѣл-ес-е, неб-ес-е, штюд-ес-е; -ѧт- (названия детей и молодых животных): отрочѧ ('ребенок'), телѧ, жрѣбѧ, козьлѧ и мн. др.— род падеж: отроч-ѧт-е, тел-ѧт-е, жрѣб-ѧт-е, козьл-ѧт-е; -мен-: врѣмѧ, брѣмѧ, имѧ, сѣмѧ и др.— род. падеж: врѣ-мен-е, брѣ-мен-е, и-мен-е, сѣ-мен-е.

Мужской род представлен именами с конечным согласным основы -н- типа камы ('камень'), пламы ('пламя'), *ремы и под.— род. падеж кам-ен-е, плам-ен-е, рем-ен-е. Следует иметь в виду, что в дошедших до нас текстах лишь два существительных встречаются в старой форме имен. падежа ед. числа: камы и пламы; все остальные

имена мужского рода в памятниках отмечены в форме вин. падежа ед. числа, т. е. **ремень, ıачьмень, корень** и т. д.

По системе падежных окончаний к этой же группе имен в старославянском языке относилось и слово **дьнь** (русск. *день*).

Во множественном числе по типу основ на согласные склонялись существительные с суффиксами **-тел-ь** и **-ар-ь**, которые в единственном числе изменялись по типу основ на **jŏ* (**оучитель, дѣлатель, мытарь** — 'сборщик налогов' и т. д., им. п. мн. ч. **оучителе, дѣлателе, мытаре**), и существительные с суффиксом **-ıан-ин-ъ**, которые в единственном числе склонялись по типу основ на **ŏ*, а во множественном, утрачивая вторую часть суффикса, изменялись по типу основ на согласные (**самар-ıан-ин-ъ**, род. п. **самарıанина** и т. д., но им. п. мн. ч. **самар-ıан-е**). Все эти существительные принято характеризовать как разносклоняемые.

Женский род представлен двумя словами с суффиксом **-ер-**: **мати, дъшти**, родительный падеж **мат-ер-е, дъшт-ер-е**.

§ 181. Существительные с основами на согласные склонялись одинаково; лишь имена среднего рода в вин. падеже ед. числа имели форму, равную форме имен. падежа, и в имен.-вин. двойств. и множ. чисел характеризовались типичными для среднего рода окончаниями **-ѣ** и **-а**. С родом, а не типом склонения в старославянском языке было связано также окончание твор. падежа ед. числа, а для среднего рода — также и окончание твор. падежа множ. числа.

Для многих основ на согласные было характерно чередование гласных в древнем суффиксе. Так, основы на **-ĕs-* в имен.-вин. падеже ед. числа имели суффикс **-ŏs-* (с нулевой флексией): **tĕlŏs* > **тѣло** (ср. в род. п. **тѣл-ес-е** < **tĕlĕsĕs*); основы на **-en-* мужского рода в имен. падеже ед. числа имели суффикс **-ōn-* (изменившийся в **ūn* > **-ū* > [-ы] — см. § 69): **kāmōn* > **камы** (ср. в род. п.: **кам-ен-е** < **kāmĕnĕs*); основы на **-ĕr-* в имен. падеже ед. числа имели в суффиксе долгий гласный, т. е. **-ēr-*, изменившийся в конечном закрытом слоге (**-ēr*>**-īr*> [-и]): **mātēr*>**мати** (ср. в род. п.: **мат-ер-е** < **mātĕrĕs*).

§ 182. Уже в праславянском языке склонение основ на согласные начало разрушаться под влиянием более продуктивных склонений, и прежде всего под влиянием основ на **ĭ*. Раньше других такому влиянию подверглись существительные женского рода **мати** и **дъшти** (окончания некоторых падежей, в частности вин. и дат. ед. числа, у тех и других основ издавна совпадали: **матер-ь — кост-ь, матер-и — кост-и**). Результатом воздействия основ на **ĭ* явилось совпадение форм местного падежа ед. числа существительных женского рода с основами на **er* и на **ĭ*: в сохранившихся текстах слова **мати, дъшти** встречаются в этом падеже только с окончанием **-и** (вместо более древнего **-e*): **матери, дъштери** (как **кости, ношти**).

То же произошло и в имен. падеже множ. числа. Все существительные женского рода в этом падеже еще в дописьменную

Склонение основ на согласные (нетематических)

Число, падеж	Окончания	Образцы				
		средний род			мужской род	женский род
Ед. ч.						
Им. п.	*(-о,-ę,-ы,-и)*	тѣло	жрѣбѧ	врѣмѧ	камы	мати
Вин. п.	*(-о, -ę,), -ь*	тѣло	жрѣбѧ	врѣмѧ	камень	матерь
Род. п.	*-е*	тѣлесе	жрѣбѧте	врѣмене	камене	матере
Дат. п.	*-и*	тѣлеси	жрѣбѧти	врѣмени	камени	матери
Твор. п.	*-ьмь, -ǐjǫ*	тѣлесьмь	жрѣбѧтьмь	врѣменьмь	каменьмь	материѭ
Местн. п.	*-е, (-и)*	тѣлесе	жрѣбѧте	врѣмене	камене	матери(-е)
Дв. ч.						
Им.-вин. п.	*-ě, -и*	тѣлесѣ	жрѣбѧтѣ	врѣменѣ	камени	матери
Род.-местн. п.	*-у*	тѣлесоу	жрѣбѧтоу	врѣменоу	каменоу	матероу
Дат.-твор. п.	*-ьма*	тѣлесьма	жрѣбѧтьма	врѣменьма	каменьма	матерьма
Мн. ч.						
Им. п.	*-а, -е, (-и)*	тѣлеса	жрѣбѧта	врѣмена	камене[1]	матери(-е)
Вин. п.	*-а, -и*	тѣлеса	жребѧта	врѣмена	камени	матери
Род. п.	*-ъ*	тѣлесъ	жрѣбѧтъ	врѣменъ	каменъ	матеръ
Дат. п.	*-ьмъ*	тѣлесьмъ	жрѣбѧтьмъ	врѣменьмъ	каменьмъ	матерьмъ
Твор. п.	*-ы, -ьми*	тѣлесы	жрѣбѧты	врѣмены	каменьми	матерьми
Местн. п.	*-ьхъ*	тѣлесьхъ	жрѣбѧтьхъ	врѣменьхъ	каменьхъ	матерьхъ

[1] В сохранившихся памятниках славянской письменности вместо форм множественного числа обычно употребляются собирательные образования среднего рода (ед. ч.): **камениѥ, корениѥ** и под.

эпоху получили окончание, сходное с окончанием вин. падежа; под влиянием основ на *ĭ в памятниках имен. и вин. падежи множ. числа оказываются **матери, дъштери** (как **кости, ношти**), в то время как в мужском роде имен. падеж **камене**, вин. падеж — **камени**.

Влияние основ на *ĭ сказалось и на формах дательного, творительного и местного падежей множ. числа: у обеих основ (как женского, так и мужского рода) окончания этих падежей в эпоху старейших славянских памятников оказываются одинаковыми: дат. **каменьмъ, матерьмъ** (как **гостьмъ, костьмъ**), твор. **каменьми, матерьми** (как **гостьми, костьми**), местн. **каменьхъ, матерьхъ** (как **гостьхъ, костьхъ**).

Основы на согласные среднего рода еще до распада праславянского языка подверглись воздействию со стороны основ на *ŏ, к которым относилось большинство имен среднего рода (типа **село, дѣло** и т. д.). Взаимодействие с основами на *ŏ отразилось на форме твор. падежа множ. числа: **тѣлесы, жрѣбѧты, врѣмены** — как **селы, дѣлы** и т. д.

Раньше других влияние основ на *ŏ испытали основы на *ĕs, совпадавшие с основами на *ŏ не только в имен.-вин. множественного числа (**тѣлеса, словеса** и пр., как и **врѣмена, жрѣбѧта**; ср. **села, дѣла** и т. д.), но и в имен.-вин. ед. числа: **тѣло, слово, дрѣво** и т. д., как **село, дѣло, весло** и т. д. В старославянских памятниках взаимодействие основ на *ŏ и на согласные среднего рода отразилось в смешении падежных окончаний существительных типа **тѣло, слово** с окончаниями по типу **село, дѣло** (обычно с утратой старой основы на **-ес-**): род. падеж ед. числа — **слова** (Супр. рук.; наряду с **словесе**), дат. **словоу** (Ассем. ев.; наряду с **словеси**), твор. **словомь** (Зогр. ев., Мар. ев.; наряду с **словесьмь**).

§ 183. Особого замечания требуют существительные **око, оухо**. Некогда они имели основу на *ĕs (как **тѣло, слово**), но позднее, как и другие древние основы на *ĕs, получают в ед. числе окончания по типу **село**: дат. падеж **окоу** (наряду с **очеси**), твор. **окомь** (вместо **очесьмь**), местн. **оцѣ** (вместо **очесе**). В двойственном числе существительные **око** и **оухо** склонялись по типу основ на *ĭ:

Им.-вин. п.	**очи**	**оуши**
Род.-местн. п.	**очию**	**оушию**
Дат.-твор. п.	**очима**	**оушима**

Основы на *ū

§ 184. Основы на *ū представлены в старославянском языке сравнительно небольшой группой существительных женского рода, в которых *ū перед гласным во всех падежных формах (кроме им. п. ед. ч.) выступал на ступени дифтонга *ŭu̯ > [ъв]: им. п. **брꙑ** ('бровь'), **боукꙑ** ('буква, записка'), **крꙑ** ('кровь'), **любꙑ** ('любовь'), **неплодꙑ** ('бесплодная женщина'), **свекрꙑ** ('свекровь'),

смокы ('смоква, винная ягода'), **цркы** ('церковь') и др. (везде **-ы** < *$\bar{u}$); род. п. **връв-е, воукъв-е, кръв-е, любъв-е, неплодъв-е, свекръв-е, смокъв-е, цркъв-е** (везде **-ъв-** < *$\check{u}\underset{\frown}{u}$ перед гласным).

Число / Падеж	Единственное		Двойственное		Множественное	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Им. п.	*(-ы)*	**смокы**	*-и*	**смокъви**	*-и*	**смокъви**
Вин. п.	*-ь*	**смокъвь**	*-и*	как Им. п.	*-и*	**смокъви**
Род. п.	*-е*	**смокъве**	*-у*	**смокъвоу**	*-ъ*	**смокъвъ**
Дат. п.	*-и*	**смокъви**	*-ама*	**смокъвама**	*-амъ*	**смокъвамъ**
Твор. п.	*-ӣјǫ*	**смокъвиѭ (ьѭ)**	*-ама*	как Дат. п.	*-ами*	**смокъвами**
Местн. п.	*-е*	**смокъве**	*-у*	как Род. п.	*-ахъ*	**смокъвахъ**

§ 185. В единственном числе основы на *$\bar{u}$ склонялись в старославянском языке так же, как и основы на согласные (ср. образцы склонения основ на согласные и на *$\bar{u}$). Но в двойственном и множественном числах основы на *$\bar{u}$ подверглись воздействию основ на *$\bar{a}$ (типа **жена**): если в имен., вин. и род. падежах множ. числа основы на *$\bar{u}$ сохраняли падежные окончания основ на согласные женского рода (ср. образцы склонения), то в дат., твор. и местн. падежах окончания те же, что и у существительных типа **жена**, по которому изменялись в основном имена женского рода: **смокъвамъ, смокъвами, смокъвахъ** (как **жен-амъ, жен-ами, жен-ахъ**). То же в дат.-твор. двойств. числа: **смокъвама** (как **жен-ама**).

Лишь одно существительное с основой на *$\bar{u}$ — **кры** во множественном числе склонялось с окончаниями основ на *$\check{i}$ (как **кость**), сохраняя окончание основ на *$\bar{u}$ только в род. падеже множ. числа: **кръвъ** (как **смокъвъ, воукъвъ**), а не **«кръвии»** (как **костии**).

КАТЕГОРИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА КАК НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ

§ 186. Категорией одушевленности в грамматике принято считать совпадение формы винительного падежа с формой родительного. В современном русском языке это явление наблюдается в единственном числе у существительных мужского рода типа *брат, конь,* а во множественном числе — у существительных всех трех родов: *вижу брат-а, отц-а, кон-я, гус-я;* во множ. числе — *брат-ьев, отц-ов, кон-ей, гус-ей, сестер, рыб;* но ср. неодушевленные существительные: *вижу стол, дом, пень,* во множ. числе — *стол-ы, дом-а, пн-и, стен-ы, земл-и* — как в именительном падеже.

Старейшие из сохранившихся славянских текстов отразили начальный этап развития этой грамматической категории. Форму родительного падежа в значении винительного в рукописях конца X—XI в. получают в единственном числе только существительные мужского рода, обозначавшие лиц общественно активных (**отьць, братръ, мѫжь** — 'мужчина', **кънѧѕь** — 'вельможа', **пророкъ** и под., в том числе **богъ**), а также собственные имена мужчин (**исоусъ, петръ, симонъ** и т. п.). «Одушевленными», таким образом, оказываются лишь наименования лиц, которые в общественных условиях раннего средневековья могли быть активными деятелями.

§ 187. Грамматическое выделение формы винительного падежа названий активных лиц связано с необходимостью различения форм субъекта и объекта действия. Дело в том, что вин. падеж существительных мужского рода в ед. числе совпадал с именительным (см. образцы склонения основ на **ŏ* на с. 137), т. е. форма объекта (прямого дополнения) совпадала с формой субъекта действия (подлежащего). Во многих случаях это не мешало правильно понимать смысл высказывания (сообщения): он подсказывался реальными значениями существительных. Так, в предложении **приꙗтъ ис҃ъ хлѣбъ** совпадение форм не вызывает затруднений в понимании действующего лица и объекта действия, поскольку только *Иисус* мог взять *хлеб*, но не наоборот. Совпадали формы субъекта и объекта и в таких предложениях, как, например, **чловѣкъ етеръ... посъла рабъ свои къ дѣлателемъ**; но и здесь затруднений в понимании смысла не возникало, так как *рабъ* в начальную эпоху славянской письменности не мог быть субъектом, руководящим действиями другого лица, что в приведенном примере подчеркивается и определением *свой*. Поэтому совпадение форм подлежащего и дополнения не мешало понимать это предложение только как 'Некий *человек* послал своего *раба* к работникам'.

Иначе обстояло дело с предложениями, где и подлежащее и дополнение обозначали лиц равноправных, каждое из которых потенциально могло быть субъектом действия. В таких предложениях неразличение форм субъекта и объекта при относительно свободном порядке слов могло приводить к неточному, даже двусмысленному пониманию высказывания. Так, предложение **братръ... приведе чловѣкъ нѣмъ** могло быть понято двояко: '*Брат* привел немого *человека*' и '*Брата* привел немой *человек*'. Такая же неопределенность смысла возникает и в случаях, если дополнение выражено именем собственным, например: **ис҃ъ видѣ симонъ** ('Иисус увидел Симона' или 'Иисуса увидел Симон'?).

Необходимость различения форм субъекта и объекта действия и привела к использованию при указании на прямой объект формы родительного падежа, отличавшейся от формы именительного. Так, вместо **призови мѫжь твои** (Мар. ев., *Ин.*, IV) в ряде памятников встречаем: **...мѫжа своего** (Зогр., Ас. ев.,); вместо

приобрѧштеши братръ твои [='Найдешь своего брата'] (Мар. ев., *Мт.*, XVIII) в ряде памятников: **... брата своего** (Ас. ев., Сав. кн.) и т. д.

Форма родительного падежа для указания на прямой объект была использована потому, что в определенных случаях она издавна выполняла в славянских языках (в том числе и в старославянском) функцию прямого дополнения: 1) при отрицании (ср. в русск.: *Я не получал никакого **письма***; при утверждении: *Я получил **письмо*** — вин. п.); 2) при указании на охват действием лишь части предмета (ср. русск: *выпил **воды***; но: *выпил всю **воду***); 3) родительный падеж соответствует винительному при существительных, образованных от переходных глаголов (ср. русск.: *освобождение **города***; но при глаголе: *освободить **город***); 4) в старославянском языке родительный падеж соответствовал винительному падежу при некоторых формах переходных глаголов, например при супине (см. § 276).

Такие существительные, как **равъ, сынъ, длъжьникъ, оученикъ** и под., обычно употреблялись в старой форме винительного падежа (равной именительному), поскольку, сочетаясь в одном предложении с названиями общественно активных лиц, они не воспринимались как наименования возможных (потенциальных) субъектов. Лишь существительное **сынъ** изредка встречается в вин. п. в форме **сына** (ср. род. п. **сыноу**).

Что касается названий животных и предметов, то они всегда употреблялись в форме вин. падежа, равной форме именительного. И лишь в случае персонификации (олицетворения) названия предметов могли употребляться в винительном с окончанием род. падежа: **обличитъ мира о грѣсѣ** [='(Он) обвинит мир (т. е. *людей*) в грехах'] (Сав. кн., *Ин.*, XVI), **ада съвѧзана показати** [='Показать ад связанным'] (Супр. рук.), **въстанетъ во ѩзыкъ на ѩзыка** [='Поднимется же народ против *народа*'] (Зогр. ев., *Л.*, XXI).

§ 188. Развитие категории потенциального субъекта отразилось в старославянском языке и на формах согласуемых слов (прилагательных, неличных местоимений, причастий): они также могли употребляться в винительном падеже с окончанием родительного. Так, если в Мар. ев. слово **сынъ** выступает как «неодушевленное», то и притяжательное местоимение при нем употреблено в форме **свои: посъла къ нимъ сынъ свои** [='(Он) послал к ним своего сына'] (*Мт.*, XXI). В Сав. кн. это существительное интерпретируется как название потенциального субъекта (как «одушевленное»), и притяжательное местоимение при нем в вин. падеже имеет форму **своего: посъла сна своего къ нимъ** (*Мт.*, XXI).

Представление об активности лица, обозначенного местоимением (а не существительным), также сказывалось на форме согласуемого слова, хотя само местоимение в винительном падеже имело форму, не сходную с формой родительного падежа. Так, например, в Ас. ев. читаем: **оставльше и** (т. е. **члвѣка**) **елѣ жива** [='Оставив его еле живого'] (*Л.*, X) — при вин. **и** (род. п.— **его**) прилагательное употреблено с окончанием род. падежа.

§ 189. Как указывалось, появление синонимических окончаний в именном склонении связано с переразложением индоевропейских именных основ в процессе развития праславянского языка (см. § 97). До этого в большинстве падежей окончания были общими для всех имен. Впрочем, в отдельных падежах праславянским языком были унаследованы разные флексии для разных основ.

§ 190. В единственном числе в именительном падеже имена мужского рода основ на **ŏ*, **ĭ*, **й* унаследовали окончание **-s*, откуда в ст.-сл. **сынъ** < **sūn-ŭ-s*, **гость** < **gŏst-ĭ-s* (где [ъ] < **ŭ* и [ь] < **ĭ* — бывшие тематические гласные); у основ на **ŏ* тематический гласный в конечном закрытом слоге усилил лабиализацию, а после **j* дал **ĭ* (см. § 79 и 78): **dōr-ŏ-s* > **dā^{0}r̊ŭs* > > **даръ**, **nă^{0}z̊j-ŏ-s* > **nŏzjŭs* > **nŏzjĭs* > **ножь**. У нетематических основ флексия именительного падежа присоединилась к согласному основы: **kāmōn-s* > **kāmūns* > **камы** (см. § 79).

Имена женского рода издавна характеризовались нулевой флексией: **gĕnā* < **жєна**; **mātēr* < **мати** (где конечный **-и** развился из долгого **ē* перед плавным в конечном слоге; впрочем, известно и предположение о том, что **мат-и** — под влиянием **рабын-и**).

В винительном падеже единственного числа было унаследовано окончание **-n (-m)*, которое разделило судьбу окончания имен. падежа (т. е. в конце слова было утрачено), поэтому еще в праславянском языке формы обоих падежей у имен мужского рода совпали: **dōr-ŏ-n (-m)* > **dā^{0}rŭn* > **даръ**, **gŏst-ĭ-n* > **гость**, **sūn-ŭ-n* > **сынъ**. У имен среднего рода в имен. и вин. падежах также должно было быть **-ъ, -ь** ; однако в действительности такие окончания находим лишь в родительном падеже множественного числа: **селъ, поль** — как и **даръ, ножь, женъ, ношь**. Окончание имен.-вин. ед. числа среднего рода **-о**, которому в мягком варианте соответствует **-є** (**село, дѣло — полѥ, знамєниѥ**), установилось под влиянием местоименного склонения (т. е. по аналогии с **то — нашѥ**)[1]. Винительный падеж основ на согласные закономерно отражает слоговой сонорный после согласных: **камень** < **kā^{0}mĕnĭn* < **kāmĕn-n̥*, **матерь** < **mātĕr-n̥*. К тому же и-евр. окончанию восходит и славянская флексия вин. падежа основ на **ā*: **женѫ** (как и **ношѫ**) < < **gĕn-ă-n (-m)* ([ǫ] < **an̊* в закрытом слоге).

Происхождение флексии славянского родительного падежа единственного числа, объединившего индоевропейские родительный и отложительный падежи, вызывает ряд затруднений; не ясно, к какому из двух падежей восходит славянский родительный у разных типов склонения. Большинство исследователей полагает, что основы на **ŏ* отражают старую форму отложительного падежа, характеризовавшуюся формативом **-d*, перед которым тема-

---

[1] Слав. *то* < **tŏd*. Возможно, что существительные ср. р. усвоили эту флексию до утраты конечных согласных: **sĕlŏd*, откуда закономерно *-о (-е)*, а не *-ъ (-ь)*.

тический гласный был долгим: *dōr-ō-d > **дара**, *nŏzj-ō-d > **ножа**: Старым показателем собственно родительного падежа был форматив *-s, который в конце слов славянами также должен был быть утрачен. Тематический гласный у многих основ выступал на ступени дифтонга: *gŏst-ei̯-s > **гости**, *sūn-ou̯-s > **сыноу**; к основам на согласные *s присоединялся посредством -e-: *kāmĕn-ĕ-s > **камене**, *mātĕr-ĕ-s > **матере**.

В творительном падеже единственного числа праславянский язык унаследовал окончания *-m и *-mĭ; последнее находим у основ на *ŏ, *ŭ и основ на *ĭ и нетематических мужского и среднего родов: **даромь** (из *dōr-ŏ-mĭ, где *ĭ > [ь], а *ŏ — тематический гласный; после мягких согласных — [е]: **ножемь**), **селомь, сынъмъ, гостьмь, каменьмь, сѣменьмь**. У основ на *ā было окончание *-m, т. е. *gen-a-m, что и должно было, как и в винительном падеже, дать ***женѫ, *ношѭ**; формы с таким окончанием встречаются, например, в Супр. рук.: **съ воеводѫ, съ фомѫ, рѫкѫ, дѫшѫ** (вместо **доушѫ**); ср. в польском твор. п. *żoną, ziemią*. Однако под влиянием местоименного склонения установилось окончание **-оѭ, -еѭ** (как **тоѭ — нашеѭ**): **женоѭ, ношеѭ**. Это окончание распространилось на имена женского рода других основ — на *ĭ и согласные, где в ст-сл. находим **костиѭ, материѭ**.

В местном падеже единственного числа (у некоторых основ, например, на *ā, *ĭ, *ŭ, также и в дат. п.) тематический гласный был представлен дифтонгом, поэтому у основ на *ā и *ŏ встречаем **женѣ, дарѣ, селѣ** (где [ě] < *oi̯) — после мягких согласных **ноши, ножи, поли** (где [и] < ei̯ — из *oi̯ после *j); у основ на *ĭ — **гости, кости** (где [и] < *ei̯); у основ на *ŭ — **сыноу** (где [у] < *ou̯; в дат. падеже тот же дифтонг перед гласным распался: **сынови** < *sūn-ou̯-ei̯).

§ 191. Некоторые формы множественного числа сохраняют следы былой агглютинации форматива множ. числа *-s к форме соответствующего падежа единственного числа. Именно таково происхождение окончаний винительного падежа, восходящих у всех основ к раннему праславянскому *-ns < *-ms (перед конечным *-ns в прасл. языке происходило удлинение кратких гласных и усиление лабиализации *ŏ — см. § 69): *gŏst-ĭ-ns > *gă⁰stīns > **гости** (после утраты конечных согласных в соответствии с принципом возрастающей звучности слога), *sūn-ŭ-ns > *sūnūns > **сыны**, *dōr-ŏ-ns > *dā⁰rūns > dā⁰rūns > > **дары**; у основ на *ā тематический гласный в этой форме также находился на ступени краткости: *gĕn-ă-ns > *gĕnă⁰ns > *gĕnūns > **жены**. В положении после *j (у основ на *jŏ и *jā) изменение было иным, так как *'ŏ > *'ĕ, который в конечном закрытом слоге, сливаясь с носовым, дал [ę]: *nozj-ŏ-ns > *nă⁰zjĕns > **ножѧ**, *nŏsj-ă-ns > *nă⁰sjă⁰ns > nŏsjĕns > **ношѧ**.

Именительный падеж множественного числа основ на *ā, *jā* характеризовался теми же окончаниями, что и вин. (**жены — ношѧ**). У остальных основ (кроме имен среднего рода) в окончании был тот же форматив **-s*, перед которым тематический гласный находился на ступени дифтонга и обычно соединялся с окончанием посредством **-e-*: основы на **ĭ* — **gŏst-ei̯-ĕ-s* > > **гостиѥ** (так как **ei̯-e-* > **ĕje-* > **-ĭje*), основы на **ŭ* — **sūn-ou̯-ĕ-s* > **сынове**, основы на согласные — **mātĕr-ĕ-s* > **матере**, **kămĕn-e-s* > **камене**; основы на **ŏ* присоединяли флексию непосредственно к теме: **dōr-oi̯-s* > **дари**, **groi̯x-oi̯-s* > **grĕxi* > **грѣси**, **nŏzj-oi̯-s* > > **nă*^{0}*zjei̯s* > **ножи.** Именительный-винительный множественного числа среднего рода независимо от типа склонения с давних пор характеризовался окончанием **-а: села, полꙗ, словеса, телѧта, имена**; это окончание среднего рода было особенностью не только славянских, но и других индоевропейских языков (ср., например, лат. *bella* — 'войны', *iuga* — 'ига', гот. *juka,* др.-инд. *yuga* — 'ига').

Восстановление праславянских форм родительного падежа множественного числа сталкивается с рядом затруднений. Так, у основ на **ā* славянские языки отражают в этой форме краткий гласный: **женъ, водъ, ношь, земль** (как и у основ на **ŏ*: **даръ, рабъ, ножь, селъ, поль**); между тем, другие индоевропейские языки указывают здесь на первоначальное окончание **-on (-m)*, что в славянских языках соответствия не находит.

Легко восстанавливаются общие для всех основ ранние праславянские окончания в дательном-творительном падеже двойственного числа **-ма (жен-а-ма, дар-о-ма** или **нож-е-ма,** так как после **j* старый **ŏ* > [е], **гост-ь-ма, сын-ъ-ма,** где [а], [о], [ь], [ъ] отражают тематические гласные, после переразложения индоевропейских основ отошедшие к окончаниям), в дат. и твор. множественного числа **-мъ** < **-mŭs* и **-ми** < **mīs* (**жен-а-мъ** < **gen-ā-mŭs,* **дар-о-мъ** или **нож-е-мъ, гост-ь-мъ, сын-ъ-мъ; жен-а-ми** < **gen-ā-mīs,* **гост-ь-ми, сын-ъ-ми**); лишь основы на **ŏ* в твор. падеже сохраняли в старославянском языке рефлексы древнего индоевропейского окончания **-ōis,* где долгий **ō* в закрытом слоге усилил лабиализацию и дал **ū* (слившийся с **i*), откуда у славян [ы]: **dōrōis* > **dā*^{0}*rūis* > **dā*^{0}*rūs* > **дары**; после **j,* как известно, **u* > **i*, поэтому **nŏzjōis* > **nă*^{0}*zjūis* > **nă*^{0}*zjīis* > > **nă*^{0}*zjīs* > **ножи**.

В местном падеже множественного числа праславянский язык унаследовал и-евр. окончание **-sŭ*, в котором **s* > [х] после **i* и **u* (см. § 70): **gŏst-ĭ-sŭ* > **гостьхъ**, **sūn-ŭ-sŭ* > **сынъхъ**; у основ на **ŏ* это окончание агглютинировалось к форме местного ед. числа, где тема была представлена дифтонгом: **dōr-oi̯-sŭ* > **дарѣхъ**, **nŏzj-oi̯-sŭ* > **nă*^{0}*zjei̯sŭ* > **ножихъ**. Основы на **ā* должны были сохранить [с]; однако под влиянием остальных основ здесь также появилось **-хъ: женахъ, ношꙗхъ**

и т. п. (вместо ожидаемого *женасъ < *gēn-a-sŭ; ср. сохранение [с] в формах личных местоимений: **насъ, васъ** — из *na-sŭ, *va-sŭ).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 160—191

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 53—78.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957, § 38—48б.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961 (раздел «Именное склонение»).

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 436—492 (с. 303—345), 519—524 (с. 367—371).

Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков. В сб. «Избранные труды», т. 2. М., 1957, с. 331—352, 361—426.

МЕСТОИМЕНИЯ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

§ 192. Личными в старославянском языке были местоимения 1-го лица (обозначение самого говорящего, автора) и 2-го (обозначение собеседника); для указания на 3-е лицо или предмет использовались указательные местоимения.

По особенностям склонения и синтаксического употребления к группе личных можно отнести и возвратное местоимение, не имевшее формы именительного падежа и лишенное числового значения. И личные (1-го и 2-го лица) и возвратное местоимения не имели категории рода (и не изменялись по родам, а возвратное — также и по числам).

§ 193. Характерной особенностью склонения личных местоимений был супплетивизм основ; от разных основ были образованы и формы чисел местоимений 1-го и 2-го лица. Эту древнюю по происхождению особенность можно обнаружить и в других индоевропейских языках (например, в лат: *ego* — 'я', *mihi* — 'мне' и т. д.; в нем.: *ich* — 'я', *mir* — 'мне' и т. д.). Та же особенность характерна и для склонения возвратного местоимения.

Число, падеж	1-е лицо	2-е лицо	Возвратное
Ед. ч.			
Им. п.	**азъ**	**ты**	—
Вин. п.	**мѧ**	**тѧ**	**сѧ**
Род. п.	**мене**	**тебе**	**себе**
Дат. п.	**мънѣ** (или **мьнѣ**), **ми**	**тебѣ, ти**	**себѣ, си**
Твор. п.	**мъноѭ**	**тобоѭ**	**собоѭ**
Местн. п.	**мънѣ** (или **мьнѣ**)	**тебѣ**	**себѣ**

Дв. ч.			(Двойственного и множественного чисел не имеет)
Им. п.	вѣ	ва	
Вин. п.	на (ны)	ва (вы)	
Род.-местн. п.	наю	ваю	
Дат.-твор. п.	нама	вама	
Мн. ч.			
Им. п.	мы	вы	
Вин. п.	ны	вы	
Род. п.	насъ	васъ	
Дат. п.	намъ, ны	вамъ, вы	
Твор. п.	нами	вами	
Местн. п.	насъ	васъ	

§ 194. Местоимение 1-го лица в памятниках обычно встречается в форме **азъ** — с начальным [а], перед которым в ряде славянских языков развивался протетический [j] (см. § 47).

В старейших славянских текстах формы дат. и местн. падежей ед. числа местоимения 1-го лица встречаются с основами **мън-** и **мьн-**, причем обе основы можно найти в одном и том же памятнике и даже на одной и той же странице (например, в А с. е в.: **на мънѣ** и через несколько строк — **на мьнѣ**, *Мт.*, XVIII). Поскольку такие написания относятся к эпохе после падения редуцированных, трудно решить, какое из них отражает первоначальную славянскую основу. Можно, однако, предполагать, что чаще встречающееся написание **мънѣ** (с **ъ**) соответствует тому, что было в кирилло-мефодиевских текстах IX в. На [ъ] < **й* указывает и литовское диалектное *mùnei*, закономерно соответствующее славянскому **мънѣ**, которое характерно, в частности, для Остр. ев., этимологически правильно употребляющего **ъ** и **ь**.

Чередование [е] // [о] в основах **теб-** // **тоб-** (2-е лицо) и **себ-** // **соб-** (возвратное местоимение) обычно для славянских языков (см. § 82).

§ 195. В дательном падеже как ед., так и множ. числа старославянский язык имел по две формы каждого местоимения: **мънѣ** и **ми**, **тебѣ** и **ти**, **себѣ** и **си**, **намъ** и **ны**, **вамъ** и **вы**. Первые формы употреблялись как самостоятельные слова, а формы **ми**, **ти**, **си**, **ны**, **вы** были энклитическими, т. е. не имели самостоятельного ударения и примыкали к предшествующему слову. Например, в предложении **даждь ми имъ же ми еси длъженъ** ['Отдай мне (то), что (ты) мне должен'] (Ас. ев., *Мт.*, XVIII) **даждь ми** и **имъ же ми** произносились с одним ударением в каждой группе этих слов.

Формы винительного падежа **мѧ**, **тѧ**, **сѧ**, **ны**, **вы**, древние по происхождению, не были энклитическими и произносились с самостоятельным ударением. Однако позднее (не ранее XI в.) эти

формы стали превращаться в энклитики. Возможно, в связи с этим в памятниках стали появляться формы род. падежа в значении винительного (например, в Сав. кн.: **изгониши насъ** — вместо обычного **изгониши ны**), чему способствовало развитие категории одушевленности.

§ 196. Возвратное местоимение, в отличие от личных, было лишено числового значения. Сходство падежных форм возвратного местоимения с формами единственного числа личных местоимений является лишь формально-морфологическим.

В старославянском языке формы **себе** и т. д. обозначали как одно, так и несколько лиц, всегда указывая на отношение действия к самому субъекту (или субъектам). Например, в предложении **дѣлателе ... рѣшѧ въ себѣ** [='Работники... сказали друг другу (между собой)'] (Мар. ев., *Мт.,* XXI) форма **себѣ** относится не к одному, а ко множеству лиц.

Отсутствие категории числа явилось одной из причин употребления возвратного местоимения при переходных глаголах для указания на охват действием (состоянием) самого субъекта, независимо от того, является ли субъектом одно лицо или несколько: **онъ же отьвръже сѧ прѣдъ вьсѣми** [='*Он* же *отрекся* перед всеми (т. е. при всех)'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **постыдѧтъ сѧ сн҃а моего** [='*(Работники) постыдятся* моего сына') (Сав. кн., *Мт.*, XXI).

С течением времени форма винительного падежа в таком употреблении превратилась в возвратную частицу (энклитическую), став формальным показателем так называемых возвратных глаголов (ср. русск. *-ся* из [sę]). Однако в период создания известных нам памятников этот процесс был еще не завершившимся, на что указывает возможность употребления между **сѧ** и глаголом других слов (например, в Ас. ев., *Л.,* X: **мьнитъ ти сѧ** [='кажется тебе'] — **мьнитъ сѧ** разделены личным местоимением **ти**) и даже возможность употребления **сѧ** перед глаголом (например, в Зогр. ев., *Мт.*, XXVI: **добрѣе емоу би было· аште сѧ би не родилъ чк҃ъ тъ** [='Лучше бы ему было, если бы не *родился* тот человек'] — **сѧ** употреблено перед глаголом **родилъ** и отделено от него вспомогательным глаголом **би** и отрицанием **не**).

НЕЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНЫХ И НЕЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 197. В старославянском языке личные местоимения по ряду грамматических особенностей были противопоставлены неличным, т. е. указательным, притяжательным, относительно-вопросительным, определительным, неопределенным. Различия между этими двумя группами местоимений касались как синтаксического употребления, так и морфологических категорий и форм.

§ 198. Обозначая говорящего (1-е лицо) или собеседника (2-е лицо), л и ч н ы е местоимения в предложении употреблялись только в функции п о д л е ж а щ е г о (**азъ... въздамь ти** [='*Я* отдам тебе'] — С а в. к н., *Л.*, X; **и ты съ назарѣниномь і҃смъ бѣ** [= 'И *ты* был с Иисусом Назарянином'] — М а р. е в., *Мр.*, XIV; **въскѫѭ вы мыслите зъло въ срдцихъ вашихъ** [='Зачем *вы* держите зло в ваших сердцах?'] — т а м ж е, *Мт.*, IX и т. д.) или д о п о л н е н и я (**молѭ тѧ имѣи мѧ отъроучна** [='Прошу *тебя*, считай *меня* отказавшимся'] — М а р. е в., *Л.*, XIV; **въздамь ти** [='(Я) отдам *тебе*'] — С а в. к н., *Л.*, X; **единъ отъ васъ прѣдастъ мѧ** ['Один из *вас* предал *меня*'] — З о г р. е в., *Мт.*, XXVI и т. д.). Только в функции дополнения употреблялось не имевшее формы именительного падежа возвратное местоимение.

Н е л и ч н ы е местоимения, как правило, употреблялись в предложении в функции о п р е д е л е н и я: **...сѧ би не родилъ чл҃къ тъ** [='Не родился бы *тот* человек' (З о г р. е в., *Мт.*, XXVI); **съ бѣ чл҃къ съ і҃сомь назарѣниномь** [='*Этот (сей)* человек был с Иисусом Назарянином'] (т а м ж е); **иде і҃съ на онъ полъ морѣ** [='Иисус отправился на *тот (оный)* берег моря'] (т а м ж е, *Ин.*, VI); **да наплъпитъ сѧ домъ мои** [='Пусть наполнится *мой* дом'] (т а м ж е, *Л.*, XIV); **...созъда храминѫ своѭ на камене** [='(Он) построил *свой* дом на камне'] (М а р. е в., *Мт.*, VII); **въ кѫѭ стражѫ тать придетъ** [='В *каком* часу ночи придет вор?'] (т а м ж е, *Мт.*, XXIV).

В определенных случаях, замещая существительные, указательные, а также относительно-вопросительные, отрицательные местоимения функционировали в качестве подлежащего или дополнения: **емъше же дѣлателе рабы его о в о г о бишѧ о в о г о же оубишѧ** [='Работники, схватив его рабов, *кого* — побили, *кого* — убили'] (М а р. е в., *Мт.*, XXI); **рабъ тъ повѣдѣ с е г҃сподиноу своемоу** [='Тот раб рассказал об *этом* своему господину'] (т а м ж е, *Л.*, XIV); **к ъ т о оубо отъ тѣхъ трiи... быти искрьнии** [='*Кто* же из тех троих был искренним?'] (А с. е в., *Л.*, X); **и н и к т о ж е даѣаше е м оу** [='И *никто* не давал *ему*'] (т а м ж е, *Л.*, XV) и т. п. Для некоторых указательных местоимений функции подлежащего и дополнения в эпоху старославянских памятников уже стали обычными. Относительно-вопросительные местоимения нередко употреблялись в функции союзных слов.

§ 199. Личные и неличные местоимения различались также грамматическими категориями и формами.

Личные местоимения характеризовались к а т е г о р и я м и ч и с л а (**азъ — вѣ — мы, ты — ва — вы**) и п а д е ж а (**азъ — мене — мънѣ** и т. д., **ты — тебе — тебѣ** и т. д., **мы — насъ — намъ** и т. д.), но н е и м е л и к а т е г о р и и р о д а (**азъ** или **ты**, как и современные русские *я, ты, мы, вы,* не имели родового значения). Отсутствие категории рода характерно и для возвратного местоимения.

Напротив, неличные местоимения, функционировавшие в предложении как согласованные определения, характеризовались к а т е г о р и я м и р о д а, ч и с л а и п а д е ж а и при этом и з м е н я-

лись по родам, числам и падежам — в зависимости от определяемого существительного (например, **тъ чловѣкъ, того чловѣка, та стѣна, то село** и т. д.). И лишь относительно-вопросительные местоимения **къто** и **чьто** (и производные от них) оказывались вне категорий рода и числа.

Принципиально по-разному склонялись личные и неличные местоимения, формы которых со временем стали характеризовать также и склонение так называемых полных прилагательных и причастий.

МЕСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

§ 200. Местоименным принято называть склонение неличных местоимений, характеризовавшееся своеобразными окончаниями косвенных падежей, отличными от окончаний именного склонения (т. е. склонения существительных и других имен). В старославянском языке местоименное склонение было представлено двумя вариантами — твердым и мягким — с теми же соотношениями первых гласных окончаний, что и в склонении именных основ на *ā, *jā (см. § 167). Образцом твердого варианта может служить склонение указательного местоимения **тъ** — 'тот' (жен. р. **та**, ср. р. **то**); образцом мягкого варианта — склонение указательного местоимения ***и** — 'тот, он' (из [j-ь], ср. р. ***є** [j-e], жен. р. ***ꙗ** [j-a], где [j-] основа).

§ 201. По типу местоимения **тъ** (ср. р. **то**, жен. р. **та**) склонялись неличные местоимения с твердым конечным согласным основы: **ов-ъ (ов-о, ов-а)** — 'этот, некоторый', **он-ъ (он-о, он-а)** — 'тот далекий', **ин-ъ (ин-о, ин-а)** — 'иной', а также местоименные прилагательные, образованные от первичных местоименных основ с помощью суффикса **-ак-**: **какъ (как-о, как-а)** — 'какой' (от основы **к-**, ср. **к-ъ(то), к-ого** и т. д.), **так-ъ (так-о, так-а)** — 'такой' (от основы **т-**, ср. **т-ъ, т-ого** и т. д.), **ꙗк-ъ** [j-ак-ъ] (**ꙗк-о, ꙗк-а**) — 'такой' (от основы [j-], ср. ***и** [j-ь], **єго** [j-его] и т. д.), **вьсꙗк-ъ (вьсꙗк-о, вьсꙗк-а)** или **вьсѣк-** — 'всякий' (от основы **вьс-**, ср. **вьс-ь, вьс-єго** и т. д.) и некоторые другие. Только формы ед. числа имело местоимение **къто (к-ъ-то)**.

По типу местоимения ***и** (ср. р. ***є**, жен. р. ***ꙗ**) склонялись неличные местоимения с мягким согласным в конце основы: **сь** [с'-ь] — 'этот', **мои** [моj-ь] (**моє, моꙗ**), **твои, свои, нашь** [наш'-ь] (**нашє, нашꙗ**), **вашь, чии**<*čьj-ь (**чиє, чиꙗ**) — 'чей', а также некоторые другие; местоимение **чьто** имело лишь формы единственного числа (как и **къто**).

§ 202. Формы именительного падежа всех родов и чисел местоимения ***и** (***є**, ***ꙗ**) с указательным значением в старославянском языке не сохранились: они были вытеснены формами местоимения **онъ (оно, она)**. Но с частицей **жє** формы имен. падежа употреблялись в качестве относительного местоимения **ижє (єжє, ꙗжє)** — 'который'.

Все остальные формы указательного местоимения ***и**, в том числе и формы винительного падежа, в памятниках обычны.

Форма винительного падежа единственного числа мужского рода **и** представляла редуцированный [й], произошедший из *$j_{Ь}$*, где *j*- — славянская основа местоимения (ср. [j-его], [j-ему], [j-имъ] и т. д.), а *-*ь* — окончание винительного падежа (ср. то же окончание у существительных **нож-ь, кон'-ь** и т. д.). Если эта форма оказывалась в положении после предлога **въ**, который в праславянском языке звучал **vъn*, то согласный местоименной основы **j* сливался с конечным согласным предлога: **vъn-jь* > [вън'ь], на письме **въ н'ь**. По аналогии форма вин. падежа **нь** была перенесена на сочетания с другими предлогами, например: **за н'ь** ('за него'), **на н'ь** ('на него') и т. д.[1]

§ **203.** Своеобразной чертой местоименного склонения в старославянском языке было отсутствие форм рода в косвенных падежах двойственного и множественного числа, в то время как в единственном числе и в именительном и винительном падежах остальных чисел формы рода последовательно различались (см. образцы склонения на с. 159).

Другая особенность местоименного склонения — тождество окончаний именительного и винительного падежей всех родов и чисел (т. е. как раз тех падежей, где последовательно различались формы рода) с соответствующими окончаниями именного склонения, при относительном своеобразии окончаний косвенных падежей.

В имен. и вин. падежах неличные местоимения мужского и среднего рода имели окончания основ на **ŏ*, **jŏ* (в ед. ч. **т-ъ, и** [j-ь] — как **раб-ъ, нож-ь; то, ѥ** — как **сел-о, пол'-є**; в дв. ч. **т-а, ꙗ** — как **раб-а, нож-а, т-ѣ, и** [j-и] — как **сел-ѣ, пол'-и**; во мн. ч. им. п. **т-и, *и** [j-и] — как **раб-и, нож-и**; при этом основы на задненёбный, как и у существительных, характеризовались чередованиями: **вьсꙗк-ъ — вьсꙗц-и, так-ъ — тац-и** — 'такие' и т. д.), а местоимения женского рода имели окончания именных основ на **ā*, **jā* (**т-а, *ꙗ** — как **жен-а, нош-а; т-ѫ, ѭ** — как **жен-ѫ, нош-ѫ; т-ѣ, и** [j-и] — как **жен-ѣ, нош-и; т-ы, ѩ** — как **жен-ы, нош-ѧ**).

Характерной особенностью местоименного склонения была двусложность окончаний косвенных падежей (см. табл. на с. 159), которые противопоставлялись односложным окончаниям именительного и винительного падежей всех родов и чисел.

---

[1] От предлогов **sъn* и **kъn* [п'] < **nj* появился в начале других форм этого же местоимения: **съ н' имь** < **sъn-jimь*, **къ н'ємоу** < **kъn-jemu*. По аналогии с этими формами начальный [н'] стали произносить и после других предлогов; ср. русск.: *от него, у него, перед ним* и т. п.

Склонение неличных местоимений

Число, падеж	Мужской род			Средний род			Женский род		
	Окончания		Образцы	Окончания		Образцы	Окончания		Образцы
	твердый вариант	мягкий вариант		твердый вариант	мягкий вариант		твердый вариант	мягкий вариант	
Ед. ч.									
Им. п.	-ъ	-ь	тъ *и [j-ь]	-о	-е	то *ѥ [j-е]	-а	-а	та *ꙗ [j-а]
Вин. п.	-ъ	-ь	тъ и	-о	-е	то ѥ	-ǫ	-ǫ	тѫ ѭ
Род. п.	-ого	-его	того ѥго	←			-оję	-еję	тоѩ ѥѩ
Дат. п.	-ому	-ему	томоу ѥмоу	←			-ои	-еи	тои ѥи
Твор. п.	-ěмь	-имь	тѣмь имь	←			-оjǫ	-еjǫ	тоѭ ѥѭ
Местн. п.	-омь	-емь	томь ѥмь	←			-ои	-еи	тои ѥи
Дв. ч.									
Им.-вин. п.	-а	-а	та ꙗ [j-а]	-ě	-и	тѣ и [j-и]	-ě	-и	тѣ и [j-и]
Род.-местн. п.	→			-оjу	-еjу	тою ѥю	←		
Дат.-твор. п.	→			-ěма	-има	тѣма (има)	←		
Мн. ч.									
Им. п.	-и	-и	ти *и [j-и]	-а	-а	та *ꙗ [j-а]	-ы	-ę	тꙑ *ѩ [j-ę]
Вин. п.	-ы	-ę	тꙑ ѩ	-а	-а	та ꙗ	-ы	-ę	тꙑ ѩ
Род. п.	→			-ěхъ	-ихъ	тѣхъ ихъ	←		
Дат. п.	→			-ěмъ	-имъ	тѣмъ имъ	←		
Твор. п.	→			-ěми	-ими	тѣми ими	←		
Местн. п.	→			-ěхъ	-ихъ	тѣхъ ихъ	←		

§ 204. Формы некоторых местоимений требуют специальных замечаний.

1) Местоимения **кликъ** ('какой'), **колйкъ** ('какой, сколький'), **толикъ** ('такой, столький'), являвшиеся местоименными прилагательными, образованными от местоименных наречий (см. об их образования в § 297), встречаются в старейших сохранившихся рукописях как с окончаниями именного склонения, так и местоименного. Например, в ед. числе мужского и среднего рода по именному склонению: род. п. **клика, колика, толика**; дат. п. **кликоу** и т. д.; твор. п. **кликомь** и т. д.; по местоименному склонению дат. п. **кликомоу**, твор. п. **клицѣмь, колицѣмь** и т. п.

2) Иногда в памятниках встречаются формы неличных местоимений, подобные полным формам прилагательных. Так, вместо обычного **тъ** ('тот') иногда встречается форма им.-вин. падежа ед. числа мужского рода **ты**<**тыи** [тй] — как **новыи** (например, в Зогр. ев.); в имен. падеже множ. числа мужского рода **тии** (вместо **ти**) — как **новии** (например, в Супр. рук.); в имен. падеже множ. числа женского рода **тыѩ** (вместо **ты**) — как **новыѩ** (например, в Сав. кн.) и т. п.

3) Только по именному склонению изменялось местоимение **етеръ** ('некий, один'); по типу полных прилагательных изменялось местоимение **которъıи** (или **котеръıи**) — 'какой-нибудь'.

4) Местоимение **къıи** в им. и вин. падежах всех родов и чисел имело окончания полных прилагательных: **к-ъıи, к-аꙗ, к-ое** (ср. **нов-ъıи, нов-аꙗ, нов-ое**), **к-ѫѭ** (ср. **нов-ѫѭ**), **ц-ии, к-ъıѩ, к-аꙗ** (ср. **нов-ии, нов-ъıѩ, нов-аꙗ**) и т. д. Формы косвенных падежей были образованы от разных основ: либо от основы [коj-е-] (все те формы, где в местоимении **тъ** звучал [о]): **когo, комоу, коеи** и т. д., либо от основы [кӹj-е-] (те формы, где в местоимении **тъ** звучал [ě] **ѣ**): **кънимь, кънихъ, кънимъ** и т. д.

5) Местоимение **сь** ('этот') изменялось по мягкому варианту, т. е. **сего, семоу, симь** и т. д. Происхождение мягкого [с'] в основе этого местоимения не ясно: судя по соответствиям других индоевропейских языков (например, лит. *šis*, лат. *citrā* — 'по эту сторону'), [с] здесь должен быть твердым (он такого же происхождения, как, например, в слове **пьсати**). Необычны для местоименного склонения окончания им. падежа ед. числа женского рода и им.-вин. падежа множ. числа среднего рода: в обоих случаях **си** (вместо ожидаемого ***сꙗ**); например, в Мар. ев. (*Мт.*, VII): **вьсѣкъ оубо иже слъıшитъ словеса моѣ си** [= 'Всякий же, кто слышит *эти* мои слова'] — другое местоимение, относящееся, как и **си**, к существительному **словеса**, употреблено с обычным окончанием [-'а] — **моѣ** [moja].

Формы имен. и вин. падежей двойст. и множ. числа мужского и женского рода имели основу [с'йj-] < [с'ъj-]: имен. множ. мужского рода **сии** [с'йj-и], вин. множ. мужского и женского рода **сиѩ** [с'йj-ę] и т. д. Та же основа в винительном единственного женского рода — **сиѭ** [с'йj-ǫ]. Позднее эта основа вытеснила основу **с-**

[с'-] и в других формах (ср. русск. ц-сл. *сей, сия, сие* — вместо *сь, ся, се*).

6) Местоимение **вьсь** 'весь' изменялось по смешанному склонению: часть форм имела окончания мягкого варианта, часть — окончания твердого (т. е. **вьс-его, вьс-емоу** и т. д., но **вьс-ѣмь, вьс-ѣми** и др.). Объясняется это тем, что некогда в основе этого местоимения был задненёбный согласный *х, следовательно, изменялось оно по твердому варианту (ср. сохранявшиеся в древнем новгородском говоре формы *вьхоу* — 'всю', *вьхого* — 'всего').

Так же как и **вьсь**, склонялось реже употреблявшееся местоимение **сиць** ('такой'), где [ц'] < *k (ср. ст.-сл. **сиць** с лат. *sic* — 'так, таким образом').

7) Особых замечаний требуют местоимения **къто** и **чьто**, которые были вне категории рода, в отличие от всех остальных неличных местоимений. Имен. падеж этих слов образовывался присоединением элемента **-то** к обычной форме имен. падежа ед. числа мужского рода: **къ-то, чь-то** (от тех же основ без **-то** образованы местоимения **кыи, чии**). В остальных падежах, характеризовавшихся окончаниями ед. числа мужского рода местоименного склонения, элемент **-то** отсутствовал: род. п. **к-ого**, дат. п. **к-омоу** и т. д. (при этом в творительном падеже происходило смягчение задненёбного: **ц-ѣмь**; твор. падеж мягкого варианта — **ч-имь**). Так же как **къто** и **чѣто**, склонялись образованные от них неопределенные и отрицательные местоимения **нѣкъто, нѣчьто** и **никъто, ничьто**.

Местоимение **чьто** в род. падеже имело форму **чесо** или **чьсо**. Позднее **чес-** (или **чьс-**) было обобщено в качестве основы, от которой образованы встречающиеся в ряде памятников формы **чесого** (или **чьсого** — «чего»), **чесомоу** (или **чьсомоу**), **чесомь**.

Местоимение с основой *kŏ- (ст-сл. **къто**) относилось к лицам и получило в вин. падеже форму **кого** — такую же, как в родительном. Это обстоятельство сыграло известную роль в развитии категории одушевленности, характеризующейся совпадением форм винительного и родительного падежей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОКОНЧАНИЙ МЕСТОИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

§ 205. Единство окончаний именительного и винительного падежей местоименного и именного склонений (см. § 203) — древняя, индоевропейская особенность, характеризующая не только славянские языки. Например, старославянской форме винительного падежа единственного числа мужского рода **тъ** соответствует грч. τόν [tŏn], др.-инд. *tám*, а той же форме женского рода **тѫ** (русск. *ту*) — грч. τάν [tan], др-инд. *tām*. Форме именительного падежа множественного числа мужского рода **ти** соответствует грч. τοί [tŏi̯], следовательно, **-и** в этой форме, как и у имен, дифтонгического происхождения, поэтому у местоимений с основой

на задненёбный согласный перед ним появляется мягкий свистящий: вьсяци (от вьсякъ), таци (от такъ) и т. п. (ср. влъци, грѣси — § 171). Форме винительного падежа множественного числа мужского рода ты соответствует грч. (диал.) τάνς [tans], гот. *pans*, т. е. опять-таки, как и у имен, **tăns* > > **tāns* > **tūns* > **tū* > ты. Окончания мягкого варианта закономерно соответствовали окончаниям твердого, т. е. в имен.-вин. падеже ед. числа мужского рода -ь — в соответствии с -ъ твердого варианта; в вин. множ. -ѧ — в соответствии с -ы твердого варианта и т. д.

Следует отметить балто-славянское новообразование именительного падежа единственного числа мужского и женского рода указательного местоимения тъ ('тот'), та ('та'). Дело в том, что в индоевропейском праязыке эти формы были образованы с другим корнем, отличавшимся от корня всех остальных падежных форм **t-*. Например, в древнеиндийском именительный падеж мужского и женского рода соответственно *sá* и *sā́* — при вин. *tám* и *tā́m*, имен.-вин. среднего рода *tát*; в греческом имен. падеж ὁ [hŏ], ἡ [hē] (из *hā́] — при вин. падеже τόν [tŏn] и τάν [tan], имен.-вин. среднего рода το [tŏ] и т. д. В славянских и балтийских языках индоевропейские образования имен. падежа были заменены новообразованиями с корнем **t-*, т. е. тъ и та,— как во всех остальных формах этого местоимения: то, того, тои и т. д. (ср. то же в лит.: муж. р. *tàs*, жен. р. *tà*).

Индоевропейским окончанием имен.-вин. падежа ед. числа среднего рода было **-d* (ср. лат. *istŭd* < **istŏd* — 'то', др-инд. *tàt* — 'то', где конечный *-t* в соответствии с **-d*), т. е. **tŏd*; после утраты конечного согласного (по принципу восходящей звучности слога) формой имен.-вин. ед. числа среднего рода стало то. Как показатель среднего рода флексия *-о* проникла в именное склонение, где у имен среднего рода должно было образоваться окончание *-ъ*, как у существительных и местоимений мужского рода (см. § 190).

§ 206. В косвенных падежах древняя основа неличных местоимений осложнялась гласным **-ŏ-*.

В трех падежных формах окончания присоединялись непосредственно к **-ŏ-*. Так были образованы формы родительного, дательного и местного падежей ед. числа мужского-среднего рода: того (из **tŏ-go*), томоу (из **tŏ-mu*), томь (из **tŏ-mь*). В мягком варианте в соответствии с [ŏ], как обычно, находим [ĕ]: его (из **je-go*), емоу (из **jĕ-mu*), емь (из **jĕ-mь*). Во всех остальных формах гласный **ŏ* распространялся посредством **i*, образуя дифтонг **oi̯*, следовательно, старая основа твор. падежа ед. числа мужского и среднего рода и всех косвенных падежей двойст. и множ. числа звучала **toi̯-* (для местоимения тъ), **ovoĭ-* (для местоимения овъ), **onoĭ-* (для местоимения онъ) и т. д. В мягком варианте был

соответственно дифтонг *ei͡:*jei- (для местоимения *и), *mojei- (для местоимения мои) и т. д.

В положении перед гласным *i̯ > [j], поэтому в род. падеже ед. числа женского рода тоѩ [тoj-ę], кѩ [jej-ę], в твор. тоѭ [тoj-ǫ], кѭ [jej-ǫ], в дат.-местн. тои < *toj-i, ки < *jej-i, род.-местн. двойст. числа (для всех родов) тою [тoj-у], кю [jej-у].

В положении перед согласным *oi͡ подвергся монофтонгизации, образовав [ě] (ѣ), который и обнаруживается во всех остальных падежных формах; в мягком варианте *ei̯ > [и]: твор. ед. числа мужского и среднего рода тѣмь < *toi̯-mĭ, имь < *jei̯-mĭ; дат. множ. числа тѣмъ < *toi̯-mŭs, имъ < *jei̯-mŭs; род.-местн. множ. числа тѣхъ < *toi̯-sŭ, ихъ < *jei̯-sŭ и т. д. На дифтонгическое происхождение ѣ [ě] в этих формах указывает, между прочим, судьба задненёбных согласных: ꙗцѣмь, ꙗцѣхъ и т. д. (местоимение ꙗкъ), колицѣмь, колицѣхъ и т. д. (местоименное прилагательное коликъ) и др.

Таким образом, в старославянском местоименном склонении, как и в именном, обнаруживаются результаты переразложения древних основ, оканчивавшихся гласным *ŏ (*'ĕ) или дифтонгом *oi͡ (*'ei͡). Поскольку гласный древней основы в разных падежах изменялся по-разному, то там, где он сохранился, он стал осознаваться как элемент окончания (изменяемой части слова), и, таким образом, граница между основой и окончанием передвинулась на один слог вперед — ближе к началу слова:

*tŏ-go > т-ого,
*tŏ-mou̯ > т-омоу,
*toi̯-mĭ > т-ѣмь и т. д.

Что касается самих старых окончаний косвенных падежей местоименного склонения, то, за исключением трех форм, почти все они представляли собой соединение местоименной основы с окончаниями именного склонения: твор. падеж ед. числа мужского-среднего рода: тѣмь [т-ě-мъ] — ср. раво-мь, село-мь; род. падеж ед. числа женского рода: тоѩ [т-oj-ę] — ср. нош-ѧ (так как местоименная основа оканчивалась *j < *i̯, то после нее окончание, как в мягком варианте: *toj-en < *toi̯-on); дат.-местн. ед. числа женского рода: тои [т-oj-и] — ср.: нош-и; твор. падеж ед. числа женского рода: тоѭ [т-oj-ǫ] — ср. женоѭ [ж'ен-oj-ǫ] — вместо [ж'ен-ǫ] (см. § 190) и т. д.

Отличное от именного окончание находим в род. падеже множ. числа: тѣхъ [т-ě-хъ], но ср. жен-ъ, рав-ъ. В местоименном склонении [х] < *s (т. е. тѣхъ < *toi̯xъ < *toi̯-sŭ или *toi̯-sŭn), что находит подтверждение в фактах других индоевропейских языков: др.-инд. tḗṣam, др.-прус. stēison.

Не имеют видимых параллелей в именном склонении окончания родительного, дательного и местного падежа ед. числа мужского и среднего рода того, томоу, томь.

СПОСОБЫ УКАЗАНИЯ НА 3-е ЛИЦО ИЛИ ПРЕДМЕТ

§ 207. Как было указано в § 192, в старославянском языке не было личного местоимения 3-го лица, т. е. не было специального слова, которое во всех случаях использовалось бы для обозначения предмета или лица, не участвующего в диалоге и упоминаемого в диалоге или повествовании. Указание на 3-е лицо или предмет осуществлялось с помощью различных указательных местоимений. Выбор указательного местоимения зависел от отношения упоминаемого лица или предмета к говорящему или собеседнику.

Если лицо или предмет, на который указывали, был близок говорящему (автору), то для указания на него обычно использовались формы местоимения **сь** ('этот'). Так, в евангельском рассказе о том, как один из фарисеев пригласил к себе в дом Иисуса и усомнился в его «святости», сообщается: **фарисѣи възъвавъı его рече вь себѣ гл҃ѧ · съ** (вместо **сь**) **аште би былъ прркъ · вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена прикасаатъ сѧ емь · ѣко грѣшьница естъ** [= 'Фарисей же, пригласивший *его* (т. е. Иисуса), подумал про себя: — Если бы *он* (в тексте: *этот*) был пророком, то знал бы, что за женщина прикасается к нему: ведь она грешница'] (Мар. ев., *Л.*, VII) — в речи фарисея для обозначения 3-го лица используется местоимение **сь** ('этот, близкий мне'), в данном случае — 'находящийся у меня'; в повествовании **его** — о нем же.

Если лицо или предмет, о котором упоминалось, был близок собеседнику, а в повествовании — одному из действующих лиц, то указание на него осуществлялось с помощью местоимения **тъ** ('тот'): **ч҃къ етеръ бѣ богатъ · іже імѣаше приставьникъ · і тъ окл'еветанъ бъıстъ къ н'емоу···** [= 'Был богатый человек, который имел управляющего. И *он* (в тексте: *тот*) оклеветан был перед ним'] (Зогр. ев., *Л.*, XVI) — здесь при указании на управляющего используется местоимение **тъ** ('тот'), поскольку речь идет о человеке, близком только что упомянутому действующему лицу.

Наконец, в тех случаях, когда речь шла о лицах или о предметах, не имевших отношения ни к одному из собеседников, указание осуществлялось с помощью местоимений ***и** (**кго, кмоу** и т. д.) или **онъ** (**оного, ономоу** и т. д.). Ср. употребление различных указательных местоимений при обозначении одного и того же лица: **еда кто чьстьнѣі тебе бѫдетъ зъваныхь · й пришьдъ зъвавъı тѧ й оного · речетъ ти · даждь семоу мѣсто** [= 'Если кто-то из приглашенных будет богаче тебя, то, придя, звавший тебя и *его* (в тексте: *оного*), скажет тебе: — Уступи *ему* (в тексте: *этому*) место' (Сав. кн., *Л.*, XIV) — автор при обращении к собеседнику (или читателю), указывая на третье лицо — знатного гостя, употребляет местоимение **онъ** ('далекий, чужой и мне, и тебе'); хозяин же, указывая на то же лицо, использует местоимение **сь** ('близкий мне').

Местоимения **онъ** и ***и** (**кго, кмоу** и т. д.) в повествовании часто употреблялись для обозначения лиц или предметов вообще,

когда не было необходимости подчеркивать их отношение к рассказчику или тому или иному действующему лицу: **онъ же отъвръже сѧ прѣдъ вьсѣми** [='*Он* же (Петр) отрекся при всех'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI), **оузьрь и дроугаѣ· і гл҃а емоу** ... [='Увидела *его* другая (рабыня) и сказала *ему*'] (там же) и т. д. В силу своей «нейтральности» эти местоимения в повествовательной речи являлись наиболее употребительным средством обозначения 3-го лица или предмета.

С течением времени местоимения **онъ** и ***и**, в период древнейших славянских памятников употреблявшиеся в одном значении, вступают во взаимодействие, образуя формы одного местоименного слова: формы именительного падежа всех родов и чисел местоимения ***и** перестают употребляться, вытесняясь формами именительного падежа местоимения **онъ** (жен. р. **она**, ср. р. **оно**, муж. р. мн. ч. **они** и т. д.). Таким образом, складывается новое местоимение с именительным падежом **онъ**, род. **его** и т. д.; ср., в частности, сохранение форм местоимения ***и** в вин. падеже: **оузьрѣ и** [='увидела *его*'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **і остави ѭ огнь** [='и оставил *ее* огонь'] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **село коупихъ и имамъ нѫждѫ ... видѣти е** [='(Я) купил поле и должен осмотреть *его*'] (там же, *Л.*, XIV); **погоубитъ ѩ** [='погубит *их*'] (там же, *Мт.*, XXI) и т. д.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 192—207

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 92—100.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957, § 49—50.

Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, § 495—508 (с. 347—357), 513—518 (с. 363—367).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 208. Исторически грамматические различия между прилагательными и существительными касались лишь их синтаксического употребления: существительные выполняли в предложении прежде всего функцию подлежащего или дополнения, прилагательные — функцию согласованного определения или именной части сказуемого.

Различия в синтаксических функциях определяли и различия в значении морфологических категорий и форм этих частей речи: для прилагательных род, число и падеж — это одна форма, обусловленная связью прилагательного с существительным. Так, в предложении **чл҃вкъ единъ**

сътвори вечерѭ велиѭ [='Некий человек устроил *большой* пир'] [Мар. ев., *Л.,* XIV) прилагательное велиѭ употреблено в форме женского рода, потому что относится к существительному женского рода, по той же причине оно имеет окончание, указывающее на единственное число, винительный падеж,— как и вечерѭ.

Что касается самих форм словоизменения, то они для существительных и прилагательных были общими: прилагательные характеризовались в древности теми же именными основами и изменялись так же, как и существительные. Такие формы прилагательных принято называть именными.

§ 209. Словоизменение прилагательных представлено двумя типами, связанными с родом определяемого существительного. Прилагательные, относившиеся к именам мужского и среднего рода, получали падежные окончания по типу именных основ на *$\breve{o}$ или *$j\breve{o}$ (т. е. по типу существительных рабъ, село; ножь, поле); прилагательные, относившиеся к именам женского рода, получали падежные окончания по типу основ на *$\bar{a}$, *$j\bar{a}$ (т. е. по типу существительных жена, ношга).

Например, в единственном числе:

Им. п. новъ (рабъ), тъшть (ножь); ново (село), тъште (поле);
нова (жена), тъштга (ношга);

Род. п. нова (раба, села), тъштга (ножга, полга);
новы (жены), тъштѧ (ношѧ);

Дат. п. новоу (рабоу, селоу), тъштю (ножю, полю);
новѣ (женѣ), тъшти (ноши) и т. д.

Во множественном числе:

Им. п. нови, тъшти (раби, ножи); нова, тъштга (села, полга);
новы (жены), тъштѧ (ношѧ);

Род. п. новъ, тъшть (рабъ, ножь; селъ, поль; женъ, ношь);

Дат. п. новомъ (рабомъ, селомъ), тъштемъ (ножемъ, полемъ);
новамъ (женамъ), тъштгамъ (ношгамъ) и т. д.

§ 210. Все особенности склонения именных форм прилагательных те же, что и особенности склонения существительных с указанными основами (см. § 165—168 и 169—172): то же соотношение окончаний твердого и мягкого вариантов (например, род. п. ед. ч. жен. р. — в твердом варианте -ы, в мягком -ѧ: новы — тъштѧ, ср.: жены — ношѧ), те же изменения в основах, что и у существительных. В частности, если основа прилагательного оканчивалась задненёбным согласным, то перед окончаниями, содержавшими [и] или [ě] (ѣ) дифтонгического происхождения, задненёбный чередовался с мягким свистящим согласным: высокъ, мъногъ, соухъ — в местном падеже ед. числа высоцѣ, мъноѕѣ, соусѣ (как рабѣ, селѣ, женѣ — грѣсѣ, вѣцѣ, ноѕѣ); в имен. падеже множ. числа мужского рода высоци, мъноѕи, соуси (как раби, влъци, браѕи, грьси) и т. д.

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЛЕННЫХ ФОРМ

§ 211. В старославянском языке, наряду с именными формами прилагательных, склонявшимися так же, как и существительные[1], употреблялись формы, осложненные указательным местоимением **и** (**ꙗ**, **ѥ**): **новыи** (из **новъ** + **и** [новъјь > новый]), **новаꙗ** (т. е. **нова** + + **ꙗ**), **новоѥ** (т. е. **ново** + **ѥ**) и т. д. (ср. в русск.: ***новый*** *дом,* ***великая*** *страна,* ***ясное*** *небо,* ***счастливые*** *люди*). Такие формы принято называть членными, или определенными, поскольку указательное местоимение, присоединенное к именной форме прилагательного, первоначально выполняло функцию определенного члена (артикля), вносившего дополнительные оттенки в значение прилагательного.

Членные формы прилагательных указывали первоначально на индивидуализированный признак, т. е. такой, который, по мнению говорящего (автора), уже известен собеседнику (или читателю) как специфический для определяемого предмета. В силу такого своего значения членные формы употреблялись только в функции определения, а также при субстантивации прилагательного. Так, в евангельском рассказе о суде над Иисусом одна из рабынь, опознавшая Петра, обращаясь к нему, говорит: **і ты бѣ съ іс҃омь галилѣіскъımь** (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI), употребляя членную форму прилагательного **галилѣіскыимь** (а не **галилѣіскомь**); эта форма должна была означать: 'И ты был с Иисусом, *с тем самым, о котором известно,* что он из Галилеи' (это его индивидуальный, характерный признак).

Именные формы, лишенные оттенка определенности, употреблялись в предложении в функции определения лишь в том случае, когда указание на признак (свойство) предмета не требовало подчеркивания его известности, специфичности или просто было новым в сообщении. Только именные формы употреблялись в функции сказуемого, так как назначение сказуемого — сообщить о подлежащем нечто новое для собеседника (читателя). Кроме того, прилагательное, как правило, употреблялось в именной форме в том случае, если находилось в ряду однородных, одно из которых было употреблено с членом (например: **рабе благꙑи и вѣрне** — первое прилагательное употреблено в членной, второе — в именной форме). Не употреблялись в членной форме притяжательные прилагательные.

§ 212. Образование членных форм прилагательных относится к эпохе праславянской (а возможно, и более ранней, так как подобные формы известны и литовскому языку).

---

[1] В русском языке такие формы сохранились в именительном падеже в функции именной части сказуемого: *дом* ***нов****, страна* ***велика****, небо* ***ясно****, люди* ***счастливы*** — так называемые краткие формы.

Число, падеж	Мужской род		
	Окончания	Образцы	
Ед. ч.			
Им. п.	*-ы̆й -ӣй*	добрꙑи	синии
	-ы -и	добрꙑ	сини
Вин. п.	*-ы̆й -ӣй*	добрꙑи	синии
	(-ы) (-и)		
Род. п.	*-ajeго*	добраѥго	синꙗѥго
	-aaго	добрааго	синꙗаго
	-aго	добраго	синꙗго
Дат. п.	*-ujeму*	доброуѥмоу	синюѥмоу
	-ууму	доброуоумоу	синюоумоу
	-уму	доброумоу	синюмоу
Твор. п.	*-ы̆имь -ӣимь*	добрꙑимь	снимь
	-ымь -имь	добрꙑмь	синимь
Местн. п.	*-ěјемь -ијемь*	добрѣѥмь	синиѥмь
	-ěёмь -иимь	добрѣѣмь	синиимь
	-ěмь -имь	добрѣмь	синимь
Дв. ч.			
Им.-вин. п.	*-aja*	добраꙗ	синꙗꙗ
Род.-местн. п.	⟶		
Дат.-твор. п.	⟶		
	⟶		
Мн. ч.			
Им. п.	*-ии*	добрии	синии
Вин. п.	*-ыјę -ęјę*	добрꙑѩ	синѩѩ
Род. п.	⟶		
	⟶		
Дат. п.	⟶		
	⟶		
Твор. п.	⟶		
	⟶		
Местн. п.	⟶		
	⟶		

(местоименных) форм прилагательных

Средний род		Женский род	
Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
-oje -eje	доброѥ синѥѥ	*-aja*	добраꙗ синꙗꙗ
-oje -eje	доброѥ синѥѥ	*-ǫjǫ*	добрѫѭ синѭѭ
←	←	*-ыję -ęję*	добрꙑѩ синѩѩ
←	←		
←	←		
←	←		
←	←	*-ěи -ии*	добрѣи синии
←	←		
←	←	*-ojǫ -ejǫ*	доброѭ синѥѭ
←	←	*-(ǫjǫ)*	(добрѫѭ синѭѭ)
←	←	*-ěи -ии*	добрѣи синии
←	←		
←	←		
-ěи -ии	добрѣи синии	←	←
-уjу	добрѹю синюю	←	←
-ыима -йима	добрꙑима синиима	←	←
-ыма -има	добрꙑма синима	←	←
-aja	добраꙗ синꙗꙗ	*-ыję -ęję*	добрꙑѩ синѩѩ
-aja	добраꙗ синꙗꙗ	*-ыję -ęję*	добрꙑѩ синѩѩ
-ыихъ -йихъ	добрꙑихъ синиихъ	←	←
-ыхъ -ихъ	добрꙑхъ синихъ	←	←
-ыимъ -йимъ	добрꙑимъ синиимъ	←	←
-ымъ -имъ	добрꙑмъ синимъ	←	←
-ыими -йими	добрꙑими синиими	←	←
-ыми -ими	добрꙑми синими	←	←
-ыихъ -йихъ	добрꙑихъ синиихъ	←	←
-ыхъ -ихъ	добрꙑхъ синихъ	←	←

Первоначально членные формы представляли простое соединение указательного местоимения **и (ꙗ, ѥ)** — 'тот (то, та)' с соответствующей формой именного прилагательного. Именно указательное местоимение, употреблявшееся в значении члена (определенного артикля), и вносило в обозначение признака оттенок определенности. И прилагательное, и местоимение употреблялись в форме того же рода, числа и падежа, что и определяемое существительное; например, в ед. числе мужского рода:

Им. п. **mǫžь dobrъ jь* > **мѫжь добрꙑи**
Род. п. **mǫža dobra jego* > **мѫжꙗ добраѥго**
Дат. п. **mǫžu dobru jemu* > **мѫжю доброуѥмоу** и т. д.

С течением времени формы местоимения сливались с окончаниями прилагательных, образуя одно сложное окончание. Так, в формах **добраѥго, доброуѥмоу** и под. происходила утрата интервокального [j] (т. е. [j] между гласными), что влекло за собой ассимиляцию оказавшихся рядом гласных и их последующее стяжение:

Им. п. [добръjь > добрый > добры], на письме **добрꙑ**
Род. п. [добраjего > добраего > добраага > добраго]
Дат. п. [добруjему > добруему > добрууму > добруму]
Местн. п. [добр'ѣjемъ > добр'ѣѣмъ > добр'ѣмъ].

Все этапы этого процесса находят отражение в сохранившихся памятниках письменности, где встречаются и формы **добрꙑи, добраѥго, доброуѥмоу, добрѣѥмь,** и формы **добрааго, доброуоумоу, добрѣѣмь,** и формы **добрꙑ, добраго, доброумоу, добрѣмь.** Формы женского рода в памятниках отражены с результатами стяжения: **добрꙑѩ** (вместо **dobry jeję*), **добрѣи** (вместо **dobrě jei*).

Во множественном числе были обобщены односложные окончания родительного (и творительного для мужского рода) падежа именных форм, к которым и присоединялось местоимение; в результате образовались формы:

Род. п. **добрꙑихъ** (из **dobrъ jixъ*)
Дат. п. **добрꙑимъ** (вместо **добромъ имъ* или **добрамъ имъ*)
Твор. п. **добрꙑими** (из муж.-ср. р. **dobry jimi*)
Местн. п. **добрꙑихъ** (вместо **добрѣхъ ихъ* или **добрахъ ихъ*)

Впоследствии в формах множ. числа также произошло стяжение гласных, в результате чего [добрыихъ > добрыхъ], [добрыимъ > добрымъ] и т. д. (см. таблицу склонения членных прилагательных на с. 168—169).

§ 213. Окончания членных форм прилагательных были близки окончаниям неличных местоимений, поэтому их нередко называют местоименными. Рукописи X—XI вв. отражают результаты взаимодействия членных (местоименных) форм прилагательных с формами неличных местоимений. С одной

стороны, это взаимодействие приводило к тому, что падежные окончания некоторых неличных местоимений уподобились окончаниям членных прилагательных (см. § 204, п. 2—4). Таковы, например, формы **тыи, которыи, кыи** (как **добрыи**), **которыхъ, кыих** (как **добрыхъ** или **добрыихъ**) и др. С другой стороны, под влиянием местоименного склонения в памятниках появляются формы членных прилагательных с окончаниями неличных местоимений. Так, в Сав. кн. в род. падеже находим **живого** (*Л.*, X) как **того** (вместо **живаго**); в ряде рукописей в дат. падеже встречаем окончание **-омоу** (по типу **томоу**) — вместо **-оумоу**: **дроугомоу** (Сав. кн., *Мт.*, VIII; *Л.*, XIII; *Ин.*, XIX; Ас. ев., *Ин.*, XIX; Зогр. ев., *Мт.*, XX), **пръвомоу** (Зогр. ев., *Мт.*, XXI), **послѣдънемоу** (там же, *Мт.*, XX) и др.

ФОРМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ

§ 214. Для качественных прилагательных характерны степени сравнения.

В праславянском языке формы сравнительной степени образовывались от основы положительной степени с помощью суффикса **-jьs* (в им. п. ед. ч. ср. р. суффикс был **-jes*). Суффикс присоединялся к основе по-разному: в одних случаях — непосредственно к основе, в других — с помощью суффиксального элемента [ě] < <**ē* (ср. в совр. русск. *хуж-е, выш-е, шир-е,* но *нов-е-е, добр-е-е, сильн-е-е*).

§ 215. 1) Суффикс **-jьs* (в ср. р. **-jes*) присоединялся непосредственно к основе положительной степени, характеризовавшейся нисходящей интонацией. Например, сравнительная степень от прилагательного **лих-ъ** (русск. *лих-ой*): **lix-jьs* > ***лишь** (**xj* > [ш'], конечный **s* был утрачен); в имен. падеже ед. числа мужского рода к этому образованию добавлялся **-и** (видимо, под влиянием форм типа **старѣи** — см. далее): **лишь** + **и** > **лишии**; средний род (им. п. ед. ч.): **lix-jes* > **лишє**. От прилагательного **хоуд-ъ** (русск. *худ-ой*) — 'плохой': **xud-jьs* > **хоуждь** + **и** > **хоуждии** (муж. род), средний род **xud-jes* > **хоуждє** (ср. русск. *хуже*, где [ж] < **dj*). От прилагательного **млад-ъ** (русск. *молод-ой*): **mold-jьs* > **млаждь** + **и** > **млаждии**, **mold-jes* > **млаждє** (ср. русск. *моложе*).

Такие образования сравнительной степени являются очень древними, и старые бессуффиксальные прилагательные, которые в положительной степени впоследствии стали принимать суффиксы **-ок-** или **-ък-** (**-ьк**), сохранили формы сравнительной степени без этих суффиксов. Например, сравнительная степень прилагательного **выс-ок-ъ** (русск. *выс-ок-ий*): **vys-jьs* > **вышь** (**sj* > [ш']) + + **и** > **вышии**, **vys-jes* > **вышє** (русск. *выше*); от прилагательного **шир-ок-ъ** (русск. *шир-ок-ий*): **šir-jьs* > **шир'ь** + **и** > **шир'ии**, **šir-jes* > **ширк** (русск. *шире*); от прилагательного **низ-ък-ъ** (русск.

низ-к-ий] :**niz-jьs* > **нижь** (**zj* > [ж']) + **и** > **нижии**, **niz-jes* > > **нижѥ** (русск. *ниже*).

§ 216. 2) К основам, характеризовавшимся некогда восходящей интонацией, суффикс сравнительной степени присоединялся с помощью форманта **ē* > [ě] (ѣ). Например, сравнительная степень прилагательного **стар-ъ** (русск. *стар-ый*): **star-ē-jьs* > > **старѣи** — имен. падеж. ед. числа мужского рода (**ē* > [ě], на письме **ѣ**; **jь* > [й], конечный **s* утратился); имен. падеж ед. числа среднего рода **star-ē-jes* > **старѣѥ** (русск. *старее*); от прилагательного **слаб-ъ** (русск. *слаб-ый*): **slab-ē-jьs* > **славѣи**, **slab-ē-jes* > **славѣѥ** (русск. *слабее*); от прилагательного **нов-ъ** (русск. *нов-ый*): **nov-ē-jьs* > **новѣи**, **nov-ē-jes* > **новѣѥ** (русск. *новее*). Так же образовывалась сравнительная степень от суффиксальных прилагательных; например, от прилагательного **сил-ьн-ъ** (русск. *силь-н-ый*): **sil-ьn-ē-jьs* > **сильнѣи**, **silьn-ē-jes* > > **сильнѣѥ** (русск. *сильнее*).

Если основа положительной степени оканчивалась задненёбным согласным, то перед суффиксальным элементом **ē* задненёбный по первому переходному смягчению изменился в мягкий шипящий, а сам **ē* после исконносмягченного шипящего согласного изменился в ['a] (см. § 76). Например, сравнительная степень прилагательного **мъног-ъ** (русск. *мног-ий*): **mъnog-ē-jьs* > > **mъnož'ējьs* > **мъножаи**, ср. русск. *множайший;* от прилагательного **гор-ьк-ъ** (русск. *горьк-ий*): **gorьk-ē-jьs* > **gorьč'ējьs* > **горьчаи**, ср. русск. *горчайший*.

§ 217. Некоторые прилагательные образовывали положительную и сравнительную степени от разных основ:

Положительная степень	Возможная форма сравнительной степени (им. п. ед. ч.)	
	Мужской род	Средний род
малъ	**мьн'ии**	**мьнѥ**
великъ	**бол'ии, вел'ии**	**болѥ**
	(наряду с **величаи, величаѥ**)	
мъногъ	**вѧштии**	**вѧштьше**
	(наряду с **мъножаи, мъножаѥ**)	
благъ, добръ	**лоучии, оун'ии**	**лоучє, оун'ьшє,**
	соул'ии или **соулѣи**	**соулѣѥ**
	(наряду с **добрѣи, добрѣѥ** и т. д.)	
зълъ	**гор'ии, поуштии**	**гор'ьшє, поуштьшє**
	(наряду с **зълѣи, зълѣѥ**)	

§ 218. Формы сравнительной степени склонялись так же, как и формы положительной степени прилагательных. При склонении суффикс сравнительной степени осложнялся именной основой на *j и, таким образом, формы сравнительной степени, кроме имен. падежа ед. числа мужского и среднего рода, характеризовались суффиксом **-ѣиш-** [-ейш-] (из *-ējьs-j-, где конечный *s суффикса не был утрачен, а сочетание *sj > [ш']) или **-ьш** (из *-jьs-j-). Поскольку формы сравнительной степени распространялись суффиксом *j, то они склонялись так же, как и существительные мягкого варианта, т. е. как основы на *jŏ (**ножь, полѥ**) или *jā (**ноша**). И только в именительном и винительном падежах было несколько особых форм.

а) Имен.-вин. падеж ед. числа мужского и среднего рода не имел окончаний именного склонения: **старѣи, въıшии** (из **въıшь** + **и**, где **и** под влиянием **старѣ-и**); **старѣѥ, въıшє** (см. § 215—216). Впрочем, иногда в памятниках встречаются формы винительного падежа по типу существительных, т. е. **старѣишь, лоучьшь, въıшьшь** и т. д. (муж. р.), **старѣишє, лоучьшє, въıшьшє** и т. д. (ср. р.).

б) Имен. падеж ед. числа женского рода имел «ослабленное» окончание **-и** (а не **-а**), как **рабъıн'и, ладии** (см. § 166): **старѣиши, новѣиши, въıшьши, лоучьши** и т. д.

в) Имен. падеж множ. числа мужского рода характеризовался окончанием **-є** (но не **-и**, как у существительных с основой на *ŏ; ср., однако, **гражданє, камєнє** и пр. — у основ на согласные): **старѣишє, новѣишє, въıшьшє, лоучьшє** и т. д.

Все остальные падежные окончания были те же, что и у существительных; например:

Число, падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.			
Им. п.	**старѣи вышии**	**старѣѥ въıшє**	**старѣиши вышьши**
Род. п.	**старѣишꙗ въıшьшꙗ**		**старѣишѩ вышьшѩ**
Дат. п.	**старѣишю въıшьшю** и т. д., как **ножь, полѥ** (см. образцы на с. 137)		**старѣиши вышьши** и т. д., как **ношꙗ** (см. образцы на с. 134]
Дв. ч.			
Им.-вин. п.	**старѣишꙗ вышьшꙗ**	**старѣиши вышьши**	**старѣиши въıшьши**
	и т. д. (как **ножь, полѥ, ношꙗ**)		

Мн. ч.			
Им. п.	**старѣише вꙑшьше**	**старѣишꙗ вꙑшьшꙗ**	**старѣишѧ вꙑшьшѧ**
Род. п.	**старѣишь вꙑшьшь**		**старѣишь вꙑшьшь**
Дат. п.	**старѣишемъ вꙑшьшемъ**		**старѣишꙗмъ вꙑшьшꙗмъ**
	и т. д. (как **ножь, полѥ**)		и т. д. (как **ношꙗ**)

§ **219.** Образования сравнительной степени могли употребляться не только в именной, но и в членной (или местоименной) форме, которая образовывалась так же, как и членные формы положительной степени, т. е. прибавлением указательного местоимения **и** (**ꙗ, ѥ**) в соответствующем роде, числе и падеже к именной форме сравнительной степени. Отличными от членных форм положительной степени были лишь некоторые образования — те, что имели особые окончания в именной форме (см. особенности некоторых форм именительного и винительного падежа в § 218):

Число, падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.			
Им. п.	**старѣи**	**старѣѥ** (и **старѣишеѥ**)	**старѣишиꙗ**
Род. п.	**старѣишꙗѥго** **старѣишꙗаго** **старѣишꙗго**		**старѣишѧѩ**
Дат. п.	**старѣишюѥмоу** **старѣишюоумоу** **старѣишюмоу**		**старѣишии**
	и т. д., как **синии** (см. с. 168—169)		
Дв. ч.			
Им.-вин. п.	**старѣишꙗꙗ**	**старѣишии**	**старѣишии**
	и т. д., как **синии, синѥѥ, синꙗꙗ**		
Мн. ч.			
Им. п.	**старѣишеи**	**старѣишꙗꙗ**	**старѣшѧѩ**
Род. п.	⟶	**старѣишиихъ**	⟵
	⟶	**старѣишихъ**	⟵
Дат. п.	⟶	**старѣишиимъ**	⟵
	⟶	**старѣишимъ**	⟵
	и т. д., как **синии, синѥѥ, синꙗꙗ**		

§ **220.** Значение превосходной степени выражалось в старославянском языке по-разному. Это значение имели формы сравнительной степени с приставкой **наи-**: **наивѧште** ('самое многочисленное, самое большое'), **наискорѣѥ** ('скорейшее, самое скорое'), **наистарѣи** ('старейший, самый старый'); но такие образования в старославянских памятниках сравнительно редки. Превосходная степень, заключавшая в себе оттенок сравнения, могла выражаться и формами сравнительной степени с добавлением местоимения **вьсь**: **вьсѣхъ мьн'ии** ('самый малый') (Зогр., Мар. ев., *Мр.*, IX).

«Абсолютная» превосходная степень (т. е. указание на высшую степень качества безотносительно к такому же качеству других предметов) обычно выражалась сочетанием формы положительной степени с наречием **ѕѣло** или **вельми** ('очень, весьма'): **ѕѣло высокъ** ('очень высокий'), **вельми старъ** ('весьма старый, очень старый'). Но наиболее характерными для старославянского языка являются производные от формы положительной степени с приставкой **прѣ-**: **прѣблаженъ, прѣвеликъ, прѣмилостивъ, прѣмѫдръ, прѣславьнъ** и т. д. (со значением 'величайший', 'самый милостивый' и под.).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 208—220.

Вайан А. Руководство по современному языку. М., 1952, § 79—82, 86, 89—91.
Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957, § 51.
Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 509—511 (с 357—360).
Толстой Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке.— В кн.: «Вопросы славянского языкознания», вып. 2, М., 1957.

СЛОВА, ОБОЗНАЧАВШИЕ ЧИСЛА

§ **221.** Ко времени появления первых славянских переводов славяне уже имели понятие абстрактного числа, но слова, обозначавшие числа, еще не составляли особой части речи и в грамматическом отношении ничем не отличались от имен и местоимений: одни из них можно назвать счетными прилагательными, другие — счетными существительными.

Названий чисел в старославянском языке было немного. Специальные, устойчивые наименования существовали лишь для чисел 1—10, 100 и 1000, т. е. всего 12 слов. Остальные числа (11, 12, 13 и т. д., 21, 22, 23 и т. д., 101, 102, 103 и т. д.) обозначались комбинациями этих двенадцати слов.

Существовали также слова для обозначения 10 000 — **тъма** или **несъвѣда**. Эти же слова имели еще и значение бесчисленного множества вообще; с таким же значением иногда встреча-

ется в памятниках (например, в Зогр. ев., Супр. рук.) греческое заимствование **леђеонъ** (или **лег'еонъ**)[1].

§ 222. Счетными прилагательными в старославянском языке были названия чисел 1, 2, 3 и 4, которые выступали в предложении в роли определений, согласуясь с определяемым существительным в роде, числе и падеже.

Название числа 1 — **ѥдинъ (ѥдина, ѥдино)** или **ѥдьнъ (ѥдьна, ѥдьно)** склонялось по местоименному склонению (по типу **тъ, та, то** — см с. 159). Указывая на один предмет, оно в числовом значении употреблялось только в форме единственного числа, точнее — только при существительном в форме ед. числа: **ѥдинъ рабъ, ѥдиноѩ жены, ѥдиномоу селоу** и т. д. (как **тъ рабъ, тоѩ жены, томоу селоу**). Это слово могло иметь и значение 'некий, некоторый': **чл҃вкъ единъ сътвори вечерѭ велиѭ** [='*Некий* человек устроил большой пир'] (Мар. ев., *Л.*, XIV); ср. русск.: ***Один мой*** *знакомый сказал...* В таком значении **ѥдинъ** могло иметь формы двойственного и множественного чисел: **и се едини отъ къннжьникъ рѣшѧ въ себѣ (ѥдин-и,** как **т-и)** [='И вот *некоторые* из книжников подумали...'] (Мар. ев., *Мт.*, IX); **сею ѥдиною дъвою ст҃оую (ѥдин-ою,** как **т-ою)** [= 'этих *неких* двух святых'] (Супр. рук.)

Название числа 2 также склонялось по местоименному склонению (т. е. тоже по типу **тъ**). Поскольку существительное имело при себе указание на это число лишь в том случае, когда обозначало два предмета, следовательно, употреблялось в формах двойственного числа, то и название числа 2, согласуясь с существительным, имело только формы двойственного числа. В местоименном склонении родовые формы в двойств. числе были только в имен.-вин. падеже (см. § 203 и табл. на с. 159), причем одна форма — для мужского рода (**та**), другая — для среднего и женского родов (**тѣ**). Так же и у названия числа 2: **дъва чловѣка** (как **та чловѣка**), **дъвѣ селѣ, женѣ** (как **тѣ селѣ, женѣ**). Другое название того же числа (с оттенком собирательности) — **оба (чловѣка), обѣ (селѣ, женѣ)**. В косвенных падежах формы были общими для всех родов: **дъвою, обою; дъвѣма, обѣма**.

Согласовывались с определяемым существительным и названия чисел 3 и 4. Так как они употреблялись лишь в том случае, если существительное обозначало более двух предметов, то, естественно, существительное имело при себе названия 3-х и 4-х только тогда, когда употреблялось в форме множественного числа. Согласуясь с определяемым существительным, названия чисел 3 и 4 употреблялись только в формах множественного числа. При этом название 3-х имело падежные окончания по типу именных основ на $*ĭ$ (см. § 173), различая в именительном падеже родовые формы: **триѥ** — для мужского

[1] Подробная характеристика старославянской системы числовых обозначений дана в книге: Супрун А. Е. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961.

рода (ср. **гостиє**), **три** — для женского и среднего рода (ср. **кости**). Название 4-х имело падежные окончания по типу основ на согласные (см. с. 145), также различая в именительном падеже родовые формы: **четыре** для мужского рода (ср. **камене**) и **четыри** для женского и среднего рода (ср. **матери**). В косвенных падежах окончания были общими для трех родов и, кроме родительного падежа, общими для обоих слов:

Им. п.	**триє — три**	**четыре — четыри**
Вин. п.	**три**	**четыри**
Род. п.	**трии**	**четыръ**
Дат. п.	**трьмъ**	**четырьмъ** и т. д. (см. с. 139 и 145).

§ 223. Все остальные названия чисел были счетными существительными, т. е. характеризовались теми же грамматическими категориями, что и существительные, так же склонялись и характеризовались теми же синтаксическими связями.

Названия чисел 5—9 были существительными женского рода и склонялись по типу основ на $*\breve{i}$ (как **кость** — см. § 173), т. е. имен.-вин. падеж **пѧть, шесть, седмь** ('семь'), **осмь** ('восемь'), **девѧть**; род., дат. и местн. падежи **пѧти, шести** и т. д.; твор. падеж **пѧтиѭ, шестиѭ** и т. д. (или **пѧтьѭ, шестьѭ**) и т. д. Все эти слова употреблялись в форме единственного числа и управляли родительным падежом множественного числа существительных. Например: **се дроугыѩ пѧть талантъ приобрѣтоухъ** [='Вот (я) приобрел другие пять монет'] (Остр. ев., *Мт.*, XXV) — **пѧть** выступает как имя женского рода (см. определение **дроугыѩ**), а существительное при нем употреблено в род. падеже множ. числа (ср. в русском языке то же управление существительных: *стадо **коров**, группа **учеников***); **приемъ седмь тѫ хлѣбъ** [='Приняв те семь хлебов'] (Зогр. ев., *Мр.*, VIII) — **седмь** характеризуется как имя женского рода (**тѫ**) и управляет род. падежом множ. числа (**хлѣбъ**).

Название 10-ти **десѧть** было существительным, первоначально склонявшимся по типу основ на согласные [как **кам(ень)** — см. с. 145]. Являясь названием узлового числа десятичной системы счисления, слово **десѧть** имело не только формы единственного числа, но также формы двойственного и множественного чисел:

Падеж \ Число	Единственное	Двойственное	Множественное
Им.	**десѧть**	**десѧти (-те)**	**десѧте, -ти**
Вин.	**десѧть**	как им. п.	**десѧти**
Род.	**десѧте, -ти**	**(десѧтоу)**	**десѧтъ**
Дат.	**десѧти**	**десѧтьма**	**десѧтьмъ**
Твор.	**десѧтиѭ, -ьѭ**	как дат. п.	**десѧты**
Местн.	**десѧте, -ти**	как род. п.	**десѧтьхъ**

Название числа 100 **съто** было именем среднего рода с основой на *ŏ, следовательно, склонялось по типу **село,** принимая формы ед., двойств. и множ. чисел.

Слово **тысѩшти** (иногда **тысѫшти**) было существительным женского рода с основой на *jā, следовательно, склонялось по типу **ношти** (см. с. 134).

§ 224. Названия чисел второго десятка формировались посредством указания на единицу, прибавленную к десяти: **кдинъ на десѧте** (т. е. '11'), **пѧть на десѧте** (т. е. '15'). При употреблении таких образований с существительными формы существительных сочетались с названиями единиц: **кдинъ на десѧте члов҄ѣкъ** (существительное в ед. ч., так как сочетается с **кдинъ**), **дъва на десѧте члов҄ѣка** (существительное сочетается с **дъва,** поэтому в дв. ч.), **четыре на десѧте члов҄ѣци** (существительное во множ. числе, так как сочетается с **четыре**), **осмь на десѧте члов҄ѣкъ** (существительное в род. п. мн. ч., так как им управляет **осмь**).

Названия десятков образовывались сочетанием, указывавшим на количество десятков, при этом **десѧть** употреблялось в той форме, в какой обычно употреблялось существительное при соответствующем названии единиц: **три десѧти** — '30' (название 10-ти в им. п. мн. ч., как **три матери**), **шесть десѧтъ** (название 10-ти в род. п. мн. ч., как **шесть матеръ**) и т. д. Так же образовывались и названия сотен: **три съта** (**съта** — им. п. мн. ч., как **три села**), **шесть сътъ** (**сътъ** — род. п. мн. ч., как **шесть селъ**).

При склонении изменялись оба слова, составлявших названия десятков или сотен, если они были согласованы: **трии десѧть, трьмъ десѧтьмъ** и т. д., **трии сътъ, трьмъ сътомъ** и т. д.; если же название единиц управляло названием десятка или сотни, то склонялось лишь указание на число десятков или сотен: **шести десѧтъ, шестиѭ десѧтъ** и т. д., **шести сътъ, шестиѭ сътъ.**

Числа, включающие десятки (или сотни) и единицы, передавались сочинительными сочетаниями названий десятков (или сотен) и единиц с союзами **и** или **ти**: **четыри десѧте и пѧть** ('45') или **четыри десѧте ти пѧть** (то же).

§ 225. Числа первого десятка в старославянском языке могли обозначаться так называемыми собирательными числительными **дъвои, трои, четверъ** (или **четворъ**), **пѧтеръ** (или **пѧторъ**) и т. д.— до **десѧтеръ** (или **десѧторъ**). Склонялись они так же, как неличные местоимения: **дъвокго, дъвокмоу** и т. д.

Слова, обозначавшие порядок предметов при счете (т. е. те, что в современных школьных грамматиках именуются порядковыми числительными), в старославянском языке ничем не отличались от относительных прилагательных, в частности, согласовывались с существительными и могли иметь именную и членную форму: **пръвъ** (**пръва, пръво**) и **пръвыи** (обычно со стяжением: **пръвы, пръваꙗ, пръвок**), **въторъ** (**-а, -о**) и **въторыи** (**-аꙗ, -ок**) и т. д.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 221—225

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 101—109.

ГЛАГОЛ

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА

§ 226. Основные категории славянского глагола — вид, время, наклонение, залог; спрягаемые формы глагола могут также иметь формы лица и числа. Эти грамматические категории характеризовали и старославянский глагол; кроме того, в старославянском языке еще достаточно ясно ощущается категория определенности — неопределенности действия, связанная с категорией вида.

§ 227. Категория вида указывает на границы протекания действия во времени; значение вида выражается глагольной основой. Глагольные основы несовершенного вида обозначают действие (или состояние) как таковое, без указания на временные границы его осуществления: **творити, пѣти** (ср. русск. *делать, петь*). Глагольные основы совершенного вида указывают не столько на само действие (или состояние), сколько на его временные границы — конец или начало: **сътворити** (ср. русск. *сделать* — 'закончить работу'), **ꙁапѣти** (ср. русск. *запеть* — 'начать петь'). Регулярное двучленное противопоставление (бинарная оппозиция) глагольных основ совершенного ~ несовершенного видов — специфически славянская грамматическая особенность, характеризующая глагольную систему всех славянских языков и, по-видимому, развившаяся еще в праславянском.

Принято считать, что славянские глагольные виды оформились на базе индоевропейских лексико-семантических противопоставлений однокоренных глаголов по способу осуществления действия (или состояния). Реликты таких противопоставлений в славянских языках (в старославянском они охватывают довольно значительное число глагольных пар) достаточно ярко проявляются в противопоставленности однокоренных бесприставочных глаголов несовершенного вида по общему значению определенности ~ неопределенности действия (присоединение приставок в этих случаях обычно образует пары, противопоставленные по виду). В группе глаголов движения (перемещения в пространстве) это обнаруживается (и до сих пор сохраняется, например, в русском языке) в противопоставлении значений направленного ~ ненаправленного движения, т. е. движения, совершаемого однажды в одном направлении, и движения разнонаправленного и разновременного (или просто способности к перемещению): **ити** — **ходити** (ср. русск.: *Он **идет** в театр*, но: *Он часто **ходит** в театр* или *Ребенок уже **ходит***), **брести** — **бродити**, **вести** — **водити**, **нести** — **носити** и т. д. (но ср. с приставками: **иꙁити** — **исходити**, **принести** — **приносити**).

Другим проявлением внутривидовой оппозиции по определенности ~ неопределенности является противопоставление глаголов «принуждения» ~ состояния. В старославянском эта оппозиция представлена довольно регулярным образованием глагольных пар от одного корня, распространенного разными суффиксами. Глаголы «принуждения» (т. е. действия, вызывающего изменение состояния объекта) характеризовались суффиксом основы инфинитива **-и-** (в настоящем времени это были глаголы II спряжения) и корневым гласным на ступени **о* (именного типа — см. § 82—83), т. е. [о], [а] (из **ō*), [ě] (из **oi̯*), [у] (из **ou̯*), [ǫ] из (**on, *om*); глаголы состояния характеризовались в основе инфинитива суффиксом [ě] (**ѣ**) или [’а] (в обоих случаях из **ē*; в настоящем времени они также были глаголами II спряжения) или суффиксом **-нѫ-** (более поздние по образованию, они, в отличие от глаголов на **-ѣ-** / **-’а-**, обозначали не статичное, а динамическое, изменяющееся состояние), который не изменял значения несовершенного вида (в отличие от «однократных» глаголов типа **двигнѫти**; в настоящем времени те и другие были глаголами I спряжения): **сад-и-ти** (ʻзаставить сидеть’) — **сѣд-ѣ-ти** (ʻнаходиться в соответствующем состоянии’); так же: **боуд-и-ти — бъд-ѣ-ти** (ʻбодрствовать’), **вар-и-ти — вьр-ѣ-ти** (ʻкипеть’), **вѣс-и-ти** (ср. русск. *по-весить*) — **вис-ѣ-ти, лѣп-и-ти — льп-ѣ-ти** (но ср. русск. *лип-ну-ть*), **пал-и-ти — пол-ѣ-ти** (ʻгореть’); **лож-и-ти — леж-а-ти** (из **lĕg-ē-ti*), **став-и-ти — стоꙗ-ти** (т. е. [стоj-а-т’и] < **stŏj-ē-ti*); **гас-и-ти — гас-нѫ-ти, гоуб-и-ти — гыб-нѫ-ти, (о)мрач-и-ти — мрьк-нѫ-ти** (ʻтемнеть’), **соуш-и-ти — сънх-нѫ-ти, оуч-и-ти — вык-нѫ-ти** (из **ūk-non-ti* — ʻучиться’) и т. д.

На славянской почве развилось противопоставление однократных (несовершенного вида) и производных от них многократных по обозначаемому действию основ. Глаголы со значением многократности производились путем распространения основы посредством суффикса **-а-** (из **ā*) и удлинения корневого гласного: **вод-и-ти — важд-а-ти** (из **vōdi̯-a-ti*), **гон-и-ти — ган-ꙗ-ти, нос-и-ти — наш-а-ти, прос-и-ти — праш-а-ти, род-и-ти — ражд-а-ти** и т. д. Этот способ образования основ со значением «неопределенности» в славянских языках широко использовался для образования основ несовершенного вида от приставочных совершенного вида; см. в старославянском: **въноуш-и-ти — въноуш-ати, въкоус-и-ти — въкоуш-а-ти, въскрьс-и-ти — въскрѣш-а-ти, въпрос-и-ти — въпраш-а-ти, отъвѣт-и-ти — отъвѣшт-а-ти, расточ-и-ти — растач-а-ти** и т. д.

§ 228. Категория времени характеризует время протекания действия (или состояния) по отношению к моменту речи (абсолютное время) или по отношению к какому-то другому моменту, принятому за исходный (относительное время). Значение времени выражалось специальными формообразующими суффиксами (или аналитически — с помощью вспомогательных глаголов) и окончаниями.

§ 229. Категория наклонения характеризует названное глаголом действие с точки зрения его отношения к действительности: является действие (или состояние) реальным (изъявительное наклонение) или возможным или желательным (сослагательное наклонение), или речь идет лишь о побуждении к совершению действия (повелительное наклонение); последние два наклонения противопоставляются изъявительному как ирреальные. В старославянском языке значение наклонения выражалось теми же средствами, что и значение времени; при этом специфическими грамматическими показателями характеризовались лишь ирреальные наклонения (показателями изъявительного наклонения служили формы времени).

§ 230. Категория залога характеризует взаимоотношения субъекта и объекта в процессе совершения действия, она оформляется синтаксически — сочетаниями глагола и управляемых слов, а также специальными аффиксами. Если действие направлено на объект, название которого является грамматическим дополнением, то принято говорить о действительном залоге, выражаемом переходными глаголами (ср. русск.: *Рабочие строят* ***избу***). Если название объекта действия является предметом сообщения, т. е. грамматическим подлежащим, то говорят о страдательном залоге, выражаемом возвратным глаголом или страдательным причастием (ср. русск.: ***Изба*** *строится* или *построена*).

Если же субъект одновременно является и объектом действия, то говорят о средневозвратном залоге, выражаемом возвратным глаголом (ср. русск.: ***Он*** *строится,* т. е. обзаводится домом, хозяйством'); в старославянском языке средневозвратное залоговое значение указывалось возвратным местоимением сѧ.

§ 231. Категории лица и числа выражаются личными окончаниями времен или наклонений и указывают на действующее лицо (лица) или предмет (предметы), которым приписывается действие (или состояние): на говорящего или говорящих (1-е л. ед., мн. ч., а в ст-сл. также и дв. ч.), на собеседника или собеседников (2-е л. ед., мн. или дв. ч.), на тех, о ком (или о чем) идет речь (3-е л. ед., мн. или дв. ч.).

Кроме того, в старославянском языке аналитические глагольные формы, включавшие в свой состав причастия, согласуясь с подлежащим, могли также иметь родовые формы (ср. в русском языке отражение этих форм в образованиях прошедшего времени: *писал, писал-а, писал-о*).

ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

§ 232. Разные формы одного глагола, объединяемые общностью лексического, а также залогового и видового значения (и одного значения определенности — неопределенности), одинаковой сочетаемостью с другими словами в предложении, образуют-

ся от разных основ, которых у подавляющего большинства глаголов две. Одну из них принято называть основой инфинитива, другую — основой настоящего времени. У большинства глаголов эти формообразующие основы не совпадают; например: **зъва-ти** — основа инфинитива **зъва-** и **зов-ѫтъ** — основа настоящего времени **зов-**; **видѣ-ти** — основа инфинитива **видѣ-** и **вид-ѧтъ** — основа настоящего времени **вид-**.

По соотношению формообразующих основ глаголы принято делить на классы. Глагольный класс — это система форм одного глагола, образованных от разных формообразующих основ (подобно тому как тип склонения — система всех форм одного имени), в связи с чем глагольное словообразование связано с классификацией пар глагольных словообразующих аффиксов (каждый из которых характеризует разные основы одного глагола). Так, например, отыменные глаголы образуются посредством пары суффиксов *-ова-/-уj-*: **бесѣд-ова-ти** (суффикс [-ова-] в основе инфинитива) — **бесѣд-оуѭтъ** (суффикс [-уj-] в основе настоящего времени); глаголы со значением изменяющегося состояния образуются посредством суффиксов **-нѫ-** (в основе инфинитива) — **-н-** (в основе настоящего времени): **съх-нѫ-ти — съх-н-етъ**.

Внутри классов особенности образования каждой конкретной глагольной формы определяются типом соответствующей формообразующей основы данного глагола, которая может оканчиваться на гласный или на согласный, корневой или суффиксальный; следовательно, на морфологическом уровне актуальна не характеристика классов, а типология формообразующих глагольных основ.

§ 233. В старославянском языке основа инфинитива служила базой для производства форм прошедших времен — аориста и имперфекта, для образования двух действительных причастий прошедшего времени, страдательного причастия прошедшего времени, а также инфинитива и супина. Например, от основы **видѣ-** образован аорист **видѣ-хъ**, имперфект **видѣ-ахъ**, причастия **видѣ-въ(ши)**, **видѣ-лъ**, **видѣ-нъ**, инфинитив **видѣ-ти** и супин **видѣ-тъ** (ср. русск.: *увиде-л, увиде-вший, увиде-в(ши), увиде-нный, увиде-ть*).

Основу инфинитива удобнее всего определять по инфинитивному образованию — она здесь предшествует суффиксу **-ти**: **зъва-ти, видѣ-ти, ходи-ти, сънѫ-ти**; но ср. корневые основы **плести** < **plet-ti*, следовательно, основа инф. **плет-** [ср. образования от этой основы: **плет-ъ(ши)**, русск. *(с)плет-ший*, **плет-енъ**, русск. *(с)плет-енный*]; **вести** < **ved-ti*, следовательно, основа инф. **вед-** [ср. **вед-ъ(ши)**, русск. *(при)ведший*, **вед-енъ**, русск. *(при)вед-енный*]; **пешти** < **pek-ti*, следовательно, основа инф. **пек-** [ср. образования от этой основы: **пек-лъ**, русск. *пек-ла*, **пек-ъ(ши)**, русск. *(ис)пек-ший*]; **мошти** < **mog-ti*, следовательно, основа инф. **мог-** [ср. **мог-лъ**, русск. *мог-ла*, **мог-ъ(ши)**, русск. *(изне)мог-ший*].

§ 234. Типы основ инфинитива в старославянском языке можно выделять в зависимости от того, корнем или суффиксом оканчивалась основа.

I тип. Основа инфинитива оканчивалась корневым согласным: **нес-ти**, **вести** < **ved-ti*, **пешти** < **pek-ti* и т. д.

II тип. Основа инфинитива оканчивалась корневым гласным: **мрѣ-ти**, **жѧ-ти**, **мы-ти** и т. д.

При образовании некоторых форм здесь следует различать два подтипа: 1) корневой гласный происходит из сочетания гласного с сонорным: **мрѣ-ти** < **mĕr-ti*, **жѧ-ти** < **žen-ti*, 2) корневой гласный происходит из дифтонга или старого долгого гласного: **би-ти** < < **bei̯-ti*, **мы-ти** < **mū-ti*.

III тип. Основа инфинитива оканчивалась суффиксальным **-нѫ-** [-нǫ-]: **двиг-нѫ-ти**, **съх-нѫ-ти**, **(оу)съ-нѫ-ти** < **-sъp-nǫ-ti*, **ми-нѫ-ти**, **доу-нѫ-ти** и т. д.

При образовании ряда форм здесь также важно различать два подтипа: 1) суффикс **-нѫ-** следует после корневого гласного: **ми-нѫ-ти**, **доу-нѫ-ти** и т. д.; 2) суффикс **-нѫ-** был присоединен к корневому согласному: **двиг-нѫ-ти**, **съх-нѫ-ти**, **(оу)съ-нѫ-ти** < < **-sъp-nǫ-ti* (ср. **съп-ати**, русск. *сп-ать*, *за-**сып**-ать*), **вѧ-нѫ-ти** < < **vęd-nǫ-ti* (ср. **оу-вѧд-ати**, русск. *у-**вяд**-ший*) и т. д. Ряд форм глаголы второго подтипа образовывали без участия суффикса **-нѫ-** (ср. сохранившиеся в русском языке архаизмы *высох(ла)*, *высохший* и т. д.— от глагола *(вы)**сохнуть***; *(у)вядший* — от глагола *(у)**вянуть***; церковнославянизм *усопший* — от глагола *уснуть* < **u-sъp-nǫ-ti* и т. п.).

IV тип. Основа инфинитива оканчивалась суффиксальным **-а-** [-а-] или **-ѣ-** [-ě-]: **бьр-а-ти**, **пьс-а-ти**, **вѣров-а-ти**, **праш-а-ти**, **слаб-ѣ-ти**, **лет-ѣ-ти** и др.

V тип. Основа инфинитива оканчивалась суффиксальным **-и-** [-и-]: **ход-и-ти**, **боуд-и-ти**, **прос-и-ти** и т. д.

§ 235. Основа настоящего времени служила базой для производства форм настоящего времени, действительного и страдательного причастий настоящего времени и повелительного наклонения. Например, от основы **вид-** образовано настоящее время **вид-ѧтъ**, причастия **вид-ѧ(шти)** и **вид-имъ**, повелительное наклонение **вид-ите** [ср. русск.: *вид-ят*, *вид-ящий*, *вид-я*, *вид-имый*, *(у) вид'-те*].

Основа настоящего времени хорошо обнаруживается в форме 3-го лица множественного числа настоящего времени: **зов-ѫтъ**, **рек-ѫтъ**, **вид-ѧтъ**, **ход-ѧтъ**, **пиш-ѫтъ**, **двигн-ѫтъ** и т. д. [ср. русск. *зов-ут*, *(из)рек-ут*, *вид-ят*, *ход-ят*, *пиш-ут*, *двин-ут*].

§ 236. У подавляющего большинства глаголов личные окончания настоящего времени присоединялись к основе настоящего времени с помощью тематических гласных [-е-] (чередовавшегося с *ŏ) или [-и-]. Такие глаголы принято называть тематическими.

Глаголы, основа настоящего времени которых соединялась с личными окончаниями настоящего времени при помощи тематического гласного [-е-], принято относить к I спряжению. Например: **бер-е-ши, бер-е-тъ, бер-е-мъ** и т. д. (русск. *бер-е-шь, бер-е-т, бер-е-м*), где **-ши, -тъ, -мъ** — личные окончания, а **-е-** — тематический гласный.

Глаголы, основа настоящего времени которых соединялась с личными окончаниями настоящего времени при помощи тематического гласного [-и-], принято относить ко II спряжению. Например: **ход-и-ши, ход-и-тъ, ход-и-мъ** и т. д. (русск. *ход-и-шь, ход-и-т, ход-и-м*), где **-ши, -тъ, -мъ** — личные окончания (ср. те же окончания у глаголов I спряжения), а **-и-** — тематический гласный.

Таким образом, основа настоящего времени — это то, что предшествует тематическому гласному в личных формах настоящего (или простого будущего) времени.

Небольшая группа глаголов в старославянском языке не имела тематических гласных: личные окончания настоящего времени таких глаголов присоединялись непосредственно к основе. Такие глаголы принято называть нетематическими. Например, такие формы, как **дастъ, дамъ** ('мы дадим') и др., состояли из основы настоящего времени **dad-* (ср. русск. *дад-им, дад-ите*) и тех же личных окончаний, что и у тематических глаголов: **-тъ, -мъ** (ср. **бер-е-тъ, бер-е-мъ**); следовательно, здесь **дастъ** < **dad-tъ* (где [ст] < **dt* в результате диссимиляции — см. § 101), **дамъ** < **dad-mъ* (где [м] < **dm* в результате упрощения — см. § 102). То же в формах **ѩстъ** ('он ест'), **ѩмъ** ('мы едим') и т. д. **вѣстъ** ('он знает'), **вѣмъ** ('мы знаем') и т. д.

§ 237. Типы основ настоящего времени выделяются в зависимости от тематического гласного и конечного согласного основы.

I тип. Глаголы I спряжения с основой настоящего времени на твердый корневой согласный: **нес-ѫтъ, вед-ѫтъ, пек-ѫтъ, мьр-ѫтъ, бер-ѫтъ** и т. п.

II тип. Глаголы I спряжения с основой настоящего времени на суффиксальный **-н-** [-н-]: **двиг-н-ѫтъ, съх-н-ѫтъ, ми-н-ѫтъ, ста-н-ѫтъ, (оу)съ-н-ѫтъ** (из **-sъp-n-ǫtъ*, где **pn* > [н]) и др.

III тип. Глаголы I спряжения с основой настоящего времени на [j] (или исконносмягченный согласный, произошедший из сочетания корневого согласного с **j*): **биѭтъ** [б'иj-ǫтъ], **ꙁнаѭтъ** [знаj-ǫтъ], **даѭтъ** [даj-ǫтъ], **вѣроуѭтъ** [в'ѣруj-ǫтъ], **славѣѭтъ** [слав'ѣj-ǫтъ], **пиш-ѫтъ** < **pisj-ǫtъ*, **вѧж-ѫтъ** < *vęzj-ǫtъ и т. д.

IV тип. Все глаголы II спряжения: **лет-ѧтъ, ход-ѧтъ, сто-ѩтъ** [стоj-ętъ] и т. д.

V тип. Все нетематические глаголы: **ѥсмь** (3-е л. ед. ч. **ѥстъ** — 'есть, имеется'), **дамь** — 'я дам', **ѩмь** — 'я ем', **вѣмь** — 'я знаю', **имамь** — 'я имею', и производные приставочные образования от этих пяти глаголов.

Спряжение настоящего времени

Число, лицо	Окончания	Образцы спряжения (по типам основ настоящего времени)					
		I тип (вести, пешти)		II тип (двигнѫти)	III тип (пьсати, прашати)		IV тип (носити)
Ед. ч.							
1-е л.	*-ǫ*	вед-ѫ	пекѫ	двигнѫ	пишѫ	прашаѭ	нош'-ѫ
2-е л.	*-ши*	вед-е-ши	печеши	двигнеши	пишеши	прашаѥши	нос-и-ши
3-е л.	*-тъ*	вед-е-тъ	печетъ	двигнетъ	пишетъ	прашаѥтъ	нос-и-тъ
Дв. ч.							
1-е л.	*-вě*	вед-е-вѣ	печевѣ	двигневѣ	пишевѣ	прашаѥвѣ	нос-и-вѣ
2-е л.	*-та*	вед-е-та	печета	двигнета	пишета	прашаѥта	нос-и-та
3-е л.	*-те*	вед-е-те	печете	двигнете	пишете	прашаѥте	нос-и-те
Мн. ч.							
1-е л.	*-мъ*	вед-е-мъ	печемъ	двигнемъ	пишемъ	прашаѥмъ	нос-и-мъ
2-е л.	*-те*	вед-е-те	печете	двигнете	пишете	прашаѥте	нос-и-те
3-е л.	*-ǫтъ, -ęтъ*	вед-ѫтъ	пекѫтъ	двигнѫтъ	пишѫтъ	прашаѭтъ	нос-ѧтъ

СПРЯГАЕМЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Тематические глаголы

§ 238. Формы настоящего времени в старославянском языке образовывались от основ настоящего времени как несовершенного, так и совершенного вида с помощью личных окончаний, присоединявшихся к основам настоящего времени I — III типов посредством тематического гласного [-е] (некогда чередовавшегося с *ŏ), а к основам IV типа — посредством тематического [-и-]. В 1-м лице ед. числа и в 3-м лице множ. числа тематический гласный уже не обнаруживается (см. табл. на с. 185).

§ 239. У глаголов I спряжения с основой настоящего времени I типа на задненёбный согласный перед тематическим гласным [е] (переднего ряда) происходило чередование [к] // [ч'], [г] // [ж']: **пек-ѫ — печ-є-ши, печ-є-тъ** и т. д., **рек-ѫ — реч-є-ши, реч-є-тъ** и т. д., **мог-ѫ — мож-є-ши, мож-є-тъ** и т. д.

У глаголов II спряжения тематический гласный [и] в 1-м лице ед. числа еще в праславянском языке перед гласным окончания, как обычно, изменялся в *i̯ > *j (ср. § 91) и соответствующим образом смягчал предшествующий корневой согласный. Поэтому в 1-м лице единственного числа глаголов II спряжения в корне всегда исконносмягченный согласный: **ношѫ** < *nosj-ǫ (т. е. *nos-i-am > *nosi̯ǫ > *nosjǫ), **хождѫ** < *xodjǫ (ср. русск. *ходит — хожу*, где *dj > [ж]), **вожѫ** < < *vozjǫ, **любльѫ** < *ljubjǫ, **коупльѫ** < *kupjǫ и т. д.

В некоторых рукописях X—XI вв. отражена диалектная утрата интервокального [j] с последующей прогрессивной ассимиляцией тематического гласного в формах глаголов от основ настоящего времени III типа (**прашаатъ** и под.); например, в Мар. ев.: **обрѣтаатъ** (из **обрѣтаѥтъ** [обрѣтаjетъ > обрѣтаетъ > обрѣтаатъ]), **отвръзаатъ, власвимлѣатъ** (вм. **власвимлѣѥтъ** — 'богохульствует'), **прикасаатъ сѧ** и т. д.

Нетематические глаголы

§ 240. Ко времени появления старославянских памятников формы нетематического спряжения в разной степени сохраняли лишь пять непроизводных глаголов:

Число, лицо	Окончания	Спряжение				
		бꙑти	**дати**	**ꙗсти**	**вѣдѣти**	**имѣти**
Ед. ч						
1-е л.	*-мь*	**ѥсмь**	**дамь**	**ꙗмь**	**вѣмь**	**имамь**
2-е л.	*-си*	**ѥси**	**даси**	**ꙗси**	**вѣси**	**имаши (!)**
3-е л.	*-тъ*	**ѥстъ**	**дастъ**	**ꙗстъ**	**вѣстъ**	**иматъ**

Дв. ч.						
1-е л.	*-вě*	ѥсвѣ	давѣ	ꙗвѣ	вѣвѣ	имавѣ
2-е л.	*-та*	ѥста	даста	ꙗста	вѣста	имата
3-е л.	*-те*	ѥсте	дасте	ꙗсте	вѣсте	имате
Мн. ч.						
1-е л.	*-мъ*	ѥсмъ	дамъ	ꙗмъ	вѣмъ	имамъ
2-е л.	*-те*	ѥсте	дасте	ꙗсте	вѣсте	имате
3-е л.	*-ǫтъ, -ętъ*	сѫтъ	дадѧтъ	ꙗдѧтъ	вѣдѧтъ	имѫтъ

§ 241. Сопоставление личных форм нетематических глаголов с соответствующими формами тематических (см. образцы спряжения на с. 185) позволяет заметить, что спряжение тех и других в большинстве случаев характеризовалось одними и теми же окончаниями. Так, в 3-м лице ед. числа **ѥс-тъ, дас-тъ** < **dad-tъ* (где **dt* > [ст] в результате диссимиляции; ср. **дад-ѧтъ**) и т. д. — как и **вед-е-тъ, нос-и-тъ** — одно и то же окончание **-тъ** присоединено либо прямо к основе (**ѥс-тъ** и пр.), либо с помощью темы (**вед-е-тъ, нос-и-тъ**). Точно так же во всех формах двойств. числа и в 1-м и 2-м лицах множ. числа: **ѥс-вѣ** и **вед-е-вѣ, ѥс-та** и **вед-е-та, ѥс-те** и **вед-е-те, ѥс-мъ** и **вед-е-мъ** (**да-мъ, ꙗ-мъ** и **вѣ-мъ** — с упрощением **dm* > [м], т. е. из **dad-mъ*, **jěd-mъ*, **věd-mъ*).

Своеобразны лишь окончания 1-го и 2-го лица ед. числа и отчасти 3-го лица множ. числа нетематического спряжения. У глагола **имѣти** особым было только окончание 1-го лица ед. числа.

Происхождение окончаний настоящего времени

§ 242. В 1-м лице единственного числа тематические глаголы в праславянском языке, видимо, имели окончание **-ām*, происхождение которого остается неясным[1]. В праславянском языке **ăm* > **-ŏn* > [ǫ], поэтому **вед-ѫ** (из **vĕd-ăm*), **бер-ѫ** (из **bĕr-ăm*).

Возможно, что носовой в 1-м лице тематического спряжения связан с окончанием нетематических глаголов, которые в старославянском языке сохраняли индоевропейскую флексию **-mĭ* (ср. др-инд. *ásmi,* грч. εἶμι [ei̯mi] — 'иду'); в славянских языках закономерно **-mĭ*> [-мь]: **ѥс-мь, да-мь** (из **dad-mĭ*) и т. д.

В 3-м лице множественного числа I спряжения и-евр. окончание **-nti* (ср. грч. φέρoντι [fĕrŏnti] — 'несут', др-инд. *bhāranti,* лат. *ornant* — 'украшают') присоединялось к тематическому **-ŏ-*, т. е. **-ŏ-nt(ĭ)*; перед согласным **ŏn* > [ǫ]: **вед-ѫтъ** < **vĕd-ŏ-*

[1] В других индоевропейских языках окончание 1-го лица ед. числа восходит к **-ō*: грч. φέρω [fĕrō] — 'несу', лат. *ferō* — 'несу', гот. baira.

nt(ъ), **вер-жтъ** < **bĕr-ŏ-nt(ъ)*. У глаголов с основой III типа следовало бы ожидать в 3-м лице множественного числа *-**ѧтъ**, так как после **j* происходило изменение *'*ŏ* > *'*ĕ*, следовательно, должно быть *-*ĕnt* (ъ) > [-ęтъ]; но под влиянием основ I и II типов здесь также установилось [-ǫтъ]: **пишжтъ, прашаѭтъ**. У глаголов II спряжения тематический *-*i*- сливался с носовым гласным того же окончания, что и у глаголов I спряжения: *-*i-nt* (ъ) > [-ęтъ], поэтому **нос-ѧтъ** < **nos-i-nt(ъ)*, **ход-ѧтъ** < **xod-i-nt(ъ)*.

В 3-м лице множ. числа нетематических глаголов было **dad-nt* (ъ), **jĕd-nt(ъ)*, **vĕd-nt(ъ)*, так как древнее окончание *-*nti* присоединялось непосредственно к основе. В положении между согласными **n* стал слоговым, развил гласный **e*, вместе с которым и образовал носовой гласный: **dad-nt (ъ)* > **dadn̥t (ъ)* > **da-d^e n̥t (ъ)* > **dadent (ъ)* > [дад'ęтъ] **дадѧтъ**, аналогично **ꙗдѧтъ, вѣдѧтъ**. Что же касается **имжтъ**, то эта форма возникла под влиянием тематического спряжения (**веджтъ**).

§ 243. Индоевропейское окончание 2-го лица единственного числа *-*sĭ* у глаголов II спряжения должно было дать [-ш'ь] (после тематического **i* свистящий **s* > **x* — см. § 70; перед последующим гласным переднего ряда **x* > [ш']; **ĭ* > [ь]); по аналогии [ш'] могло распространиться на глаголы I спряжения. Окончание [-ш'ь] было известно славянским диалектам, в частности восточнославянским (ср. русск. *ходишь, несешь*). Однако старославянскому языку было свойственно окончание [-ш'и], где конечный [и] мог появиться под влиянием нетематических глаголов: **ѥси, даси** и т. д. Предполагают, что в нетематическом спряжении [-с'и] происходит из индоевропейского окончания 2-го лица ед. числа медиального (средневозвратного) спряжения *-*sai*; дифтонг **ai̯* > [и] в конце слова.

В 3-м лице единственного и множественного числа старославянские памятники отражают трудно объяснимое окончание **-тъ**. В индоевропейском было окончание *-*tĭ* — в ед. числе, *-*ntĭ* — во множ. числе (ср. в ед. ч. грч. ἐστι [ĕsti] — 'есть', др-инд. *bhárati* — 'несет'; во мн. ч. грч. φέροντι [fĕrŏnti], др-инд. *bháranti* — 'несут'). В прасл. эти окончания должны были дать *-*tь* и *-*ǫtь* или *-*ętь* — с **ь* в конце. Такие окончания известны многим славянским языкам, в частности восточнославянским (ср. южнорусск., украинск. и белорусск. *береть, ходить; беруть, ходять*). Однако древнеславянские памятники обычно дают **-тъ** — с **ъ**, а не **ь**[1]. В поздних текстах на месте сильного редуцированного (например, перед местоимением **сь**) в этих окончаниях находим [о]: **можето сь** ['может он (этот)'] — из **можетъ-сь** (Мар. ев., *Ин.*, VI), **лежито сь** ['лежит он (этот)'] — из **лежитъ-сь** (Ас. ев., *Л.*, II) и т. п.; а перед [и] в этих окончаниях оказывается [ӹ] < [ъ]: **славитъı и** ['славит его'] — из **славитъ-и** (Мар. ев., *Ин.*, XIII); и

[1] Впрочем, в памятниках, созданных не на южнославянской территории, например в Остромировом евангелии, написанном на Руси, можно встретить и формы на **-ь** — как отражение местной языковой особенности.

[о], и [ы] в указанных фонетических условиях могли развиться только на месте [ъ], но не [ь]. Причина появления [ъ] в окончаниях 3-го лица не имеет удовлетворительного объяснения.

Изредка в памятниках XI в. встречаются формы 3-го лица без **-т(ъ)**: **є** — вместо **єстъ**, **бѫдє** — вместо **бѫдєтъ**, **можє** — вместо **можєтъ**, **сѧдє** — вместо **сѧдєтъ** и т. д.; во множественном числе **вѣроуѭ** — вместо **вѣроуѭтъ**. Такие формы известны многим славянским языкам; однако остается неясным, являются ли они достаточно старыми. Если бы удалось установить, что формы 3-го лица без *-*t*- были обычными в праславянском (или в отдельных диалектах праславянского языка), то можно было бы принять предположение Ф. Ф. Фортунатова о происхождении [-тъ] из указательного местоимения **тъ** (т. е. **бѫдєтъ** — из **bǫde tъ*, дословно 'он будет'; **можєтъ** — из **može tъ* ['он может'] и т. п.; на формы мн. ч. это окончание могло распространиться позднее — из форм ед. ч.).

§ 244. Окончания 1-го и 2-го лица множественного числа в старославянском языке вполне соответствуют индоевропейским. При этом в 1-м лице старославянский язык отражал одно из возможных индоевропейских окончаний **-mŏs* > **-mŭs* > [-мъ] (древние индоевропейские диалекты знали и другие окончания: **-mes*, **-men*, **-me*, **-mo*). Иногда в старославянских памятниках в 1-м лице встречается окончание **-мы** (**накажемы, имамы** и т. д.), которое, несомненно, появилось под влиянием личного местоимения **мы**. Во 2-м лице свойственное славянским языкам окончание [-т'е] последовательно отражается и другими индоевропейскими языками (ср., например, грч. φέρετε [fĕrĕtĕ], как ст-сл. **берете**).

В 1-м лице двойственного числа окончание [-в'ě], как и [-мы] во множественном числе, развилось под влиянием личного местоимения **вѣ**. Окончания 2-го и 3-го лица двойственного числа [-та] и [-т'е] находят соответствия в других индоевропейских языках.

§ 245. Таким образом, для праславянского языка восстанавливаются следующие окончания настоящего времени, которые условно называют «первичными»:

Лицо \ Число	Единственное		Двойственное	Множественное
	тематические	нетематические		
1-е	**ăm*	**-mĭ*	**-vě* (местоимение)	**-mŏs* > **-mŭs*
2-е	**-sĭ*	**-sai̯*	**-ta*	**-te*
3-е	**-tĭ*	**-tĭ*	**-te*	**-ntĭ*

§ 246. В старославянском языке глаголы как совершенного, так и несовершенного вида в ф о р м е настоящего времени могли иметь и значение настоящего, и значение будущего времени: это зависело от контекста, от временнóго плана высказывания (повествования) в целом.

Так во фразе **милъ ми єси народо сь · ѣко юже три дьни присѣдѧтъ мьнѣ · і не имѫтъ чесо ѣсти** [='Дороги мне эти люди, что вот уже три дня *сидят вокруг* меня, и им нечего есть', дословно: 'не имеют, что поесть'] (Мар. ев., *Мр.*, VIII) формы **єси** и **имѫтъ** указывают на план настоящего времени, в котором употреблен и глагол совершенного вида **присѣдѧтъ**· С другой стороны, глаголы несовершенного вида могли получать значение будущего времени, употребляясь в форме настоящего. Так, в одной из евангельских притч блудный сын заявляет: **въставъ идѫ къ оцю · и рекѫ ємоу**... [='Встав, *пойду* к отцу и *скажу* ему'] (Ас. ев., *Л.*, XV); из двух глаголов, употребленных в этой фразе в форме настоящего времени, один — несовершенного вида (**идѫ**), другой — совершенного (**рекѫ**), и оба имеют значение будущего времени. Точно так же во фразе **сѫпрѫгъ воловъныихъ коупихъ пѧть и грѧдѫ искоусить ихъ** [='Я купил пять упряжек волов и *пойду* испытать их'] (Мар. ев., *Л.*, XIV) форма настоящего времени глагола несовершенного вида **грѧдѫ** имеет значение будущего (ср. русск.: *Я завтра **еду** в Ленинград, Я сейчас **иду** к тебе*).

Однако глаголы совершенного вида в форме настоящего времени чаще употреблялись в значении будущего.

§ 247. Специальную простую форму будущего времени имел в старославянском языке глагол **быти**. Эта форма в памятниках X—XI вв. образована от основы **бѫд-** с окончаниями настоящего времени I спряжения: **бѫд-ѫ, бѫд-є-ши, бѫд-є-тъ** и т. д. Основа **бѫд-** имела только значение будущего времени (ср. настоящее время того же глагола **ѥсмь, ѥси** и т. д.).

Будущее сложное I

§ 248. Абсолютное будущее время, т. е. указание на действие или состояние, которое будет иметь место после момента речи, в старославянском языке выражалось сложными формами, которые состояли из и н ф и н и т и в а спрягаемого глагола (указывавшего на действие или состояние) и в с п о м о г а т е л ь н о г о г л а г о л а в ф о р м е н а с т о я щ е г о в р е м е н и. В качестве вспомогательного в этом случае употреблялись глаголы **начѧти** (т. е. **начьнѫ, начьнеши** и т. д.), **хотѣти** (**хоштѭ, хоштеши** и т. д.), **имѣти** (**имамь, имаши** и т. д.). Так, например, от глагола **творити** будущее сложное I время было:

Ед. ч.: 1-е л. **начьнѫ** (**хоштѭ** или **имамь**) **творити**
2-е л. **начьнеши** (**хоштеши** или **имаши**) **творити**
3-е л. **начьнетъ** (**хоштетъ** или **иматъ**) **творити** и т. д.

§ **249.** При образовании будущего сложного I времени выбор вспомогательного глагола в значительной степени обусловливался его лексическим значением. Так, глагол **начѧти** выражал идею перехода к новому состоянию (в будущем): **и тогда начьнеши съ стоудомъ послѣдьнее мѣсто дрьжати** (Сав. кн., *Л.*, XIV) [='И тогда со стыдом *сядешь* на последнее место', — в соответствии с контекстом: 'со стыдом пересядешь']. Глагол **имѣти** обычно указывал на неизбежность действия или состояния в будущем; например, в евангельских текстах (Зогр., Мар., Ас. ев., Сав. кн.): **ıди елико имаши продаждь и даждь ништиимъ. ı имѣти имаши съкровиште нбсе** (*Мр.*, X) [= 'Иди, продай все, что имеешь, и раздай нищим и *приобретешь* сокровища на небесах', с оттенком: 'непременно получишь']. Глагол **хотѣти** выступал в качестве вспомогательного, если надо было выразить будущее с оттенком необходимости или долженствования: ...**ꙗко намъ хоштеши ꙗвити сѧ** (Сав. кн., *Ин.*, XIV) [='... когда ты *явишься* нам', с оттенком: 'сочтешь необходимым']; в евангельских текстах (Зогр., Мар., Ас. ев., Сав. кн.): **ı мънѣахѫ ѣко абие хоштетъ цсрствие бжие ꙗвити сѧ** (*Л.*, XIX) [='И (они) думали, что царство небесное тотчас *наступит*', т. е. 'должно наступить']; **когда оубо си бѫдѫть и что есть ꙁнамение егда хотѧтъ си быти** (*Л.*, XXI) [='Когда же это будет и каково указание (предзнаменование), что это *будет*', т. е. '*должно* произойти'].

Будущее сложное II

§ **250.** Аналитическую форму представляло в старославянском языке относительное будущее время, именуемое обычно будущим сложным II (лат. futurum exactum).

Относительное будущее образовывалось сочетанием вспомогательного глагола **быти** в форме будущего времени (**бѫдѫ, бѫдеши** и т. д.) с несклоняемым действительным причастием прошедшего времени с суффиксом [-л-] от спрягаемого глагола. Так, от глагола **творити** относительное будущее образовывалось:

Ед. ч. 1-е л. **бѫдѫ творил-ъ, -а, -о**
2-е л. **бѫдеши творил-ъ, -а, -о**
3-е л. **бѫдетъ творил-ъ, -, -о**
Мн. ч. 1-е л. **бѫдемъ творил-и, -ы, -а** и т. д.

Указывая по своему составу на предшествование (**творил-ъ**) будущему (**бѫдѫ**), будущее сложное II употреблялось с отчетливым модальным значением, выражая возможность проявления, обнаружения в будущем результатов предшествующего действия. Яркий пример — рассуждения Марии (по Супр. рук.), усомнившейся в правдивости предсказаний «божьего вестника»: **паче съкрыѭ таинѫ се· еда бѫдетъ сългалъ приходивыи** [='Лучше (я) скрою эту тайну: а вдруг *окажется* (в будущем), что приходивший (ко мне) *солгал* (в прошлом)']. См. в Син. тр.: **толи по томь да приьѧ(т) бѫде(т) въ своѥ отечство· аште бѫде(т) праве(д)но**

покаалъ (сѧ) [='Только после того пусть будет принят (он) в своем отечестве (в своем племени), если честно покается', точнее: 'если *окажется,* что его раскаяние *было* искренним'].

СИСТЕМА ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН

§ 251. Система прошедших времен старославянского языка довольно сложна: она включала четыре временных образования, каждое из которых характеризовалось своим значением. Два прошедших времени выражались суффиксальными образованиями: это аорист и имперфект. Два прошедших времени были аналитическими, т. е. выражались сложными формами: это перфект и плюсквамперфект.

Аорист

§ 252. Аорист употреблялся для обозначения единичных, нерасчлененных действий, имевших место в прошлом и не соотносимых с настоящим. Именно поэтому аорист обычен в повествовании, когда сообщается о последовательно сменявших друг друга событиях: **самарѣнин же етеръ грѧды· и приде надъ нь и видѣвъ и мл҃срдова· и пристѫпль обѧ ꙁа строупы его... приведе и въ гостиньницѫ. и прилежа емъ** [='Некий самарянин, проходя, *подошел* к нему и, увидев его, *сжалился.* И, подойдя, *перевязал* его раны... *Привел* его на постоялый двор и *позаботился* о нем'] (Ас. ев., *Л.,* X).

Формы аориста преимущественно образовывались от основ совершенного вида или основ несовершенного вида со значением определенности (направленности); случаи образования аориста от иных основ несовершенного вида редки.

Сохранившимся славянским текстам известны три типа образования аориста: простой (асигматический), сигматический нетематический и сигматический тематический аорист.

§ 253. Простой аорист (асигматический) является наиболее старым образованием; он встречается в глаголических списках евангелия (Зографском, Мариинском и Ассеманиевом) и почти отсутствует в более поздних кириллических памятниках (например, в Супр. рук.).

Старославянский простой аорист известен только от основ инфинитива на согласный, т. е. от основ I, а также III типа (**двигнѫти** и под.), но без суффикса [-нǫ-]. Таким образом, простой аорист мог быть образован от основ: **нес- (нес-ти), вед- (вести** < **ved-ti*), **пад- (пасти** < **pad-ti*), **рек- (решти** < **rek-ti* — 'сказать'), **мог- (мошти** < **mog-ti*), **двиг- (двиг-нѫ-ти), (оу)съп- (оусънѫти** < **u-sъp-nǫ-ti*) и т. д. Следует при этом иметь в виду, что в дошедших до нас памятниках письменности от глаголов с корневым кратким гласным [е] (**нести, вести, пешти** < < **pek-ti* и под.) встречаются только формы 2-го и 3-го лица ед.

числа простого аориста; остальные формы от этих глаголов к X в. уже были утрачены.

Простой аорист образовывался прибавлением к основе инфинитива «вторичных» окончаний.

Как было указано, «первичными» принято называть окончания настоящего времени (см. § 245). «Вторичные» окончания, восстанавливаемые для начального периода развития праславянского языка, совпадали с «первичными» в большинстве форм, а именно — во всех лицах двойственного числа и в 1-м и 2-м лице множ. числа, но отличались от «первичных» во всех лицах ед. числа и в 3-м лице множ. числа. Отличия заключались в том, что «вторичные» окончания не имели конечных гласных, хотя согласные в обоих рядах окончаний совпадали:

Число / Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
1-е 2-е 3-е	*-m (-n)* *-s* *-t*	*«первичные»* (см. таблицу в § 245)	**mŏs* *-te* *-nt* } как «первичные»

При образовании форм простого аориста «вторичные» окончания присоединялись к основе инфинитива посредством тематического *ŏ в 1-м лице всех чисел и в 3-м лице множ. числа; во всех остальных формах окончания присоединялись к основе с помощью тематического *ĕ.

Число, лицо	Окончания		Образцы		
	прасл.	ст-сл.	пасти	мошти	двигнѫти
Ед. ч.					
1-е л.	*-ŏ-m*	*-ъ*	падъ	могъ	двигъ
2-е л.	*-ĕ-s*	*-е*	паде	може	движе
3-е л.	*-ĕ-t*	*-е*	паде	може	движе
Дв. ч.					
1-е л.	*-ŏ-(vĕ)*	*-овѣ*	падовѣ	моговѣ	двиговѣ
2-е л.	*-ĕ-ta*	*-ета*	падета	можета	движета
3-е л.	*-ĕ-tĕ*	*-ете*	падете	можете	движете
Мн. ч.					
1-е л.	*-ŏ-mŏs*	*-омъ*	падомъ	могомъ	двигомъ
2-е л.	*-ĕ-tĕ*	*-ете*	падете	можете	движете
3-е л.	*-ŏ-nt*	*-ǫ*	падѫ	могѫ	двигѫ

Если основа инфинитива оканчивалась задненёбным согласным, то в тех формах, которые содержали тематический *ĕ, задненёбный по I переходному смягчению изменился в шипящий; например, во 2-м лице ед. числа: *mŏgĕs > **може**, *dvigĕs > **движе**, *sĕkĕs > **сѣче** (от основы **сѣк-**) и т. д.

Глагол **ити** образовывал формы аориста от основы **ид-**: **идъ, иде, идомъ** и т. д.

§ 254. Сигматический аорист нетематический («старого типа») также являлся очень древним аористным образованием, свойственным ряду индоевропейских языков, в частности древнегреческому. Это было аористное образование от всех основ инфинитива, в том числе и от основ на согласные с корневым [е] (т. е. основ типа **нес-, вед-, пек-** и под.).

Сигматический аорист образовывался с помощью суффикса *-s-[1], который присоединялся непосредственно к основе инфинитива. За аористным суффиксом следовали «вторичные» окончания, которые в 1-м лице всех трех чисел присоединялись к нему посредством *ŏ, а в остальных личных формах следовали непосредственно за суффиксом *s. В положении после *i (в старославянском языке после [и], [ѣ] < *oi̯), *u (в старославянском после [ы], [у] < *ou̯), *r и *k в праславянском языке *s, как известно, изменялся в *x, если далее не следовал согласный (см. § 70); а перед гласными переднего ряда этот *x > [ш']. Поэтому в формах сигматического аориста ряда глаголов (у которых основа оканчивалась на соответствующий гласный или согласный) суффикс *s отражался в виде чередовавшихся [с] // [х] // [ш']. В том случае, когда суффикс присоединялся к основам на [-а-], [-ѣ-] < *-ē- или иной гласный, по происхождению не связанный с *i или *u, *s должен был сохраняться; а когда основа оканчивалась на согласный (кроме [к] и [р]), на стыке основы и суффикса происходили упрощения.

Таким образом, сигматический аорист, например, в формах единственного и множественного чисел от различных основ инфинитива в старославянском языке имел следующий вид:

1) Основы на **-и-** (например, **би-ти**), а также **ы-**, **-р-**:

ед. ч.: 1-е л. *bi-s-ŏm[2] > *bixŭn > **бихъ**;
2-е л. *bi-s-s > *bis > **би** (конечный *s < *ss утрачен);
3-е л. *bi-s-t > **би** (в конце *st утрачивается);
мн. ч.: 1-е л. *bi-s-ŏ-mŏs > *bixŏmŭs > **бихомъ**;
2-е л. *bi-s-te > **бисте** ([с] перед [т] сохраняется);
3-е л. *bi-s-nt > *bixᵉn̥t > *bixęt > **бишѧ**.

В 3-м лице мн. числа *n после согласного становился слоговым и развивал гласный призвук, вместе с которым в эпоху тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности образовал носовой гласный переднего ряда *n̥ > *ᵉn̥ > *en > [ę].

[1] Звук [s] в греческом письме обозначался буквой, которая называлась в греческой азбуке «сигмой». По названию этой буквы аорист, образовывавшийся с помощью суффикса *s, и назван сигматическим.

[2] В корне этого глагола [и] < *ei̯; но в данном случае это несущественно.

2) Основы на **-к-** (например, **рек-**) или **-г-**:

ед. ч.: 1-е л. **rĕk-s-ŏ-m>*rĕkxŭn>*rēxъ>* **рѣхъ;**

мн. ч.: 1-е л. **rĕk-s-ŏ-mŏs>*rĕkxŏmŭs>*rēxŏmъ>* **рѣхомъ;**

2-е л. **rĕk-s-tĕ>*rēstĕ>* **рѣсте;**

3-е л. **rĕk-s-nt>*rĕkxent>*rēxęt>* **рѣшѧ.**

Как известно, **ks>*kx>* [х], а корневой гласный перед упростившимся согласным подвергся удлинению, поэтому в корне **ĕ>*ē>* [ě]; перед согласным **ks>* [с] (см. § 100).

Во 2-м и 3-м лице ед. числа должно было быть: **rĕk-s-s>*rĕks>>*rēx* и **rĕk-s-t>*rēst,* а в результате утраты конечных согласных следовало бы ожидать **rēx>****рѣ** и **rēst>****рѣ**, однако такие формы не могли соотноситься с основой **-рек-**; поэтому от основ на согласные во 2-м и 3-м лице ед. числа закрепились утратившиеся в других лицах и числах формы простого (асигматического) аориста: **рече** (из **rĕk-ĕ-s, -t* — ср. § 253).

3) Основы на **-т-, -д-** (например, **вед-**):

ед. ч.: 1-е л. **vĕd-s-ŏ-m>*vēsŭn>* **вѣсъ;**

мн. ч.: 1-е л. **vĕd-s-ŏ-mŏs>*vēsŏmŭs>* **вѣсомъ;**

2-е л. **vĕd-s-tĕ>*vēstĕ>* **вѣсте;**

3-е л. **vĕd-s-nt>*vēsent>* **вѣсѧ.**

Во 2-м и 3-м лице ед. числа здесь также сохранялись формы простого (асигматического) аориста: **веде**<**vĕd-ĕ-s, -t* (вместо закономерной для сигматического аориста формы ***вѣ** — см. выше о форме ***рѣ** от основы **рек-**). В остальных формах **ds>*ts>* [с] (как и старое сочетание **ts*, например, в образованиях аориста от основы **плет-**: **plĕtsŏm>* **плѣсъ**) — с удлинением корневого гласного перед упростившимся согласным (см. § 100).

4) От основ на **-а-, -ѣ-, -ѧ-** (например, **начѧ-ти**):

ед. ч.: 1-е л. **na-čen-s-ŏ-m>*načęsŭn>* **начѧсъ;**

2-е л. **na-čen-s-s>*načęs>* **начѧ;**

3-е л. **na-čen-s-t>*načęst>* **начѧ;**

мн. ч.: 1-е л. **na-čen-s-ŏ-mŏs>*načęsŏmŭs>* **начѧсомъ;**

2-е л. **na-čen-s-tĕ>*načęstĕ>* **начѧсте;**

3-е л. **na-čen-s-nt>*nacensent>*načęsęt>* **начѧсѧ.**

Таким образом, в результате фонетических изменений, осуществлявшихся по-разному в зависимости от того, к какому гласному или согласному основы присоединялся суффикс **s,* формы сигматического аориста от различных инфинитивных основ приобрели разные формальные показатели (см. табл. спряжения на с. 197).

§ 255. Так же, как у глаголов **би-ти, пи-ти, ли-ти** и под. (т. е. как **би-хъ** и т. д.), оформлялся сигматический аорист глаголов с основой инфинитива на **-ы-** (**мы-ти, кры-ти** и др., т. е. **мы-хъ, кры-хъ**), на **-р-** (например, **мрѣ-ти**<**mĕr-ti,* т. е. **мрѣ-хъ**<**mĕr-sъ*), на **-оу-** (например, **чю-ти**, т. е. **чю-хъ** и т. д.) и многочленных основ на суффиксаль-

ный **-и-** (т. е. основ инфинитива V типа): **коупи-хъ** (от **коупи-ти**), **отъпоустихъ** (от **отъпоусти-ти**), **въпросихъ** (от **въпроси-ти**) и мн. др. Под влиянием этих основ еще в праславянском языке начался процесс обобщения аористных образований, в первую очередь для основ на гласные. Так, от глаголов **оувидѣ-ти, призъва-ти** и под. под влиянием **коупи-ти** и под. появились формы аориста с **-хъ, -хомъ** и т. д.:

ед. ч.: 1-е л. **оувидѣ-хъ, призъва-хъ** (как **коупи-хъ**);
2—3-е л. **оувидѣ, призъва** (как **коупи**);
мн. ч.: 1-е л. **оувидѣ-хомъ, призъва-хомъ** (как **коупи-хомъ**);
2-е л. **оувидѣ-сте, призъва-сте** (как **коупи-сте**);
3-е л. **оувидѣ-шѧ, призъва-шѧ** (как **коупи-шѧ**) и т. д.

Такие образования сигматического аориста от основ на гласные в период старейших памятников уже стали обычными и со временем полностью вытеснили формы на **-с-**. Если в глаголических списках евангелия, например в Мариинском, подчас можно встретить такие образования сигматического аориста, как **начѧсъ** — 'я начал', **начѧсѧ** — 'они начали', **клѧсъ** — 'я проклял', **[въз]ѧсъ** — 'я взял' и т. п., то рядом с ними постоянно находим образования **начѧхъ, начѧшѧ, клѧхъ, възѧхъ, възѧшѧ** и т. д. — как **коупихъ, коупишѧ**; а в кириллических памятниках от основ инфинитива на гласные встречаются только образования аориста с чередующимся суффиксом [-х-] || [-с-] || [-ш'-].

Таким образом, к IX в. глаголы с основой инфинитива на любой гласный получили аористные формы по образцу **би-хъ, би, би-хомъ** и т. д. При этом в старославянском языке глаголы с основами инфинитива II типа в 3-м лице ед. числа под влиянием настоящего времени нередко получали **-тъ**: **битъ** — 'он побил' (вместо **би**), **питъ** — 'он выпил' (вместо **пи**), **въспѣтъ** — 'он запел' (вместо **въспѣ**), **начѧтъ** — 'он начал' (вместо **начѧ**), **възѧтъ** — 'он взял' (вместо **възѧ**) и т. д. (ср. в настоящем времени **несе-тъ, ходи-тъ**). Глаголы **бы-ти** и **да-ти** обычно добавляли в 3-м лице ед. числа **-стъ**: **быстъ, дастъ**.

§ 256. Тематический сигматический аорист («нового типа») появляется в сравнительно поздних славянских памятниках (главным образом кириллических XI в.) как результат дальнейшего обобщения форм сигматического аориста на [-х-] || [-с-] || [-ш'-].

Аористные образования от основ инфинитива I и III типа оказались резко отличными от образований с основами на гласные, где после обобщения этих образований достаточно выразительные показатели личных аористных форм следовали за четко обнаруживаемой основой, например: **оуби-хъ, съкры-хъ, коупи-хъ**, новые **оувидѣ-хъ, призъва-хъ, начѧ-хъ** и т. д. У основ же на согласные (I и III типов), которых было значительно меньше, чем основ на гласные, аористный

Спряжение сигматического аориста (нетематического)

Основы инфинитива / Число, лицо	пек- (пешти)	би-ти	коупи-ти	вед- (вести)	начѧ-ти
Ед. ч.					
1-е л.	пѣхъ	бихъ	коупихъ	вѣсъ	начѧсъ
2-е л.	пече	би	коупи	веде	начѧ
3-е л.	пече	би (тъ)	коупи	веде	начѧ (ть)
Дв. ч.					
1-е л.	пѣховѣ	биховѣ	коупиховѣ	вѣсовѣ	начѧсовѣ
2-е л.	пѣста	биста	коуписта	вѣста	начѧста
3-е л.	пѣсте	бисте	коуписте	вѣсте	начѧсте
Мн. ч.					
1-е л.	пѣхомъ	бихомъ	коупихомъ	вѣсомъ	начѧсомъ
2-е л.	пѣсте	бисте	коуписте	вѣсте	начѧсте
3-е л.	пѣшѧ	бишѧ	коупишѧ	вѣсѧ	начѧсѧ

суффикс в результате фонетических изменений не выделялся, слившись с конечным согласным основы (см. § 254, п. 2 и 3); например, в 1-м лице ед. числа: **пѣхъ** (из **pĕk-s-ъ*), **рѣхъ** — 'я сказал' (из **rĕk-s-ъ*), **вѣсъ** — 'я привел' (из **vĕd-s-ъ*), **нѣсъ** — 'я принес' (из **nĕs-s-ъ*), **мѣсъ** — 'я вымел' (из **mĕt-s-ъ*) и т. д.

Характерная для языкового развития тенденция к обобщению формальных показателей, являющихся выразителями одного грамматического значения (к ликвидации синонимии морфологических средств), в данном случае вела к тому, что старые формы сигматического аориста от основ на согласные стали вытесняться образованиями, соответствовавшими формам сигматического аориста от основ инфинитива на гласные.

В старославянском языке показателями аористных форм от основ инфинитива на гласные (например, **-а-**), как нетрудно заметить (см. таблицу в § 255), были подвергшиеся переразложению нечленимые лично-временные показатели:

Ед. ч.	1-е л. **-(а)-хъ**	*Дв. ч.*	**-(а)-хове**	*Мн. ч.*	**-(а)-хомъ**
	2-е л. **-(а)-ø**		**-(а)-ста**		**-(а)-сте**
	3-е л. **-(а)-ø**		**-(а)-сте**		**-(а)-шѧ**

Эти показатели и были распространены на основы, оканчивавшиеся согласными, причем для присоединения их к основе стал использоваться давний тематический гласный аориста **-о-**; во 2—3-м л. ед. числа продолжала удерживаться форма простого (асигматического) аориста, оканчивавшаяся гласным звуком.

Так появились в старославянском языке новые, возникшие аналогическим путем формы тематического сигматического аориста от основ на согласные (I типа), а также от основ инфинитива на **-нѫ-** (III типа). Спряжение этих форм, часто называемых формами «нового типа», оказывается вполне аналогичным спряжению форм сигматического аориста от основ на гласные (см. таблицу на с. 199).

Такие формы тематического сигматического аориста («нового типа») от основ инфинитива I и III типов отсутствуют в Мар. ев., Сб. Кл., Син. пс., но нередки в Ас. ев.; в Зогр. ев. их можно встретить почти так же часто, как и формы нетематического сигматического аориста от основ инфинитива на согласные, а Сав. кн. и Супр. рук. свойственны почти исключительно формы нового типа (на **-охъ**), вытеснившие старые формы сигматического аориста без темы [-о-]. Только аорист на **-охъ** и т. д. (за исключением форм **рѣхъ, рѣшѧ** — от глагола **рек-ѫтъ**) известен более поздним, церковнославянским памятникам местных редакций, в частности написанным на Руси.

В это же время появляются и аналогические формы от основ III типа, полностью сохранившие основу инфинитива с суффиксом **-нѫ-**: **двиг-нѫ-хъ, двигнѫ, двигнѫхомъ** и т. д.

Сигматический аорист «нового типа» (тематический)

Основы инфинитива / Число, лицо	пек- (пешти)	вед- (вести)	двиг-иж-ти	ср. коупи-ти
Ед. ч.				
1-е л.	пек-о-хъ	вед-о-хъ	двиг-о-хъ[1]	коуп-и-хъ
2—3-е л.	печ-е	вед-е	движ-е	коуп-и
Дв. ч.				
1-е л.	пек-о-ховѣ	вед-о-ховъ	двиг-о-ховѣ	коуп-и-ховѣ
2-е л.	пек-о-ста	вед-о-ста	двиг-о-ста	коуп-и-ста
3-е л.	пек-о-сте	вед-о-сте	двиг-о-сте	коуп-и-сте
Мн. ч.				
1-е л.	пек-о-хомъ	вед-о-хомъ	двиг-о-хомъ	коуп-и-хомъ
2-е л.	пек-о-сте	вед-о-сте	двиг-о-сте	коуп-и-сте
3-е л.	пек-о-шѧ	вед-о-шѧ	двиг-о-шѧ	коуп-и-шѧ

[1] Формы нетематического сигматического аориста от основ инфинитива III типа в славянских текстах не встречаются, если не считать таковыми аналогические образования, сохранявшие **-нѫ-**, типа **двигнѫхъ** и т. д. (см. о них ниже); при этом последовательно **-нѫ-** сохраняется лишь в основах с гласным в конце корня (типа **минѫхъ** — от **минѫти**, **соунѫхъ** — от **соунѫти** и под.).

Имперфект

§ 257. Формы имперфекта обычно употреблялись в тех случаях, когда необходимо было указать на действие (или состояние), совершавшееся в прошлом как длительный акт, иногда повторявшийся в прошлом, включавший в себя ряд составных моментов. Так, в притче о «блудном сыне», где говорится о том, что ушедший из дому в чужую страну молодой человек вынужден был наняться пастухом к одному из местных жителей, о дальнейших событиях рассказывается так: **и посъла и на села своѣ пастъ свинии· и желаашє насытiтi сѧ· ѿтъ рожець ꙗже ѣдѣахѫ свиниꙗ· и нiкто же даѣашє емоу** (Ас. ев., *Л.*, XV); в начале отрывка употреблена форма аориста **посъла** — как указание на единичный акт; затем следуют три формы имперфекта: **желаашє, ꙗдѣахѫ, даꙗашє;** эти формы сообщают о том, что не однажды, а постоянно, в течение всего времени, пока он работал свинопасом, герой притчи был настолько голодным, что готов был утолить голод стручками, которые всегда ели свиньи, и ему это не разрешалось [= 'И (он) послал его на свои поля пасти свиней. И (он, т. е. свинопас) *хотел* наесться стручками, которые *ели* свиньи; но никто не *давал* (их) ему'][1].

Обозначая действие (или состояние) длительное, имперфект обычно образовывался от основ несовершенного вида. Несомненных образований имперфекта от основ совершенного вида в списках евангелия нет; но в других памятниках они встречаются. Такие образования характеризовались своеобразным оттенком значения — действия, не раз повторявшегося в прошлом и всякий раз достигавшего своего завершения. Например, в Супр. рук.: **ржкѫѫ** (т. е. **ржкоѭ**) **же плъть дръжаахъ а доушѫ** (т. е. **доушеѭ**) **бога поразоумѣахъ и... обрѧштаахъ чоудесно** [= 'Рукою я дотрагивался до (его, т. е. Иисуса) плоти и (всякий раз) *постигал* душою бога и *находил* (обнаруживал) чудо']; **аште сѧ сълоучаашє не имѣти кмоу ничьсо же дати кмоу· то котыгѫ... даадѣашє ништоуоумоу** [= 'Если же случалось так, что ему нечего было дать, то он *отдавал* нищему верхнюю одежду'] — речь идет о том, что это делалось всякий раз, когда встречался нищий.

§ 258. Славянский имперфект по образованию не имеет ничего общего с имперфектом других индоевропейских языков. Это — праславянское новообразование, происхождение которого остается неясным; возможно, оно характеризовало лишь восточнобалканские славянские диалекты. Образование славянского имперфекта происходило под сильным влиянием форм сигматического аориста, чем и объясняется видимое сходство этих двух простых прошедших времен.

Старославянский имперфект образовывался обычно от основ инфинитива с помощью суффиксов **-ах-** или **-ѣах-**

---

[1] Аналогичный контекст с формами аориста (**и жела насытити сѧ отъ рожьць...**) следовало бы понимать так: «И *однажды* (он) захотел наесться стручками...»

(из *-*ē-ах-*), где [х] связан с влиянием сигматического аориста. Выбор суффикса определялся типом основы инфинитива.

От основ инфинитива IV типа (т. е. с суффиксальными [-а-] и [-ě-]) имперфект образовывался с суффиксом [-ах-]: от **бьра-ти** — **бьра-ах-ъ** (1-е л. ед. ч.), от **глагола-ти** — **глагола-ах-ъ**, от **вѣрова-ти** — **вѣрова-ах-ъ**, от **праша-ти** — **праша-ах-ъ**, от **славѣ-ти** — **славѣ-ах-ъ**, от **видѣ-ти** — **видѣ-ах-ъ** и т. п. Так же образовывался имперфект и от глагола **зна-ти** — **зна-ах-ъ**.

От основ инфинитива I типа (т. е. на корневой согласный), а также от основ V типа (т. е. на суффиксальный [-и-]) имперфект образовывался с суффиксом [-ěах-]: от **нести** — **нес-ѣах-ъ** (1-е л. ед. ч.), от **вести** (из **ved-ti*) — **вед-ѣах-ъ**, от **мести** (из **met-ti*) — **мет-ѣах-ъ** и т. п. Если при этом основа инфинитива оканчивалась задненёбным согласным, то в положении перед суффиксом [-ěах-], где [ě] < **ē*, задненёбный изменялся по I переходному смягчению в шипящий, а **ē* после мягкого шипящего изменялся в ['а]: от **пешти** (из **pek-ti*) — **печ-аах-ъ** < **pĕk-ēах-ъ*, от **мошти** (из **mog-ti*) — **мож-аах-ъ**.

Если основа инфинитива оканчивалась суффиксальным [-и-] (основы V типа), то в положении перед гласным **i* > **i̯* > **j* (см. § 91); образовавшийся таким образом **j* смягчал предшествовавший ему корневой согласный, поэтому в имперфекте конечный согласный корня всегда был исконносмягченным, чередующимся: от **носи-ти** — **нош-аах-ъ** (из **nosi-ēах-ъ*; здесь **-siē-* > **-si̯ē* > **-sjē-*, при этом **sj* > [ш'], а после мягкого согласного **'ē* > ['а]), от **хо-ди-ти** — **хожд-аах-ъ** (из **xŏdi-ēах-ъ*), от **люби-ти** — **любл'-аах-ъ**.

§ 259. Глаголы с основами инфинитива II и III типов (т. е. на корневой гласный и [-нǫ-]) также образовывали имперфект с суффиксом [-ěах-]; но в старославянском языке у глаголов с этим типом основ суффикс [-ěах-] присоединялся к о с н о в е н а с т о я щ е г о в р е м е н и, а не к основе инфинитива. Так, от **двигнѫ-ти** имперфект **двигн-ѣах-ъ** (от основы настоящего времени **двигн-ѫтъ**), от **съхнѫ-ти** — **съхн-ѣах-ъ** (от основы настоящего времени **съхн-ѫтъ**); то же у глаголов с основой инфинитива II типа: от **мрѣ-ти** имперфект **мьр-ѣах-ъ** (от основы настоящего времени **мьр-ѫтъ**), от **жѧ-ти** — **жьн-ѣах-ъ** (от основы настоящего времени **жьн-ѫть**), от **слоути** — **слов-ѣах-ъ** (от **слов-ѫтъ**), от **бра-ти** — **бор-ѣах-ъ** (от **бор'-ѫтъ**), от **би-ти** — **биꙗахъ** [б'йј-аах-ъ] (от основы настоящего времени **биѭтъ** [б'йј-ǫтъ]), от **крыти** — **крыꙗахъ** [крыј-аах-ъ] (от **крыѭтъ** [крыј-ǫтъ]), от **пѣти** — **поꙗахъ** [поj-аах-ъ] < **poi̯-ēах-ъ* (от **поѭтъ** [поj-ǫтъ]).

Славянские памятники отражают тенденцию к дальнейшей замене основ инфинитива основами настоящего времени в имперфектных образованиях тех глаголов, у которых эти основы заметно отличались. Так, в Супр. рук. появляется имперфект **ꙁовѣаше, ꙁовѣахѫ** (при инфинитиве **ꙁъва-ти**, настоящем времени **ꙁов-ѫтъ**), в Ас. ев. (*Мр.*, XV) — **плюѣхѫ** (вместо **пльваахѫ** — инфинитив **пльва-ти**, настоящее

время **плюѭтъ**) и под. Супр. рук. дает особенно много таких образований: **прикмлꙗаше** (наряду с **примааше**: инфинитив **примати**, настоящее время **прикмл'-ѭтъ**), **обрѧщаахъ** (вместо **обрѣтѣахъ**: инфинитив **обрѣсти** < **obrět-ti*, настоящее время **обрѧшт-ѫтъ**), **бесѣдоуꙗше** (вместо **бесѣдовааше**: инфинитив **бесѣдова-ти**, настоящее время **бесѣдоуѭтъ**) и др.

§ 260. Все имперфектные образования, независимо от того, были ли они произведены с суффиксом **-ах-** или **-ѣах-**, спрягались одинаково:

Число, лицо	Основы инфинитива / Окончания	Образцы		
		нес-ти	**бьра-ти**	**ходи-ти**
Ед. ч. 1-е л. 2-3-е л.	 *-(ӗ) ах-ъ* *-(ӗ) аш-е*	 **несѣахъ** **несѣаше**	 **бьраахъ** **бьрааше**	 **хождꙗахъ** **хождꙗаше**
Дв. ч. 1-е л. 2-е л. 3-е л.	 *-(ӗ) ах-о-вӗ* *-(ӗ) аш-е-та* *-(ӗ) аш-е-те*	 **несѣаховѣ** **несѣашета** **несѣашете**	 **бьрааховѣ** **бьраашета** **бьраашете**	 **хождꙗаховѣ** **хождꙗашета** **хождꙗашете**
Мн. ч. 1-е л. 2-е л. 3-е л.	 *-(ӗ) ах-о-мъ* *-(ӗ) аш-е-те* *-(ӗ) ах-ǫ*	 **несѣахомъ** **несѣашете** **несѣахѫ**	 **бьраахомъ** **бьраашете** **бьраахѫ**	 **хождꙗахомъ** **хождꙗашете** **хождꙗахѫ**

§ 261. В поздних памятниках отражается сближение форм имперфекта с формами сигматического аориста. Так, во 2-м и 3-м лицах двойств. числа и во 2-м лице мн. числа **-шета, -шете** заменяются на **-ста, -сте**. Например, в Ас. и Остр. ев. находим **помꙑшлѣасте**, в то время как в Зогр. и Мар. ев. **помꙑшл'ѣашете** (*Мр.*, IX); в Сав. кн. и Остр. ев. **искаста**, но в Мар. ев. **искаашета** (*Л.*, II) и т. д. И если в Ас. ев. формы на **-шете** и **-сте** представлены в равной степени, то в Сав. кн. встречаются только формы на **-сте**, **-ста**; почти не знает форм на **-шете, -шета** и Супр. рук.

Вместе с тем происходили изменения и в имперфектном суффиксе. Изменения эти связаны со стяжением находившихся рядом гласных: [-аах- > -ах-], [-ӗах- > -ӗӗх- > -ӗх-]. Формы с новообразовавшимися суффиксами [-ах-] или [-ӗх-] принято называть с т я ж е н н ы м и. Стяженные формы в архаических по языку Зогр. и Мар. ев. редки, но в Ас. ев., Син. пс. и других сохра-

нившихся рукописях XI в. они уже обычны, а в Сав. кн., кроме одного случая, находим только стяженные формы имперфекта типа **можахѫ** ('они могли') (из **можаахѫ**), **даꙗше** ('он давал') (из **даꙗаше**), **вѣдѣше** ('он знал') (из **вѣдѣаше**), **идѣше** ('он шел') (из **идѣаше**) и т. п. Церковнославянский язык усвоил стяженные формы имперфекта.

§ 262. Простые прошедшие времена глагола **быти** требуют особых замечаний, так как они представлены тремя типами образований:

1. Сигматический аорист, образованный обычным путем, т. е. от основы **бы-** (см. спряжение на с. 197); при этом в 3-м лице ед. числа наряду с формой **бы** очень распространена была форма **бысть** (под влиянием форм настоящего времени **кстъ, дастъ**).

2. Сигматический аорист от «имперфективной» основы **бѣ-**, формы которого спрягались так же, как и формы с основой **бы-**, но употреблялись со значением имперфекта. Именно под влиянием этих форм и были заменены имперфектные формы на **-шете, -шета** формами на **-сте, -ста** (см. § 261).

3. Имперфект от основы **бѣ-**, образовывавшийся так же, как и имперфект других глаголов: **бѣахъ, бѣаше** и т. д. Памятникам XI в. известно это образование и со стяженными формами: **бѣхъ, бѣше** и т. д.

Перфект

§ 263. Перфект представлял собой сложную (аналитическую) форму, значение которой тесно связано с ее структурой.

Образовывался перфект сочетанием вспомогательного глагола **быти** в форме настоящего времени (т. е. **кесмь, кси, кстъ** и т. д.) с причастным образованием прошедшего времени на [-л] спрягаемого глагола.

Ед. ч. 1-е л. **кесмь сътворилъ** (**сътворила** или **сътворило**)
2-е л. **кси сътворилъ** (**сътворила** или **сътворило**)
3-е л. **кстъ сътворилъ** (**сътворила** или **сътворило**)
Мн. ч. 1-е л. **кесмъ сътворили** (**сътворилы** или **сътворила**) и т. д.

От глагола **быти** перфект **кесмь бꙑл-ъ (-а, -о)**, **кси бꙑл-ъ (-а, -о)** и т. д.

В предложении вспомогательный глагол мог употребляться как впереди, так и после причастного образования: ...**дроугии бо ихъ изъ далече сѫть пришьли** [= 'Иные же из них *пришли* издалека'] (Мар. ев., *Мр.*, VIII); но: **не добро ли сѣмѧ сѣлъ еси на селѣ твоемъ** [= 'Не доброе ли семя ты *посеял* на своем поле?'] (Зогр. ев., *Мт.*, XIII). Отрицательная частица **не** нормально употреблялась перед вспомогательным глаголом, сливаясь с ним: **нѣсмь сътворилъ** ('я не сделал') — из **некесмь**; **нѣсть сътворилъ** ('он не сделал') — из **некстъ** и т. д.; например: **на н'емь же нѣстъ неоу никто же отъ чл҃къ вьсѣлъ** [= 'На него же еще никогда никто из людей *не садился*'] (Зогр. ев., *Мр.*, XI).

§ **264.** Перфект обозначал не действие, а состояние, наблюдавшееся в момент речи (на это указывала форма настоящего времени вспомогательного глагола) и являвшееся результатом действия, совершенного в прошлом (на это указывало причастное образование прошедшего времени). Так, **ѥсмъ сътворилъ** обозначало: '(сейчас) я являюсь тем, кто (это) сделал', т. е. дословно: 'я являюсь сделавшим (это)'. Во фразе из Мар. ев. ⟨**аште отпоущѫ ꙗ не ѣдъшѧ въ домы своꙗ · ослабѣѭтъ на пѫти'**⟩ **дроуѕии бо ихъ изъ далече сѫтъ пришъли** [= '⟨Если я отпущу их домой голодными, они ослабеют в дороге⟩; ведь иные из них пришли издалека'] (*Мр.*, VIII) перфект **сѫтъ пришъли** употреблен потому, что в момент речи пришедшие еще находятся здесь.

В евангельских текстах формы перфекта употребляются, как правило, не в авторском повествовании, а в передаче диалога.

Плюсквамперфект

§ **265.** Плюсквамперфект был аналитическим относительным прошедшим временем, которое образовывалось аналогично перфекту; но̂ вспомогательный глагол здесь употреблялся в форме имперфекта **бѣахъ** (**бѣаше** и т. д.) или аориста с «имперфективной» основой **бѣхъ** (**бѣ** и т. д.— см. § 262):

Ед. ч.	1-е л.	**бѣахъ творилъ** (**творила** или **творило**)
	2—3-е л.	**бѣаше творилъ** (**творила** или **творило**)
Мн. ч.	1-е л.	**бѣахомъ творили** (**творилы** или **творила**) и т. д.

или:

Ед. ч.	1-е л.	**бѣхъ творил-ъ** (**-а** или **-о**)
	2—3-е л.	**бѣ творил-ъ** (**-а** или **-о**)
Мн. ч.	1-е л.	**бѣхомъ творил-и** (**-ы** или **-а**) и т. д.

Относительное временно́е значение отражено в структуре плюсквамперфекта: он обозначал действие или состояние, предшествовавшее другому прошедшему действию или состоянию. В сохранившихся рукописях плюсквамперфект встречается довольно редко; а его употребление, как правило, подчеркивает отмену, недействительность прошлого действия или состояния к моменту последовавшего за ним действия или в связи с последующим (прошлым) состоянием, т. е. напоминает современные русские конструкции типа *хотел было, но*... Так, в предложении **Мариѣ... видѣ дъва анѣла въ обѣлахъ сѣдѧшта· единого оу главы і единого оу ногоу· і де же бѣ лежало тѣло ісво** (Зогр., Мар. ев., *Ин.,* XX) употребление плюсквамперфекта **бѣ лежало** связано не с тем, что тело находилось в гробу до прихода Марии, а с тем, что ко времени появления в склепе Марии Магдалины тела в гробу уже не было, т. е. 'Мария увидела двух ангелов в белом, сидевших (у гроба), одно-

го —около головы, другого — у ног, где лежало прежде (ср.: *лежало было*) тело Иисуса'. Подчеркивание именно оттенка «недействительности» отчетливо обнаруживается в заключительной фразе притчи о «блудном сыне», где счастливый отец разъясняет, что его младший сын **изгыблъ бѣ и обрѣте сѧ** (Остр. ев., *Л.*, XV), т. е. '*погиб было*, но вновь нашелся' (без этого оттенка плюсквамперфект здесь вообще неуместен, ибо две формы аориста в той же последовательности уже означали бы: 'сначала пропал, а потом нашелся').

ИРРЕАЛЬНЫЕ НАКЛОНЕНИЯ

Повелительное наклонение

§ 266. Повелительное наклонение не обозначает реального действия, а выражает побуждение к совершению действия или принятию состояния (в виде приказания, требования, просьбы, совета и т. д.). В силу своего грамматического значения оно в старославянском языке имело не все формы лица: в ед. числе была лишь форма 2-го лица, которая могла также иметь и значение 3-го лица; в двойств. и множ. числе были специальные формы 1-го и 2-го лица. Для выражения приказания (повеления, пожелания), относящегося к третьим лицам, использовалась соответствующая форма настоящего (будущего простого) времени с добавлением частицы **да**: **да приджтъ** ('пусть они придут'), **да продадѧть и** ('пусть продадут его').

Формы повелительного наклонения были образованы от основ настоящего времени. В ед. числе в старославянском языке глаголы с основами настоящего времени I—IV типов оканчивались в повелительном наклонении на [-и], а глаголы с основами V типа (нетематические) оканчивались на [-ь] после исконносмягченного согласного. Формы двойств. и множ. числа характеризовались разными суффиксами, в зависимости от типа основы настоящего времени: основы I и II типов имели суффикс [-ě-], который был дифтонгического происхождения, основы III—V типов — [-и-].

Поскольку суффиксальный [-ě-] || [-и-] был дифтонгического происхождения, то корневой задненёбный согласный перед ним по II переходному смягчению изменялся в мягкий свистящий (у глаголов с основой настоящего времени I типа): **мосѕи, мосѕѣте** — от **мог-жтъ**. Корневой [е] в основах таких глаголов при образовании повелительного наклонения чередовался с [ь]: от **пек-жтъ — пьци, пьцѣте**; от **рек-жтъ — рьци, рьцѣте**; от **тек-жтъ — тьци, тьцѣте** (см. табл. на с. 206).

§ 267. В праславянском языке формы повелительного наклонения образовывались от основ настоящего времени, сохранявших тематический гласный. При образовании повелительного наклонения от основ настоящего времени I — IV типов к тематическому гласному

Повелительное наклонение

Число, лицо	Основы I—II типов				Основы III—V типов			
	Окончания	нес-ѫтъ (I тип)	рек-ѫтъ (I тип)	двигн-ѫтъ (II тип)	Окончания	пиш-ѫтъ (III тип)	ход-ѧтъ (IV тип)	ꙗд-ѧтъ (V тип)
Ед. ч.								
2—3-е л.	*-и*	неси	рьци	двигни	*-и, -ь*	пиши	ходи	ꙗждь
Дв. ч.								
1-е л.	*-ě-вѐ*	несѣвѣ	рьцѣвѣ	двигнѣвѣ	*-и-вě*	пишивѣ	ходивѣ	ꙗдивѣ
2-е л.	*-ě-та*	несѣта	рьцѣта	двигнѣта	*-и-та*	пишита	ходита	ꙗдита
Мн. ч.								
1-е л.	*-ě-мъ*	несѣмъ	рьцѣмъ	двигнѣмъ	*-и-мъ*	пишимъ	ходимъ	ꙗдимъ
2-е л.	*-ě-те*	несѣте	рьцѣте	двигнѣте	*-и-те*	пишите	ходите	ꙗдите

присоединялся суффикс *i, за которым следовали «вторичные» личные окончания (см. § 253).

В единственном числе «вторичное» окончание было утрачено под влиянием тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности. При этом у всех тематических глаголов в конце формы ед. числа повелительного наклонения оказался [-и], который у глаголов с основами настоящего времени I и II типов происходил из дифтонга *oi̯ (где *o — тематический гласный, а *i — старый суффикс повелительного наклонения); у глаголов с основами III типа — из дифтонга *êi̯ (после *j тематический *'o > *'e): *nes-o-i-s > **неси**, *pisj-o-i-s > *pisjei̯s > **пиши**; у глаголов с основой IV типа — из *ii (где первый *i — тематический гласный): *xod-i-i-s > **ходи**.

Формы ед. числа нетематических глаголов образовывались с суффиксом *-jĭ-: от глагола **ꙗд-ѧтъ** — *jěd-jĭ-s > > **ꙗждь** — 'ешь' (где *dj > [ж'д'], а *ĭ > [ь]), от **дад-ѧтъ** — *dadjĭs > **даждь** — 'дай', от **вѣд-ѧтъ** ('знают') — *vědjĭs > **вѣждь** — 'знай'. Так же образовывал ед. число повелительного наклонения и глагол **видѣти** — **вид-ѧтъ**, который некогда тоже был нетематическим: *vidjĭs > **виждь** — 'смотри, увидь'[1].

Глагол **быти** образовывал все формы повелительного наклонения от основы будущего времени, а не настоящего; поэтому образования такие же, как и у глаголов с основами настоящего времени I типа: от **бѫд-ѫтъ** (как **нес-ѫтъ, вед-ѫтъ**) — **бѫди** (как **неси**), **бѫд-ѣте** — 'будьте' (как **несѣте**) и т. д.

§ 268. Формы двойственного и множественного числа в праславянском языке образовывались так же, как и формы ед. числа, т. е. прибавлением «вторичных» личных окончаний к тому же суффиксу *-i-, который присоединялся к тематическому гласному. Но в этих формах у глаголов с основами I и II типов дифтонг *oi̯ не в конце слова изменялся в [ě] (например, во 2-м лице множ. числа: *nes-o-i-te > **несѣте**, *mog-o-i-te > > *mogěte > **мозѣте**); формы двойст. и множ. числа нетематических глаголов образовывались без *j: *dad-i-te > **дадите** ('дайте').

§ 269. Под влиянием форм повелительного наклонения от основ настоящего времени I—II типов, где [ě] стал восприниматься как показатель наклонения глаголов I спряжения, этот суффикс мог проникать и в образования от основ III типа (т. е. с *j в конце основы настоящего времени). После *j и других исконносмягченных согласных, как известно, *ě > ['a], поэтому в памятниках можно встретить формы повелительного наклонения от основ III типа с ['a] (а не [и] после исконносмягченного согласного): **иштате** < *iskjěte — вместо ожидаемого **иштите** ('ищите') (Зогр. ев.), **съвѧжате** < *sъ-vęzjěte — вместо ожидаемого **съвѧжите** ('свя-

[1] См. употребление этой формы (как церковнославянской) в «Пророке» А. С. Пушкина: *Восстань, пророк, и **виждь** и внемли...*

жите') (Мар. ев.), **плачате** < **plakjěte* — вместо ожидаемого **плачите** ('плачьте'), **покажате** < **po-kazjěte* — вместо ожидаемого **покажите** ('покажите') (Сав. кн.) и др.

Сослагательное наклонение

§ 270. В старославянском языке сослагательное наклонение представляло сложную глагольную форму, состоявшую из сочетания несклоняемого действительного причастия с суффиксом **-л-** (того самого, что входило в состав будущего сложного II, перфекта и плюсквамперфекта) с вспомогательным глаголом **быти** в особой спрягаемой форме; при этом в текстах отмечены только формы ед. и множ. числа вспомогательного глагола:

Число / Лицо	Единственное	Множественное
1-е	**сътворил-ъ (-а, -о) бимь**	**сътворил-и (-ы, -а) бимъ**
2-е	» » » **би**	» » » **бисте**
3-е	» » » **би**	» » » **бѫ**

§ 271. Происхождение форм **бимь, би** и т. д. остается не совсем ясным. Заметно сходство этих форм с аористом глагола **быти**, с которым не совпадают только окончания 1-го лица ед. числа и 3-го лица множ. числа (ср. таблицу спряжения на с. 197). Однако различие основ (**би-**, в то время как в аористе **бы-**) свидетельствует о том, что **бимь, би** и т. д. — особое образование, отличавшееся от аориста и по своему значению.

Сослагательное наклонение с **бимь** (**би** и т. д.) — собственно старославянская особенность, источником которой следует считать систему глагольных форм того диалекта, на который ориентировались первые переводчики. Последующим славянским книжникам это образование не было известно; поэтому со временем оно заменяется образованиями с аористом вспомогательного глагола (**быхъ, бы** и т. д.), которые по 1—2 раза встречаются в самых старших (глаголических) списках евангелия (в Зогр. и Мар. ев. в соотношении 50:1), а в кириллических рукописях XI в. решительно преобладают. Так, в Сав. кн. формы с **бимь** и с **быхъ** отмечены в соотношении 6:36, в Супр. рук.— 17:127, а в восточнославянских рукописях XI в., начиная с Остр. ев., употребляются только образования с **быхъ**.

§ 272. На первоначальную связь вспомогательного глагола с оптативом (желательным наклон.) указывает и сохранение значения желательности формами сослагательного наклон. в старосл. яз. См.: **ї азъ пришедъ съ лихвоѭ истѧꙁалъ бимь** [= 'И я,

возвратившись, *взял бы* (получил бы) его с избытком'] (Мар. ев., *Мт.*, XXV); **помавааХѫ же отьцю его како би хотѣлъ нарешти е** [= '(Они) спрашивали (знаками) отца его, как *бы* он *хотел* назвать его'] (там же, *Л.*, I); **і не оумѣхѫ · чъто бѫ отъвѣштали емоу** [= 'И (они) не знали, что (они) *могут* ему ответить', дословно: «...что *бы* они ему *отвечали*'] (там же, *Л.*, XIV).

В сложных предложениях формы сослагательного наклонения приобрели значение действия, возможного при определенных условиях: **аште бо бисте вѣрѫ ималі мосеови вѣрѫ бисте ꙗлі і мьнѣ** [= 'Если бы вы *верили* Моисею, то *поверили бы* и мне'] (Мар. ев., *Ин.*, V) **и аще не быша прѣкратили сѧ дние ти · не би оубо спасла сѧ всака плъть** [= 'Если *бы не кончились* те дни, то *не спаслось бы* ничто живое'] (Сав. кн., *Мт.*, XXIV).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 226—272

Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 145—159, 170—173.

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957, § 53—62.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка (раздел «Глагол»). М., 1961.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 263—274 (с. 198—207), 282—284 (с. 211—214), 293—298 (с. 218—221), 306—362 (с. 225—267).

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

§ 273. Образования от глагольных основ, которые, сохраняя некоторые глагольные категории (вида, залога, иногда — времени), вместе с тем характеризуются рядом морфологических и синтаксических особенностей имен, принято называть именными формами глагола.

В старославянском языке такие формы не в одинаковой степени сохранили связь с глаголами, от которых они были образованы. В наибольшей степени сохраняли глагольные категории причастия (вид, залог и способность управлять винительным падежом прямого дополнения, отчасти — время), в меньшей степени — инфинитив (вид, способность управлять винительным падежом прямого дополнения), еще меньше — супин (вид).

ИНФИНИТИВ И СУПИН

§ 274. Инфинитив — одна из именных форм глагола, утративших изменение, но сохранивших синтаксические функции имен.

Старославянский инфинитив образовывался присоединением суффикса **-ти** к формообразующей глагольной основе, называемой основой инфинитива.

Славянский инфинитив не является общеиндоевропейским: он образовался в праславянском языке присоединением к глагольной основе инфинитива суффикса *-*t*- и именной темы **ĭ*. Предполагают, что исторически **нести, знати, ходити** и т. д — застывшие формы дательного падежа ед. числа основ на **ĭ* (ср. дат. п. **кости, власти, гости** и т. п.).

§ **275.** Форма дательного падежа обусловлена основной функцией инфинитива как косвенного дополнения при глаголе: **не подобааше ли и тебѣ помиловати клеврѣта твоего** [= 'Не *подобало* ли и тебе *простить* своего товарища?'] (Ас. ев., *Мт.*, XVIII). Особенно распространено в старославянском языке употребление инфинитива при модальных глаголах **мощи, начѧти, хотѣти, имѣти** и некоторых других, например: **женѫ поѩсь и сего ради не могѫ прити** [= '(Я) женился, поэтому не *могу прийти*'] (Мар. ев., *Л.*, XIV); **и начѧсѧ вьхоупь отърицати сѧ вьси** [= 'И все, как сговорившись, *начали отказываться*'] (там же) и т. п. Именно из употребления этих глаголов в форме настоящего времени с инфинитивом развилось старославянское сложное будущее время (см. § 248).

С глаголом **быти** инфинитив использовался обычно для выражения необходимости, возможности: **како же бѣ сътворити июдѫ кротъка** [= 'Как же можно *было сделать* Иуду кротким?'] (Супр. рук.); **вѣдѣаше ꙗко семоу ѥсть быти** [= '(Он) знал, что этому следует быть'] (там же).

В старославянском языке инфинитив мог быть дополнением также и при существительном или прилагательном: **имамъ нѫждѫ изити и видѣти ѥ** [= 'Мне необходимо (дословно: «имею *нужду*») *пойти* и *осмотреть* его (поле)'] (Мар. ев., *Л.*, XIV); **исплъни сѧ врѣмѧ родити еи** [= 'Ей пришло *время родить*'] (там же, *Л.*, I); **ни себе достоина сътворихъ прити** [= '(Я) не считал себя *достойным прийти* (к тебе)'] (там же, *Л.*, VII).

§ **276.** Супин также представлял собой неизменяемое глагольное образование. В старославянском языке он образовывался прибавлением суффикса **-тъ** к основе инфинитива: **зна-тъ, да-тъ, видѣ-тъ, нес-тъ** и т. д. От основ инфинитива на задненёбный согласный супин должен был бы оканчиваться на ***-ктъ** (т. е. ***ректъ**, ***пектъ** и под.); но под влиянием инфинитивных образований в старославянском языке супин от таких глаголов в действительности оканчивался на **-щь: пещь, рещь, мощь** и т. д.

Исторически супин — это форма винительного падежа ед. числа основ на **ŭ* (ср. **сынъ**), следовательно, [-тъ] < **tŭ* < *-*tun* (ст-сл. [-тъ] в латинском соответствует -*tŭm*: *datum*).

Супин употребляется при глаголах движения для указания на цель движения; при этом, будучи именной формой, супин, образованный от переходных глаголов, управлял родительным падежом имени (а не винительным): **сѫпрѫгъ воловьнъıихъ коупихъ пѧть · и грѧдѫ искоусит ихъ** [= '(Я) купил пять воловь-

их упряжек и *иду* их *испытать*'] (Мар. ев., *Л.*, XIV) — супин **искѹситъ** указывает на цель движения (**градѫ** — с какой целью?); прямое дополнение при нем в родительном падеже — **ихъ** (в старославянском языке винительный падеж — **ѩ**).

ПРИЧАСТИЯ

§ 277. Причастиями называют глагольные образования, характеризующиеся как глагольными категориями, так и морфологическими и синтаксическими особенностями имен прилагательных.

Будучи образованными от глагольных основ, причастия сохраняют вид производящих основ, а также обнаруживают категорию залога, в связи с чем различают действительные и страдательные причастия. В известной степени причастия сохраняют и значение времени (которое у них всегда является относительным), в связи с чем различают причастия настоящего и прошедшего времени.

В предложении причастия обычно выполняют функции, свойственные именам прилагательным; в соответствии с этим они и изменяются по родам, числам и падежам с формами словоизменения имён прилагательных.

Действительные причастия

§ 278. Действительные причастия настоящего времени в старославянском языке образовывались от глагольных основ настоящего времени с помощью суффиксов **-ѫщ-** и **-ѧщ-**.

Суффикс **-ѫщ-** присоединялся к основам глаголов I спряжения, т. е. к основам настоящего времени I—III типов: от **нес-ѫтъ** — **нес-ѫщ-и**[1] (ср. русск. ц.-сл. *нес-ущ-ая*), от **бер-ѫтъ** — **бер-ѫщ-и** (русск. ц.-сл. *бер-ущ-ая*), от **знаѭтъ** [знај-ǫтъ] — **знаѭщи** [знај-ǫш͡’т’-и] *(знающая)*, от **пиш-ѫтъ** — **пиш-ѫщ-и** *(пиш-ущ-ая)* и т. д.

Суффикс **-ѧщ-** присоединялся к основам глаголов II спряжения и нетематических, т. е. к основам настоящего времени IV и V типов: от **ходѧтъ** — **ход-ѧщ-и** (ср. русск. ц.-сл. *ход-ящ-ая*), от **ꙗд-ѧтъ** — **ꙗд-ѧщ-и** ('едящая').

Глагол **быти** образовывал действительное причастие настоящего времени с суффиксом **-ѫщ-** (а не **-ѧщ-**) от основы **с-ѫтъ** — **с-ѫщ-и** (ср. русск. ц.-сл. *с-ущ-ая*)[2]. С суффиксом **-ѧщ-** от этого глагола

---

[1] В качестве примеров действительных причастий здесь и в § 282 приводятся формы имен. падежа ед. числа женского рода.

[2] Так же и **имѫщи** ('имеющая') — от глагола **имѣти** — **им-ѫтъ**. Под влиянием этих образований с суффиксом **-ѫщ-** можно изредка встретить причастия и от других нетематических глаголов. Так, в Зогр. ев. находим **ѣдѫштемъ** (*Мт.*, XXVI) — вместо ожидаемого **ѣдѧштемъ** (от **ꙗсти** — **ꙗд-ѧтъ**).

было образовано **бъıш-ѧщ-и** — единственное причастие будущего времени.

§ 279. Действительные причастия настоящего времени склонялись по типу именных основ на *$j\breve{o}$ (при согласовании с именами мужского и среднего родов) или по типу основ на *$j\bar{a}$ (при согласовании с именами женского рода). При этом в имен. падеже ед. числа мужского и среднего родов причастный суффикс отсутствовал (**веръı, знаѩ, ходѧ**); в имен. падеже множ. числа мужского рода было окончание **-є** (а не **-и**, как у основ на *$j\breve{o}$ муж. р.): **верѫщє, знаѭщє, ходѧщє** и т. п. В имен. падеже ед. числа женского рода было окончание **-и** (как **равъıн'и, ладии** и под.): **верѫщи, знаѭщи, ходѧщи** и т. п.; остальные падежные формы полностью совпадали с соответствующими падежными формами существительных типа **ножь, полѥ** (см. таблицы склонения на с. 136—137), **ношꙗ** (см. таблицу склонения на с. 134). Например, при согласовании с существительными м у ж с к о г о рода:

Число, падеж	Окончания	Образцы		
		верѫтъ	**знаѭтъ**	**ходѧтъ**
Ед. ч.				
Им. п.	*(-ы, -ę)*	**веръı**	**знаѩ**	**ходѧ**
Вин. п.	*-ь*	**верѫщь**	**знаѭщь**	**ходѧщь**
Род. п.	*-а*	**верѫщꙗ**	**знаѭщꙗ**	**ходѧщꙗ**
Дат. п.	*-у*	**верѫщю**	**знаѭщю**	**ходѧщю**
Твор. п.	*-емь*	**верѫщѥмь**	**знаѭщѥмь**	**ходѧщѥмь**
Местн. п.	*-и*	**верѫщи**	**знаѭщи**	**ходѧщи**
Мн. ч.				
Им. п.	*-е*	**верѫщє**	**знаѭщє**	**ходѧшє**
Вин. п.	*-ę*	**верѫщѩ**	**знаѭщѩ**	**ходѧщѩ**
Род. п.	*-ь*	**верѫщь**	**знаѭщь**	**ходѧщь**
Дат. п.	*-емъ*	**верѫщѥмъ**	**знаѭщѥмъ**	**ходѧщѥмъ**
и т. д.— как **ножь** (см. таблицу на с. 137)				

§ 280. В праславянском языке действительные причастия настоящего времени образовывались с помощью суффикса *-*nt*-, присоединявшегося к основе настоящего времени посредством тематического гласного (*о или *i). Таким образом, от глагола **вер-ѫтъ** было образовано: *$b\breve{e}r$-$\breve{o}$-nt > *$b\breve{e}r\bar{o}nt$ > *$b\breve{e}r\bar{u}nt$ > *$b\breve{e}r\bar{u}$ > **веръı** ('берущий') (им. п. ед. ч. муж. или ср. р.) — в конечном закрытом слоге *$\breve{o}$ усиливал лабиализацию и удлинялся, давая *$\bar{u}$, который в

славянских языках изменялся в [ы], оказавшийся после утраты конечных согласных в конце слова; ср. прасл. *bĕrŏnt с др.-инд. (вин. п.) *bhárantam,* грч. φέροντα [fĕrŏnta], лат. *ferentem.*

В основах III типа тематический *ŏ после *j изменялся в *ĕ (см. § 77): *znajŏnt > *znajĕnt > znajĕn > ст-сл. **зная** — 'знающий' (им. п. ед. ч. муж. или ср. р.), ср. русск. *зная.* Тот же результат оказывался и у основ IV типа, соединявшихся с суффиксом *-nt- посредством тематического *i: *xodint > *xodin > ст-сл. **ходя** — 'ходящий' (им. п. ед. ч. муж. или ср. р.), русск. *ходя.*

§ 281. При склонении действительных причастий суффикс *-nt- в праславянском языке осложнялся именной основой на *jŏ (для муж. и ср. р.) или на *jā (для жен. р.).

Так, например, в род. падеже ед. числа мужского или среднего рода к причастному суффиксу присоединялся именной суффикс *jo и соответствующее падежное окончание: *bĕrŏnt-jō-s, где в закрытом слоге *ŏn > [ǫ], а *tj > [ш'т'], т. е. *bĕrŏntjōs > > ст-сл. **берѫща**. Точно так же: *xodintjōs > ст-сл. **ходѧща** и т. д.

Подобным образом развились и остальные падежные формы действительных причастий (происхождение окончаний таково же, что и у существительных).

§ 282. Действительные причастия прошедшего времени (склоняемые) в старославянском языке образовывались от глагольных основ инфинитива с помощью суффиксов **-ъш-** и **-въш-**.

а) Суффикс **-въш-** использовался для образования причастий от основ инфинитива на гласный, кроме суффиксального [-и-], т. е. от всех основ инфинитива IV типа и частично II и III типов (см. ниже): от **зна-ти — зна-въш-и** (ср. русск. *зна-вш-ая*), от **би-ти — би-въш-и** (русск. *би-вш-ая*), от **летѣ-и — летѣ-въш-и** (русск. *лете-вш-ая*), от **вѣрова-ти — вѣрова-въш-и** (русск. *верова-вш-ая*).

б) Глаголы с основами инфинитива I типа образовывали действительные причастия прошедшего времени с суффиксом **-ъш-**: от **нес-ти — нес-ъш-и** (ср. русск. *при-нес-ш-ая*), от **вести** (из *ved-ti) — **вед-ъш-и** (русск. *при-вед-ш-ая*), от **пещи** (из *pek-ti) — **пек-ъш-и** (русск. *ис-пек-ш-ая*), от **мощи** (из *mog-ti) — **мог-ъш-и** (русск. *изне-мог-ш-ая*) и т. д. От глагола **ити** (и производных) действительное причастие прошедшего времени имело основу **шьд-**: **шьд-ъш-и, пришьд-ъш-и** и т. д. (ср. русск. *шед-ш-ая*).

в) Глаголы с основой инфинитива V типа в старославянском языке также образовывали причастие с суффиксом **-ъш-**; но перед гласным причастного суффикса еще в праславянском языке конечный *i в основе инфинитива изменялся в *i̯ > *j и смягчал конечный согласный корня; при этом в причастном суффиксе после образовавшегося на месте сочетания с *j мягкого согласного в соответствии с [ъ] оказывался [ь]: от **сътвори-ти — сътвор'-ьш-и** ('створившая'), где [р'] < *rj в основе *-tvori- > *-tvori̯- > *-tvorj-; от **ходи-ти — хожд-ьш-и** ('ходившая'), где [ж'д'] < *dj в основе

xodi*>xodi̯-*>**xodj-*; от **проси-ти — прош-ьш-и** ('просившая'), где [ш'] < **sj* в основе **prosi-* > **prosi̯-* > **prosj-* и т. д.

Под влиянием образований от основ на гласный глаголы с основой инфинитива V типа с течением времени также начинают образовывать причастия с суффиксом **-въш-** (типа **ходи-въш-и, проси-въш-и** и т. п.). Однако в старейших памятниках такие образования еще очень редки; так, например, их совсем нет в Ас. ев., Сб. Кл. и Син. пс.; в Мар. ев. встречается лишь форма **благослови-въ** (вместо **благословл'-ь**); эта же форма, а также **поусти-въш-и** (вместо **поущ-ьш-и**), **оуѣзви-въш-є** (вместо **оуѣзвл'-ьш-є**), **оудари-вꙑ** (вместо **оудар'-ни** < < **оудар'-ьи**) **и растоучи-въ** (вместо **растоуч-ь**) отмечены в Зогр. ев.; формы **погоуби-вꙑ** (дважды) и **помꙑсли-въ** (вместо **погоубл'-ни** и **помꙑшл'-ь**) встречаются в Сав. кн. И только в Супр. рук. образований на **-и-въш-** в пять раз больше, чем на **'-ьш-**.

г) Следует отметить образования от глаголов с основой инфинитива II типа 1-го подтипа (см. § 234): конечный гласный основы инфинитива таких глаголов (**мрѣ-ти, жѧ-ти** и под.) произошел из дифтонгических сочетаний в закрытом слоге, следовательно, лишь в тех образованиях, где за основой инфинитива следовал согласный (**мрѣти** < **mĕr-ti,* **жѧти** < **žĕn-ti* и т. п.). При образовании действительных причастий прошедшего времени в этих основах перед гласным суффикса монофтонгизации или метатезы не происходило: **мер-ъш-и, простер-ъш-и** (инфинитив **прострѣти** < **prŏstĕr-ti*), **жен-ъш-и, распен-ъш-и** (инфинитив **распѧти** < **ŏrs-pĕn-ti* — 'распять') и т. д.; например, в Ас. ев.: **наченъшю** (инфинитив **начѧти** < < **na-čen-ti* — 'начать'); в Син. тр.: **оумеръшааго, оумеръшѧѧ, распенꙑ** (из **распенꙑи**) и т. д. Причастные образования от таких глаголов обычно фиксируются с чередованием корневого гласного на ступени редукции: **(оу)мьръши, простьръши, начьнъши, распьнъши** и т. д.; такие образования появились под влиянием основ настоящего времени (**мьр-ѫтъ, начьн-ѫтъ, распьн-ѫтъ** и т. д.).

д) Наконец, глаголы с основой инфинитива III типа (**двигнѫ-ти, оусънѫ-ти, минѫ-ти** и под.) образовывали действительные причастия прошедшего времени двояко. Основы, в которых суффиксу [-нǫ-] предшествовал согласный, образовывали причастия как основы инфинитива I типа: от **двиг-нѫ-ти — двиг-ъш-и**, от **оусънѫти** < < **usъp-nǫ-ti* — **оусъп-ъш-и** (ср. русск. ц.-сл. *усоп-ш-ая*) и т. д. Основы, в которых суффиксу [-нǫ-] предшествовал гласный, сохраняли суффикс и образовывали причастия как основы на гласные: от **ми-нѫ-ти — минѫ-въш-и** (русск. *мину-вш-ая*), от **доу-нѫ-ти — доунѫ-въш-и** (русск. *дуну-вш-ая*) и т. п.

§ 283. Склонение действительных причастий прошедшего времени не отличалось от склонения действительных причастий настоящего времени. В имен. падеже ед. числа мужского и среднего рода здесь также суффикс был представлен не полностью (**несъ, хождь, знавъ** и т. д.), а в имен. падеже множ. числа мужского рода было окончание [-е] (**несъше, хождьше, знавъше** и т. д.); имен. падеж ед. числа женского рода характеризовался окончанием [-и] (**несъши, хождьши, знавъши** и т. д.). Во всех остальных падежах

всех родов и чисел окончания те же, что и у существительных мужского и среднего рода с основой на *$j\breve{o}$ и существительных женского рода с основой на *$j\bar{a}$.

§ 284. В праславянском языке действительные причастия прошедшего времени (склоняемые) образовывались с помощью суффикса *-*ŭs*-: от глагола **нес-ти** — **nĕs-ŭs*>**nĕsŭ*>ст-сл. **несъ** — несший' (им. п. ед. ч. муж. р.) — конечный **s* был утрачен, а **ŭ* > [ъ]. Так же были образованы причастия и от основ инфинитива на суффиксальный **i*, например от глагола **ходи-ти**: **xŏdi-ŭs*>**xŏdi̯ŭs*>**xŏdjŭs*>**xŏdjĭ*> ст-сл. **хождь** — 'ходивший' (им. п. ед. ч. муж. р.).

После основ на гласный (кроме суффиксального **i*) перед гласным суффикса *-*ŭs*- в начале слога развился **u* (ср. § 49); например, от глагола **зна-ти**: **zna-ŭs* > **zna-u̯ŭs* > **znavŭ* > ст-сл. **знавъ** — 'знавший' (им. п. ед. ч. муж. р.).

§ 285. Как уже отмечалось, при склонении действительных причастий суффикс в праславянском языке осложнялся именной основой на **jŏ* или **jā* — в зависимости от рода (см. § 281). Это относится к действительным причастиям не только настоящего, но и прошедшего времени (склоняемым).

Например, в родительном падеже единственного числа мужского или среднего рода к причастному суффиксу присоединялся именной суффикс **jo* и соответствующее падежное окончание: **nĕsŭs-jō-s*, **znau̯ŭs-jō-s*; так как **sj* > [ш'], то **nĕsŭsjōs* > ст-сл. **несъша**, **znau̯ŭsjōs* > ст-сл. **знавъша**.

То же происходило и в остальных падежных формах.

§ 286. Как и прилагательные, причастия могли употребляться в членной форме. Образовывались членные формы причастий так же, как и членные формы прилагательных — присоединением к именной форме указательного местоимения (в функции члена) в соответствующем роде, числе и падеже.

§ 287. Действительные причастия прошедшего времени (несклоняемые) в старославянском языке образовывались от основ инфинитива с помощью суффикса **-л-**: от **бьрати** — **бьра-л-ъ** (русск. *бра-л*), от **славѣ-ти** — **славѣ-л-ъ** (русск. *слабе-л*), от **ходи-ти** — **ходи-л-ъ** (русск. *ходи-л*), от **(въз)ѧ-ти** — **(въз)ѧ-л-ъ** (русск. *взя-л*), от **нес-ти** — **нес-л-ъ** (ср. русск. *нес-л-а*), от **пещи** (из **pek-ti*) — **пек-л-ъ** (ср. русск. *пек-л-а*) и т. д.

В том случае, если основа инфинитива оканчивалась зубным взрывным согласным, последний перед [-л-] в старославянском языке (как и в русском языке) отсутствовал (см. § 103): от **вести** (из **ved-ti*) — **вел-ъ** (из **ved-l-ъ*), от **пасти** (из **pad-ti*) — **пал-ъ** (из **pad-l-ъ*), от **мести** (из **met-ti*) — **мелъ** (из **met-l-ъ*) и т. д. Так же образовывал несклоняемое действительное причастие от основы **-шьд-** и глагол **ити** (и производные от него): **шьл-ъ** < **šьd-l-ъ*, **пришьл-ъ**, **ишьл-ъ** (из ***исшьл-ъ**), **въшьл-ъ** и т. д.

От глаголов с основой инфинитива III типа несклоняемые при-

частия образовывались, как и в других случаях, двояко. Суффикс [-нǫ] сохранился в причастных образованиях после корневого гласного: **ми-нѫ-л-ъ** (от **ми-нѫ-ти**), **доу-нѫ-л-ъ** (от **доу-нѫ-ти**) и т. п. (ср. русск. *ми-ну-л, ду-ну-л*). Глаголы с корнем на согласный при образовании несклоняемого причастия обычно теряли суффикс [-нǫ] (см. § 234): от **(оу)млък-нѫ-ти** — **(оу)млък-л-ъ** (ср. русск. *у-молк-л-а*), от **ищез-нѫ-ти** — **ищез-л-ъ** (ср. русск. *исчез-л-а*), от **съх-нѫ-ти** — **съх-л-ъ** (ср. русск. *сох-л-а, вы-сох-л-а*), от **(при)льнѫти** (из **-lьp-nǫ-ti*) — **(при)льп-л-ъ** (ср. русск. *при-лип-л-а*, но ц.-сл. *прильнул-а*), от **(оу)тонѫти** (из **-top-nǫ-ti*) — **(оу)топ-л-ъ** (ср. русск. диалектн. *утоп, утоп-л-а* — 'утонул-а').

Если корень глаголов этого типа оканчивался зубным взрывным согласным, он, так же как и при образовании несклоняемых причастий от основ I типа, перед [-л-] подвергся упрощению: от **(оу)вѧнѫти** (из **vęd-nǫ-ti*; ср. русск. *у-вяд-ший, у-вяд-ать*) — **(оу)вѧлъ** < **-vęd-l-ь* (ср. русск. *увял*).

Следует отметить причастные образования от глаголов с основами инфинитива II типа: основа таких глаголов в образовании несклоняемых причастий прошедшего времени представлена в старославянском языке чередующимся корневым гласным на ступени редукции: **(оу)мръ-л-ъ** [мр̥-л-ъ] < **-mьr̥-l-ъ* (но не **-mĕr-*, как в инфинитиве), **простръ-л-ъ** < **-stьr̥-l-ъ* [но не **-stĕr-*, как в инфинитиве, где перед согласным **-stĕr-ti* > **(про)стрѣти**]; ср. то же в русском языке: *умерла* < др.-р. *у-мьр-л-а, простерла* < др.-р. *про-стьр-л-а* (ср. образование склоняемых причастий прошедшего времени от основ этого типа — § 282-*г*).

§ 288. Именные формы причастий с суффиксом **-л-** еще с праславянской эпохи употреблялись только в составе сложных глагольных форм (в составе будущего сложного II — см. § 250, перфекта — см. § 263, плюсквамперфекта — см. § 265, сослагательного наклонения — см. § 270). В таком употреблении, согласуясь с подлежащим, причастия могли иметь формы различных родов и чисел (в зависимости от рода и числа подлежащего), но только в именительном падеже (ибо подлежащее всегда в имен. падеже), что и обусловило их «несклоняемость».

Окончания рода и числа у несклоняемых действительных причастий те же, что у существительных с основами на **ŏ* (муж. и ср. р.) и **ā* (жен. р.), т. е. как у слов **стол-ъ** (дв. ч. **стол-а**, мн. ч. **стол-и**), **село** (дв. ч. **сел-ѣ**, мн. ч. **сел-а**), **жен-а** (дв. ч. **жен-ѣ**, мн. ч. **жены**); например, в составе перфекта: **мѫжь естъ сътворилъ** — 'мужчина сделал' (ср. в дв. ч.: **мѫжа есте сътворила** — 'двое мужчин сделали'), **жена естъ родила** — 'женщина родила' (ср. во мн. ч.: **жены сѫтъ родилы** — 'женщины родили'), **чѧдо естъ въздрасло** — 'дитя выросло' (ср. во мн. ч.: **чѧда сѫтъ въздрасла** — 'дети выросли').

Страдательные причастия

§ 289. Страдательные причастия настоящего времени в старославянском языке образовывались с помощью суффикса [-м-], присоединявшегося к основе настоящего времени посредством тематического гласного [-о-], [-е-] или [-и-].

Тематический [-о-] присоединял причастный суффикс к основам настоящего времени I, II и V типов: от **нес-ѫтъ — нес-о-м-ъ** (русск. *нес-о-м-ый*), от **вед-ѫтъ — вед-о-м-ъ** (русск. *вед-о-м-ый*), от **вѣд-ѧтъ** ('знают') — **вѣд-о-м-ъ** (ср. русск. *не-вед-о-м-ый*), от **ꙗд-ѧтъ — ꙗд-о-м-ъ** ('съедаемый').

К основам настоящего времени III типа суффикс присоединялся посредством тематического [-е-]: от **ꙁнаѭтъ — ꙁнаѥм-ъ** [знаj-е-м-ъ] (русск. *знаемый*), от **вѣроуѭтъ — вѣроуѥм-ъ** [вѣруj-е-м-ъ] ('веруемый'), от **рѣж-ѫтъ — рѣж-е-м-ъ** ('разрезаемый') и т. д.

Тот же причастный суффикс присоединялся к основам глаголов II спряжения (IV типа) посредством тематического [-и-]: от **вид-ѧтъ — вид-и-м-ъ** (русск. *вид-и-м-ый*), от **нос-ѧтъ — нос-и-м-ъ** ('носимый').

§ 290. Страдательные причастия прошедшего времени в старославянском языке образовывались от глагольных основ инфинитива с помощью суффиксов [-н-] и [-т-]. В индоевропейском праязыке оба суффикса употреблялись достаточно широко и впоследствии сохранились во многих индоевропейских языках. Однако в ряде языков один из этих суффиксов развивал бóльшую продуктивность за счет другого. Так, в латинском, литовском и некоторых других языках более продуктивным оказался суффикс *-t-*. Напротив, в праславянском **-n-* получил более широкое распространение, чем **-t-*. В старославянском языке продуктивность суффикса **-н-** возрастала, охватывая все более широкий круг основ; в поздних памятниках с суффиксом **-н-** образованы причастия, первоначально употреблявшиеся с суффиксом **-т-**.

1) Суффикс [-н-] в старославянском языке присоединялся непосредственно к основам инфинитива IV типа, т. е. на суффиксальные [-а-] и [-ѣ]: от **ꙁъв-а-ти — ꙁъв-а-н-ъ** (ср. русск- *по-зв-а-н*), от **съказ-а-ти — съказ-а-н-ъ** (ср. русск. *сказ-а-но*), от **вид-ѣ-ти — вид-ѣ-н-ъ** (русск. *вид-е-н*) и т. д.

2) К основам инфинитива остальных типов суффикс [-н-] присоединялся посредством тематического [-е-]; так образовывались страдательные причастия прошедшего времени от всех основ инфинитива I, III и V типов, а также от большинства основ II типа (кроме тех, которые использовали суффикс [-т-]):

а) От основ I типа (на корневой согласный): от **(при)нес-ти — (при)нес-е-н-ъ** (русск. *при-нес-е-н*), от **(при)вести** (из **ved-ti*) — **(при)вед-е-н-ъ**, от **(съ)плести** (из **plet-ti*) — **(съ)плет-е-н-ъ** и т. д.; если основа инфинитива оканчивалась задненёбным согласным, то он перед тематическим [-е-] изменялся в шипящий: от **(ис)пеши** (из **pek-ti*) — **(ис)печ-е-н-ъ** < **pek-e-n-ъ* (русск. *ис-печ-е-н*), от **реши** (из **rek-ti*) — **реч-е-н-ъ** (ср. русск. *из-реч-е-н*).

б) Основы инфинитива III типа с согласным в конце корня при образовании страдательных причастий прошедшего времени могли утрачивать суффикс **-нѫ-**: от **прозѧб-нѫ-ти — прозѧб-є-н-ъ** ('пророщенный'), от **въскрьс-нѫ-ти — въскрьс-є-н-ъ** — ('воскрешенный'), от **двиг-нѫ-ти — движ-є-н-ъ** (из **dvig-e-n-ъ* — 'сдвинутый'), от **оусѣк-нѫ-ти — оусѣч-є-н-ъ** (из **-sěk-e-n-ъ* — 'отсеченный'); однако большинство основ на **-нѫ-** сохраняло суффикс с древним чередованием [-нǫ-] // [-нов-]: от **дрьзнѫ-ти — дрьз-нов-є-н-ъ**, от **прикос-нѫ-ти — прикос-нов-є-н-ъ** — ('тронутый'), от **въдъх-нѫ-ти — въдъх-нов-є-н-ъ** ('вдохнутый'), от **притък-нѫ-ти — притък-нов-є-н-ъ** ('приткнутый') и т. д.

в) При образовании причастий от основ инфинитива V типа в праславянском языке суффиксальный **i* перед тематическим гласным, как обычно, изменялся в **i̯* > **j* и смягчал предшествующий согласный корня: от **проси-ти — прош-є-н-ъ** < **prosj-e-n-ъ* < **prosi̯-e-n-ъ* (русск. *с-прош-е-н*), от **ходи-ти — хожд-є-н-ъ** < **xodj-e-n-ъ* < < **xodi̯-e-n-ъ* (русск. *ис-хож-е-н*, ср. ц.-сл. *хожд-е-н-ие*), от **коупи-ти — коупл'-є-н-ъ** < **kupj-e-n-ъ* < **kupi̯-e-n-ъ* и т. д.

г) С суффиксом [-н-] образовывали страдательные причастия прошедшего времени также глаголы с основой инфинитива II типа на корневой [-и-], [-ы-], [-ра-] < **-ŏr-* и [-ла-] < **-ŏl-*; при этом гласный основы инфинитива в таких образованиях нередко был представлен на ступени редукции: от **оуби-ти — оубиєнъ** [уб'ӥj-е-н-ъ] ('убитый'), от **омы-ти — омъв-є-н-ъ** (ср. русск. ц.-сл. отпричастное существительное *омов-е-н-ие*), от **забы-ти — забъв-є-н-ъ** (ср. русск. ц.-сл. *самозабв-е-нн-ый,* существительное *забв-е-н-ие*), от **бра-ти** (из **bŏr-ti*) — **бор-є-н-ъ** ('поборотый'), от **закла-ти** (из **-kŏl-ti*) — **закол-є-н-ъ** ('заколотый') и т. д.[1].

3) Суффикс [-т-] в старославянском языке использовался при образовании причастий от основ инфинитива II типа на [ě-] < **oi̯*, [-рě-] < **-ěr-*, [ę] < **-em-*, **-en-*, а также от некоторых основ на корневой согласный: от **пѣ-ти** (из **poi̯-ti*) — **пѣ-т-ъ** (ср. русск. *с-пе-т-ый*), от **(въз)ѧ-ти** (из **-em-ti*) — **(въз)ѧ-т-ъ** (русск. *взя-т-ый*), от **начѧ-ти** (из **na-čen-ti*) — **начѧ-т-ъ** (русск. *нача-т-ый*); основы на согласные с суффиксом **-т-** единичны: от **оувѧсти** (из *u-vęz-ti* — 'украсить; завязать') — **оувѧстъ** (из **u-vęz-t-ъ* — 'украшен; завязан'), от **отврѣсти** (из **ot-verz-ti* — 'отворить') — **отвръстъ** (из **ot-vьrz-t-ъ* — 'отворен, открыт').

§ 291. Страдательные причастия как настоящего, так и прошедшего времени склонялись по типу основ на **ŏ* (муж. и ср. р.), **ā* (жен. р.), т. е. как существительные **рав-ъ, сєл-о, жєн-а:**

---

[1] Впрочем, иногда в рукописях XI в. от этих основ встречаются образования с суффиксом [-т-] (т. е. **би-т-ъ, забы-т-ъ, закла-т-ъ** и под.), сохраняющиеся в ряде современных славянских языков, в том числе и в русском: *би-т-ый, омы-т-ый, забы-т-ый, коло-т-ый* и т. п.

Род / Число, падеж	Мужской	Средний	Женский
Ед. ч.			
Им. п.	несомъ зъванъ	несомо зъвано	несома зъвана
Род. п.	несома зъвана		несомы зъваны
Дат. п.	несомоу зъваноу		несомѣ зъванѣ
	и т. д. (см. таблицу склонения на с. 136—137)		и т. д. (см. таблицу на с. 134)
Дв. ч.			
Им.-вин. п.	несома зъвана	несомѣ зъванѣ	← ←
Род.-местн. п.	→ →	несомоу зъваноу	← ←
Дат.-твор. п.	→ →	несомома зъванома	несомама зъванама
Мн. ч.			
Им. п.	несоми зъвани	несома зъвана	несомы зъваны
Род. п.	несомъ зъванъ		несомъ зъванъ
Дат. п.	несомомъ зъваномъ		несомамъ зъванамъ
	и т. д. (см. таблицу склонения на с. 136—137)		и т. д. (см. таблицу на с. 134)

Членные формы страдательных причастий образовывались и склонялись точно так же, как и членные формы прилагательных (твердого варианта). Например, в ед. числе мужского рода:

Им. п. несомыи > несомы (аналогично зъваныи > зъваны)
Род. п. несомаѥго > несомааго > несомаго
Дат. п. несомоуѥмоу > несомоуоумоу > несомоумоу
и т. д. (см. таблицу склонения членных форм на с. 168—169).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 273—291

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 160—169.
Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957, § 62—65.
Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 252—262 (с. 194—198), 275—292 (с. 207—218), 363—368 (с. 267—271).

НАРЕЧИЯ

§ 292. Наречиями принято называть неизменяемые слова, обозначающие «признак признака», т. е. характеризующие действие, состояние, качество.

Как часть речи наречия представляют собой застывшие обстоятельства, следовательно, происходят от различных имен или местоимений в той форме, в какой они обычно функционируют в качестве обстоятельств. В старославянском языке круг собственно наречий еще невелик. Тем не менее определенная группа слов, которые могут быть признаны собственно наречиями (а не формами других частей речи в функции обстоятельств), в старославянском языке уже была. При этом некоторые старославянские наречия по происхождению были очень древними и не соотносились с какими-либо словами других частей речи.

К числу очень древних (как обычно их называют, первичных) можно отнести такие наречия, как **абиѥ** — 'тотчас', **ѥштє** — 'еще', **южє** или **ѹжє, нꙑнѣ, кдѣва, нѥѹ** — 'никогда' и др.

Многие наречия без труда соотносимы с различными частями речи (например, **скоро** — с прилагательным **скоръ** — 'скорый, быстрый'), с определенными формами слов (например, **вън-ѣ** — 'вне, снаружи' — с местным падежом, а **вън-ъ** — 'вон, прочь' — с винительным падежом; ср. **стол-ѣ** и **стол-ъ**).

МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

§ 293. Наиболее устойчивы наречия, образованные от различных частей речи с помощью специальных наречных аффиксов. Древнейшими из них являются производные от местоимений. Подобно местоимениям такие наречия не обозначали конкретных обстоятельств, а либо указывали на них (ср. русск. *там, сюда, тогда* и под.), либо использовались с относительно-вопросительным значением (ср. русск. *где, куда, когда* и под.). В древнейших славянских памятниках письменности местоименные наречия являются самыми употребительными. Они были образованы от известных местоименных корней:

с- [с'-] (ср. местоимение **с-ь** — 'этот', **с-єго, с-ємоу** и т. д.) — с общим значением близости;

т- [т-] (ср. **т-ъ** — 'тот', **т-ого, т-омоу** и т. д.) — с общим значением удаленности, но не очень значительной (ср. § 207);

к- [к-] (ср. **к-ъ-то** — 'кто', **к-ого, к-омоу** и т. д.) — с относительно-вопросительным значением;

вьс- [въс'] (ср. **вьс-ь** — 'весь', **вьс-єго, вьс-ємоу** и т. д.) — со значением указания на полный охват того, что определяется;

он- [он-] (ср. **он-ъ** — 'тот', далекий' **он-ого, он-омоу** и т. д.) — с общим значением отдаленности;

ов- [ов-] (ср. **ов-ъ** — 'этот, некоторый', **ов-ого, ово-омоу** и т. д.) — с общим значением отделения более близкого от более далекого;

ин- [ин-] (ср. **ин-ъ** — 'иной', **ин-ого, ин-омоу** и т. д.) — с общим значением отделения более далекого от более близкого;

[j-] (ср. **и** [j-ь] — 'тот, он', **кго** [j-его], **кмоу** [j-ему] и т. д.) — с общим указательно-относительным значением.

ОБОЗНАЧЕНИЕ МЕСТА

§ 294. Для производства наречий со значением места использовались суффиксы **-де, -амо, -ждоу**, каждый из которых характеризовался своим частным значением.

Суффикс **-де** обозначал м е с т о совершения действия или состояния; он присоединялся к местоименным основам посредством **-ъ-**, а после мягких согласных — **-ь-**:

сьде — 'здесь' (от основы [с']);
къде — 'где' (от основы [к-]);
вьсьде — 'везде' (от основы [въс'-], т. е. [въс'-ьде]);
онъде — 'там далеко' (от основы [он-]);
овъде — 'здесь' (от основы [ов-]);
инъде — 'где-то' (от основы [ин-]);
иде — 'где-то там' (от основы [j-] : [j-ьде]), обычно использовалось как относительное слово (для соединения предложений) со значением 'где' и могло употребляться с предлогом (**до иде же**), приобретая временное значение; под влиянием сочетаний с предлогами **кън, вън, сън** (см. § 313) встречается также **доньде** (из **donjьde* > > [дон'ьде]) со значением 'до тех пор, пока'.

Наречный аффикс [-ъ-де] < **-ŭ-dĕ* по происхождению является индоевропейским. В частности, славянскому **къде** < **kŭdĕ* имеются соответствия в других и-евр. языках: др-инд. *kúha* (из **kúdha*) и др-ир. *kudā* — 'где, куда'. Остальные местоименные наречия с аффиксом **-ъ** (или **ь**)**-де** являются праславянскими новообразованиями, т. е. **онъде** < **on-ŭ-dĕ*, **инъде** < **in-ŭ-dĕ* и т. д.— под влиянием **k-ŭ-dĕ*.

Особняком стоит образование от основы [т-], которое не имело **-dĕ*. В праславянском языке в конце слова **ŭ // *ou̯*, поэтому наречное образование без **-dĕ* было не **tŭ*, а **tou̯*; в результате монофтонгизации конечного **ou̯* > [у] в ст-сл. **тоу** — 'там' (ср. русск. *тут*): **і отпоущь народы вьзиде на горѫ помолитъ сѧ · поздѣ же бывьшю единъ бѣ тоу** [= 'И, отпустив людей, (он) взошел на гору помолиться. И до позднего времени оставался *там* один'] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV).

§ 295. Суффиксы **-амо** (**-ѣмо**) и **-ждоу** (вариант **-ждѣ**) обозначали н а п р а в л е н и е движения и первоначально различались в своих частных значениях: **-амо**(**-ѣмо**) указывал на движение к говорящему или к какому-либо объекту, **-ждоу**(**-ждѣ**) — на движение от говорящего или какого-либо объекта. Позднее под влиянием именных конструкций с предлогом **отъ** (ср.: *от стола, от*

меня) образования с **-ждоу** (или **-ждѣ**) также стали употребляться с этим предлогом; а без предлога они приобрели значение направления к объекту:

сѣмо — 'сюда'; **сждоу** и **сждѣ** — 'сюда' (первоначально, видимо, 'отсюда'); с предлогом **отъ сждоу** (ср. русск. *сюда, отсюда,* где ['у] < *'ǫ);

тамо — 'туда' (позднее 'там'; ср. русск. *там*); **тждоу** и **тждѣ** — 'оттуда'; с предлогом **отъ тждоу** (ср. русск. *туда, оттуда*);

камо — 'куда' **кждоу** и **кждѣ** — 'куда' (первоначально 'откуда'); с предлогом **отъ кждоу** (ср. русск. *куда, откуда*);

вьсѣмо — 'во все стороны'; **вьсждоу** и **вьсждѣ** — 'отовсюду' (ср. русск. *всюду, отовсюду, повсюду*);

онамо — 'туда далеко'; **онждоу** — 'оттуда издалека';

овамо — 'сюда'; **овждоу** — 'отсюда, с этой стороны';

инамо — 'в иное место'; **инждоу** и **инждѣ** — 'из иного места';

ꙗмо [jамо], глаголическое **ѣмо** — 'куда-то туда', обычно **ꙗмо же** — как относительное слово (при соединении предложений) со значением 'куда'; **ꙗждоу**, обычно **ꙗждоу же** — как относительное слово со значением 'откуда'.

Суффикс [-ǫду] можно встретить в старых наречных образованиях не только от местоименных, но и от некоторых именных основ: **обоꙗждоу** — 'с обеих сторон' (от основы **оба — обою** [обоj-]); ***вънждоу** или **вънѣꙗждоу** — 'извне' (от основы **вън-**), в Супр. рук. встречается с предлогом: **иꙁ вънждоу**.

По происхождению суффикс [-ǫду] < *-*ondou̯* или *-*ondau̯*, так же как и [-д'е], является индоевропейским; ср. лат. *quando* — 'когда' и *unde* — 'откуда'; прус. *is-stwendau* — 'откуда'. Аффикс [-мо] не имеет достоверных соответствий в неславянских языках; ср., однако, грч. τῆμος [tēmŏs] или τᾶμος [tāmŏs] — 'тогда, после', хорошо соответствующие славянскому **тамо, камо** фонетически, но имеющие совершенно иное — временнóе значение.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ

§ 296. От тех же основ для указания на время действия образованы наречия с суффиксом **-гда**, присоединявшимся к местоименным корням посредством **-о-** // **-е-** или **-ъ-**:

тогда и **тъгда** — 'тогда' (ср. русск. *тогда*);

когда и **къгда** — 'когда' — с вопросительным значением (ср. русск. *когда?*);

вьсегда — 'всегда' (ср. русск. *всегда*);

овогда и **овъгда** — 'сейчас, в это время';

иногда и **инъгда** — 'в иное время' (ср. русск. *иногда*);

єгда [j-е-гда] — 'когда, если' — в значении относительного слова при соединении предложений; это образование известно и с предлогом: **вън'єгда** < **vъnjegda* (ср. **доньдє (жє)** в § 294).

Из двух вариантов — **тогда** и **тъгда, когда** и **къгда** и т. д. более древним является вариант с [о] (т. е. **тогда, когда**), так как после

мягкого согласного встречается только [е] (т. е. **вьсегда, кгда**), но не *ь. Появление варианта с [ъ] (**къгда** и под.) обычно объясняют редукцией безударного гласного, что вообще-то возможно; но в данном случае это объяснение наталкивается на полное отсутствие варианта ***вьсьгда** — в соответствии с **вьсегда**. В этой связи заслуживает внимания предположение А. Вайана о появлении варианта **къгда** под влиянием **къде**.

§ 297. Группа местоименных наречий использовалась для обозначения меры времени. Такие наречия образованы с помощью суффикса **-ли** или **-ль**, который, возможно, появился в результате сокращения конечного безударного гласного в образованиях на **-ли**; известен также еще один вариант того же суффикса — **-лѣ**. Суффикс присоединялся к местоименному корню посредством **-о-** или **-е-**. Наречия с этими суффиксами иногда встречаются с предлогами:

сели и **селѣ** (от основы [с'-]) — 'в это время'; с предлогами **отъ селѣ** (или **отъ сели**) — 'с этого времени', **до селѣ** — 'до этого времени' (например: **отъ начѧла вьсего мира до селѣ** [= 'От создания мира *до этого времени*'] — Мар. ев., *Мт.*, XXIV);

толи, толь и **толѣ** (от основы [т-]) — 'столь, столько времени; в то время'; с предлогами **до толѣ** — 'до тех пор', **отъ толѣ** — 'с тех пор, с того времени' (например: **отъ толѣ начѧтъ іс҃ъ сказати оученикомъ своимъ...** [= '*С того времени* Иисус начал рассказывать своим ученикам...'] — Мар. ев., *Мт.*, XVI);

коли, коль и **колѣ** (от основы [к-]) — 'насколько, сколько времени'; с приставкой **до коли** или **до колѣ** — 'до каких пор'; обычно это наречие употреблялось как относительное слово, осложняясь частицей **ждо: коли ждо** — 'сколько раз';

кли, кль или **клѣ** (от основы [j-]) — 'сколько, как много', обычно употреблялось с приставками и частицей **же** как относительное слово или союз: **дон'ели же** — 'до тех пор пока' ([-н'-] < *nj под влиянием конструкций с предлогами-приставками [кън] и под., т. е. из *do-n-$jeli$), **отън'ели же** — 'с тех пор как'; без приставки **клѣ** употреблялось для указания на близкое окончание действия или состояния во времени (ср. русск. *еле*): **оставльше и елѣ жива** [= 'Оставив его *еле* живым'] (Ас. ев., *Л.*, X).

От указанных наречий с помощью суффикса **-к-** образовывались местоименные прилагательные **толи-к-ъ, -а, -о** — 'стольний, столько', **коли-к-ъ, -а, -о** — 'скольний, сколько', **кли-к-ъ, -а, -о** — 'сколько': **толико народа** [= 'столько людей'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XV); **колико имате хлѣбъ** [= 'Сколько у вас хлебов?'] (Мар. ев., *Мр.*, VIII); **колицѣмь дльжьнъ еси** [= 'Сколько ты должен?'] (Зогр. ев., *Л.*, XVI); **вьсе елико имѣаше** [= 'Все, сколько (он) имел'] (Ас. ев., *Мт.*, XVIII).

ОБОЗНАЧЕНИЕ МЕРЫ И ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

§ 298. От наречий, обозначавших меру времени, с помощью суффиксов **-ма** или **-ми** были образованы производные с более широким значением меры: **тольма** и **тольми** — 'столько, настолько'

(от **толь**), **кольма** и **кольми** — 'сколько, насколько' (от **коль**), **кльма** и **кльми** — 'сколько, насколько' — как относительное слово: **не толма врѣдивъ клми же исцѣливъ** [='не столько повредив, сколько исцелив'] (Супр. рук.). К основе **вьс-** суффикс **-ма** был присоединен посредством **-ь-**: **вьсьма** — 'очень, в большой степени'.

Аффиксы **-ма** и **-ми** характеризовали также группу наречий, связанных по происхождению с именами (существительными или прилагательными): **полъма** — 'пополам, надвое' (от **полъ** — 'половина'), **больма** или **больми**, а также **большьми** — 'больше' (от сравнительной степени ***боль — болии, больши**), **нѹдьма** — 'насильно' (от **нѹдити** или **иждити** — 'принуждать'), **дѣльма** — 'ради' (ср. **дѣл-ити**), **радьма** — 'ради' (ср. **рад-ъ** и наречие **ради**), **вельми** — 'очень' (от сравнительной степени *vel'ь* — **велии** — 'больший, более великий') и др.

Происхождение всех этих образований может быть связано с формами творительного падежа двойственного (**-ма**) и множественного (**-ми**) числа имен. Во всяком случае, **полъма** — это точная форма твор. падежа со значением 'двумя половинами'.

§ 299. Наречия со значением о б р а з а д е й с т в и я представляли собой застывшие формы среднего рода (положительной или сравнительной степени) прилагательных, образованных от местоименных основ с помощью суффикса **-ак-о** (где [-о] по происхождению — окончание среднего рода), или **-ач-е** [-ач'-е] < < *ak-je*, причем наречия на **-аче** не имели значения сравнительной степени:

тако — 'так' (от местоименного прилагательного **так-ъ** — 'такой', **так-ого** и т. д.) и **таче** — 'потом';

како — 'как' (от местоименного прилагательного **как-ъ** — 'какой', **как-ого** и т. д.);

вьсꙗко, в глаголических памятниках **вьсѣко** — 'разными способами, по-разному' (от **вьсꙗк-ъ** — 'всякий', **вьсꙗк-ого** и т. д.);

инако — 'по-иному' и **иначе** — 'еще' (ср. русск. *иначе*);

ꙗко, в глаголических памятниках **ѣко** — 'как, вот' (от местоименного прилагательного **ꙗк-ъ** — 'какой', **ꙗк-ого** и т. д.; ср. укр. *який* — 'какой', употреблялось как относительное слово или присоединительный союз. В Супр. рук. встречается образование **ꙗче** в выражении **дьнь ꙗче дьнь** [='со дня на день'].

Образование от местоименного корня [с'-] известно с суффиксом [-ик-о], где по III переходному смягчению задненёбных *к* > *ц*': **сице** — 'так' (от **сик-ъ** или **сиц-ь** — 'такой', **сиц-его** и т. д.).

С суффиксами **-ак-о**, **-ач-е** старославянскому языку известны также наречия, образованные от иных именных основ: **кдинако** — 'одним способом, тем же образом' и **кдиначе** — 'еще, еще раз' (от основы **кдин-**; ср. русск. *однако*), **обоꙗко** — 'обоими способами' и **обоꙗче** — 'однако' (от **оба — обою** с основой [обој-]).

§ 300. Наречия, имевшие относительно-вопросительное значение, могли присоединять отрицательную частицу, которая обычно

усиливалась постпозитивной частицей **же**: **никъде(же)** — 'нигде', **никамо(же)** — 'никуда', **никѫдоу(же)** — 'ниоткуда', **никъгда(же)** или **никогда(же)** — 'никогда', **николи(же)** — 'нисколько, никак', **никако (же)** — 'никак'. Такие наречия получали значение отрицательных.

ОТЫМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

§ 301. Все остальные обстоятельственные слова, которые могут быть отнесены к наречиям, образованы от различных знаменательных частей речи. Они могут быть разделены на две группы: 1) аффиксальные наречные образования; 2) формы изменяемых слов в обстоятельственном значении.

АФФИКСАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

§ 302. Наречия, образованные от глагольных корней, в старославянском языке единичны. Это наречия с суффиксом **-мо**: **мимо** (от глагола **ми-нѫти**; например: **пришедъ и видѣвъ и мимо иде** [='Подойдя и увидев его, прошел *мимо*'] — Ас. ев., *Л.*, X) и **тъкъмо** или **тъкъма** — 'только, кроме' (от глагола **тък-нѫти**; например: **не имамъ сьде · тъкмо ·д҃· хлѣбъ** [='У нас здесь нет (ничего), *кроме* 5-ти хлебов'] — Зогр. ев., *Мт.*, XIV), а также образованное от того же глагольного корня **тъчиѭ** — 'только'. Видимо, связано с глаголом и наречие **дѣлꙗ** — 'ради' (от **дѣл-ити**). Остальные старославянские наречия связаны только с именами.

Некоторые старославянские наречия уже не имели соответствий среди имен, продолжавших употребляться в памятниках письменности. Таковы наречия **акы** — 'как', **пакы** — 'опять' и др., по форме связанные с твор. падежом множ. числа прилагательных; с формой сравнительной степени связано наречие **паче** — 'лучше; кроме'. Большинство же наречий ясно обнаруживает связи с формами имен, от которых они были образованы.

§ 303. Очень распространены качественные наречия (со значением образа действия), образованные от имен прилагательных с суффиксами **-о** или **-ѣ**: **быстро** и **быстрѣ**, **горько** и **горьцѣ**, **достоино** и **достоинѣ**, **кротъко** и **кротъцѣ**, **просто** и **простѣ**, **сладъко** и **сладъцѣ** и т. п. Аффикс **-о** по происхождению является окончанием среднего рода ед. числа вин. падежа, а **-ѣ** — окончанием местн. падежа (ср. **пиво горько, пивѣ горьцѣ**). От соответствующих форм прилагательных наречия на **-о** и **-ѣ** отличались тем, что употреблялись при глаголах, а не при существительных: **правьдъныи же . . . кротцѣ и тихо братоу рече...** [='Праведник же *смиренно и тихо сказал* брату...'] (Супр. рук.); но ср. прилагательные: **изиде ис҃ъ и иде въ поусто мѣсто** [='Иисус вышел (оттуда) и пошел в *пустынное место*'] (Мар., ев., *Мр.*, I), **поидошѧ вь печали мнозѣ и тѧзѣ** [='(Они) ушли в *большой печали* и в горе'] (Супр. рук.).

Различий в значении между наречными образованиями на -о и -ѣ не было: они употреблялись параллельно. Некоторые наречия встречаются чаще или только в форме на -о: весело, присьно — 'всегда, постоянно' (от присьн-ъ — 'постоянный'), ѩдро — 'быстро' (от ѩдр-ъ — 'быстрый'), ѕѣло или зѣло — 'очень' (от утраченного славянскими языками прилагательного; ср. лит. *gailùs* — 'вспыльчивый, едкий'), мъного и др. Некоторые же наречия, напротив, обычно употребляются с аффиксом -ѣ: зълѣ — 'зло, сердито' (от зъл-ъ — 'злой'), авѣ или ꙗвѣ (в глаголических памятниках ѣвѣ) — 'явно, действительно' (от ав-ъ; ср. русск. *яв-ный*), мѫдрѣ — 'мудро', добрѣ — 'хорошо' и др. От прилагательного позд-ьн-ъ употреблялось наречие поздѣ — 'поздно'.

Как и прилагательные, такие наречия могли иметь формы сравнительной степени: болѥ и бѡлѥ — 'больше' вꙑше, прѣжде, скорѣѥ. Некоторые качественные наречия, по происхождению связанные с формами сравнительной степени, в старославянском языке значения сравнительной степени не имели, например: далѥче — 'далеко' (а не 'дальше'), доблѥ — 'храбро' (а не 'храбрее') и др.

§ 304. От прилагательных с суффиксом -ьск- образовывались со значением образа действия наречия с аффиксом -ꙑ: вражьскꙑ, мѫжьскꙑ, рабьскꙑ, грьчьскꙑ, словѣньскꙑ и под. По происхождению это формы твор. падежа множ. числа относительных прилагательных, оторвавшиеся от имен, с которыми они первоначально употреблялись (значение образа действия типично для твор. падежа; ср.: ѥдинъ бо отъ ѥлению чловѣчьскомъ г л а с о м ъ глагола [= 'Один же из (двух) оленей сказал человеческим *голосом*'] — С у п р. р у к.); следовательно, глаголати грьчьскꙑ — 'говорить по-гречески' первоначально значило глаголати грьчьскꙑ словесꙑ, т. е. 'говорить греческими словами'[1].

§ 305. Сравнительно большую группу составляли наречия, образованные от основ прилагательных и существительных с аффиксом -ь: правь — 'истинно', прѣмь — 'прямо', прѣпрость — 'очень просто, простодушно', различь — 'различно, по-разному', соугоубь — 'вдвойне', свободь — 'свободно', ѫтрь — 'внутри' — обычно с предлогами: из ѫтрь — 'изнутри', вънѫтрь — 'внутрь' и др.

Эти образования представляли собой застывшие формы очень древних праславянских прилагательных с основами на *ĭ, которые в старославянском языке отчасти сохранялись как остатки прошлого и уже не склонялись. Так, наречие правь имело соответствующее несклоняемое прилагательное правь — 'прямой, истинный', вытеснявшееся образованием прав-ъ (прав-а, прав-о) — с обычным для прилагательного изменением по родам, числам и падежам; прѣпрость

---

[1] Современный русский язык обычно употребляет эти образования с префиксом *по-*: *по-мужски, по-гречески, по-русски*. Однако в литературном языке сохраняются некоторые бесприставочные образования: *воровски, мастерски*, ц.-сл. *рабски*.

соотносимо с несклоняемым прилагательным прѣпрость — 'очень простой', различь — с несклоняемым прилагательным различь — 'разнообразный' и новообразованием различ-ьн-ъ, свободь — с прилагательным свободь, прѣмь может быть соотнесено с прилагательным прѣм-ъ (русск. *прям-ой*), соугоубь — с соугоуб-ъ и т. д. Некоторые из таких образований связаны с существительными (например, жтрь, ср. русск. *нутро, утроба*); при этом наречие могло быть образовано из сочетания имени с предлогом: въкоупъ — 'совместно, вместе' — от коупъ (ср. русск. *выкуп*), послѣдь — 'наконец, после всего' — от слѣдъ [на существование когда-то склонявшегося имени **slědь* указывает вариант того же наречия послѣди — с окончанием местного падежа основ на **ĭ*: послѣди же посъла сн҃а своего [='*После всего (наконец)* послал своего сына'] (Сав. кн., *Мт.*, XXI) и др.].

§ 306. Некоторые старославянские наречия отражали косвенные падежи имен, вышедших из употребления или известных только в функции обстоятельств: бес прѣстани — 'непрерывно, беспрестанно' (род. падеж утраченного **pěrstanь* — 'перерыв'), въ далѩ — 'вдаль' (вин. п. мн. ч. существительного **dal'a*), въ соуѥ — 'напрасно' (вин. п. ед. ч. исчезнувшего **suje*; ср. русск. *суета,* наречие *всуе* — 'напрасно'), на прѣждь — 'вперед' (вин. п. ед. числа от **pěržd'ь* — 'передняя часть'), ис кони — 'с самого начала' (род. п. ед. ч. неупотребительного в других формах существительного **konь* — 'начало').

§ 307. Наречия образа действия могли быть связаны с формами твор. падежа имен: въторицеѭ, третиицеѭ, седмерицеѭ и т. п. ('дважды', 'трижды', 'семикратно'); особенно часто в памятниках встречается сънторицеѭ (со значением 'многократно, во много раз'). Все эти наречия образованы из имен с суффиксом [-иц'-а], некоторые из которых были употребительны в период кирилло-мефодиевских памятников: въторица, третиица (или третьица).

С тем же значением повторяемости действия употреблялись сочетания счетных слов с неизменяемым словом краты, которое по происхождению было формой вин. падежа множ. числа от вышедшего из употребления существительного **kratъ*, т. е. когда-то могло быть только в сочетаниях три краты и четыри краты, но затем распространилось на сочетания с остальными счетными словами: дъва краты — 'двукратно' (вместо **dъva krata*); пѧть краты — 'пятикратно' (вместо **pętь kratъ*) и т. д., в том числе и мънogы краты (ср. русск. *многократно*).

§ 308. Одной из своеобразных особенностей старославянских наречий была возможность их употребления с предлогами. В § 294—297 отмечались случаи предложного употребления наречий отъ сѫдоу (вытеснявшего сѫдоу), отъ тѫдоу (вместо тѫдоу), вън'егда (наряду с егда), до толѣ, до колѣ и др., а также вънѫтрь, изѫтрь

(соотносимые с **жтрь**). С предлогами могли употребляться и иные наречия, которые при этом приобретали значение направленности действия: **до сьде** — 'досюда', **до нынѣ** — 'до этого времени', **до вънжтрь** — 'до самого нутра', **из вънждоу** — 'изнутри' и т. п. Например: **не бысть такова отъ начѧла зъданию · еже съзъда бъ · до нынѣ** [='Не было такого от начала мира, который создал бог, и *до этого времени*'] (Мар. ев., *Мр.*, XIII), **дроуѕии бо ихъ изъ далече сжтъ пришьли** [='Иные же из них пришли *издалека*'] (там же, *Мр.*, VIII) и т. п.

КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 309. Наиболее продуктивным способом пополнения наречий является «онаречивание» косвенных падежей существительных (обычно — с предлогами), употребляемых в предложении в функции обстоятельств. Относясь к глаголу и определяя действие или состояние (т. е. функционируя как 'признак признака'), словоформы существительных со временем могут утрачивать категории, свойственные именам, и превращаться в неизменяемые обстоятельственные слова — наречия, теряя при этом связь с другими, живыми формами тех же имен (ср. русск. *вглубь, вширь* и под., уже не соотносящиеся с предложными конструкциями существительных *глубь, ширь,* хотя сами эти существительные еще существуют: *глубь морей, ширь полей*).

В ряде случаев трудно провести границу между обстоятельственным употреблением косвенного падежа существительного и наречием, причем для старославянского языка такие переходные случаи обычны: **і шедъши домови обрѣте отроковицж лежащж на одрѣ** (Мар. ев., *Мр.*, VII) — форма **домови** может быть воспринята и как дат. падеж существительного **домъ** ('И, подойдя *к дому,* (она) нашла девушку лежащей на постели'), и как наречие ('И, придя *домой,* (она) нашла девушку лежащей на постели').

В ряде случаев отграничить обстоятельственное употребление косвенного падежа имени от наречия можно на основании различий в их значении: наречие обычно теряет связь с буквальным значением существительного, от которого оно произошло, и поэтому уже не может иметь тех определений, которые характерны для существительного. Так, в русском языке наречие *вслед,* образованное из сочетания существительного *след* с предлогом *в,* указывает на движение 'за кем-либо, чем-либо' и уже утратило связь со значением имени *след* — 'отпечаток ноги или лапы животного', а потому не может иметь тех определений, какие свойственны этому имени (ср. *вглядывался в **лисий** след* или *в след **лисицы***). Для эпохи старейших памятников указанный критерий не всегда может служить надежным основанием при отделении наречия от существительного. Так, во фразе **ідѣаше же въ слѣдъ его мъногъ народъ** [='Шло *вслед* за ним много народа'] (Мар. ев., *Л.*, XXIII) **въ слѣдъ** по своему значению могло бы быть определено как наречие (со значением

'вслед' — не 'в отпечатки ног'); но оно сохраняет возможность быть определяемым, как существительное: **въ слѣдъ его**, т. е. ***его** (Иисуса) след*. Иного рода колебания обнаруживает, например, словосочетание **дьнь сь** (после падения редуцированных **днес(ь)** — 'сегодня', дословно — '(в) этот день'), которое в Супр. рук. оказывается уже неизменяемым словом (**до дьнесь** — 'до этого дня'), но в списках евангелия (Зогр., Мар., Ас. ев., *Мт.*, XXVII) еще склоняется: **до сего дьне**.

Из сказанного очевидно, что более или менее точно очертить круг старославянских наречий, образованных из косвенных падежей существительных, невозможно. Можно лишь указать круг форм или предложных сочетаний, характеризовавшихся наречным значением и с течением времени пополнявших разряд наречий.

§ 310. Наречия со значением места действия могли пополняться за счет форм местного падежа (без предлога): **горѣ** — 'вверху' (от **гора**), **долѣ** — 'внизу' (от **долъ**), **връхоу** — 'вверху' (от **врьхъ**), **низоу** — 'внизу' (от **низъ**), **кромѣ** — 'на краю' (от **крома** — 'край'), **срѣдѣ** — 'посредине', а также с предлогом **по срѣдѣ** (от **срѣда**) и др.

Существительные, обозначающие различные отрезки времени, застывая в форме местного падежа, пополняли наречия в р е м е н и: **зимѣ** — 'зимою' (от **зима**), **оутрѣ** — 'утром' (от **оутро**), **полоу дьне** — 'в полдень' и **полоу нощи** — 'в полночь' (от **полъ** — 'половина'). Неясно по происхождению наречие **вьчера**, явно связанное с существительным **вечеръ**.

Наречия со значением н а п р а в л е н и я могли пополняться за счет форм дательного падежа существительных (без предлога или с предлогом): **долоу** — 'долой, прочь' (от **долъ**), **домови** — 'домой' (от **домъ**), **горѣ** — 'вверх' (от **гора**); возможен также и винительный падеж с предлогом: **въ слѣдъ** — 'вслед'.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 292—310

В а й а н А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 138—144.
М е й е А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 532—537 (с. 377—379).

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

ПРЕДЛОГИ

§ 311. Старославянский язык унаследовал ряд индоевропейских предлогов, которые в праславянском языке пополнялись новыми, образовывавшимися из наречий (или из других частей речи через посредство наречий). Условно такие предлоги можно назвать п е р в и ч н ы м и. Предлоги, формировавшиеся в старославянском языке (также на базе наречий), можно условно назвать н о в ы м и.

ПЕРВИЧНЫЕ ПРЕДЛОГИ

§ 312. Некоторые первичные предлоги в старославянском языке использовались т о л ь к о в ф у н к ц и и п р и с т а в о к и не употреблялись при именах. Таковы **въз-** (или **въс-**), указывавший на движение вверх (**възнести, въсходити** и т. п.), **про-** — со значением направленности вперед, через что-либо (**пробости** — 'проколоть', **протесати** — 'прорубить проход' и под.), **прѣ-** — со значением прохождения через что-либо (**прѣстѫпити**) и со значением 'очень' (с прилагательными: **прѣдобръ**), **раз-** (или **рас-**) — со значением 'в разные стороны' (**раздѣлити, распѧти**). Из них лишь **въз** изредка встречается в славянских переводах в качестве предлога со значением замещения одного другим: **отъ исплън'ениѣ его мꙑ вьси приѩхомъ · благодѣть въз благодѣть** [='От полноты его мы все восприняли благодать *за* благодать'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Ин.*, I). В русском языке в качестве предлога функционирует также *про-* (например: *рассказывать* ***про*** *что-либо*).

§ 313. Напротив, н и к о г д а н е у п о т р е б л я л с я в к а ч е с т в е п р и с т а в к и п р е д л о г **къ**, в старославянском языке конкретизировавший значения дат. падежа: **пристѫпишѧ къ їсви** [='Подошли *к* Иисусу'], **рѣшѧ къ немоу** [='сказали ему'].

В праславянском языке этот предлог оканчивался носовым согласным, т. е. **kъn* < **kŭn* (или **kŭm*, ср. др-инд. *kám* — 'позади'). В период действия тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности конечный носовой в предлоге утратился: **kŭn* > **kъn* > [къ]; но если знаменательное слово, с которым употреблялся предлог, начиналось с **j*, носовой сохранялся, а утрачивался после него **j*, смягчая **nj* > [н'], при этом образовавшийся палатальный согласный оказывался в начале первого слога знаменательного слова. Результаты этого изменения можно обнаружить в сочетаниях предлога с формами местоимения **и** [jь]: **kъn-jemu* > [кън'ему], **kъn-jejь* > [кън'ей] (но ср.: **къ томоу, къ тои**).

То же следует отметить и для предлогов-приставок **въ** и **съ**, которые в праславянском языке также оканчивались носовым согласным: **въ нѥмь** [вън'емъ] < < **vъn-jemь*, **вънѩти** < **vъn-jęti* ('вобрать'); **съ н'имь** < **sъn-jimь*, **сънѩти** < < **sъn-jęti* ('снять'); но: **въ томь, въходити; съ тѣмь, съвести**. Носовой согласный мог сохраняться также перед корнями, начинавшимися с гласных: **вънѹшити** (с корнем [-уш'-], следовательно [вън-уш'-ит'и]), **вънѫтрь**, т. е. [вън-ǫтр'ь] (ср. **ѫтрь** — 'внутри'). По аналогии с этими предлогами [-н'-] появляется впоследствии перед начальным гласным и после других предлогов-приставок (ср. русск.: *от него, отнять; у него, унять; при нем, принять* и т. д.); впрочем, в ст-сл. еще было возможно **ѹ кго, приѩти** и т. п.

§ 314. Остальные первичные предлоги в старославянском языке употреблялись как с именами (и местоимениями), так и с глаголами, т. е. в качестве приставок:

без (или **бес**) — со значением отрицания, указания на отсутствие или недостаток чего-либо (ср. **безбрачьнъ, бесплодьнъ**); употреблялся с род. падежом: **бес пирꙑ** ('без питья'), **бесапогъ**, т. е. **бес-сапогъ**, и т. д.

въ(н) (ср. § 313) — прежде всего характеризовался значением 'внутрь, внутри'; с глаголами движения употреблялся с вин. падежом, указывая направление внутрь чего-либо (**въ домъ, въ храминѫ**); при глаголах состояния — с местн. падежом, указывая на нахождение внутри чего-либо (**въ домоу, въ храминѣ**); при указании на время выражал идею осуществления действия в границах указанного времени: **въ годинѫ вечерѧ** ('в час ужина') (Зогр. ев., *Л.*, XIV).

до указывал на предел или направление к предмету (ср. в приставочных образованиях: **доходити, донести**), употреблялся только с род. падежом: **до врьхоу горы, до храма** и т. д.

за выражал прежде всего значение движения или нахождения позади чего-либо (ср. приставочные образования: **заити, засѣсти** — 'сесть в засаду'; русск. *забежать за что-либо*); остальные многочисленные значения являются производными от основного (например, значение причины развилось из первоначального представления о причине как о том, что следует во времени после чего-либо: **погыбѫ за безаконение свое** [= '(Они) погибли *из-за* своих преступлений'] (Син. пс.) — гибель следует за преступлением). Предлог **за** с вин. падежом указывал на направление движения вслед за кем-либо, сзади кого-либо (чего-либо); **иди за мѧ** [= 'Следуй *за* мной'] (Сав. кн., *Мт.*, IV; ср. отражение этого значения в русском фразеологизме *идти замуж*); отсюда производное значение замещения, оценивания: **око за око · зѫбъ за зѫбъ** (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, V; ср. русск. *око за око, услуга за услугу*), объекта прикосновения: **имъ за оуздѫ кон҄ѣ** [= 'взяв коня *за* узду'] (Супр. рук.; ср. русск. *взять за руку*) и др. С твор. падежом **за** указывал на нахождение сзади чего-либо: **зади за вьсѣми стоѩ** [= 'стоящий *за* всеми сзади'] (Супр. рук.; ср. русск. *за столом, за окном*).

иꙁ (или **ис**) был антонимичен **въ(н)**, т. е. содержал указание на извлечение — 'изнутри' (ср. приставочные образования: **изити, испоустити** — 'выпустить'), употреблялся только с род. падежом: **ис кораблꙗ, ис храма.**

на в качестве основного имел значение 'наверху' или 'вверху', остальные значения (например, цели движения: **поиде на село** — 'пошел *в* поле') производные от основного; как и **въ(н)**, употреблялся с вин. (направление) и с местн. падежом (нахождение): **възиде на горѫ** ('взошел на гору') — **бѣ на горѣ** ('был на горе').

о и **об** выступают в старославянском языке как варианты одного предлога с основным значением 'около, вокруг, со всех сторон' (с местн. падежом): **сѣдѣаше о немь народъ** [= 'Народ сидел вокруг него'] (Мар. ев., *Мр.*, III). Остальные значения производные от основного, выражая общую идею связи с поверхностью, пределом (с вин. падежом): **въврьзѣте о деснѫѭ странѫ мрѣжѧ** [= 'Закиньте сети по правую сторону (лодки)'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Ин.*, XXI), **приде... об онъ полъ иорьдана** [= '(Он) пришел на тот берег (реки) Иордана'] (Мар. ев., *Мт.*, XIX), **прѣтъкнеши о камен(ь)** [= 'ударишь о камень'] (там же, *Мт.*, VI). С местн. падежом **о/об** мог упо-

требляться также с изъяснительным значением: **глаголати о немь** ('говорить о нем'), **плака сѧ о неи.**

отъ выражал идею удаления, отделения (ср.: **отити, отъстѫпити**), употреблялся только с род. падежом: **изиде отъ гроба** ('вышел из склепа'), **отъ дрѣва** ('от дерева').

по с дат. падежом указывал на распространение действия по поверхности, по какому-либо пространству: **иде по морю** [='шел *по* морю'], **по брѣгоу, по пѫти** (русск.: *плыл* ***по*** *морю, шел* ***по*** *берегу*); из этого общего развилось частное значение места соприкосновения с чем-либо: **биѣхѫ и по главѣ** [= '(Они) били его *по голове*'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Мт*, XXVII). С местным падежом предлог **по** указывал на следование за чем-либо в пространстве или во времени: **иде по немь** [='пошел *за* ним'], **по изгънании** [='*после* изгнания'] (русский литературный язык сохраняет лишь значение временной последовательности: ***по*** *приезде*, ***по*** *окончании*).

при выражал идею близости, употреблялся с местн. падежом: **при мори, при брѣзѣ** ('возле, около берега'); производным является значение одновременности: **при девѧтѣи годинѣ** ('в девятом часу'), ср. в русск. при именах собственных: *при Петре I, при Пушкине*. Начиная с Супр. рук. **при** встречается со значением 'в чьем-либо присутствии': **при народѣ**.

съ(н) (ср. § 313) с род. падежом выражал то же, что и **отъ**, т. е. удаление, исходный пункт движения: **съ горы, съ села**. С твор. падежом выражал идею совместности: **съ оученикомь, съ нимь, съ вами**; развитием этого значения является указание на орудие или обстоятельства, сопровождающие действие: **съ лопатоѭ, съ гнѣвомь, съ страхомь.**

оу употреблялся только с род. падежом в двух значениях, из которых древнейшим является значение отделения, удаления: **просиши оу мене, възѧти оу отьца**; очень характерно также значение близости: **постави оу гроба** ('поставил у склепа'), **оу града** ('около, возле города').

§ 315. От некоторых индоевропейских предлогов с помощью аффикса **-дъ* в праславянском языке были образованы новые предлоги, являющиеся общеславянскими:

надъ (из **na-дъ*, ср. *на*) указывает на положение более высокое, чем что-либо; в ст-сл. употреблялся с двумя падежами: с вин. падежом указывал на направление: **воини ведошѧ** (его) **надъ брѣгъ рѣкы** [='Воины повели (его) *по* берегу реки'] (Супр. рук.); **приде надь нь** [='наклонился *над* ним', дословно: 'пришел *над* ним'] (Ас. ев., *Л.*, X); с твор. падежом **надъ** указывал на нахождение выше чего-либо: **напьсано надъ нимь** [='написано *над* ним'], **область надъ бѣсы** [='власть *над* бесами']; ср. с отрицанием: **нѣстъ оученикъ надъ оучителемь** [='ученик не выше учителя'].

подъ (из **po-дъ*, ср. *по*) является антонимом к **надъ** (т. е. указывает на положение менее высокое, чем что-либо) и в старославян-

ском языке употреблялся с теми же падежами. С вин. падежом указывал на направление: **(вънити) п о д ъ кровъ, п о д ъ ноѕѣ** (ср. русск.: *залетел под облака, упал под ноги*); производным является значение близости во времени: **п о д ъ вечеръ**. С твор. падежом указывал на статическое положение: **п о д ъ к а м ы к о м ь** (*'под* камнем'), **п о д ъ ногама, п о д ъ землеѭ**.

прѣдъ (из **per-dъ*, ср. **прѣ-**), как и оба предыдущих предлога, употреблялся в старославянском языке с двумя падежами. Основное значение — движение или нахождение впереди кого или чего-либо: **и д е п р ѣ д ъ нимь** [='шел *впереди* него'], **стати п р ѣ д ъ градомь, п р ѣ д ъ ногама**, в частности при указании на время: **п р ѣ д ъ сьложениемь мира** [='*перед* сотворением мира']. Известны редкие случаи употребления предлога **прѣдъ** с вин. падежом со специфическим значением 'поставить лицом к лицу для суда': **п р ѣ д ъ владыкы же и цр҃ѧ · ведени бѫдете** [='Поведут вас к владыкам и царям' — имеется в виду 'для суда над вами'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Мт.*, X).

НОВЫЕ ПРЕДЛОГИ

§ 316. В функции предлога может употребляться наречие, если есть необходимость не просто указать на обстоятельства действия (движения, состояния), но и выразить отношения между предметами в процессе осуществления этого действия (ср.: *Он шел позади* и *Он шел позади командира*). Большинство таких отнаречных предлогов в старославянском языке использовалось для выражения п р о с т р а н с т в е н н ы х о т н о ш е н и й:

с род. падежом: **тъ бѣ б л и з ъ ил҃ма** [='Он был *вблизи* Иерусалима'] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XIX); **приде же въ градъ... и с к р ь вьси** [='(Он) пришел в город *около (возле)* деревни'] (там же, *Ин.*, IV); **посъл'етъ ихъ к р о м ѣ страны** [='(Он) пошлет их *вон из* страны'] (там же, *Мр.*, V); **сѣдѣхѫ о к р ѫ г тѣлесоу кю** [='(Они) сидели *вокруг* их тел'] (Супр. рук.);

с дат. падежом: **вьсь градъ изиде п р о т и в ѫ ис҃ви** [='Весь город вышел *навстречу* Иисусу'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, VII); **сѣдѧшти п р ѣ м о гробоу** [='сидя *напротив* склепа'] (там же, *Мт.*, XXVII);

с вин. падежом: **тѣлеса ст҃ыихъ ношахѫ сѧ с к в о з ѣ водѫ** [='Тела святых носились по воде'] (Супр. рук.);

с твор. падежом: **м е ж д ю ол'ѕтаремь и храмомь.** [='*между* жертвенником и храмом'] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XI).

Для выражения в р е м е н н ы́ х о т н о ш е н и й использовался предлог **прѣжде** (с род. п.): **възлюбилъ мѧ еси п р ѣ ж д е сложениѣ вьсего мира** [='(Ты) полюбил меня *раньше* сотворения всего мира'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Ин.*, XVII).

Встречаются п о с т п о з и т и в н ы е п р е д л о г и, использовавшиеся для выражения п р и ч и н н ы х о т н о ш е н и й (с род. п.): **лъжѫште мене р а д и** [='Лгущие *ради* меня'] (Зогр., Мар., Ас. ев.,

Мт., V); то вьсе врагъ дѣлꙗ бываатъ [='Все это бывает *из-за* врагов'] (Супр. рук.); х҃а дѣл'ьма съвлѣцѣмъ сѧ [='Разденемся *ради* Христа'] (там же).

Значение предлогов нередко получают устойчивые сочетания существительных с предлогами, частично утрачивающие конкретное лексическое значение и получающие более общее значение пространственных отношений. Поскольку для существительных наиболее характерно управление род. падежом, то и формирующиеся из них предлоги обычно употребляются с родительным падежом.

Примером предложной конструкции, часто встречающейся в памятниках со значением предлога, может служить по срѣдѣ (буквально: 'по середине'): корабь же бѣ по срѣдѣ морѣ [='Лодка же была *посреди* моря'] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV); а дроугое паде по срѣдѣ трьньѣ [='А некоторые (семена) упали *среди* терновника'] (там же, *Л.*, VIII). Формально в подобных случаях — конструкция дательного падежа (с предлогом по) существительного срѣда, управляющего родительным падежом (морꙗ, трьниꙗ). Однако в действительности это уже не так: существительное срѣда в том значении, которое свойственно ему в конструкции по срѣдѣ, в формах других падежей не встречается (т. е. не встречается, скажем, «срѣда морꙗ»); вместе с тем при употреблении слова срѣда в собственном значении (т. е. 'середина') в последнем примере предлог был бы неуместен: должно было бы быть «паде на срѣдѣ», как в том же тексте несколькими строками ранее паде на камене, а ниже — паде на земл'и. Все это и свидетельствует о превращении предложной конструкции по срѣдѣ в предлог (как обычно, через ступень наречия; ср.: плѧса дъшти иродиѣдина по срѣдѣ и оугоди иродови [='Иродиадина дочь плясала *посредине* и угодила Ироду'] — Мар. ев., *Мт.*, XIV).

Кроме по срѣдѣ, в функции предлогов нередко встречаются также конструкции въ мѣсто ('вместо'), въс краи ('на краю, с краю'), вън ѫтрь и др., все — с родительным падежом.

СОЮЗЫ И ЧАСТИЦЫ

§ 317. В индоевропейскую эпоху по существу не было различий между союзами и частицами: служебные слова, использовавшиеся как средства соединения предложений (или членов предложения), вместе с тем использовались и для выражения различных смысловых (модальных) оттенков. Процесс разграничения союзов и частиц наметился, видимо, уже после разобщения древних индоевропейских диалектов; во всяком случае, в старейших славянских памятниках нашел отражение один из ранних этапов процесса «специализации» старых союзов-частиц. В связи с этим в старославянском языке нецелесообразно (а иногда и практически невозможно) разграничить эти две группы служебных слов, тем более что они тесно связаны друг с другом и по происхождению. Впрочем, в известной мере старославянский язык отражал преимущественно соединительную или преимущественно выразительную функцию того или иного служебного слова: слова, чаще использовавшиеся в функции союзов, занимали место в на-

чале предложения; слова, в значительной степени сохранявшие значение частиц, в предложении сохраняли место после первого знаменательного слова.

§ 318. Наиболее употребительными в старославянском языке были союзы-частицы **и, а, нъ, да**. Все они чаще употреблялись в функции союзов (**нъ** — только в функции союза), а потому занимали место в начале предложения.

и обычно функционирует как союз, соединяющий предложения или их отдельные члены: **и҆ сънидє дъждь · и придѫ рѣкꙑ · и вьзвѣꙗшѧ вѣтри...** [='*И* пошел дождь, *и* разлились реки, *и* подули ветры'] (Сав. кн., *Мт.*, VII); **чкъ етерь съхождааше от ерслма вь ерихѫ · и въ разбоиникꙑ вьпадє** [='Некий человек шел из Иерусалима в Ерихон *и* попал к разбойникам'] (Ас. ев., *Л.*, X).

В отрицательном обороте союзу **и** соответствовало отрицание **ни** с теми же значениями (т. е. 'также' и как средство соединения в отрицательном предложении): **нє зови дроугъ твоихъ · ни братриѩ твоеѩ...** ['Не зови своих друзей *и* (или *а также*) своих товарищей'] (Мар. ев., *Л.*, XIV).

а используется в качестве соединительного союза с оттенком противопоставления: **о҆ва оубо падошѧ при пѫти... а дроугаѣ падошѧ въ тръніи** [='Некоторые же (семена) упали у дороги... *А* другие упали среди терновника'] (Зогр. ев., *Мт.*, XII); **жѧтва оубо мънога а дѣлатель мало** [='Жатва ведь обильна, *а* работников мало'] (там же, *Мт.*, IX).

Будучи усилено различными частицами, **а** могло приобретать разные оттенки значения. Так, в соединении с вопросительной частицей **ли** союз **а** выступал как показатель более сильного противопоставления с оттенком вопроса, недоумения: **інꙑ съпасе · али себе нє можетъ съпасти** [='Других спас, а себя не может спасти!'] (Зогр., Мар. ев., *Мр.*, XV; в Ас. ев.: **а себе ли...**— в этом случае оттенок вопроса, недоумения усиливается: '*Неужели* не может спасти себя!').

нъ используется как союз с более сильным противопоставлением, чем **а**: **є҆гда зъванъ бѫдеши на бракъ · нє сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ... нъ егда зъванъ бѫдеши · шьдъ сѧди на послѣдьниимь мѣстѣ** [='Когда будешь приглашен на свадьбу, не садись (сам) на почетное место... *Но,* когда будешь приглашен, придя, сядь на последнее место'] (Сав. кн., *Л.*, XIV); при соединении противопоставляемых однородных членов: **нѣстъ оумрьла · нъ спитъ** [='(Девушка) не умерла, *а* спит'] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, VIII).

да первоначально было частицей со значением 'так, конечно'; это значение до сих пор сохраняет русское и болгарское утверждение **да** (например, русск.: ***Да,*** *я знаю это*). В старославянских текстах **да** — едва ли не самый употребительный союз (после **и**). Иногда **да** можно встретить со значением противопоставления и со свойственным частицам экспрессивным оттенком: **нє дѣсѧть ли ицѣстишѧ сѧ · да девѧть како нє обрѣтѫ сѧ** [='Не десятеро ли очистились; *а вот (да только)* девятеро не нашлись!'] (Зогр., Мар.,

Ас. ев., *Л.*, XVII; в Остромировом евангелии вместо **да** употреблен союз **а**). Значительно шире союз-частица **да** употребляется с формами настоящего или будущего времени, выражая волеизъявление, желание, приказ: **повелѣ господь его да продадѧтъ и...** [='Его господин приказал, *чтобы* его продали'] (Ас. ев., *Мт.*, XVIII; дословно: 'Его господин приказал: *пусть продадут его*!'); **рьци братроу моемоу да раздѣлитъ...** [='Скажи моему брату: *пусть разделит*! (имущество)'] (там же, *Л.*, XII). Иногда для выражения тех же отношений союз-частица **да** употреблялся с сослагательным наклонением: **молѣаше же и единъ отъ фарисѣи да би ѣлъ съ нимъ** [='Один же из фарисеев просил его, *чтобы* он ел с ним'] (Мар. ев., *Л.*, VII; дословно: '...*пусть бы* он *ел* с ним'). Нетрудно заметить, что во всех случаях **да** обнаруживает значение желательности (в соответствии с русским *пусть*), которое иногда становилось основным — при употреблении **да** в независимом предложении, где конструкция с **да** соответствовала формам повелительного наклонения: **да ститъ сѧ имѧ твое · да придетъ цр҃ствие твое...** [='*Пусть* будет свято имя твое. *Пусть* наступит царствие твое...'] (Зогр. ев., *Мт.*, VI); **да събѫдетъ сѧ реченое пророкомъ · ісаиемь...** [='*Да* сбудется сказанное пророком Исайей!'] (Мар. ев., *Мт.*, VIII). В некоторых зависимых предложениях оттенка желательности уже не было и союз **да** выступал в собственно соединительной функции со значением цели: **се изиде сѣꙑи да сѣетъ** [='Вот вышел сеятель, *чтобы* сеять'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XIII — здесь явно выражены целевые отношения, которые в тех же памятниках в другом месте переданы супином: **изиде сѣꙗи сѣатъ** — *Л.*, VIII).

§ 319. Наиболее распространенными частицами в памятниках письменности являются **бо, же, ли, не**, причем первые три постоянно использовались и как средство соединения предложений.

бо занимала позицию после первого знаменательного слова в предложении и употреблялась для выражения причинных отношений между предложениями: **ничесо же не обрѣте на неи тъкмо листвие · не бѣ бо врѣмѧ смокъвамъ** [='(Он) ничего не нашел на ней (т. е. на смоковнице), кроме листьев, *так как* не время было плодам'] (Мар. ев., *Мр.*, XI; дословно: '*ведь* не время было плодам'); ср. еще: **не осѫждаите да не осѫждени бѫдете · імъ же бо сѫдомъ сѫдите сѫдѧтъ вамъ** [='Не осуждайте, и не будете судимы (т. е. 'чтобы не быть судимыми'); *ведь* каким судом судите, таким и вас судят'] (Мар. ев., *Мт.*, VII).

Частица **бо** соединялась с другими частицами и использовалась вместе с ними для выражения различных отношений между предложениями или выделения отдельных членов: **ибо** (откуда ц-сл. причинный союз *ибо* — 'так как, потому что'): **...ибо и пси ѣдѧтъ** [='*Но ведь* и собаки едят!'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XV); **оубо** (использовалось для выделения): **чьто оубо си сѫтъ** [='Что *же* это такое?'] (Остр. ев., *Л.*, XV): **не пьцѣте сѧ оубо** [='Не заботьтесь *же*'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, VI).

же — самая распространенная частица, использовавшаяся для соединения предложений со значением противопоставления и для выделения какого-либо члена предложения: **послѣдь же посъла къ нимъ сынъ свои** [='Наконец (он) послал к ним своего сына'] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **по приключаю же иереі єдинъ · идѣше пѫтьмь тѣмь** [='По случаю *же* некий иерей шел той дорогой'] (Сав. кн., *Л.*, X) и т. д. Значение частицы **же** как средства соединения предложений ясно обнаруживается в тех случаях, где она употреблена параллельно **а: ова оубо падѫ при пѫти... дроугаа же падѫ на каменеихъ... а дроугаа падѫ въ тръниі... дроугаа же падѫ на земи добрѣ** [='Некоторые (семена) упали при дороге... Другие *же* упали на каменистую почву... А иные упали среди терновника... Иные *же* упали на добрую почву'] (Мар. ев., *Мт.*, XIII).

Частица **же** очень широко использовалась для усиления наречий, местоимений, союзов и других частиц, образуя вместе с ними новые служебные слова. Так, с **да** образована частица **даже** (ср. русск. *даже*), с частицей **не** — **неже** или **нежели** — 'чем' (ср. русск. ц-сл. *нежели*) и др.; как средство усиления отдельных знаменательных слов частица **же** особенно широко соединялась с отрицательными наречиями и местоимениями: **никъде же, никамо же, никогда же, никъто же, ничьто же.**

ли — вопросительная частица: **ты ли еси цр҃ь июдѣскъ** [= 'Ты ли царь Иудейский'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVII). Могла соединяться с другими частицами и союзами. Так, **ли**, присоединяясь к **а**, усиливала противопоставление, придавая ему вопросительный оттенок (об **али** см. выше, в § 318); соединяясь с союзом **и**, частица **ли** придавала ему значение разделительного союза (ср. русск. *или*): **вараввѫ ли іли иса** [='Варавву *или* Иисуса?'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Мт.*, XXVII); **достоино ли естъ дати кинъсъ кесареви или ни** [='Надлежит ли платить подать кесарю *или* нет?' (там же, *Мт.*, XXII).Частица **ли** могла усиливать и ряд других союзов (см. ниже).

не — основная отрицательная частица: **не осѫждаите да не осѫждени бѫдете** [='Не осуждайте, чтобы не быть судимыми'] (Мар. ев., *Мт.*, VII). В соединении с **же** частица **не** получала значение союза, использовавшегося при противопоставлении, сравнении: **сидоноу отърадьнѣе бѫдетъ... неже вама** [='Сидону лучше будет, *чем* вам'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XI); при отсутствии формы сравнительной степени: **радость бѫдетъ на небесе о единомь грѣшьницѣ каѭшти сѧ неже о девѧти десѧтъ і о девѧти правьдьникъ** [='Радоваться будут на небесах одному раскаявшемуся грешнику (больше), *чем* 99-ти праведникам'] (там же., *Л.*, XV); то же значение сравнения могло выражаться и соединением трех частиц — **нежели**. Значение предположительности могло выражаться соединением **не** с **къ** или **гъ** (из **го**) и **ли**, т. е. **некъли** или **негъли: посл'ѭ сынъ мо і възл'юбленъі · некъли сего оусрамл'ѣѭтъ сѧ** [='Пошлю своего возлюбленного сына: *может быть,* его постыдятся'] (Зогр. ев., *Л.*, XX; в Мар. ев. здесь **негъли**).

§ 320. Некоторые старославянские союзы и частицы представляли славянские новообразования, хотя и достаточно древние, нередко восходящие к праславянской эпохе. Таковы условные союзы **аште** и **еда**.

аште (иногда **ꙗште**) функционирует как условный союз при сослагательном или изъявительном наклонении: **а ш т е би былъ прръ · вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена** [= 'Если бы (он) был пророком, то знал бы, что это за женщина'] (М а р. е в., *Л.*, VII); **а ш т е просиши дамь ти** [= 'Если попросишь, (я) дам тебе'] (т а м ж е, *Мр.*, VI). **Аште** могло распространяться другими частицами-союзами, которые придавали различные оттенки значения: **аште да** — усиленная обусловленность ('пусть же если'); **аште ли** — одно из возможных условий, противопоставленное другому (например: **а ш т е не творѭ дѣлъ о҃ца моего · не емлѣте ми вѣры · а ш т е л и творѭ... дѣломъ моимъ вѣрѫ имѣте** [= 'Если я не совершу чудес отца моего, не верьте мне; *если же* совершу, то поверьте моим делам'] — З о г р., М а р. е в., *Ин.*, X).

еда, или **ꙗда**,— частица, которая могла выполнять функцию условного союза с оттенком неуверенности или предостережения; обычно употреблялась в связи с отрицанием: **онъ же рече ни · е д а въстрьгаѭште плѣвелъ · въстрьгнете коупьно съ н҆имь ї пьшеницѫ** [= 'Он же ответил: — Нет! *Если* будете пропалывать сорняк, вместе с ним вырвете и пшеницу'] (З о г р., М а р. е в., *Мт.*, XIII; (**не сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ.) е д а кто чьстьнѣи тебе бѫдетъ зъванъıхъ · и пришьдъ зъвавъı тѧ и оного · речетъ ти даждь семоу мѣсто** [= '⟨Не садись на почетное место.⟩ *Если* кто-либо из приглашенных будет знатнее тебя, то, подойдя, звавший тебя и его скажет тебе: — Уступи этому место!'] (С а в. к н., *Л.*, XIV).

§ 321. Функции пояснительных союзов или союзных слов обычно выполняли н а р е ч и я **ꙗко, кгда, иде** (или **иждє**), **кли, кльма, коли, прѣжде, любо** и др.

Наиболее широко использовалось в качестве средства соединения предложений наречие образа действия **ꙗко** (в глаголических памятниках **ѣко**), которое употреблялось для выражения самых различных обстоятельственных значений: о б р а з а д е й с т в и я: **не подобааше ли и тебѣ помиловати клеврѣта твоего ѣ к о и азъ тѧ помиловахъ** [= 'Не следовало ли и тебе простить своего товарища, *как* я простил тебя'] (А с. е в., *Мт.*, XVIII); п р и ч и н ы: **грѧдѣте · ѣко оуже готова сѫтъ вьсѣ** [= 'Приходите, *потому что* все уже приготовлено'] (М а р. е в., *Л.*, XIV); у с л о в и я: **чьто сътворѭ · ѣ к о господь мoi отъемлетъ строенье домоу отъ мене** [= 'Что буду делать, *если* мой хозяин отстранит меня от управления хозяйством?'] (З о г р. е в., *Л.*, XVI); с л е д с т в и я: **і се трѫсъ великъ бъıстъ въ мори · ѣко покръıвати сѧ кораблю влънами** [= 'И вот случилась в море сильная буря, *так что* лодку стало покрывать волнами'] (М а р. е в., *Мт.*, VIII) и т. д., в том числе и и з ъ я с н и т е л ь н ы е: **і оувѣдѣвъши ѣ к о възлежитъ · въ храминѣ фарисѣовѣ...** [= 'И, узнав, *что* (он) лежит в доме фарисея...'] (т а м ж е, *Л.*, VII).

Наречие кгда использовалось для выражения временных отношений, нередко с оттенком причины или условия (в связи с последовательностью событий во времени): ı егда сѣꙗше · ово паде при пѫти [='И *когда* (он) сеял, некоторые (семена) упали при дороге'] (Зогр., ев., *Л.*, VIII), єгда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ [='*Когда* будешь приглашен на свадебный пир, не садись на почетное место'] (Сав. кн., *Л.*, XIV) — поскольку это совет, то временные отношения одновременно заключают в себе и условие: '*Если* ты будешь приглашен...' Когда необходимо было подчеркнуть, что поясняемое действие (или состояние) целиком укладывается в указанный период времени, кгда осложнялось приставкой въ(н) (т. е. **vъn-jegda*): вънегда възывахъ оуслышѧ мѧ [='*В то время, когда* я звал, меня услышали'] (Син. пс.); вместе с тем ощущается и причинная зависимость: '*Так как* я звал...'

Временные, причинные и условные отношения могли также выражаться наречиями иде (или иждe), кьмa, кли, коли, прѣжде (обычно в соединении с даже) и др. Например: даждъ ми въ заимъ три хлѣбы · ıде дроугъ ми приде съ пѫти къ мьнѣ [='Дай мне взаймы три хлеба, *так как* ко мне зашел мой друг'] (Мар. ев., *Л.*, XI); кьма гнъ мои не вѣстъ... како могѫ азъ сътворити [='*Если* господин мой не знает, то как я могу сделать (это)'] (Супр. рук.); прѣжде даже кокотъ не възгласитъ дъва краты · отъвръжеши сѧ мене три краты [='*Прежде чем* петух пропоет дважды, (ты) трижды отречешься от меня'] (Мар. ев., *Л.*, XIV) и т. п.

В качестве частицы любо (из наречия, образованного от прилагательного люб-ъ) могла придавать местоимениям и наречиям значение неопределенности: кыи любо ('какой-либо'), къто любо ('кто-либо'), какъ любо ('как-либо') и т. д. (ср. русск. частицу *либо*). Вместе с тем любо могло использоваться и в функции союза для указания на одну из нескольких возможностей: любо въ въторѫѭ любо въ третиѭ стражѫ придетъ [='*Либо* во втором, *либо* в третьем часу (ночи) придет'] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XII). Значение неопределенности выбора одной из возможностей обусловливало довольно частое употребление частицы ли при любо: любо ли; в результате контаминации любо с ли образовался союз-частица либо, известный и русскому языку.

§ 322. Частицы и союзы для выражения оттенков отношений в старославянском языке могли употребляться с предлогами (подобно вън'егда — см. § 296). Так, иде, когда указывало на время действия, с предлогом до получало значение 'до этого (времени), до тех пор пока', употребляясь обычно с частицей же: доиденже или дон'ьдеже (из **do-n-jьde*); с различными предлогами (нередко также и с частицей же) мог употребляться и происходящий из наречия союз кли: донелиже (из **do-n-jeli*) — 'до этого (момента), до тех пор пока' и отънелиже (из **otъ-n-jeli*) — 'от того (момента), с тех пор как'; например: господь его прѣдастъ и мѫчителемъ ·

доньдеже въ(з)дастъ длъгъ весь [='Его хозяин передал его тюремщикам, *до тех пор пока* (он) не отдаст всего долга'] (Ас. ев., *Мт.*, XVIII); **донелиже · ѥстъ годъ приимѣмъ съпасениѥ свое** [='*Пока* есть время (*до тех пор пока* есть время), давайте получим свое спасение'] (Супр. рук.); **отънели вьнидъ не прѣста облобꙑзаѭшти ногоу моѥю** [='*С тех пор как* (я) вошел, (она) не переставала целовать мои ноги'] (Мар., Ас. ев., *Л.*, VII; в Зогр. ев. **отънелиже**).

В функции причинного союза могло употребляться и местоимение **ѥ** (в форме вин. падежа ед. числа среднего рода) с предлогами **по** и **за** (нередко также с частицей **же**): **понеже** (из **po-n-je*) или **занеже** (из **za-n-je*) — 'поскольку, потому что' (это значение развилось из значения следования во времени, свойственного предлогам **по** и **за** с вин. падежом,— см. § 314; ср. причинное значение предлога *за* в русском языке: *наградили **за** хорошую работу*): **весь длъгъ твои отъпоустихъ тебѣ · понеже оумоли мѧ** [='Весь твой долг я простил тебе, *поскольку* (ты) упросил меня'] (Ас. ев., *Мт.*, XVIII; первоначальное значение: '*после того как* ты упросил меня'); **і абие прозѧбошѧ зан'е не імѣаше глѫбинꙑземл'ѣ · слъньцю въсиѣвъшю присвѧдѫ · (і) зане не імѣахѫ корениѣ (і) исъхошѧ** [='И тотчас проросли (семена), *поскольку* земля была неглубокой; когда же пригрело солнце, завяли и, *так как* не имели корней, засохли'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XIII).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 311—322

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 258 (с. 397—408).

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, § 551—564 (с. 387—392).

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 323. Как язык переводов с греческого — индоевропейского языка синтетического типа,— старославянский язык сохранял основные типы связей слов, свойственные языкам с хорошо развитыми системами именных флексий,— согласование и управление. Морфологическое оформление этих связей обусловливало свободный порядок слов, который не имел грамматического значения и использовался как средство выразительности или актуализации — как способ выделения члена, несущего, в соответствии с частным коммуникативным заданием, основную смысловую нагрузку. Вне этих условий в старославянском предложении подлежащее обычно занимало место впереди сказуемого, а слова, поясняющие главные члены, нормально следовали после господствующего слова.

Примером свободного расположения членов предложения может служить употребление согласованных определений, которые, как правило, были постпозитивными: **послѣдь же посъла къ нимъ сынъ свои глаголѧ · ѹсрамлѣѭтъ сѧ сына моего** [= 'Наконец (он) послал к ним сына *своего,* говоря: — Постыдятся сына *моего*'] (Мар. ев., *Мт.,* XXI); **чл҃вкъ единъ сътвори вечерѭ велиѭ** [= 'Человек *некий* устроил ужин *большой*'] (там же, *Л.,* XIV); **ѹподоблѭ ѥго мѫжеви мѫдроу · иже створи храмъ свои на камене** [= 'Я уподоблю его человеку *разумному,* который построил дом *свой* на камне'] (Сав. кн., *Мт.*, VII) и т. д. Вместе с тем согласованное определение нередко оказывается впереди определяемого слова: **виноградъ прѣдастъ инѣмъ дѣлателемъ** [= '(Он) отдаст виноградник *иным* работникам'] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **створи своѭ храминѫ на пѣсцѣ** [= '(Он) построил *свой* дом на песке'] (Сав. кн., *Мт.*, VII); **не сѧди на прѣдьнимь мѣстѣ** [= 'Не садись на *почетное* место'] (там же, *Л.,* XIV) и т. д.— препозитивное употребление определения вызвано необходимостью подчеркнуть важность данного признака в описываемых обстоятельствах.

СВЯЗИ СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ

§ 324. Согласование характеризовало связи прилагательного, местоимения, причастия с существительным в качестве господствующего слова, когда зависимое имя получало форму того же рода, числа и падежа, что и главное: **оуподоблѫ его мѫжеви мѫдроу** [= '(Я) уподоблю его *умному* человеку'] (Сав. кн., *М.*, VII) — прилагательное **мѫдроу** употреблено в форме муж. рода, ед. числа, дат. падежа, так как согласовано с существительным **мѫжеви; посъла рабъ свои** [= '(Он) послал *своего* раба'] (Мар. ев., *Л.*, XIV) — местоимение **свои** согласовано с прямым дополнением **рабъ** и поэтому употреблено в форме муж. рода, ед. числа, вин. падежа; **і пристѫпи къ н'емоу една рабын'и глѭшти** [= 'И подошла к нему одна рабыня, говоря...', дословно *«говорящая»*] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI) — причастие **глаголѭшти** (как и **една**) согласовано с существительным **рабын'и** в форме жен. рода, ед. числа, имен. падежа.

§ 325. Специальных замечаний требуют формы согласуемых слов при существительных типа **слоуга, старѣишина, сѫдии** и под. Если в единственном числе согласуемые слова при таких существительных последовательно употреблялись с окончаниями мужского рода (**слоуга мои** — Зогр., Мар., Ас. ев., *Ин.*, XII; **старѣишина жьрьчьскъ** — Супр. рук. и т. д.), чему, видимо, способствовало осознание реального пола обозначавшихся этими словами лиц, то во множественном числе, когда указывалось на совокупность лиц и при этом мысль о реальном поле каждого из входящих в это множество отсутствовала, согласуемые слова обычно употреблялись при этих же именах с окончаниями множественного числа женского рода. Например, во всех списках евангелия (Зогр., Мар., Ас. ев. и Сав. кн.) читаем: **слоугы... моѩ** (им. п.) — как **жены моѩ** (*Ин.*, XVIII) — вместо ожидаемого **слоугы мои; старѣишинамъ галилѣискамъ** (*Мр.*, VI) — вместо ожидаемого **галилѣискомъ**; ср. в двойст. числе: **слоузѣ сотонинѣ** (Супр. рук.) — вместо ожидаемого **сотонина**. Но возможны и формы муж. рода: **правьдиви сѫдиѩ** (Супр. рук.).

§ 326. Особый случай согласования представляет связь глагола, являющегося сказуемым, с именем, выступающим в роли подлежащего, поскольку в этом случае возможно лишь согласование в числе: **ч҃кь етеръ съхождааше** (Ас. ев., *Л.*, X) — **съхождааше** в форме ед. числа, так как связано с подлежащим **чловѣкъ; придѫ рѣкы** (Сав. кн., *Мт.*, VII) — **придѫ** в форме множ. числа, так как связано с подлежащим **рѣкы**.

В том случае, если сказуемое выражалось сложной глагольной формой, в состав которой входило причастное образование с суффиксом **-л-**, наблюдалось согласование не только в числе, но

и в роде: **съ аште би бълъ пр҃къ · вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена** [='Если бы он («этот») *был* пророком, то *знал* бы, что это за женщина'] (Мар. ев., *Л.*, VII) — в сослагательном наклонении причастия **бълъ** и **вѣдѣлъ**, согласуясь с подлежащим **съ** (т. е. **сь** 'этот'), употреблены в форме муж. рода ед. числа.

§ 327. В старославянском языке именная часть сказуемого употреблялась в именительном падеже, т. е. была согласована с подлежащим: **блаженꙑи григории... цръноризъцъ бѣ въ манастꙑри свѧтааго апостола аньдреа** ['Блаженный Григорий был *чернорицем* в монастыре св. апостола Андрея'] (Супр. рук.); **вѣ во противьнъ вѣтръ** ['Ветер же был *встречным*'] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV); **съ аште би бълъ пр҃къ· вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена прикасаатъ сѧ емь. ѣко грешъница естъ** ['Если бы он был *пророком*, то знал бы, что за женщина прикасается к нему: ведь она является *грешницей*'] (Мар. ев., *Л.*, VII). Такую форму именной части сказуемого принято называть именительным предикативным.

§ 328. Иногда особо выделяют именительный падеж при глаголах называния **нарещи, нарицати, прозъвати** и т. п. (а также при соответствующих причастиях): **и тꙑ... пророкъ вишьнꙗаго нареѵеши сѧ** ['И ты назовешься *пророком* всевышнего'] (Остр. ев., *Л.*, I); **не нарицаите сѧ наставници** ['Не называйте себя *наставниками*'] (Мар. ев., *Мт.*, XXIII); **пришъдъше воіни на мѣсто рекомоѥ голъгафа. ѥже нарицаѥтъ сѧ краниѥво мѣсто...** ['Воины пришли к месту, именуемому *Голгофой*, которое еще называется Краниевым *местом*'] (Сав. кн., *Мт.*, XXVII). Именительный падеж при подобных глаголах принято называть вторым именительным («первым» является именительный падеж подлежащего).

§ 329. В тех случаях, когда грамматическая форма и значение господствующих слов оказывались в необычном соответствии, в старославянском языке были возможны колебания при согласовании в числе. Так, определение и сказуемое при двух или более подлежащих, из которых хотя бы одно употреблено в форме ед. или дв. числа, обычно согласовывались с ближайшим господствующим словом: **іде же бо есте дъва ли трье събрани...** ['Где же собраны двое или трое'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Мт.*, XVIII) — связка, стоящая перед **дъва**, употреблена в форме двойств. числа, а причастие, находящееся после **трье**,— в форме множ. числа; **приде исоусъ і оученици его** ['Пришли (дословно: *пришел*) Иисус и его ученики'] (там же, *Ин.*, III) — глагол в форме ед. числа, так как согласован с первым существительным. Однако в отдельных случаях памятники отражают согласование «по смыслу»: представление о реальной численности предметов (или лиц), обозначенных господствующими словами, влияет на форму зависимого слова: **бѣ иосифъ и мати его ѵюдѧшта сѧ** [дословно: ='Был Иосиф и его мать удивлены']

(Зогр., Мар. ев., *Л.,* II) — связка, предшествующая первому имени, употреблена в ед. числе, а причастие, следующее за вторым именем, употреблено в форме двойств. числа (ибо лиц двое).

§ **330**. Второй случай колебания относится к согласованию с собирательными существительными. Собирательное имя по природе своей противоречиво: обозначая множество, оно грамматически характеризуется формой единственного числа. Эта противоречивость и вызывает колебания при согласовании с ним определения и сказуемого.

При собирательных именах, обозначавших предметы, зависимые слова обычно употреблялись в ед. числе, т. е. в соответствии с формой собирательного имени: **и възиде трьние и подави ѣ** [='И разросся терновник и заглушил их (всходы культурных семян)'] (Мар. ев., *Мт.*, XIII) — при собирательном существительном **трьние** сказуемые **възиде** и **подави** употреблены в форме ед. числа. Однако при собирательных именах, обозначавших множество лиц, зависимые слова обычно употреблялись в форме множественного числа: **і се весь градъ ізиде противѫ ісоусови і видѣвъше** и **молишѧ...** (Зогр. ев., *Мт.*, VIII) — здесь в ед. числе употреблено лишь ближайшее сказуемое **изиде**, в то время как причастие и второе сказуемое поставлены в форме множ. числа [='И вот весь город вышел навстречу Иисусу и, увидев (дословно *увидевшие*) его, *просили*...']; в списке Мар. ев. в этом же месте ближайший глагол также поставлен во множ. числе: **весь градъ изидѫ...** [='Весь город вышли...']. Ср. еще в тех же памятниках: **мъногъ народъ отъ галилеѧ по немь идошѧ** [='Много народа *пошли* за ним из Галилеи'] (*Мр.,* III); **и весь народъ дивлѣхѫ сѧ** [='И весь народ *дивились*'] (*Мр.,* XI).

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

§ **331**. Управление — тип связи, характеризующий зависимость имени существительного (или другого имени, но всегда в значении существительного) от глагола, а также от другого имени. Различают беспредложное и предложное управление; при этом, как показывают исследования, для индоевропейских языков беспредложное управление является первичным. Праславянский язык, сохранявший почти все различия индоевропейских падежей, в значительной степени сохранял и беспредложные конструкции, где связь управляемого слова с управляющим выражалась только падежным окончанием. Вместе с тем уже в праславянском языке начали развиваться предложные конструкции, т. е. такие, в которых связь управляемого имени с управляющим словом осуществляется посредством предлога, уточняющего и осложняющего прежнее значение падежа. Старославянский язык, унаследовав из праславянского ряд предложных конструкций, продолжал развивать их, особенно в области выражения пространственных отношений.

§ 332. Достаточно широко представлено в старейших славянских памятниках варьирование беспредложных и предложных конструкций при выражении пространственных отношений.

Вполне обычен в старославянском языке беспредложный дат. падеж при глаголах движения, указывающий на направление: **і шедъши домови обрѣте отроковицѫ лежѧщѫ на одрѣ** [='И, подойдя *к дому,* (она) нашла девушку лежащей на постели'] (Мар. ев., *Мр.,* VII), **се цр҃ь твои грѧдетъ тебѣ** [='Вот царь твой едет *к тебе*'] (там же, *Мт.,* XXI), **и потъкѫ сѧ храминѣ тои** [='И устремились (воды и ветры) к тому дому'] (Сав. кн., *Мт.,* VII). Но уже достаточно широко используется в таких случаях и дат. падеж с предлогом: **повели ми прити къ тебѣ** [='Вели мне прийти *к тебе*'] (Зогр. ев., *Мт.,* XIV), **ідѣте въ градъ к етерꙋ** [='идите в город *к некоему* (человеку)'] (там же, *Мт.,* XXVI), **приближи сѧ... къ горѣ елеоньсцѣ** [='Подошел (он) к горе Елеонской'] (Мар. ев., *Мр.,* XI).

То же и в конструкциях с род. падежом при глаголах перемещения в пространстве: беспредложным конструкциям типа **монастыра отъшъдъша** ['отойдя *от монастыря*'], **възврати сѧ не дошъдъ рѣкы** ['возвратился, не дойдя *до реки*'] (оба примера из Супр. рук.) и под. противостоят более многочисленные конструкции с предлогами: **отъстѫпите отъ мене** ['отойдите *от меня*'] (Мар. ев., *Л.,* XIII), **извѣсѧ вонъ из винограда** ['вывели вон *из виноградника*'] (там же, *Мт.,* XXI), **доити до ефрата** ['дойти *до* Евфрата'] (Супр. рук.; но ср. здесь же: **дотекъ стааго** ['дойдя до святого']) и т. п.

§ 333. Предложные конструкции распространяются на управление дат. и род. падежами также и с другими значениями. Так, дат. падеж обращения обычен без предлога: **стоꙗштеі рѣшѧ петрови** [='Стоящие сказали Петру'] (Зогр. ев., *Мт.,* XXVI), **господинъ домꙋ рече рабꙋ своемꙋ** [='Хозяин дома сказал своему *рабу*'] (Мар. ев., *Л.,* XIV), **посъла дъва отъ ꙋченикъ своихъ і гл҃а има...** [='Послал (он) двоих из своих учеников и сказал *им*...'] (там же, *Мр.,* XI); но нередки и конструкции с предлогом **къ**: **пристѫпишѧ ꙋченици кы і҃сꙋ · гл҃ѭште къ н'емꙋ** [='Подошли к Иисусу ученики, говоря *ему*'] (Зогр. ев., *Мт.,* XXVI), **пакы начѧтъ гл҃ати къ стоѧштиимъ** [='(Она) опять начала говорить *стоящим*...'] (Мар. ев., *Мр.,* XIV), **рече къ немꙋ** ['сказал *ему*'] (Ас. ев., *Л.,* X), **глагола къ н'емꙋ блаженъи** [='Сказал *ему* святой'] (Супр. рук.).

Те же колебания обнаруживаются и в формах род. падежа при глаголах, обозначающих проявление каких-либо чувств, переживаний: **ожидаѭштиимъ прихода твоѥго** ['ожидающим твоего *прихода*'] (Супр. рук.), **і трѣбꙋѭштѧѩ ицѣлениѣ цѣлѣаше** [='И (он) исцелял требующих исцеления'] (Мар. ев., *Л.,* IX), **і б҃а ꙋбоѩтъ сѧ** [='И побоятся (они) бога'] (Сб. Кл.); но ср.: **не ꙋбоите сѧ отъ ꙋбиваѭштиихъ тѣло... ꙋбоите сѧ имѫштааго власть** [='Не бойтесь убийц — бойтесь искусителя (имеющего власть над вами)'] (Мар. ев., *Л.,* XII), **ꙋжасъше сѧ отъ бывъшааго крича и вьплѣ** [='ужаснувшись случившегося *крика и вопля*'] (Супр. рук.).

§ 334. При указании на местонахождение в пространстве случаи с беспредложным местн. падежом в сохранившихся текстах довольно редки: **стаго оца нашго ѳеодора архиеппа цриградѣ** ['св. отца нашего архиепископа Федора *в Царьграде*'], **съконьча сты нисиї оусоровѣ своѥи кмоу вьси** [='Скончался св. Нисий *в Усорове*, своей родной деревне'] (оба примера из Супр. рук.); ср. еще онареченные формы: **сѫштоу петрови низоу на дворѣ · приде ѥдина отъ рабынь** [='Когда Петр был *внизу*, на дворе, (к нему) подошла одна из рабынь'] (Мар. ев., *Мр.*, XIV). Шире распространен предложный местн. падеж со значением места: **възлежитъ · въ храминѣ фарисѣовѣ** [='(Он) возлежит в доме фарисея'] (Мар. ев., *Л.*, VII), **рождьшю сѧ въ віѳлеоми июд'еистѣмь** ['...родившемуся *в Вифлееме* Иудейском'] (Ас. ев., *Мт.*, II), **на одрѣ лежѧщъ** ['лежащий *на постели*'] (Мар. ев., *Мт.*, IX) и под.

Чаще используются беспредложные конструкции с вин. и местн. падежами при локализации событий во времени; с вин. п.: **ютро же възвраштъ сѧ въ градъ възалка** [='*Утром* же, возвратившись в город, (он) захотел есть'] (Мар. ев., *Мт.*, XXI), **не вѣсте бо когда гь домоу придетъ · вечеръ ли... ли ютро** [='Ведь не знаете, когда вернется хозяин дома: *вечером* или *утром*'] (там же, *Мр.*, XIII), **і оубиѭтъ і и трети день въстанетъ** [='И убьют его, и (он) *на третий день* воскреснет'] (там же, *Мт.*, XVII); ср. с предлогами **въ** и **на: достоитъ ли въ соботѫ добро творити** [='Должно ли *в субботу* делать полезные дела?'] (Мар. ев., *Мр.*, III), **въ ѥдинѫѭ же на десѧте годинѫ ишедъ · обрѣте дроугыѩ** [='Выйдя же *в одиннадцать часов,* (он) нашел других (работников)'] (там же, *Мт.*, XX), **възвратѧтъ сѧ на вечеръ и възлачѫтъ** [='Возвратятся *вечером* и захотят есть'] (Син. пс.); при указании на весь указанный именем период времени использовался предлог **об (о): и бѣ об ношть въ молитвѣ** [='И *всю ночь* провел в молитвах'] (Мар. ев., *Л.*, VI).

То же с местн. падежом: **полоуношти же въпль бысть** [= '*В полночь* же раздался крик'] (Мар. ев., *Мт.*, XV), **не вѣсте бо къгда гь домоу придетъ · вечеръ ли · ли полоуношти** [='Не знаете ведь, когда вернется хозяин дома: *вечером* или *в полночь*'] (Зогр. ев., *Мр.*, XIII; ср. в Мар. ев.: **вь полоуношти**); **а оутрѣ въ огнь вьметомо бѫдетъ** [='А *утром* будет брошено в огонь'] (Мар. ев., *Мт.*, VI), **ї исцѣлѣ отрокъ томь часѣ** [='И (он) тотчас *(в том же часу)* вылечил ребенка'] (там же, *Мт.*, XVII). С предлогами местн. падеж при указании на время встречается еще довольно редко: **въ дьнехъ мнозѣхъ** ['в течение многих дней'] (там же, *Л.*, II), **дъшти моѣ на коньчинѣ ѥстъ** [='Дочь моя *при смерти*'] (там же, *Мр.*, V), **при вечерѣ** ['вечером'] (там же, *Л.*, XXIV), **при четврътѣі стражи ноштьнѣи** ['в четвертом часу ночи'] (Зогр. ев., *Мр.*, VI; ср. там же в *Мт.*, XIV конструкцию с вин. падежом: **въ четврътѫѭ стражѫ ношти**).

§ 335. Предложное управление распространяется и на приименные конструкции с род. падежом, указывающим на множество, из которого выделяется некоторая часть (так называемый «родительный разделительный»), где более ранняя традиция отражает беспредложное управление: **погыбнетъ единъ оудъ твоихъ** [= 'Погибнет один *из твоих членов*'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, V), **единѫ же соботъ** ['в одну *из суббот*'] (там же, *Ин.*, XX), **посъла дъва оученикъ своихъ** [= 'Послал (он) двоих из своих учеников'] (Мар. ев., *Л.*, XIX), **їже васъ без грѣха** [= 'Кто же *из вас* не грешен?'] (там же, *Ин.*, VIII), **еда кто чьстьнѣи тебе бѫдетъ зъваныхъ** [= 'Ведь кто-то *из приглашенных* будет знатнее тебя'] (Сав. кн., *Л.*, XIV). Эти конструкции варьируются в тех же памятниках с предложными:: **единъ отъ васъ прѣдасть мѧ** [= 'Один *из вас* предал меня'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI), **приде едина отъ рабынь архиереовъ** [= 'Подошла одна *из архиереевых рабынь*'] (Мар. ев., *Мр.*, XIV), **посъла дъва отъ оученикъ своихъ** [= 'Послал (он) двоих *из своих учеников*'] (там же, *Мр.*, XI), **і се едини отъ кънижъникъ рѣшѧ въ себѣ...** [= 'И вот некоторые *из книжников* подумали...'] (там же, *Мт.*, IX).

КОНСТРУКЦИИ С «ДВОЙНЫМИ ПАДЕЖАМИ»

§ 336. Своеобразной особенностью старославянского синтаксиса были конструкции с косвенными падежами, находившимися в двойной зависимости. Такие конструкции употреблялись при глаголах, указывавших на переход лица или предмета в иное состояние. Сущность конструкций с двойной связью заключалась в том, что имя (существительное, прилагательное или причастие), указывавшее на состояние, в которое переводится лицо или предмет, согласовывалось в падеже с существительным (или замещавшим его словом), обозначавшим это лицо или предмет. Таким образом, раскрывая содержание действия, выраженного глаголом, имя одновременно связывалось и с объектом действия («первым» косвенным падежом).

§ 337. Наиболее распространены в текстах конструкции со «вторым винительным», характеризовавшим действие переходных глаголов и, следовательно, согласовывавшимся с прямым дополнением (последнее и принято называть «первым винительным», всю конструкцию — «двойным винительным»): **створѭ ва ловьца чловѣкомъ** [= 'Сделаю вас (обоих) *ловцами* людей (человеческих душ)'] (Зогр. ев., *Мт.*, IV) — переходный глагол **створѭ** имеет при себе прямое дополнение **ва** — в вин. падеже двойств. числа («первый винительный»); имя, раскрывающее содержание действия, употреблено также в вин. падеже двойств. числа (**ловьца** — «второй винительный»), т. е. согласовано в падеже с прямым дополнением. Точно так же: **да знаѭтъ тебе единого**

истинънаагꙍ б҃а [='Пусть только тебя одного считают истинным *богом*'] (Мар. ев., *Ин.*, XVII) — состояние (**бога**), приписываемое прямому объекту (**тебе** — «первый винительный»), обозначено также формой вин. падежа (**бога** — «второй винительный»).

Особенно широко представлен «второй винительный», выраженный прилагательными и причастиями: **обрѣте и съдравъ** [='(он) нашел его *здоровым*'] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **имѣи мѧ отърочъна** [='считай меня *отказавшимся*'] (там же, *Л.*, XIV); **оставльше и елѣ жива** [='Оставив его еле *живым*'] (Ас. ев., *Л.*, X); **обрѣте и... сѣдѧшть** [='Нашел его *сидящим*'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Л.*, II).

§ 338. Кроме конструкций со «вторым винительным», в памятниках встречаются также конструкции со «вторым родительным» и «вторым дательным». Сущность этих конструкций та же; различия же в форме «вторых» падежей определяются различиями формы дополнения (т. е. «первых» косвенных падежей).

Конструкция «двойного родительного» — это то же, что и «двойной винительный», но в отрицательном обороте, где прямое дополнение употреблялось в род. падеже: **ѹже не г҃лѭ васъ рабъ** [='уже не называю вас *рабами*'] (Мар. ев.).

Конструкция «двойного дательного» характеризовала предложения с инфинитивом **быти**, в которых название лица (или предмета), состояние которого должно быть изменено, выражено формой дат. падежа («первый дательный»): **дастъ имъ власть чѧдомъ божиемъ быти** [='(Он) дал им власть быть *детьми* божьими'] (Мар. ев., *Ин.*, I); **подобаатъ емоу . . . оубьеноу быти** [='Надлежит ему быть *убитым*'] (там же, *Мт.*, XVI); **подобаетъ емоу . . . искоушеноу быти** [='Надлежит ему быть *искушаемым*'] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XVII).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 323—339

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 116—129 (с. 201—227).

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, п. 524—531 (с. 370—376).

Правдин А. Б. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 25. М., 1958.

Правдин А. Б. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. «Ученые записки Института славяноведения», т. 13. М., 1956.

Творительный падеж в славянских языках /Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958.

Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М., 1961.

Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М., 1963.

Ходова К. И. Падежи с предлогами в старославянском языке (опыт семантической системы). М., 1971.

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ВЫРАЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО

§ 339. Для большинства старославянских предложений характерно отсутствие формально выраженного подлежащего. В одних случаях это определялось односоставным типом предложения (безличное, определенно- или неопределенно-личное — см. ниже), в других отсутствие словесно выраженного подлежащего следует рассматривать как признак неполноты предложения, которое по структуре своей является определенно-личным, двусоставным. Вот типичный пример[1]:

(1) чловѣкъ бѣ домовитъ · (2) iже насади виноградъ · i оплотомъ i огради · i iскопа вь немь точило · i созъда въ немь стлъпъ · i вдасты и дѣлателемъ · и отиде (3) егда же приближи сѧ врѣмѧ плодомъ · (4) посъла рабы своѩ · къ дѣлателемъ · приѩти плоды его · (5) емъше же дѣлателе рабы его ового бишѧ ового же оубишѧ. ового же камениемь побишѧ. (6) пакы посъла ины рабы · мъножѣишѧ пръвыхъ · (7) i сътворишѧ имъ то жде · (8) послѣдь же посъла къ нимъ сынъ свои глаголѧ · (9) оустрамлѣѭтъ сѧ сына моего · (10) дѣлателе же (11) егда оузьрѣшѧ сынъ · (10) рѣшѧ вь себѣ · (12) сь есть наслѣдъникъ · (13) придѣте (14) оубимъ i. i оудръжимъ достоѣние его · (15) i емъше и извѣсѧ вонъ из винограда i оубишѧ и · (Мар. ев., *Мт.*, XXI).

В этом отрывке, содержащем 15 простых предложений, имеется всего 6 словесно выраженных подлежащих; при этом из остальных 9 предложений только два являются односоставными определенно-личными (13 и 14), а безличных или неопределенно-личных предложений в отрывке нет. Главным действующим лицом этой евангельской притчи является хозяин виноградника, который упоминается лишь в самом начале рассказа; в дальнейшем при глагольных формах 3-го лица ед. числа, указывающих на то, что действующим является одно лицо, подлежащее отсутствует, если этим действующим лицом является все тот же хозяин виноградника (см. предложения 4, 6, 8). Другая группа активно действующих лиц — работники; после первого упоминания о них как субъекте действия в предложении 5 они упомянуты вновь лишь однажды, в предложении 10, когда рассказчик желает обратить внимание на то, до какой крайности они дошли в своем непокорстве; в остальных случаях при сказуемом в форме множ. числа подлежащее отсутствует (см. предложения 7, 9, 11, 15).

Отсутствие указания на подлежащее обычно в старославянских текстах даже в том случае, если субъект был упомянут ранее не в качестве активно действующего лица, но из контекста ясно, что в дальнейшем мог вмешиваться в события именно он. Так, в евангельской притче о блудном сыне читаем:

---

[1] Цифры в скобках поставлены перед каждым простым предложением, независимо от того, является ли оно самостоятельным или входит в состав сложного.

(1) иждивъшоу же емоу вьсѣ · бъі гладъ крѣпокъ на странѣ тои · (2) и тъ наУАТЪ лишати сѧ · (3) и шедъ прілѣпи сѧ едіномъ · ѿтъ жітель страны тоѩ · (4) и посъла и на села своѣ пастъ свиніи · (5) и желааше насытіті сѧ · ѿтъ рожець (6) ѩже ѣдѣахѫ свиниѩ · (7) и н і к т о же даѣаше емоу... (Ас. ев., *Л.*, XV).

В предложении 2 употреблено местоимение **тъ** в функции подлежащего (оно замещает слово **сынъ**); в следующих трех предложениях (3, 4 и 5), в которых сказуемые выражены формами 3-го лица ед. числа (следовательно, предполагают одно действующее лицо), подлежащие отсутствуют; но действующие лица здесь разные: в предложениях 3 и 5 это — герой рассказа (т. е. блудный сын), а в предложении 4 — тот самый *один из жителей*, к которому промотавшийся герой поступил в услужение. Ситуация такова, что после упоминания об *одном из жителей* читателю ясно, что только он мог послать голодающего блудного сына пасти свиней, точно так же как в дальнейшем только блудный сын (но не *один из жителей*!) мог иметь желание насытиться свиным кормом.

§ 340. В тех случаях, когда была необходимость в употреблении подлежащего, оно обычно выражалось именем существительным в имен. падеже или любой частью речи в значении существительного: **т ъ щ т а же симонова · лежааше огн'емь жегома** [='Симонова же *теща* лежала, сжигаемая огнем', т. е. 'в горячке'] (Зогр. ев., *Мр.*, I); **і т ъ наУАТЪ лішати сѧ** [='И он (дословно: *тот*) стал нуждаться'] (Ас. ев., *Л.*, XV); **оузърѣ и д р оу г а ѣ · і гла емоу ...** [='Увидела его *другая* и сказала ему...'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **и пришъдъ з ъ в а в ы тѧ и оного · речетъ ти** [='И, подойдя, *звавший* тебя и его скажет тебе...'] (Сав. кн., *Л.*, XIV). Во всех случаях подлежащее определяет форму 3-го лица сказуемого, типичную для повествования.

§ 341. В диалоге действие или состояние нередко приписывается говорящему (1-е лицо) или собеседнику (2-е лицо); в этих случаях подлежащее может быть выражено соответствующими личными местоимениями (ср. в русск.: ***Я** сдал экзамены, **Ты** выступишь на собрании, **Вы** бы завтра зашли ко мне*). Однако в старославянском языке функционирование личного местоимения в качестве подлежащего практически определялось его смысловой, логической нагрузкой.

Дело в том, что лицо в старославянском языке всегда выражалось формой сказуемого; в силу этого было обычным отсутствие личного местоимения в функции подлежащего в тех случаях, когда оно могло иметь только грамматическое значение: **не вѣмь уьто гл҃еши** [='*(Я)* не знаю, о чем *(ты)* говоришь'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI) — форма **вѣмь** указывает на 1-е лицо ед. числа, а форма **глаголеши** — на 2-е лицо ед. числа, поэтому в местоимениях **азъ** и **ты** нет необходимости; **колицѣмь длъжьнъ еси господиноу своемоу** [='Сколько *(ты)* должен своему хозяину?'] (Зогр. ев., *Л.*, XVI) — форма глагола-связки **еси**

указывает на 2-е лицо ед. числа, поэтому нет необходимости в употреблении местоимения **тъі**; **се колико лѣтъ работаѭ тебѣ и николи же заповѣди твоѥѩ не прѣстѫпихъ и мънѣ николи же не далъ ѥси козьлѧте · да съ дроугы моими · възвеселилъ сѧ бъіхъ** [='Вот уже сколько лет *(я)* работаю на тебя, и ни разу *(я)* не ослушался тебя; но *(ты)* ни разу не дал мне даже козленка, чтобы *(я)* повеселился со своими друзьями'] (Остр. ев., *Л.*, XV) — формы **прѣстѫпихъ** и **възвеселилъ сѧ бъіхъ**, как и **работаѭ**, указывают на 1-е лицо ед. числа, а форма **не далъ ѥси** — на 2-е лицо, в связи с чем нет необходимости в употреблении личных местоимений **азъ** и **тъі**.

§ 342. Личные местоимения в функции подлежащего употреблялись в тех случаях, когда говорящему (автору) было необходимо особо подчеркнуть действующее лицо, т. е. тогда, когда местоимение наделялось определенной смысловой нагрузкой.

Так, в евангельском рассказе об апостоле Петре, испугавшемся, что с ним поступят так же жестоко, как с Иисусом, и поэтому публично отрекшемся от своего учителя, одна из женщин, опознавшая Петра, говорит: **и тъі бѣ съ і͠сомь галилѣискъімь** [='И *ты* был с Иисусом Галилейским'] (Мар. ев., *Мт.*, XXVI); здесь употребление подлежащего **тъі** обусловлено необходимостью подчеркнуть, что именно этот человек (а не другой кто-то) был учеником судимого в тот момент Христа.

В притче о «милосердном самарянине» рассказывается о том, как прохожий, подобравший на дороге незнакомого ограбленного и израненного человека, привез его на постоялый двор и, уезжая, дал хозяину деньги на содержание пострадавшего, предупредив: **и аште что иждивеши · азъ егда възвраштѫ сѧ · въздамь ти** [='И если ещѐ что истратишь, *я*, когда возвращусь, отдам тебе'] (Сав. кн., *Л.*, X); в этой реплике употребление местоимения **азъ** обусловлено его большой смысловой нагрузкой: говорящий хочет подчеркнуть, что именно он, случайный прохожий, оплатит хозяину постоялого двора все расходы.

ВЫРАЖЕНИЕ СКАЗУЕМОГО

§ 343. Сказуемое в старославянском языке могло быть глагольным и именным.

Глагольное сказуемое могло быть простым (**чкъ етеръ сънхождааше отъ і͠ерслма въ ерихѫ** [= 'Некий человек *шел* из Иерусалима в Ерихон'] — Ас. ев., *Л.*, X) и составным (**и тъ начѧтъ лішаті сѧ** [='И он *стал нуждаться*'] — там же, *Л.*, XV). При этом с составным глагольным сказуемым не следует смешивать простое, выраженное сложной глагольной формой; так, в предложении **и тогда начьнеши съ стоудомь послѣдьнее' мѣсто дрьжати** (Сав. кн., *Л.*, XIV) сказуемое **начьнеши дрьжати** простое, так как это сложное будущее время глагола **дрьжати** (поэтому на русский язык переводится: 'И тогда (ты) со стыдом *займешь* последнее

место'). Простым является также сказуемое, выраженное перфектом, плюсквамперфектом, сослагательным наклонением, будущим сложным II, например: **дроѵѕии бо ихъ изъ далече сѫтъ пришъли** [='Ведь некоторые из них *пришли* издалека'] (Мар. ев., *Мр.*, VIII).

В именном составном сказуемом именная часть могла быть выражена существительным (**блаженꙑи григории... цръноризъцъ бѣ въ манастꙑри · свѧтаего апостола анъдреа** [='Блаженный Григорий был *черноризцем* в монастыре св. апостола Андрея'] — Супр. рук.), прилагательным (**ч҃ловѣкъ бѣ домовитъ** [='Человек был *хозяйственным*'] — Мар. ев., *Мт.*, XXI), причастием, причем не только страдательным (**єгда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ** [='Когда будешь *приглашен* на свадьбу, не садись на почетное место'] — Сав. кн., *Л.*, XIV), но и действительным: **не сь ли естъ сѣдѧи и просѧ** [='Не этот ли *сидит* и *просит* (милостыню)?'] (Мар. ев., *Ин.*, IX; дословно: 'Не этот ли является *сидящим* и *просящим?*'); **бѣ иосифъ и мати его чюдѧшта сѧ** [='Иосиф и мать его удивлялись'] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, II; дословно: 'Иосиф и его мать были *удивляющимися*').

§ 344. В именном составном сказуемом интересно употребление связки, выраженной формой настоящего времени глагола **бꙑти**.

Настоящее время имеет два основных значения: 1) указание на действие или состояние вневременное, т. е. постоянное для данного субъекта; 2) указание на действие или состояние, совпадающее с моментом речи, т. е. собственно настоящее время. В соответствии с этими значениями настоящего времени в индоевропейском праязыке существовало два типа предложений с именным сказуемым, унаследованных праславянским языком и в значительной степени сохраненных старославянским. В предложениях с вневременным значением именное сказуемое соединялось с подлежащим без помощи связки: **никто же благъ тъкмо единъ богъ** [='Никто не свят, кроме бога'] (Мар. ев., *Мт.*, XIX); **доѵхъ бо бьдръ а плоть не мощьна** [='Дух бодр, а плоть слаба'] (там же, *Мт.*, XXVI).

В предложениях со значением собственно настоящего времени именная часть сказуемого в старославянском языке соединялась с подлежащим при помощи связки **бꙑти** в форме настоящего времени: **сь єстъ наслѣдъникъ** [='он наследник') (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **юже не достоинъ єсмъ нарещи сѧ с҃нъ твои** [='Я уже недостоин называться твоим сыном'] (Ас. ев., *Л.*, XV; ср. отсутствие связки в русском переводе этого предложения, где для указания на 1-е лицо оказывается необходимым употребление местоимения *я*); **тꙑ ли єси ц҃рь июдѣискъ** [='Ты ли царь Иудейский?'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVII); **оѵже готова сѫтъ вьсѣ** [='Все уже готово'] (Мар. ев., *Л.*, XIV). В переводах евангелия связка в настоящем времени употребляется даже там, где ее нет в греческом оригинале.

ОТРИЦАНИЕ

§ 345. Обычным показателем отрицания в старославянском языке была частица *не*. Ее старое место в предложении — п е р е д г л а г о л о м-с к а з у е м ы м: **нє імѣаше землѭ многы** [='(Семена) *не имели* глубокой почвы'] (Зогр. ев., *Мт.*, XIII), **не дадитє стаго псомъ** [='*Не давайте* святыни псам!'] (Мар. ев., *Мт.*, VII). В этой позиции происходило слияние отрицательной частицы с формами настоящего времени глагола **быти: нѣсмь достоинъ нарешти сѧ сынъ твои** [='(Я) недостоин называться твоим сыном'] (Остр. ев., *Л.*, XV), где **нѣсмь** < ***не-есмь; нѣстъ неоу никто же отъ чкъ вьсѣлъ** [='(На молодого осла) никогда никто из людей (еще) не садился'] (Мар. ев., *Мр.*, XI), где **нѣстъ** < ***не-естъ.**

Отрицание могло находиться перед любым знаменательным словом, на которое падало логическое ударение: **юже не много глѭ съ вами** [='Уже *не долго* (я) буду говорить с вами'] (Зогр. ев., *Ин.*, XIV); **тако и събираѩи себѣ · а не въ ба богатѩ сѧ** [= 'Так и собирающий для себя, а *не для бога* обогащающийся'] (С а в. к н., *Л.*, XII) и т. п.— здесь отрицается не само действие или состояние, а лишь частные, сопутствующие ему моменты.

§ 346. Усилением отрицания являлась частица **ни** — отрицательный вариант союза-частицы **и** (со значением 'даже'). При обычной позиции **не** перед глаголом дополнительное отрицание **ни** употреблялось только перед словом, на которое падало логическое ударение: **ни въ из(драи)ли толикы вѣры не обрѣтъ** [='*Даже* в Израйле не найдя такой веры'] (М а р. е в., *Мт.*, VIII); **не хотѣаше ни очию възвести на небо** [='(Он) не хотел (здесь в значении 'не решался, не смел') *даже* глаз поднять к небу'] (т а м ж е, *Л.*, XVIII).

К глаголу **ни** относилось только в том случае, если отрицание повторялось при однородных глагольных конструкциях; при этом **ни** появлялось вместо **не** перед вторым членом: **не дадиде стаго псомъ · ни помѣтаите бисьръ вашихъ прѣдъ свиньѣми** [='Не давайте святыни псам и не мечите бисера своего перед свиньями'] (М а р. е в., *Мт.*, VII); **не сѣѭтъ ни жьнѭтъ** [='Не сеют, не жнут'] (т а м ж е, *Л.*, XII).

При местоимениях и наречиях отрицание **ни** обычно усиливалось частицей **же: никъто же (ни оу кого же), ниүьто же (ни оу үесо же), никъде же** и т. д. (ср. § 319).

§ 347. В современном славянском отрицательном предложении обязательным является отрицание *не* — даже в том случае, если есть *ни* (ср. русск.: ***ни** один **не** пришел, **никто не** сказал*). В старославянском же языке в тех случаях, когда слово, характеризовавшееся частицей **ни**, находилось впереди глагола, отрицание **не** могло отсутствовать: **ни въ из(драи)ли толикы вѣры обрѣтъ** [='Даже в Израйле не найдя такой веры'] (А с. е в., *Мт.*, VIII); **и нікто же даѣаше емоу** [='И никто не давал ему'] (т а м ж е, *Л.*, XV); **никъто**

же плода сънѣждь [='Пусть никто не съест плода'] (Зогр. ев., *Мр.*, XI); **и никъто же ѥмоу можаше отъвѣштати слово** [='И никто не мог ему слова сказать в ответ'] (Сав. кн., *Мт.*, XXII). Однако нередко отрицание **не** в подобных случаях все же употреблялось: **ни въ из (дри) ли толикы вѣры не обрѣтъ** (Зогр. и Мар. ев., *Мт.*, VIII); **ничесо же не обрѣте на неи** [='Ничего не нашел на ней'] (Мар. ев., *Мр.*, XI); **никотеры же рабъ · не можетъ дъвама г҃нома работати** [='Никакой раб не может служить двум хозяевам'] (Зогр. ев., *Л.*, XVI).

В том случае, когда после глагола с отрицанием **не** следовало несколько однородных членов, частица **ни** появлялась перед вторым членом перечисления: **не зови дроугъ твоих · ни братриѩ твоеѩ · ни рожденїѣ твоего · ни сѫсѣдъ богатъ** [='Не зови (*ни*) друзей своих, ни товарищей, ни родственников своих, ни богатых соседей'] (Мар. ев., *Л.*, XIV); **вь день слъньце не ожежетъ тебе · ни лоуна ноштиѭ** [='(*Ни*) солнце тебя не согреет днем, ни луна — ночью'] (Син. пс.); **не вѣдѫште кънигъ · ни силы б҃жиѩ** ['Не знающие (*ни*) книг, ни силы божьей'] (Мар. ев., *Мр.*, XII). В этих примерах ярко отражается присоединительная функция союзов-частиц в старославянском языке: после того как уже высказано определенное отрицательное суждение (например, **не зови дроугъ твоихъ**), к нему добавляются другие возможные варианты (**ни братриѩ твоеѩ** и т. д.), которые в утвердительном предложении были бы присоединены союзом **и**, а в отрицательном — его эквивалентом при отрицании **ни**.

Иногда можно встретить и случаи появления частицы **ни** перед первым членом отрицательного перечисления: **не възмѣте на пѫт ни жъзла · ни пиры · ни хлѣба...** [='Не берите в дорогу ни посоха, ни питья, ни хлеба'] (Ас. ев., *Л.*, VII).

СТАРОСЛАВЯНСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТЕ

§ 348. Определяя понятие предложения, обычно указывают на то, что оно представляет собой смысловое, грамматическое и интонационное единство. Применительно к письменному старославянскому языку мы, однако, лишены такого важного критерия выделения границ предложения, как интонация. Поэтому в древнем славянском тексте с уверенностью можно выделять в законченном по смыслу отрывке (сложном смысловом единстве) цельнооформленные предикативные единства, аналогичные простым предложениям, которые могли либо быть относительно самостоятельными, либо входить в состав более сложных синтаксических построений.

Решение вопроса о границах самостоятельных предложений в древних письменных памятниках затрудняется еще и тем, что такие формальные показатели связи предложений, как союзы и

частицы, здесь отнюдь не обязательно указывают на объединение простых предложений в одно сложное. Дело в том, что для древнего повествовательного текста характерно «н а н и з ы в а н и е» предложений, как правило, сопровождающееся присоединением одного простого предикативного единства к другому при помощи союзов (**и, а, да, нъ** и др.) или частиц (**же, бо, оубо** и др.): высказав определенную мысль, автор как бы замечает, что с нею связана (или противопоставляется ей) следующая мысль или следующее сообщение, а с этим следующим — следующее за ним и т. д. Такое «нанизывание» предложений обнаруживается в любом цельном по содержанию отрывке. Например[1]:

(1) всакъ (2) иже слышитъ ми словеса и творитъ ꙗ · (1) оуподоблѭ ѥго мѫжеви мѫдроу · (3) иже створи храмъ свои на камене (4) и сънидє дъждъ · (5) и придѫ рѣкы · (6) и възвѣꙗшѧ вѣтри · (7) и потъкѫ сѧ храминѣ тои · (8) и не паде сѧ · (9) основана бо бѣ на камене · (10) и всакъ слышѧи ми словеса си · и не творѧ их · оуподобитъ сѧ мѫжеви боую · (11) иже створи своѭ храминѫ на пѣсцѣ · (12) и сънидє дъждъ · (13) и придѫ рѣкы · (14) и възвѣꙗшѧ вѣтри · (15) и потъкѫ сѧ храминѣ тои (16) и паде · (17) и бѣ разорение ѥи велиѥ зѣло (Сав. кн., *Мт.,* VII).

Вот как выглядит синтаксически точный перевод этого отрывка, в котором выделены средства соединения предложений: «(1) Всякого (2) *кто* (дословно: «он *же*») слышит мои слова и следует им, (1) уподоблю его мудрому человеку, (3) *который* (дословно «он *же*») построил свой дом на камне. (4) *И* пошел дождь, (5) *и* разлились реки, (6) *и* подули ветры. (7) И (все это) устремилось к тому дому. (8) *И* не упал (он): (9) основан *ведь* был на камне! (10) *И* всякий, слышащий эти мои слова и не следующий им, уподобится глупому человеку, (11) *который* (дословно: «он *же*») построил свой дом на песке. (12) *И* пошел дождь, (13) *и* разлились реки, (14) *и* подули ветры. (15) *И* (все это) устремилось к тому дому. (16) *И* (он) упал. (17) *И* разрушение его было очень большим».

Таким образом, выделяя в древнем славянском тексте простые предикативные единства (простые предложения), можно рассматривать также грамматические средства соединения их друг с другом в связном тексте, т. е. с р е д с т в а с в я з и п р о с т ы х п р е д л о ж е н и й. Употреблять по отношению к таким объединениям предикативных единств термины «сложносочиненное предложение» или «сложноподчиненное предложение» было бы неосторожным, так как нет уверенности в том, что в каждом конкретном случае это действительно были предложения, а не объединения простых предикативных единств, поясняемых одно другим внутри ц е л ь н о г о п о с о д е р ж а н и ю с л о ж н о г о с м ы с л о в о г о е д и н с т в а — с л о ж н о г о с и н т а к с и ч е с к о г о ц е л о г о.

---

[1] Как и в отрывках, приводившихся в § 339, цифра в скобках ставится перед каждым простым «предложением», независимо от степени его самостоятельности.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 349. Как было отмечено выше (см. § 339), для старославянского языка характерны бесподлежащные предложения. В ряде случаев отсутствие подлежащего было признаком «неполноты» предложения. Так, в предложении **і ицѣли многꙑ недѫжьнꙑѩ** [='И исцелил многих больных'] (Зогр. ев., *Мр.*, I) отсутствие подлежащего не связано со структурными особенностями предложения: при глаголе в 3-м лице ед. числа субъект действия должен быть назван, ибо это не говорящий или его собеседник, а определенное лицо, о действиях которого повествует предложение; и если подлежащее здесь не названо, то лишь потому, что действующее лицо было указано раньше и известно читателю.

От подобных случаев опущения подлежащего следует отличать отсутствие словесно выраженного подлежащего при сказуемых с глагольными формами 1-го или 2-го лица (см. § 341). В предложении **село коупихъ и имамь нѫждѫ изити и видѣти е** [='(Я) купил поле и должен пойти и осмотреть его'] (Мар. ев., *Л.*, XIV) субъект действия не «подразумевается» — он указан глагольной формой 1-го лица единственного числа (**коупихъ** и **имамь** указывают на то, что действующим лицом является сам говорящий). По структуре такие предложения являются односоставными (в них отсутствует состав подлежащего), а по характеру действующего лица — определенно-личными.

§ 350. В славянских переводах встречаются односоставные предложения, в которых действующее лицо мыслится неопределенно, поскольку оно не имеет существенного значения, хотя и является производителем действия. Такие предложения можно назвать неопределенно-личными. Сказуемое неопределенно-личных предложений обычно выражалось формой 3-го лица множ. числа: **і се принѣсѧ емоу ослабленъ жилами** [= 'И вот *принесли* к нему (т. е. Иисусу) парализованного'] (Мар. ев., *Мт.*, IX); **приношаахѫ же къ немоу и младенъцѧ · да би сѧ ихъ коснѫлъ** [='*Приносили* к нему также и младенцев, чтобы он к ним прикоснулся'] (там же, *Л.*, XVIII); **аще же рекѫтъ вамъ · се въ поустꙑни естъ · не изидѣте** [='Если же вам *скажут:* — Он в пустыне,— не ходите'] (*Мт.*, XXIV).

Такие предложения, видимо, были характерны для живой славянской речи, так как в греческом оригинале им, как правило, соответствуют страдательные обороты, которые в ряде случаев переведены довольно точно: **сн҃ъ же ч҃скꙑ ідетъ ѣко же естъ псано о н'емь** [='Сын же человеческий приходит, как *написано* о нем'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **не осѫждаите да не осѫждени бѫдете** [='Не осуждайте, и тогда сами не *будете осуждены*'] (Мар. ев., *Мт.*, VII); ср. замену греческого страдательного оборота славянским неопределенно-личным предложением: **не сѫдите да не сѫдѧтъ вамъ** [='Не осуждайте, тогда и вас не *осудят*'] (*Л.*, VI; приводившееся выше **аште же рекѫтъ вамъ** также представляет перевод греческого оборота «если вам будет сказано»).

Иногда в текстах с неопределенно-личным значением употребляются формы 3-го лица ед. числа: **пишетъ · не о хлѣбѣ единомъ поживетъ чл҃вѣкъ** [='Пишут (т. е. 'сказано, *говорят*'): не одним только хлебом живет человек'] (Зогр. ев., *Мт.*, IV; в Ас. ев. и Сав. кн. калька с грч.: **пісано естъ**).

§ 351. Значительное место занимают в славянских переводах обобщенно-личные предложения. Особенно характерны они для отрывков, содержащих разного рода поучения. Такие предложения оформлялись как односоставные, если сказуемое в них выражалось формой 2-го лица: **видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего · а бръвъна еже есть въ оцѣ твоемь не чюеши** [='В глазу брата своего сучок *видишь*, а в своем глазу и бревна не *чувствуешь*'] (Мар. ев., *Мт.*, VII); **егда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ** [='Если *будешь приглашен* на свадьбу, не *садись* на почетное место'] (Сав. кн., *Л.*, XIV) и т. д.

В поучительном тексте могли принимать значение обобщенно-личных предложения с относительным местоимением в функции подлежащего, т. е. двусоставные: **аште кто ходитъ въ дьне не потъкнетъ сѧ... аште кто ходитъ ноштиѭ · потъкнетъ сѧ** [='Тот, *кто ходит* днем — не *спотыкается; а кто ходит* ночью — *спотыкается*'] (Мар. ев., *Ин.*, XI).

§ 352. Безличные предложения в старославянском языке были довольно разнообразны и представляли несколько сильно отличавшихся друг от друга типов.

Наименее многочисленны предложения с главным членом, выраженным возвратным глаголом в форме 3-го лица или страдательным причастием в форме среднего рода (со связкой): **мьнитъ ті сѧ** [='кажется (думается) тебе'] (Ас. ев., *Л.*, X); **ізволи сѧ... мьнѣ** [дословно: 'дозволилось мне', т. е. 'свыше была дана возможность и право что-то сделать'] (там же, *Л.*, I); о безличных конструкциях со страдательным причастием типа **писано естъ** (или **бысть**) '(было) написано' и об их появлении в славянских переводах было сказано выше (см. § 350). Пассивное действующее лицо в конструкциях отмеченных типов выражалось формой дательного падежа (см. в русск.: ***мне кажется, ему было сказано***).

Более характерны для переводов безличные предложения с главным членом, выраженным предикативным наречием со связкой. Наречие, образованное от прилагательного, указывало на признак или состояние, приписываемое какому-либо лицу или предмету, название которого выражалось формой дат. падежа: **тѵроу и сидоноу · отърадьнѣе бѫдетъ** [='(Городам) Тиру и Сидону будет отраднее'] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XI); **соулѣе емоу бысть** [='Ему было лучше'] — о здоровье (там же, *Ин.*, IV); **немоштьно кмоу естъ** [дословно: 'Невозможно ему'] (Супр. рук.) и т. п. В тех случаях, когда из контекста ясно, о каком состоянии идет речь, предикативное наречие могло замещаться относительным словом: **тако бѫдетъ и родоу семоу лѫкавоуемоу** [='*Так* будет и с этим лукавым племенем']

(З о г р., М а р. е в., *Мт.*, XII); **како быс҇ бѣсьноумоу** [='*Как* было с бесноватым'] (т а м ж е, *Мр.*, V). Особенно распространены такие конструкции с и н ф и н и т и в о м, указывавшим на то действие или состояние, которое утверждается (или отрицается) в предложении: **ѹдобѣе естъ вельбѫдоу · сквозѣ оуши игълинѣ проити · неже богатоу въ црьствие бжие вьнити** ['*Легче* верблюду *пройти* сквозь игольное ушко, чем богатому *войти* в рай'] (М а р., А с. е в., С а в. к н., *Мт.*, XIX); **тако бо подобьно намъ естъ съконьчати** [='Так же *надобно* и нам *судить*'] (З о г р., А с. е в., *Мт.*, IV); **не мошть но ти ѥстъ покаати сѧ** [='Невозможно тебе покаяться'] (С у п р. р у к.).

С точки зрения логической грамматики, инфинитив выполняет в таких предложениях функцию подлежащего, а **ѹдобѣѥ, подобьно, не мошть но** и т. д. являются именной частью сказуемого, т. е. **покаати сѧ — не мошть но ѥстъ** ['Покаяться (покаяние) — невозможно']. Такое логико-грамматическое значение инфинитива отчетливо выступает в характерных для старославянского языка предложениях с глагольным сказуемым в спрягаемой форме: **не достоитъ тебѣ имѣти женꙑ филипа братра своего** [='Не *пристало* тебе *обладать* женою брата твоего Филиппа'] (М а р. е в., *Мр.*, VI); **дьнесь бо подобаатъ ми въ домоу твоемь бꙑти** [='Ведь сегодня мне *надлежит быть* в твоем доме'] (т а м ж е, *Л.*, XIX); **не подобааше ли и тебѣ помиловати клеврѣта твоего** [='Не *следовало* ли и тебе *простить* своего товарища?'] (А с. е в., *Мт.*, XVIII) и т. д. Такие конструкции характеризовались значением долженствования и в том случае, если в спрягаемой форме при инфинитиве употреблялся глагол **бꙑти: бꙑстъ вьнити ісви · въ домъ ѥдиного кънѧза фарисѣіска** [='*Надлежало* Иисусу *войти* в дом одного фарисейского вельможи'] (С а в. к н., *Л.*, XIV).

Старославянскому языку известны и н ф и н т и в н ы е п р е д л о ж е н и я со значением необходимости, неизбежности; объект в таких предложениях также выражался дат. падежом: **⟨і се трѫсъ великъ бꙑстъ въ мори.⟩ ѣко покрꙑвати сѧ кораблю влънами** [='⟨И вот в море началась сильная буря,⟩ так что судно стало захлестывать волнами'] (М а р. е в., *Мт.*, VIII; дословно '*покрываться судну* волнами'; ср. русск.: ***Сидеть ему*** *здесь весь день!*). С отрицанием такие конструкции означали категорическое запрещение: **не клѧти сѧ вамъ... небомь**, т. е. 'Не смейте клясться небом!' (З о г р. е в., *Мт.*, V).

Безличными становились предложения с отрицанием бытия, существования; имя, обозначавшее отрицаемый предмет (или лицо), в таких предложениях употреблялось в род. падеже (в соответствующих утвердительных оборотах — именительный падеж): **кораблѣ иного не бѣ тоу** [='Не было там иного *судна*'] (З о г р., М а р., А с. е в., *Ин.*, VI; ср.: **бѣ корабль тоу** [='Было там *судно*'] — с имен. падежом); **ісса не бꙑстъ тоу ни оученикъ его** [='Не было там ни *Иисуса*, ни его *учеников*'] (т а м ж е); **и нѣстъ иного развѣ его** [='И нет (никого) *другого*, кроме *него*'] (т а м ж е., *Мр.*, XII); **свѣта да не сиꙗѥтъ** [='Пусть не будет *света*'] (С у п р. р у к.; ср. утвердительную конструкцию: **свѣтъ да сиꙗѥтъ** [='Пусть будет (сияет) *свет!*']).

ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 353. Будучи образованными от глагольных основ и сохраняя ряд глагольных категорий (вид, залог, отчасти — время), причастия характеризовались формами словоизменения имен прилагательных и могли выполнять в предложении функции, свойственные прилагательным, в частности определять имя, указывая на признак, вытекающий из его действия или состояния: **видѣ симона · ї ӑньдрѣа брата того симона. въметѫща мрѣжѧ в мор'є** [='(Он) увидел Симона и Андрея, Симонова брата, *бросающих* сети в море'] (Зогр. ев., *Мр.*, I); причастие **въметѫшта** определяет прямые объекты **симона** и **аньдрѣа**, указывая на признак, вытекающий из их действия.

Однако в функции определения или именной части сказуемого действительные причастия употреблялись не часто. Четко осознаваемое значение действия или состояния, особенно свойственное действительным причастиям, определяло иную роль их в старославянском предложении. В том случае, когда возникала необходимость указать на ряд действий или состояний, характеризовавших субъект или выполнявшихся субъектом, спрягаемой глагольной формой обозначалось главное, наиболее существенное в данной ситуации или в данный момент действие (состояние): остальные же действия (состояния) субъекта обозначались действительными причастиями. Таким образом, действительные причастия, согласуясь с подлежащим в роде, числе и падеже как определения, фактически обозначали второстепенное действие, а не признак подлежащего (наподобие современного русского деепричастия, а не причастия): **і оу вѣдѣвъши ѣко възлежитъ въ храминѣ фарисѣовѣ · принесъши алавастръ моурoу · і ставъши зади при ногоу его · плаүѫшти сѧ начѧтъ моүити ноѕѣ его слъзами · и власы главъı своеѩ отирааше** [='И (грешница), *узнав,* что он остановился в доме фарисея, *принеся* алебастровый сосуд мира и *став* сзади, у его ног, *плача*, стала обливать его ноги слезами и вытирала волосами головы своей'] (Мар. ев., *Л.*, VII). Значение действия, а не признака для действительных причастий было настолько заметным, что иногда они соединялись со сказуемым союзом **и** — как однородные члены: **прішедъ і҃съ в домъ петровъ и видѣ тъштѫ его** [='Иисус, *войдя* в дом Петра, *(и) увидел* его тещу'] (Ас. ев., *Мт.*, VIII).

Функция «второстепенного сказуемого» в старославянских переводах могла получить такое широкое распространение под влиянием греческого оригинала, ибо она характерна для причастий в греческом языке евангелий. Но эта функция не была чужда и славянским причастиям; именно она привела к образованию современных русских деепричастий (из форм имен. падежа действительных причастий), указывающих на второстепенное действие субъекта.

§ 354. В славянских переводах очень распространен причастный оборот, составлявший в смысловом отношении относительно самостоятельное единство; он характеризовал обстоятельства (время, причину, условия и т. д.) совершения действия, указанного в том предложении, к которому примыкал. Главными элементами этого самостоятельного причастного оборота были дополнение, выраженное существительным или местоимением в дательном падеже, и согласованное с ним причастие (обычно — действительное) вместе с зависимыми словами. Такой обособленный причастный оборот обычно называют «дательным самостоятельным», подчеркивая этим его формальный признак (дательный падеж главных элементов) и относительную смысловую самостоятельность; как правило, он передает греческий «родительный самостоятельный».

Поскольку «дательный самостоятельный» выражал относительно законченную мысль и указывал на обстоятельства совершения действия, то на современный русский язык он обычно переводится обстоятельственным придаточным предложением. При переводе дополнение (в дательном падеже) преобразуется в подлежащее, а причастие — в простое глагольное сказуемое придаточного предложения.

Обычно обстоятельственные значения «дательного самостоятельного» не дифференцированы. Так, в предложении **ӏшьдъшю же емоу въ врата · оузьрѣ и дроугаѣ** (Зогр. ев., *Мт.,* XXVI) «дательный самостоятельный» **ишьдъшю же емоу въ врата** может пониматься и как указание на совпадение действий во времени [='*Когда* (или *в то время как*) он выходил из ворот, его увидела другая'], и как указание на причинную связь [='*Так как* он вышел из ворот, его увидела другая']; то же и во многих других случаях: **ı сѫштоу петрови низоу на дворѣ · приде єдина отъ рабынь архиереовъ** [='*В то время как* (или *так как*) Петр находился внизу, на дворе, к нему подошла одна из архиереевых рабынь'] (Мар. ев., *Мр.,* XIV); **начеnъшю же емоу сътѧзати сѧ о словеси · привѣсѧ емоу длъжьникъ єдинъ** [='*Когда* (или *так как*) он начал производить расчет, к нему привели одного должника'] (Ас. ев., *Мт.,* XVIII).

Однако иногда контекст вполне определенно указывал либо на временное, либо на причинное значение «дательного самостоятельного». Так, в предложении **ı въ оутрьнии ишедъшем имъ отъ витаниѩ · възалка** (Мар. ев., *Мр.,* XI) несомненно значение времени: [='И утром, *когда* (а не *потому что*) они вышли из Витании, (он) проголодался']. Несомненно значение причины в предложении **не имѫштоу же емоу чесо въ(з)дати · повелѣ господь его да продадѧтъ и... и отъдатı** [='*Так как* ему (рабу) нечем было заплатить, хозяин его приказал, чтобы его продали и отдали (долг)'] (Ас. ев., *Мт.,* XVIII).

Дополнение в составе «дательного самостоятельного» могло отсутствовать, если действующее лицо уже было упомянуто и не вызывало сомнений; причастие в составе «дательного

с а м о с т о я т е л ь н о г о» о б я з а т е л ь н о. Например: ⟨**се ізиде сѣвы · да сѣетъ ·**⟩ **с ѣ ѭ ш т ю м оу ова оубо падошѧ при пѫти...** [= '⟨Вот вышел сеятель сеять.⟩ *Когда* (он) *сеял,* некоторые (семена) упали при дороге'] (Зогр. ев., *Мт.,* XIII).

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ

§ 355. Как было отмечено выше (см. § 348), в древнем славянском тексте простые «предложения» (предикативные единства) «нанизывались» друг на друга, образуя сложное синтаксическое целое — законченный по содержанию отрывок текста (сложное смысловое единство). При этом ф о р м а л ь н ы х п о к а з а т е л е й с в я з и к а ж д о й п р е д и к а т и в н о й е д и н и ц ы с п р е д ш е с т в у ю щ е й (союзов, частиц) н е и м е л о л и ш ь п е р в о е п р е д л о ж е н и е с л о ж н о г о с и н т а к с и ч е с к о г о ц е л о г о (главы или законченного по содержанию фрагмента текста), а также, в ряде случаев, предложения в составе прямой речи. Средства соединения предикативных единиц внутри текста были различными в зависимости от смысловых отношений между ними. В тех случаях, когда последующее предложение (предикативное единство) не поясняло предшествующее, а продолжало развитие излагаемых событий внутри цельного по содержанию отрывка, можно говорить о с о ч и н и т е л ь н о й с в я з и, обычно носившей характер п р и с о е д и н е н и я последующей предикативной единицы к предшествующей.

Наиболее распространенными средствами сочинительного присоединения в старославянском языке были союзы **и, а, нъ** и частица **же**, а также **ни** (эквивалент **и** в отрицательных предложениях), **или** (т. е. **и** в соединении с вопросительной частицей **ли**) и некоторые другие.

§ 356. В тех случаях, когда следовавшие друг за другом предложения сообщали о последовательных событиях или о событиях, составляющих вместе нечто единое (не противоречащих друг другу), для их связи обычно использовался союз **и: ч҃лкъ етеръ имѣ дъва с҃ны · и рече меньші с҃нъ о҃цю... і раздѣлі има имѣние · и не по мноsѣхъ дънехъ сьбьравъ вьсе мьнии с҃нъ · отиде на странѫ далече · и тоу сы расточи имѣние свое** [='Некий человек имел двух сыновей. *И* сказал младший сын отцу... *И* (он) разделил между ними имущество. *И* через некоторое время, собрав все, младший сын ушел в далекую страну. *И,* будучи там, растратил свое имущество'] (Ас. ев., *Л.,* XV) — присоединенные посредством союза **и** предложения сообщают о последовательно сменявших друг друга событиях; **вьсѣкъ бо просѧи приемлетъ · і ищѧи обрѣтаатъ. і тлъкѫщюмоу отвръзаатъ сѧ** [='Всякий же просящий получает, *и* ищущий — находит, *и* стучащему — открывается'] (Мар. ев., *Мт.,* VII) — соединенные

союзом **и** простые предложения развивают одну мысль, дополняя, а не противореча друг другу. При отрицании те же отношения выражались союзом **ни: не дадите с҃таго псомъ · ни помѣтаите бисьръ вашихъ прѣдъ свиньѣми** [='Не давайте святыни псам. *И* не мечите бисера своего перед свиньями'] (Мар. ев., *Мт.*, VII); **в день слъньце не ожежетъ тебе · н и лоуна ноштіѫ** ['(И) солнце не согреет тебя днем, *и* луна — ночью'] (Син. пс.).

Эквивалентом **и** в вопросительных предложениях выступала частица **ли**, выполнявшая в этом случае функцию присоединительного союза, а потому перемещавшаяся в начало предложения: **⟨что же видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего. а бръвъна еже естъ в оцѣ твоемь не чюеши.⟩ л и како речеши братроу твоемоу. остави и изъмѫ сѫчець из очесе твоего· і се бръвъно въ оцѣ твоемь** [='⟨Почему же (ты) видишь сучок в глазу своего брата, а бревна, которое в твоем глазу, не замечаешь?⟩ *И* как же ты скажешь своему брату: — Давай, я выну сучок из твоего глаза! — ведь в твоем глазу — бревно!'] (Мар. ев., *Мт.*, VII).

§ 357. Если последующее предложение содержало сообщение о событиях (действиях, состояниях), логически не вытекавших из содержания предыдущего предложения, то присоединение осуществлялось с помощью союза **а** или частицы **же**: **і се трѫсъ великъ бꙑстъ въ мори. ѣко покрꙑвати сѧ кораблю влънами· а тъ съпаше** [='И вот в море случилась сильная буря, так что судно стало захлестываться волнами. *А* он (Иисус) спал'] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **бѣ бо кораб'ль по срѣдѣ мор'ѣ· а҆ сь единъ на земл'и** [='Судно ведь было в море, *а* он (Иисус) один на берегу'] (Зогр. ев., *Мр.*, VI); **о҆мочиі съ мноѭ в солило рѫкѫ· тъ мѧ прѣдастъ· с҃нъ же чс҃кꙑ ідетъ ѣко же естъ псано о н'емь** [='Опустивший (вместе) со мною руку в блюдо предал меня. Сын *же* человеческий идет, как сказано о нем (как ему предназначено)'] (там же, *Мт.*, XXVI); **і҆ пристѫпи къ н'емоу едина рабꙑн'и· г҃лѭшти· і҆ тꙑ бѣ съ іс҃мь галилѣіскꙑмь · онъ же отъвръже сѧ прѣдъ всѣми** [='И подошла к нему одна рабыня, говоря: — И ты был с Иисусом Галилейским! — Он *же* отрекся при всех' или '*Но* он отрекся при всех'] (там же).

С помощью **а** и **же** обычно противопоставлялись д е й с т в и я р а з н ы х с у б ъ е к т о в; в тех же случаях, когда противопоставлялись действия одних и тех же лиц, использовался союз **нъ**: **и отъвѣтъ пріемъше в сьнѣ · не възвратішѧ сѧ кь иродоу · нъ инѣмь пѫтемь отідѫ въ странѫ своѭ** [='И, получив во сне предупреждение свыше («откровение»), (они) не вернулись к Ироду, *а* ушли в свою страну другой дорогой'] (Ас. ев., *Мт.*, II), **онъ же не хотѣаше нъ ведъ и въсади и въ темьницѫ** [='Он же не хотел (ждать), *но*, отведя его, посадил его в тюрьму'] (там же, *Мт.*, XVIII); **⟨е҆гда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ...⟩ н ъ е҆гда зъванъ бѫдеши. шьдъ сѧди на послѣдьниимь мѣстѣ...** [='⟨Когда будешь приглашен на свадьбу, не садись на почетное место...⟩ *Но*, когда будешь приглашен, придя, сядь на последнее место'] (Сав. кн., *Л.*, XIV).

ПОЯСНЕНИЕ

§ 358. В ряде случаев одно из предложений текста п о я с н я л о другое, т. е. раскрывало или уточняло его содержание или поясняло какой-либо из его членов.

В тех случаях, когда поясняющее предложение уточняло содержание всего поясняемого предложения в целом, они могли соединяться при помощи тех же союзов и частиц, посредством которых осуществлялось и сочинительное присоединение. Например, в одном из евангельских рассказов уверенность присутствующих в том, что Петр является одним из учеников Иисуса, передана так: **въ ӏстинѫ ӏ ты отъ нихъ еси · ӏ бесѣда твоѣ авѣ тѧ творитъ** (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI), что дословно может быть переведено: 'Ты действительно из их числа, *и* твой разговор (диалект) выдает тебя'; союз **и** здесь соединяет предложения, которые в смысловом отношении поясняются одно другим (ср.: *Ты действительно из их числа,* ***потому что*** *говоришь на том же диалекте*). В том же отрывке, несколькими строками выше, сообщается о том, как ученики, явившись к Иисусу, спрашивают: **къде хоштеши ӏ оуготоваемъ ти ѣсти пасха** [='Где (ты) хочешь, *и* (мы) приготовим тебе съесть пасху']; второе предложение в этом высказывании поясняет предыдущее, поэтому в современном языке та же мысль была бы оформлена иначе: *Где ты хочешь,* ***чтобы*** *мы приготовили тебе пасху?*

С пояснительным значением мог употребляться и союз **а**: **а бы сьде былъ · не бы оумрълъ братъ наю** [='*Если* бы (ты) был здесь, не умер бы наш брат'] (Супр. рук.; дословно: '*А* был бы ты здесь, не умер бы наш брат') — противопоставление, усиленное сослагательным наклонением, приобретает значение условия.

§ 359. В случаях а к т у а л и з а ц и и о п р е д е л е н н ы х (к о н к р е т н ы х) с м ы с л о в ы х о т н о ш е н и й между простыми предикативными единствами использовались специализированные средства пояснения. Некоторые из них представляли собой древние частицы, которые в качестве формальных средств пояснения закрепляли за собой относительно узкий круг значений. Так, в функции актуализатора причинных отношений в текстах очень распространена частица **бо**: **ӏ аште отпоуштѫ ѩ не ѣдъшѧ въ домы своѩ· ослабѣѭтъ на пѫти· дроуѕии б о ихъ из далече сѫтъ пришъли** [='И если (я) отпущу их по домам голодными, (они) ослабеют в дороге, *так как* многие из них пришли издалека'] (Мар. ев., *Мр.*, VIII; дословно: '...*ведь* многие из них пришли издалека'); **ӏ пришедъ къ неи ничесо же не обрѣте не неи тъкмо листвие· не бѣ б о врѣмѧ смокъвамъ** [='И, подойдя к ней (смоковнице), (Иисус) ничего на ней не нашел, кроме листьев, *потому что* еще не время было плодам'] (там же, *Мр.*, XI; дословно: '...*ведь* еще не время было плодам'); **просите и дастъ сѧ вамъ ...вьсѣкъ б о просѧи приемлетъ** [='Просите — и вам будет дано, *ибо* всякий просящий получает'] (там же, *Мт.*, VII).

Целевые отношения могли выражаться союзом-частицей **да**: **помилȣи мѧ и приими· да не бѫдѫ звѣрьми изѣдена** [='Пожалей меня и впусти, *чтобы* не съели меня звери'] (Супр. рук.; дословно: '...*пусть* не буду я съедена зверями').

§ 360. Помимо древних частиц, старославянский язык использовал в качестве средств соединения предикативных единств богатый набор специализированных пояснительных союзов, которые были необходимы для перевода придаточных предложений греческих оригиналов. Такими формальными показателями пояснительных отношений обычно являлись местоимения и наречия, выполнявшие функции союзов и союзных слов (перечень их был дан в § 294—300, 320—322). Местоимения и наречия в этих случаях указывали на поясняемые обстоятельства совершения действия или проявления состояния, признака и т. п. Порядок следования поясняющего и поясняемого предложений нередко соответствовал реальному соотношению событий, о которых сообщалось.

Например, предложения, пояснявшие время совершения действия (состояния), имели в своем составе наречие **ѥгда**, буквальное значение которого 'тогда, в то время'; предложения с **ѥгда** обычно предшествовали поясняемому, указывая на время, с которым связано сообщение, содержащееся в поясняемом предложении, т. е. сообщая о событиях, имевших место ранее: **і ѥгда приближи сѧ въ имъ҃... посъла дъва отъ· оученикъ своихъ (въ весь)** [='И когда (Иисус) пришел к Иерусалиму, послал двоих из своих учеников (в село)'] (Мар. ев., *Мр.*, XI) — пришел раньше, чем послал, что и отражено в порядке следования предложений. Конструкции с **ѥгда** могли пояснить и отдельный член предложения — обстоятельство времени, оказываясь в этом случае внутри поясняемого: **поздѣ же бывъшю ѥгда захождаше слъньце· приношаахѫ къ немоу вьсѧ недѫжънꙑѩ и бѣсънꙑѩ** [='В позднее время, *когда заходило солнце*, к нему приносили больных и помешанных'] (Мар. ев., *Мр.*, I). Если в таких случаях употреблялось подлежащее, являвшееся общим для поясняющего и поясняемого предложений, то оно занимало место впереди всей конструкции: **ты же ѥгда молишисѧ въниди въ клѣть твоѭ и затвори двьри твоѩ** [='Ты же, *когда* (или *если*) молишься, войди в свою комнату и затвори за собою двери'] (Мар. ев., *Мт.*, VI). Возможно употребление таких предложений и как собственно пояснительных (постпозитивных — см. ниже): **блажени ѥсте ѥгда поносѧтъ сѧ вами и ижденѫтъ вы** [='Счастливы вы (должны быть), *когда (если)* поносят и изгоняют вас'] (там же, *Мт.*, V).

Условные предложения с союзом **аште** могли находиться как в препозиции, так и в постпозиции к поясняемому предикативному единству. Поскольку нормально условие предшествует возможности, то и здесь препозиция более обычна, а постпозиция поясняющего оказывается способом актуализации, подчеркивания важности условия. Ср.: **і аште**

отпоущѫ ꙗ не ѣдъшѧ въ домы своꙗ· ослабѣѭтъ на пѫти [='И *если* (я) отпущу их по домам голодными, (они) ослабеют в дороге'] (Мар. ев., *Мр.*, VIII); но: **все дамъ аште поклонишъсѧ** [='Все отдам (тебе), *если* поклонишься (признаешь меня)'] (там же, *Мт.*, IV).

§ 361. В тех случаях, когда необходимо было указать на пределы осуществления действия (или состояния) во времени, поясняющее предложение присоединялось к поясняемому с помощью местоименных наречий, образованных из сочетаний с предлогами, указывавшими на соответствующие временны́е отношения: **коупл҄ѹ дѣите доньде же придѫ** [='Торгуйте, *пока* (или *до тех пор пока*) я приду'] (Мар. ев., *Л.*, XIX); **i абие оувѣди оученикы вълѣсти в корабь. i варити i на ономь полоу доньде же отъпоустить народы** [='И (он) тотчас уговорил учеников сесть в лодку и ждать его на том берегу, *пока* (он) отпустит людей'] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV). Поясняющее предложение оказывалось впереди, если сообщало о событиях, с которых начинается поясняемое действие: **отънели вънидъ не прѣста облобызаѭшти ногоу моею** [='*С тех пор как* (я) вошел, (она) не переставала целовать мои ноги'] (Мар., Ас. ев., *Л.*, VII; в Зогр. ев. и Сав. кн.— **отънели же**). То же при пояснении причины: **зане не імѣахѫ корениꙗ і исъхошѧ** [='*Так как* (ростки) не имели корней, то засохли'] (Зогр. ев., *Мт.*, XIII).

Отражая реальные отношения, предложения, пояснявшие цель действия, обычно оказывались после поясняемого: **помилоуй мѧ и приими · да не бѫдѫ звѣрьми изѣдена** [='Пожалей меня и впусти, *чтобы* (я) не была съедена зверями'] (Супр. рук.); **приношаахѫ же к немоу і младѣнъцѧ · да би сѧ іхъ коснѫлъ** [='К нему (т. е. к Иисусу) приносили еще и младенцев, *чтобы* (он) прикоснулся к ним'] (Зогр. ев., *Л.*, XVIII; дословно: '...*пусть* бы он прикоснулся к ним').

При отрицании на первом месте оказывалось предложение, сообщавшее о действии, которого еще не будет (или не было) в момент осуществления действия, о котором сообщено в следующем предложении: **прѣжде даже кокотъ не възгласитъ дъва краты· отъвръжеши сѧ мене три краты** [='*Прежде чем* петух пропоет дважды, (ты) трижды отречешься от меня'] (Мар. ев., *Мр.*, XIV).

§ 362. Пояснительную функцию выполнял союз **ꙗко**, первоначально имевший значение 'так, вот, ведь'. Это самый распространенный в славянских текстах союз пояснения, причем указание на пояснение — его основное и в период древнейших переводов едва ли не единственное значение. Анализируя смысловые связи между предложениями, соединенными посредством **ꙗко**, мы обнаруживаем между ними самые разнообразные отношения: изъяснение, сравнение, образ действия, время, причину, цель, условие, следствие и т. д. (см. о разнообразии отношений между предложениями, соединенными посредством **ꙗко**, в § 321). Порядок следования предложений зависел от смысловых отношений между ними, при этом чаще поясняющее (с союзом **ꙗко**) следовало за поясняемым: **вѣвѣ ѣко сь естъ снъ наю · ї ѣко слѣпъ сѧ роди** [='(Мы двое)

знаем, *что* он наш сын и *что* (он) родился слепым'] (Мар. ев., *Ин.,* IX; дословно: '...*ведь* этот — наш сын') — изъяснение; і похвали господинъ домоу іконома · не правьдънааго · ѣко мѫдрѣ створи [= 'И похвалил хозяин дома нечестного управляющего, *что* он мудро поступил'] (Зогр. ев., *Л.,* XVI; дословно: '... *ведь* он мудро поступил') — изъяснение с причинным оттенком; дадите нам отъ олѣѣ вашего · ѣко свѣтильници наши оугасаѭтъ [= 'Дайте нам вашего масла, *так как* наши светильники гаснут'] (там же, *Мт.,* XXV; дословно: '...*ведь* наши светильники гаснут') — пояснение причины; чьто створ'ѭ · ѣко господь мoi отъемлетъ строенье домоу отъ мене [= 'Что я буду делать, *если* мой хозяин лишит меня управления хозяйством?'] (там же, *Л.,* XVI; дословно: '...*ведь* хозяин лишит меня управления хозяйством') — поясняются условия; съберѣте прьвѣе плѣвелъ · і съвѧжате ѩ въ снопы ѣко жешти ѩ [= 'Соберите сперва сорняк и свяжите его в снопы, *чтобы* сжечь их'] (там же, *Мт.,* XIII) — поясняется цель; і се трѫсъ великъ бъістъ в мори · ѣко покрывати сѧ кораблю влънами [= 'И вот в море случилась сильная буря, *так что* (дословно: '*и вот*') судно стало захлестываться волнами'] (Мар. ев., *Мт.,* VIII) — поясняется следствие, вытекающее из событий, изложенных в первом предложении, и т. д.

Все это кажущееся многообразие функций союза ꙗко (в глаголических памятниках ѣко) объясняется многообразием смысловых отношений, связанных с пояснением. Союз же ꙗко везде имеет лишь о д н о з н а ч е н и е: о н в в о д и т п о я с н е н и е, указывает на смысловую зависимость одного предложения по отношению к другому. Именно поэтому ꙗко нередко с о п р о в о ж д а е т с я д р у г и м и с о ю з а м и (или наречиями в функции союзов), когда необходимо было уточнить смысловые отношения между поясняющим и поясняемым предложениями. Так, например, при актуализации (подчеркивании) ц е л е в ы х о т н о ш е н и й к союзу ꙗко мог добавляться союз да, обычно служивший для указания на цель: искаахѫ лъжасъвѣдѣтелѣ на исоуса· ѣ к о д а оубиѭтъ и [= '(Они) искали против Иисуса лжесвидетеля, *чтобы* убить его'] (Зогр., Мар., Ас. ев., *Мт.,* XXVI).

§ 363. В славянских переводах нередки предложения, поясняющие какой-либо член — глагол или имя другого предложения. В этих случаях пояснительное предложение содержало местоимение или наречие в качестве поясняемого члена.

Предложения, пояснявшие глагол, содержали в своем составе вопросительно-относительные местоимения в различных падежных формах или наречия: к о г о хоштете отъ обою· отъпоуштѫ вамъ [= '*Кого* из двоих хотите, (я) отпущу для вас'] (Зогр. ев., *Мт.,* XXVII) — кого замещает дополнение, относящееся к глаголу другого предложения *(отпущу к о г о?)*; разоумѣхъ ч ь т о сътворѭ [= '(Я) понял, *что* сделаю'] (там же, *Л.,* XVI) — чьто замещает дополнение, относящееся к глаголу другого предложения *(понял ч т о?)*; въставъ дастъ емоу елико трѣбоуоутъ [= 'Встав, даст ему, *сколько* (он) просит'] (Мар. ев., *Л.,* XI) — местоименное наречие елико замещает до-

полнение, относящееся к глаголу другого предложения, указывая при этом на количественное измерение объекта *(дал сколько?)*.

§ 364. Распространены предложения, поясняющие имя. Они содержали в своем составе относительное местоимение **иже** ('он же') (в любой форме), замещавшее поясняемое имя: **ч҃къ етеръ бѣ богатъ· іже імѣаше приставьникъ** [='Был богатый человек, *который* имел управляющего; дословно: '...*Он же* имел управляющего'] (Зогр. ев., *Л.*, XVI); **ч҃лкъ единъ съхождааше отъ і҃ема в ерихѫ· ї въ разбоиникы вьпаде· иже и съвлъкъше и· и ѣзвы въզложъше отидѫ** [= Некий человек шел из Иерусалима в Ерихон и попал к разбойникам, *которые* (дословно '*они же*'), и раздев его и избив, ушли'] (Мар. ев., *Л.*, X); **ідѣта въ вьсь ѥже естъ прѣмо вама** [='Идите в деревню, *которая* (дословно '*она же*') прямо перед вами'] (Зогр. ев., *Мр.*, XI); **се мънасъ твоѣ ѭже имѣхъ** [='Вот мина (гривна) твоя, *которую* (дословно '*ее же*') я берег'] (Мар. ев., *Л.*, XIX); **и жѣлааше насытіті сѧ ѿтъ рожець ѩжѣ ѣдѣахѫ свиниѩ** [='И (он) хотел наесться стручками, *которыми* (дословно '*ими же*') питались свиньи'] (Ас. ев., *Л.*, XV).

Такие предложения следовали непосредственно за поясняемым именем, нередко вклиниваясь внутрь другого предложения, напоминая этим современные вставные (или вводные) конструкции: **придѣтъ г҃нъ раба того вь дьнь вь ньжѣ не чаетъ· ї въ часъ въ ньже не вѣстъ· ї протешетъ і полъма** [='Явится хозяин того раба в день, *в какой* (он) не ждет (его), и в час, *которого* (он) не знает, и рассечет его пополам'; дословно: '...в день (*его же* не ждет) и в час (*его же* не знает)...'] (Мар. ев., *Мт.*, XXIV); **вьсѣкъ оубо иже слышитъ словеса моѣ си и творитъ ѣ· оуподоблѭ и мѫжѫ мѫдроу· иже създа храминѫ свою на камене** [='Всякого же, *кто* слышит эти мои слова и следует им, (я) уподоблю разумному человеку, *который* построил свой дом на камне'; дословно: 'Всякого (*он же* слышит эти мои слова и следует им) я уподоблю его разумному человеку. *Он же* построил свой дом на камне'] (там же, *Мт.*, VII).

§ 365. Пояснительный характер связи нередко подчеркивался наличием в поясняемом предложении указательного местоимения или наречия, которое и пояснялось следовавшим за ним (или предшествовавшим ему) предложением: **не вѣмь ч҃лвка сего его же г҃лте** [='Я не знаю *этого* человека, *которого* (вы) называете'; дословно '...*его же* называете'] (Мар. ев., *Мр.*, XIV); **горе же ч҃кoу томоу· імь же с҃нъ ч҃скы прѣданъ бѫдетъ** [='Горе *тому* человеку, *которым* (дословно '*им же*') будет предан сын человеческий'] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **да пригласѧтъ емоу рабы ты· їмъ же дастъ сърeбро** [='Пусть позовут ему *тех* рабов, *которым* (дословно '*им же*') дал (он) серебро'] (Мар. ев., *Л.*, XIX); **кто оубо естъ вѣрьны рабъ и мѫдры· его же постави г҃ь надъ домомъ своимъ** [='*Кто* же из рабов предан и умен, *того* и поставит хозяин во главе дома'] (там же, *Мт.*, XXIV); **кгда възидошѧ братиꙗ его: тогда и самъ възиде** [='*Когда* взошли его товарищи, *тогда* (он) и сам взошел'] (Остр. ев., *Ин.*, VII).

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 366. Первым известным нам исследованием, посвященным старославянскому языку и славянской письменности, является уже упоминавшийся трактат древнеболгарского книжника черноризца Храбра **О писменехъ** (см. § 14, 18, 23), созданный на рубеже IX—X вв. и дошедший до нас в 73 списках, старейший из которых относится к XIV в. (все списки изданы в исследовании авторитетного болгарского филолога К. М. Куева «Черноризец Храбър» — София, 1980). Для своего времени сочинение Храбра — это подлинно научный труд, содержащий характеристику звукового состава, положенного в основу глаголической азбуки; в частности, автор отмечает, что в речи славян было 14 звуков, отсутствовавших в звуковой системе греческого языка. Храбр, между прочим, опровергает раннесредневековое мнение о «божественном» происхождении древнееврейской, греческой и латинской письменности, указывая, что греки, например, сначала пользовались финикийским письмом и в течение длительного времени приспосабливали его для записи родной речи, в то время как Константин Философ сделал это для славян один и за короткое время.

Работа Храбра является достоверным раннесредневековым источником о возникновении славянской письменности.

§ 367. Использование старославянского языка различными славянскими народами в качестве языка литературного с течением времени привело к образованию церковнославянских языков (см. § 1), которые, отражая ряд особенностей местной славянской речи, вместе с тем продолжали традиции первых славянских переводов. Стремление книжников сохранить эти традиции со временем приводило ко все большему и большему разрыву между местными редакциями (изводами) церковнославянского языка и живой славянской речью. Возникала практическая потребность в изучении церковнославянского языка для того, чтобы иметь возможность пользоваться им как языком церкви, литературы. Эта потребность обусловила появление ряда церковнославянских грамматик, которые создавались по образцу древнегреческих и латинских грамматических трудов.

Старейшей из сохранившихся является краткая грамматика под названием «Осемь частии слова», считавшаяся переводом болгарско-

го экзарха Иоанна (рубеж IX—X вв.) с греческой грамматики византийского философа Иоанна Дамаскина (ок. 670 г. — до 754 г.), пользовавшейся исключительным авторитетом в православной славянской книжности. Древнейший список этой грамматики был сделан в Сербии в XV в.; восточнославянские списки, заменяющие ряд сербских примеров церковнославянскими, относятся к XVI—XVII вв. и носят название «Святого Иоанна Дамаскина о осми частехъ слова елика пишемъ и глаголемъ». Очень характерной для этого времени является изданная во Львове в 1591 г. «Ἀδελφότης. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка», представляющая церковнославянский язык как своего рода «параллельный» греческому, по образцу которого он и описывается. Первой грамматикой собственно церковнославянского языка является изданная в 1596 г. в Вильне «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (вт. пол. XVI в. — после 1634 г.), которому принадлежит также и первый церковнославянский словарь (факсимильное издание «Грамматики» вместе с научным исследованием осуществлено В. В. Нимчуком в Киеве в 1980 г.).

Наибольшей самостоятельностью и оригинальностью среди грамматических трудов позднего средневековья отличается изданная в 1619 г. в местечке Еве (близ Вильны) знаменитая «Грамматіки Славе́нскиѧ правильное сѵнтагма» Мелетия Смотрицкого (1572—1630?), которая с изменениями и дополнениями в 1648 г. была переиздана в Москве, а затем переиздавалась в XVIII в. Эта грамматика (ее факсимильное издание осуществлено В. В. Нимчуком в Киеве в 1979 г.) оказала воздействие на многие грамматические сочинения XVII—XVIII вв. по церковнославянскому языку в России и в других славянских странах.

§ 368. Особого внимания заслуживают грамматические труды нашего первого ученого-филолога М. В. Ломоносова (1711—1765), который специально старославянским языком не занимался, но оставил ряд интересных соображений о происхождении старославянского языка, его месте и роли в развитии литературных славянских языков (прежде всего русского).

В «Российской грамматике» (1755 г.), «Предисловии о пользе книг церковных в Российском языке» (1757—1758 гг.) и ряде других работ М. В. Ломоносов высказал немало интереснейших замечаний и наблюдений, предвосхитивших позднейшие языковедческие открытия. В частности, Ломоносов заметил различия между старославянским и древнерусским языками периода древнейших памятников; он указал на отражение старославянского влияния в наших летописях — при отсутствии его в деловой письменности. Ломоносовым была дана вполне обоснованная группировка современных славянских языков по признаку языкового родства; отметил он и языковую близость славянских и балтийских языков.

Таким образом, М. В. Ломоносовым были указаны основные проблемы, пути и источники исторического изучения славянских языков, в частности и старославянского.

§ 369. Начало подлинно научного изучения старославянского языка связано с именем выдающегося русского языковеда А. Х. Востокова (1781—1864), который первым в истории языкознания применил к исследованию славянских языков сравнительно-исторический метод. Работы А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка» (1820 г.), «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума» (1842 г.), первое издание Остромирова евангелия (1843 г.) и др. отличаются научной строгостью и точностью в методах исследования и описания материала.

А. Х. Востоков в результате сравнительного изучения славянских языков сумел дать точное описание фонетической системы, лежащей в основе кириллической системы букв. В частности, он установил звуковое значение букв **ѫ** и **ѧ**, а также **ъ** и **ь**, что является важным открытием, имевшим большое методологическое значение. Востоков, указав на происхождение славянских языков из одного источника и на их большую близость в период создания первых славянских памятников, вместе с тем обосновал и положение о том, что старославянский язык не мог быть тем языком-источником, из которого, как думали многие в его время, произошли славянские языки: это было «наречие одного какого-нибудь племени».

В работах, посвященных описанию славянских рукописей, Востоков первым практически разграничил старославянский и церковнославянский языки и первым обратил внимание на существование различных редакций (изводов) последнего, указав на болгарский, сербский, «севернорусский» (т. е. собственно русский) и «южнорусский» (т. е. украинский) изводы церковнославянского языка.

§ 370. Если А. Х. Востокова интересовала прежде всего лингвистическая характеристика старославянского языка, то его современники в других славянских странах занимались изучением старославянского языка в плане общефилологическом, что имеет свое историческое объяснение.

Дело в том, что южные и западные славяне в первой половине XIX в. были лишены политической самостоятельности: большая часть славян входила в состав Австро-Венгерской империи (чехи, словаки, часть поляков, сербы, хорваты, словенцы); остальные южные славяне проживали главным образом на территории Турецкой (Османской) империи, а западные — в Пруссии и России. Борьба за национальное самоопределение, сопровождавшаяся ростом национального самосознания, обусловливала большой интерес славянских ученых к славянским древностям — истории, литературе и языку древних славян.

В плане изучения славянских древностей южно- и западнославянские филологи первой половины XIX в. исследовали и старославянский язык, в первую очередь интересуясь вопросами его происхождения и народно-разговорной основы.

Основоположником такого широкого изучения старославянского языка считается выдающийся чешский ученый Й. Добров-

с к и й (1753—1829), автор знаменитых «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» («Основы древнего наречия славянского языка»), вышедших в 1822 г., а также других работ по славянской филологии. В своих «Основах» Й. Добровский впервые дал систематическое изложение грамматики собственно старославянского языка (а не церковнославянского) и указал на его южнославянское происхождение (он называл язык первых переводов «несмешанным болгаро-сербо-македонским»). Имея в своем распоряжении крайне ограниченный круг памятников и еще не располагая сведениями о южнославянских диалектах, Й. Добровский обосновал свою точку зрения общими соображениями, исходя из того, что Константин и Мефодий как уроженцы Солуня, создавая свои переводы, должны были ориентироваться на язык славян Балканского полуострова.

§ 371. Точка зрения Й. Добровского в то время не получила широкого распространения. Гораздо больший отклик в середине XIX в. получил иной взгляд на происхождение старославянского языка, высказанный впервые словенцем Б. К о п и т а р о м (1780—1844). В 1836 г. Копитар опубликовал найденный им древний глаголический памятник, получивший в науке название С б о р н и к а К л о ц а («Glagolita Clozianus»). В предисловии к изданию этого памятника он сформулировал свои взгляды на происхождение старославянской письменности и языка, завоевавшие большое число сторонников. Копитар выдвинул гипотезу о бо́льшей древности глаголицы по сравнению с кириллицей, считая именно глаголицу изобретением Константина Философа.

Касаясь вопроса о народно-разговорной основе старославянского языка, Копитар сформулировал знаменитую «паннонскую теорию», согласно которой языком первых славянских переводов был диалект паннонских славян. Копитар исходил из того соображения, что Паннония (княжество Коцеля) составляла часть епархии славянских первоучителей. В то же время он обратил внимание на наличие в языке известных ему рукописей ряда заимствований из немецкого или из латинского через посредство немецкого языка (например, **постъ** из др-в-нем. *fasta,* **попъ** — из др-в-нем. *pfaffo,* **оцьтъ** ('уксус') из лат. *acetum*, **цѣсарь** — из лат. *caesar*, др-в-нем. *kaisar* и др.), что могло быть свойственно лишь языку паннонских, а не балканских славян, не соприкасавшихся с германцами.

§ 372. Новые открытия славянских памятников способствовали распространению взглядов Б. Копитара на соотношение глаголицы и кириллицы. Большую роль в обосновании мнения о сравнительной древности глаголицы сыграла деятельность русского филолога, профессора Новороссийского университета в Одессе В. И. Г р и г о р о в и ч а (1815—1876). В 40-х годах В. И. Григорович предпринял поездку по Балканам и Афонскому полуострову с целью разыскания древних славянских рукописей. Эта экспедиция увенчалась блестящими успехами: среди множества старославянских и средне-

болгарских рукописей, открытых В. И. Григоровичем, были такие ценнейшие памятники, как глаголические Зографское и Мариинское евангелия, а также памятники XII—XIII вв., представлявшие кириллические рукописи либо по смытой глаголице (палимпсесты), либо с глаголическими вставками, свидетельствующими о том, что они переписаны с глаголических памятников, и греческое «Житие» св. Климента, в котором сообщается, будто ученик Мефодия Климент изобрел новую, «более ясную» азбуку. Многие из этих рукописей (в том числе и Мар. ев.) В. И. Григоровичу удалось приобрести и частично издать.

Открытия В. И. Григоровича дали толчок новым разысканиям в области старославянской письменности и языка. Обоснованную теорию происхождения славянской письменности, лежащую в основе современного взгляда на этот вопрос, в середине XIX в. сформулировал один из крупнейших славистов словак П. Й. Шафарик (1795—1861). Первоначально Шафарик поддерживал мнение Й. Добровского о позднем происхождении глаголицы (этот взгляд нашел отражение в его «Славянских древностях», относящихся к 1826 г.). Однако под влиянием открытий В. И. Григоровича, а также обнаруженных в 1855 г. глаголических Пражских отрывков с чешскими особенностями в языке Шафарик изменил точку зрения. В его статьях «Rozkwět slowanské literatury w Bulharsku» («Расцвет славянской письменности в Болгарии», 1848 г.) и «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus» («О происхождении и родине глаголитизма», 1858 г.) сформулированы три основных положения: 1) глаголица древнее кириллицы; 2) именно глаголицу изобрел Константин Философ; 3) кириллица была изобретена учеником Мефодия Климентом в период расцвета славянской письменности в Болгарии. При этом Шафарик допускал, что потомки могли смешать первоначальные названия славянских азбук, приписывая создание кириллицы Константину-Кириллу. Шафарик нашел даже фактическое подтверждение этому: в позднем списке «Книги пророков» скопирована запись оригинала, сделанная в 1047 г. переписчиком рукописи попом Упырем Лихим, который сообщает, что переписывал «**книги сиѧ ис куриловицѣ**», в то время как в самом списке встречаются глаголические буквы и даже целые слова, свидетельствующие о том, что оригинал был написан глаголицей. Очевидно, что в XI в. поп Упырь называл кириллицей азбуку, которую сейчас именуют глаголицей.

П. Й. Шафарик примкнул к Б. Копитару и по вопросу о паннонской диалектной основе старославянского языка, отказавшись от своего первоначального мнения, совпадавшего с точкой зрения Й. Добровского.

§ 373. Большую роль в утверждении «паннонской теории» сыграли работы крупнейшего слависта середины XIX в. ученика Б. Копитара и также словенца по происхождению Ф. Миклошича (1813—1891), автора капитального труда «Vergleichende Grammatik der slavische Sprachen» («Сравнительная

грамматика славянских языков». Вена, 1852—1874, в трех томах; в 1889 г. часть этой работы вышла в русском переводе под названием «Сравнительная морфология славянских языков»), завершившего целую эпоху в развитии славянского языкознания. Миклошичу принадлежит также фундаментальный «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» («Старославянско-греко-латинский словарь». Вена, 1862—1865) и, наконец, первый этимологический словарь славянских языков («Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen», 1886).

Обращаясь к исследованию старославянского языка, Миклошич, по существу продолжая развивать взгляды своего учителя Б. Копитара, доказывал невозможность болгаро-македонского происхождения старославянского языка. В этой связи он обратил внимание на различия в судьбе сильных [ъ] и [ь], которые в известных ему славянских памятниках отражаются как [о] и [е], в то время как в болгарском языке гласный [ъ] в сильном положении сохранился, а в ряде болгарских говоров выступает также и на месте сильного [ь]. Миклошич указывал на отсутствие в болгарском языке носовых гласных и на наличие в балканских говорах мягких [г'], [д'], [к'], [ч'] в соответствии со старославянскими **жд** и **шт**. В то же время он приписывал языку древнего населения Паннонии и носовые гласные (хотя в большинстве словенских говоров они не оставили следов), и сложные шипящие согласные [ж'д'] и [ш'т'], ориентируясь при этом на язык современного населения Паннонии — венгерский, в котором встречаются славянские заимствования со следами носовых гласных и сложных шипящих согласных.

Лишь в конце XIX в. «паннонская теория», долгое время поддерживавшаяся авторитетом Миклошича, была опровергнута; при этом решающий удар по ней был нанесен соотечественником Ф. Миклошича словенцем В. Облаком (1864—1896), которому, в частности, принадлежит исследование о языке Киевских листков и Пражских отрывков («Zur Provenienz der Kijewer und Prager Fragmente»). Облак подверг специальному изучению славянские говоры в районе Солуня и обнаружил в них все те особенности, которые отличают старославянский язык от других славянских языков (ср. § 19): [ж'д'] и [ш'т'] — в соответствии со ст-сл. *жд* и *шт*, произношение [ä] — в соответствии со ст-сл. **ѣ**; в говорах близ Солуня на месте сильных редуцированных, как и в речи писцов старейших рукописей, произносятся гласные [о] и [е] (в то время как в словенских говорах оба редуцированных в сильном положении совпали в одном гласном [а] или [е] — в разных говорах по-разному); наконец, Облак обратил внимание на следы носовых гласных в виде сохранения в определенных условиях носовой артикуляции [типа *рендове* ('ряды') — ст-сл. **рѧдъ**, *пендесет* ('50') — ст-сл. **пѧть десѧтъ** и т. п.], а в говоре дер. Сухо на месте носовых гласных были отмечены слоговые носовые согласные: [зм̥п] ('зуб') —

ст-сл. **зѫбъ,** [гм̥ба] ('губа') — ст-сл. **гѫба,** [рн̥ка] ('рука') — ст-сл. **рѫка** и т. д. Результаты этих разысканий были опубликованы в работе «Macedonische Studien» («Македонские исследования») в 1896 г., который можно считать годом окончательного падения «паннонской теории», продержавшейся в славянском языкознании более полувека.

После исследований В. Облака оставшиеся неопровергнутыми аргументы сторонников «паннонской теории» потеряли всякую ценность, а частью были опровергнуты другими исследователями. В 1906 г. славистом М. Фасмером (1886—1963), будущим автором «Этимологического словаря русского языка» (1945—1957 гг.), в статье «Греко-славянские этюды» было предложено еще одно доказательство болгаро-македонской диалектной основы старославянского языка: некоторые грецизмы в славянских памятниках отражены в такой форме, в какой они могли быть заимствованы только народной речью (например, ст-сл. **сѫбота** соответствует грч. диал. [sámbatŏn], а не литературному σάββατον [sávvatŏn < < sabbatŏn], **кревато** ('кровать') соответствует диал. [krĕvvata], а не литературному κράββατος [krávvatŏs < krábbatŏs], **левг'итъ** соответствует диал. [leu̯gítīs], а не литературному грч. λευείτης [leu̯ei̯tīs < leu̯ei̯tēs] и т. п.). Это обстоятельство указывает на живую связь с греками тех славян, язык которых был положен в основу старославянских переводов; а это могли быть только балканские, а не паннонские славяне.

§ 374. В России изучение старославянского языка продолжалось в направлении, начатом А. Х. Востоковым, т. е. шло по линии углубленного лингвистического исследования и описания старейших славянских текстов. В этом направлении работал выдающийся русский филолог И. И. Срезневский (1812—1880), открывший глаголические Киевские листки и Саввину книгу и оставивший ряд описаний славянских рукописей и палеографических исследований: «Древние письмена славянские» (1848 г.), «Древние глаголические отрывки, найденные в Праге» (1857 г.), «Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы» (1866 г.), «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка» (1868 г.) и ряд др.

Ряд ценных работ, посвященных исследованию старославянских памятников и славянской палеографии, появляется в конце XIX — начале XX в. Здесь выделяются труды В. Н. Щепкина (1863—1920), среди которых особенно следует упомянуть «Рассуждение о языке Саввиной книги» (1898—1899 гг.) и описание Болонской псалтыри (1906 г.), до сих пор считающиеся лучшими образцами лингвистического описания памятников славянской письменности.

Но, пожалуй, ни одним лингвистом в области изучения славянских языков, в частности старославянского, не сделано больше, чем

И. В. (В.) Ягичем[1] (1838—1923), петербургским академиком, хорватом по национальности, являвшимся не только крупным ученым-славистом, оставившим огромное количество трудов по славянской филологии (его перу принадлежит свыше 700 работ), но и выдающимся организатором в области науки. Ягич внимательно следил за научными исследованиями в России и других странах, поддерживая все ценные начинания в области славистики; именно он заметил первые опыты и привлек к сотрудничеству в своем журнале 17-летнего А. А. Шахматова (1864—1920), с именем которого связаны многие выдающиеся достижения в области изучения русского языка; в журнале Ягича были посмертно опубликованы талантливые исследования рано умершего В. Облака; он же способствовал распространению за границей исследований выдающегося русского ученого А. А. Потебни (1835—1891), работы которого, печатавшиеся в провинциальных изданиях, были мало известны даже в России, но очень высоко оценены Ягичем, сумевшим понять их глубже, чем многие его современники.

В 1876 г. Ягичем был основан в Берлине специальный славистический журнал «Archiv für slavische Philologie» («Архив славянской филологии»), издававшийся им на протяжении 42 лет (вплоть до 1918 г.); на страницах ягичевского «Архива...» печатались многие крупнейшие исследования по старославянскому языку (например, исследование самого И. В. Ягича о языке Зографского евангелия — в 1876—1877 гг.; исследование В. Облака о языке Киевских листков и Пражских отрывков — в 1896 г.; исследования А. Лескина о языке Остромирова евангелия — в 1877 и 1905 гг. и мн. др.) и современным славянским языкам и их истории. В период жизни в Петербурге (1880—1886 гг.) Ягич явился инициатором изданий «Исследования по русскому языку», где увидели свет многие ценные работы по истории русского языка и старославянскому языку. По инициативе Ягича в начале XX в. издавалась капитальная серия «Энциклопедии славянской филологии», для которой им самим было написано исследование «Глаголическое письмо» (1912 г.), где предпринята попытка обосновать новыми фактами гипотезу И. Тейлора о происхождении глаголицы из греческого минускула[2]. В выпусках «Энциклопедии...» приняли участие крупнейшие лингвисты начала XX в., в том числе А. А. Шахматов, написавший для нее «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915 г.), в котором содержится богатый материал, характеризующий фонетическую систему праславянского языка.

---

[1] Ватрослав Ягич в России именовался Игнатием Викентьевичем.

[2] Гипотеза И. Тейлора о происхождении глаголицы из византийской скорописи изложена в его статье «Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets» («О происхождении глаголической азбуки»), опубликованной в 1881 г. на страницах ягичевского «Архива...».

Кроме палеографических исследований, Ягич много сделал по изданию и описанию древнейших памятников; в частности, ему принадлежат лучшие издания Зографского и Мариинского евангелий, Киевских листков и ряда других памятников. Издание Мариинского евангелия снабжено «Послесловием», в котором дается палеографическое и лингвистическое описание памятника, и словарем. Внимание И. В. Ягича к вопросам возникновения славянской письменности и к истории славянской книжности нашло отражение в его работах «Рассуждение старины о церковнославянском языке» (1885 г.), «Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина-Философа, первоучителя славян св. Кирилла» (1893 г.) и др.

§ 375. С середины XIX в. материал старославянского языка начинает широко использоваться в сравнительно-исторических исследованиях. Начало этому положил немецкий языковед-индоевропеист А. Шлейхер (1821—1863), издавший в 1852 г. фундаментальный труд «Formenlehre der kirchenslavischen Sprache» («Морфология церковнославянского языка»). В этой работе Шлейхер для реконструкции морфологических особенностей дописьменного периода широко использовал материал литовского языка, что впоследствии стало традиционным для славянского языкознания, помогло вскрыть и объяснить целый ряд звуковых и грамматических изменений, имевших место в праславянском языке.

Исследования А. Шлейхера показали ценность материала славянских языков, в частности старославянского, для индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Именно в плане сравнительно-исторических исследований интересовал старославянский язык и нашего крупнейшего языковеда-индоевропеиста, академика, профессора Московского университета, основателя целого направления не только в русском, но и в европейском языкознании Ф. Ф. Фортунатова (1848—1914). Огромные заслуги принадлежат Фортунатову в изучении ударения (акцентологии) балтийских и славянских языков, где им открыт закон передвижения ударения от начала к концу слова; этот закон получил в языкознании наименование закона Фортунатова — де Соссюра (та же закономерность была открыта Ф. де Соссюром, независимо от Фортунатова, для литовского языка). В течение ряда лет Фортунатов читал в Московском университете лекции по старославянскому языку, в которых главное внимание уделялось характеристике фонетических особенностей и закономерностей праславянского и индоевропейского праязыка. Опубликованы «Лекции по фонетике старославянского языка» были в 1919 г., уже после смерти их автора; а в 1957 г. они были переизданы во втором томе «Избранных трудов» Ф. Ф. Фортунатова.

Фортунатов редактировал (начиная с 3-го выпуска I тома) серию изданий «Памятники старославянского языка» и напечатал несколько статей, посвященных анализу палеографических и язы-

ковых особенностей древнеславянских памятников письменности: «Состав Остромирова евангелия» (1908 г.), «Старославянское -*тъ* в 3-м лице глаголов» (1908 г.), «О происхождении глаголицы» (1913 г.); ему же принадлежит обстоятельный разбор исследования В. Н. Щепкина о языке Саввиной книги (1900 г.).

Особое место в славянском языкознании принадлежит выдающемуся лингвисту, профессору Казанского, а затем Петербургского университета, основателю так называемой Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэну де Куртенэ (1845—1929). Бодуэн де Куртенэ даже в тех случаях, когда обращался к материалу конкретных языков, решал в первую очередь общелингвистические задачи. Его теории лежат в основе современного языкознания: именно им впервые была сформулирована идея разграничения языка и речи, статического (синхронического, описательного) и динамического (диахронического, исторического) изучения языков; им же была разработана современная теория фонемы, заложены основы структурного изучения языков и т. д.

И. А. Бодуэн де Куртенэ занимался и старославянским языком; в частности, в 1911/12 уч. году читал курс старославянского языка. Именно он обратил внимание на праславянскую межслоговую ассимиляцию задненёбных согласных (см. § 126), сформулировал закон переразложения основ (в статье «Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний», 1902 г.; ср. § 97) и т. д. Но главные заслуги И. А. Бодуэна де Куртенэ не в частных открытиях, а в разработке того направления, в котором развивается после него славянское языкознание.

§ 376. Результаты изучения старославянского языка и реконструкций праславянского находят отражение в руководствах и пособиях, задачей которых является обобщение этих результатов, с тем чтобы они стали доступными для нового поколения исследователей. Первым систематическим и тщательно разработанным пособием по старославянскому языку следует считать книгу немецкого младограмматика А. Лескина (1840—1916) «Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache» («Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку»), вышедшую первым изданием в 1871 г., а затем заново изданную в сильно переработанном виде в 1886 г. и впоследствии переиздававшуюся неоднократно. В этот период Ф. Ф. Фортунатов считал книгу А. Лескина лучшим учебником по старославянскому языку. В 1890 г. был опубликован русский перевод этой книги, дополненный В. Н. Щепкиным и А. А. Шахматовым: «Грамматика старославянского языка А. Лескина, перевод с немецкого с дополнением по языку Остромирова евангелия». В 1909 г. А. Лескин опубликовал новый труд по старославянскому языку «Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache», который под названием «Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка» был в 1915 г. издан в Казани в русском переводе Н. Петровского.

В 1919 г. «Грамматика» была переиздана в Гейдельберге; это издание в 1981 г. было фототипически воспроизведено в Софии.

Большую популярность получило обстоятельное пособие чешского ученого В. Вондрака (1859—1925) «Altkirchenslavische Grammatik» («Древнецерковнославянская грамматика»), вышедшее первым изданием в 1900 г., а затем значительно дополненное и переработанное для второго издания 1912 г. Важной особенностью пособия Вондрака является раздел, посвященный старославянскому синтаксису, который до этого почти никем не разрабатывался. Этот раздел был переведен Н. Петровским на русский язык и издан одновременно с переводом «Грамматики» А. Лескина отдельной книжкой под названием «Древнецерковнославянский синтаксис» (1915). Учебник Вондрака обобщил интересные исследования этого ученого, посвященные языку ряда памятников: Киевских листков, Пражских отрывков, Сборника Клоца, Супрасльской рукописи и др. (эти исследования публиковались в период 1890—1906 гг.).

Важным вкладом Вондрака в славянское языкознание явилась его двухтомная «Vergleichende slavische Grammatik» («Сравнительная славянская грамматика»), напечатанная в 1906—1908 гг. и переизданная после значительной переработки в 1924 г. (т. 1) и в 1928 г. (т. 2, переработанный для второго издания известным лингвистом О. Грюненталем). «Сравнительная славянская грамматика» В. Вондрака заменила уже устаревший к тому времени труд Ф. Миклошича; в ней материал славянских языков группируется по языковым фактам (а не по отдельным языкам, как у Ф. Миклошича) и прослеживается в его истории — от праславянской эпохи до современного состояния в разных славянских языках.

Из числа пособий заслуживает внимания учебник С. М. Кульбакина (1873—1941) «Древнецерковнославянский язык», вышедший первым изданием в Харькове в 1911 г., а в 1917 г. переизданный в третий раз. В 1928 г. в Праге вышло новое издание учебника, переведенное с рукописи на чешский язык известным языковедом Б. Гавранком,— «Mluvnice jazyka staroslověnského».

Крупным событием в славянском языкознании явилось опубликование в 1924 г. в Париже руководства французского языковеда А. Мейе (1866—1936) «Le slave commun» («Общеславянский язык»). Мейе был крупнейшим языковедом-индоевропеистом начала XX в., возглавлявшим целое направление («социологическое») во французской лингвистике; его перу принадлежит свыше 550 книг и статей в области индоевропейского, в частности славянского, языкознания; он явился организатором французского Института славяноведения (Institut d'études slaves) и на протяжении ряда лет редактировал его печатный орган «Revue des études slaves».

Еще в начале XX столетия очень широкую популярность

завоевал обобщающий труд Мейе по индоевропейскому языкознанию «L'introduction a l'étude comparative des langues indoeuropéennes» («Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков»), впервые появившийся в 1903 г., выдержавший во Франции еще при жизни автора семь изданий и трижды издававшийся в России (в 1911, 1914 и 1933 гг.); во «Введении» большое внимание уделено фактам славянских языков, значение которых для сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, по мнению Мейе, очень велико. Специально славянским языкам посвящен ряд работ ученого, среди которых выделяются «Recherches sur l'emploi de l'accusatif-génitif en vieux slave» (1897 г.) — первая крупная работа Мейе, посвященная возникновению и развитию формы винительного-родительного падежа в связи со становлением категории одушевленности в старославянском и частично в других славянских языках, и двухтомные «Etudes sur l'etimologie et le vocabulaire de vieux slave» (1902 и 1904 гг.), в которых даются многочисленные славянские этимологии, исследуются проблемы глагольного вида, словообразования и другие проблемы славянских языков.

Итогом многочисленных работ А. Мейе в области славянского языкознания и явился «Общеславянский язык», изданный в 1951 г. в русском переводе. «Общеславянский язык», широко использующий факты старославянского языка, посвящен реконструкции праславянского языка, его связи с индоевропейским праязыком. Написанный на уровне современного развития науки, выполненный очень тщательно, добросовестно, живо изложенный, труд А. Мейе является, несомненно, лучшим руководством по праславянскому языку.

§ 377. Ряд обобщающих руководств по старославянскому языку издан в различных европейских странах в последние десятилетия.

Из числа таких работ, изданных за рубежом, выделяется «Geschichte der altkirchenslavischen Sprache» голландского слависта Н. Ван-Вейка (1880—1924), опубликованная в 1931 г., а в 1957 г. напечатанная в русском переводе под названием «История старославянского языка». Ван-Вейку принадлежит большое число исследований в области славянских и балтийских языков (наиболее значителен его вклад в изучение балто-славянской системы ударения и интонации); многие его работы посвящены проблемам старославянского и праславянского языков (языку Супрасльской рукописи и Зографского евангелия, развитию глагольных видов, общеславянским фонетическим закономерностям и др.).

«История старославянского языка» является как бы итогом этих исследований. В книге почти не затрагиваются процессы, имевшие место в праславянском языке: автор ограничивается фактами и изменениями, отразившимися в старейших славянских памятниках. Опубликованы разделы «Введение», «Фонетика» и «Морфология» (словоизменение).

Близок по типу к «Истории...» Н. Ван-Вейка изданный в 1948 г. в Париже труд известного французского слависта А. Вайана (1890—1977) „Manuel du vieux slave“ («Руководство по старославянскому языку»), который вскоре (в 1952 г.) вышел в русском переводе. «Руководство...» Вайана, как и книга Н. Ван-Вейка, лишено сопоставлений материала старославянского языка с фактами других славянских и индоевропейских языков; автор ограничивается внутриязыковыми сопоставлениями и сам называет свой труд описательным. Не ставя перед собой теоретических задач, Вайан скрупулезно собрал в славянских памятниках все, что может характеризовать старославянский язык как язык первых славянских переводов с греческого. При описании нерегулярных или непродуктивных явлений Вайан стремился дать по возможности полный перечень соответствующих фактов; это затрудняет пользование «Руководством...» как учебным пособием, но зато делает его неоценимым справочником по частным вопросам старославянского языка.

А. Вайану принадлежит капитальный труд по сравнительной грамматике славянских языков — „Grammaire comparée langues slaves” — в пяти книгах, составляющих 4 тома: сравнительная фонетика (т. 1, 1950 г.), морфология (т. 2 в двух полутомах, 1958 г. и т. 3, 1966 г.) и словообразование (т. 4, 1974). В истории славистики это пока самое крупное исследование по славянской сравнительной грамматике, отличающееся той же тщательностью отбора и научной обработки фактического материала, что и «Руководство...».

Крупным событием в истории разработки старославянского языка явилось издание книги А. М. Селищева (1883—1942) «Старославянский язык» (ч. I. Введение. Фонетика — 1951; ч. II. Тексты, словарь. Очерки морфологии — 1952). Первая часть этой работы выдающегося советского слависта представляет обобщение достижений современного славяноведения в области изучения фонетики славянских языков. Многие интерпретации автора являются оригинальными и, в ряде случаев, убедительными. Так же было задумано Селищевым и освещение морфологии и синтаксиса старославянского языка; но, к сожалению, преждевременная смерть ученого помешала осуществлению этого замысла. Посмертно, вместе с первой частью, удалось издать лишь часть пособия, предназначенную для практической работы: тексты, словарь к ним и краткий, очень доступный по изложению очерк морфологии.

Незавершенным остался и другой капитальный труд Селищева — «Славянское языкознание». Эта по существу энциклопедия славянского языкознания середины XX в. была задумана в трех частях. В 1941 г., незадолго до смерти автора, вышла 1-я часть, посвященная западнославянским языкам и содержащая «Введение» с обстоятельным историческим очерком древнейших судеб славянских народов.

В 1954 г. в Вене посмертно была издана „Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem” («Древнецерковно-

славянская грамматика. Система письма, фонетика и морфология») видного языковеда Н. С. Трубецкого (1890—1938), который известен в мировом языкознании как основоположник современной фонологии (знаменитые «Основы фонологии» Трубецкого в 1960 г. вышли в русском переводе); кроме «Древнецерковнославянской грамматики», его перу принадлежит около десятка статей, посвященных фонетическим особенностям славянских языков, в том числе и праславянского.

Среди пособий, посвященных общеславянским проблемам, следует отметить книги Р. Нахтигала (1877—1958) «Введение в славянскую филологию» („Uvod do slovenskoj filologii“, Ljubljana, 1946—1947) и «Славянские языки» — пособие, дважды изданное в Любляне (в 1938 и 1952 гг.) и в 1963 г. вышедшее в русском переводе в Москве. Автор этих пособий словенец Нахтигал (Rajko Nahtigal) — ученик И. В. Ягича, автор многочисленных исследований по славянскому языкознанию. Он был в числе основателей национального университета в Любляне (в 1919 г.), где возглавил кафедру славяноведения и старославянского языка, а позднее — Институт славянской филологии при университете. Ему принадлежат исследования по праславянской морфологии, по старославянскому языку и древней славянской письменности, а также по словенскому и русскому языкам и по сравнительной грамматике славянских языков. Специально следует отметить осуществленное Р. Нахтигалом издание «Синайского требника» („Euchologium Sinaiticum“, I. Fotografiski posnetok; II. Tekst s komentarjem in prilogo. Ljubljana, 1941—1942), которое может считаться образцовым. Пособие «Славянские языки» представляет собой краткую сравнительную фонетику и морфологию славянских языков, в которой более подробно рассматриваются процессы позднего периода развития праславянского языка и общеславянские процессы в отдельных славянских языках. Более обстоятельным по этому разделу славистики является опубликованный в 1979 г. в Варшаве 2-м изданием «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» авторитетного польского слависта З. Штибера.

Из числа пособий, изданных за рубежом в последние десятилетия, можно еще упомянуть «Очерк грамматики древнецерковнославянского языка» крупного польского лингвиста Т. Лера-Сплавинского (1891—1965), известного своими многочисленными работами по проблемам славянской прародины, а также исследованиями в области западнославянских языков. «Очерк...» Лера-Сплавинского впервые был издан в 1923 г. в Познани; в 1959 г. вышло 4-е издание („Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-slowianskiego na tle porownawczym“. Wroclaw — Kraków), дополненное обширным синтаксическим очерком Ч. Бартули. Годом раньше (в 1958 г.) в Загребе была издана „Staroslavenska gramatika” Й. Хамма, в которой, наряду с описанием графических систем (глаголицы и кириллицы), фонетики и морфологии старославян-

ского языка, дается также и характеристика различных школ старославянской письменности, указываются важнейшие языковые особенности местных изводов. Как бы дополнением к «Старославянской грамматике» является изданная Й. Хаммом хрестоматия старейших и более поздних (собственно церковнославянских — древнерусских и сербскохорватских) памятников („Staroslavenska čitanka", в 1971 г. опубликованная в Загребе 2-м изданием), содержащая достаточно обширный (для учебных целей) словарь и хорошо иллюстрированная фотографиями рукописей. Й. Хамму принадлежит обстоятельный палеографический и лингвистический анализ старейшего славянского текста — Киевских листков („Das glagolitische Missal von Kiev". Wien; 1979).

В 1969 г. в Праге вышел учебник одного из виднейших славистов, инициатора и руководителя пражского старославянского словаря (см. далее) Йожеф Курца „Učebnice jazyka staroslověnského", отличающийся четкостью изложения и богатым набором таблиц. Учебник опирается на многочисленные исследования автора, важнейшие из которых собраны в монографии «Исследования по морфологии и синтаксису старославянского языка» („Kapitoly ze syntaxe a morfologie staroslověnského jazyka". Praha, 1972). В том же 1972 г. в Софии издан переработанный краткий учебник известного языковеда К. Мирчева (1902—1975) «Старобългарский язык»; в 1978 г. там же издан труд западногерманского слависта Р. Айцетмюллера „Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft", в котором материал старославянского языка рассматривается на индоевропейском фоне и с учетом праславянских языковых процессов, что отражено и в названии этой книги: «Древнеболгарская грамматика как введение в славянское языкознание». В том же плане было задумано оставшееся незавершенным пособие болгарского языковеда И. Голобова (Иван Гълъбов, 1918—1978), начальные разделы которого (введение и фонетика) опубликованы в Софии в 1980 г. под названием «Старобългарски език с уводом в славянското езикознание»; в книге особенно интересно обширное «Введение», где оригинально поставлен ряд теоретических вопросов палеославистики, а также дана подробная характеристика и классификация старейших славянских памятников разных редакций (включая древнерусскую), к которым отнесены и более поздние (XII—XIV вв.) списки переводов и оригинальных сочинений кирилло-мефодиевского периода. Из числа других зарубежных пособий последних лет заслуживает упоминания изданное в 1978 г. хорошо продуманное руководство по старославянскому языку польского языковеда Я. Станислава.

Ряд учебных руководств по старославянскому языку издан за последние десятилетия в СССР. К числу таких работ относится конспективный учебник С. Д. Никифорова «Старославянский язык», явившийся первым советским пособием по этому курсу (последнее издание — 1955 г.), более подробные пособия

Л. В. Матвеевой-Исаевой (1958 г.), Н. М. Елкиной (1960 г.), А. И. Горшкова (1963 г.), Б. И. Скупского (1965—1967 гг.— в двух частях; первое издание — 1958—1962 гг.), Т. А. Ивановой (1977 г.) и др.

§ 378. Успехи славянского языкознания XIX— начала XX в. обеспечили обстоятельную разработку звуковых и формально-морфологических особенностей старославянского языка. В последующий период усилия славистов были направлены на изучение сущности славянских грамматических категорий, значения и синтаксических функций грамматических средств. Из числа работ, исследующих глагольные категории и формы старославянского языка в плане их содержания и функционирования, выделяются труды чехословацких ученых Б. Гавранка, А. Достала, советских исследователей В. В. Бородич, Ю. С. Маслова, И. К. Буниной и др. Значению и функциям именных форм посвящены монографии А. Б. Правдина, В. Н. Топорова, К. И. Ходовой и др.; значение именных и членных форм прилагательных в славянских памятниках X—XI вв. исследовано Н. И. Толстым.

Особенно активно разрабатываются в послевоенные годы вопросы старославянского синтаксиса, практически не затрагивавшиеся в исследованиях прошлых лет и до недавнего времени остававшиеся по существу «белым пятном» в палеославистике. Очень значительны здесь успехи чехословацких славистов Й. Курца, Я. Бауэра, Р. Вечерки, Э. Благовой, Я. Седлачка и др., в работах которых синтаксические особенности старославянского языка исследуются в тесной связи с синтаксическими особенностями греческих оригиналов.

§ 379. В центре палеославистических исследований по-прежнему остается кирилло-мефодиевская проблематика, включающая широкий круг не только историко-лингвистических, но и текстологических и историко-культурных вопросов, связанных с условиями и обстоятельствами деятельности солунских братьев, с источниками и первоначальным составом изобретенной Константином Философом азбуки, с реконструкцией состава текстов и особенностей языка первых переводов и т. п. Все эти вопросы имеют длительную историю разработки; им посвящены как отдельные статьи, так и монографические исследования и обобщающие обзоры, из которых необходимо упомянуть труды И. В. Ягича «Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии» (СПб., 1885 г.) и Г. А. Ильинского «Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии» (София, 1934), продолженной М. Г. Попруженко и Ст. Романским («Кирилометодиевска библиография за 1934—1940 гг.» — София, 1942); в 1980 г. в Москве Институтом славяноведения и балканистики АН СССР издана составленная И. Е. Можаевой «Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945—1974 гг.» Необходимые для изучения деятельности славянских пер-

воучителей исторические источники изданы П. А. Лавровым в книге «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (Л., 1930; перепечатано издательством Mouton в 1966 г.); в 1981 г. в Москве под названием «Сказания о начале славянской письменности» изданы тексты «Житий» Константина и Мефодия и сочинения Храбра «О письменах», снабженные подробнейшими культурно-историческими комментариями Б. Н. Флори, обобщающими и критически оценивающими новейшие исследования медиевистов (историков, занимающихся проблемами средневековья). Опытом критического обобщения исследований по кирилло-мефодиевской проблематике является изданная Московским университетом книга крупнейшего советского языковеда-слависта, автора двухтомного «Очерка сравнительной грамматики славянских языков» (1961 и 1974 гг.) С. Б. Бернштейна «Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности» (1984 г.); четкость композиции и доступность изложения позволяют рассматривать эту книгу как первое вузовское пособие, посвященное деятельности славянских первоучителей и их учеников.

Интересные исследования по кирилло-мефодиевской проблематике и по другим вопросам палеославистики публикуются в международных сборниках Болгарской академии наук, приуроченных к юбилеям первых славянских просветителей: «Хиляда и сто години славянска письменост. 863—1963» (1963 г.), «Торжествена сесия за 1100-годишнината на славянската письменост. 863—1963» (1965 г.), «Климент Охридски. Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му» (1968 г.), «Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта му» (1969 г.), «Константин-Кирил Философ. Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му» (1971 г.) и др.

§ 380. Интенсификации и координации славистических исследований в международном масштабе способствуют проводимые раз в пять лет международные съезды славистов. Первый такой съезд состоялся в 1929 г. в Чехословакии, а второй — в 1934 г. в Польше. В 1939 г. в Белграде должен был состояться III Международный съезд славистов; но он был сорван начавшейся мировой войной. Международные славистические конгрессы были возобновлены лишь через 20 лет. В 1958 г. в Москве состоялся IV Международный съезд славистов, собравший широкий круг исследователей славянских языков, литератур, истории, этнографии и культуры славянских народов.

V съезд, состоявшийся в 1963 г. в Софии, совпал с широко отмечавшимся международной общественностью 1100-летием славянской письменности (к тому же в Болгарии, где проходил съезд, память Кирилла и Мефодия отмечается как общенациональный праздник славянской культуры и просвещения), в связи с чем на съезде была заметна кирилло-мефодиевская проблематика, которая обсуждалась и на следующем, VI Международном съезде славистов,

состоявшемся в 1968 г. в Праге. Очень представительным оказался проводившийся в 1973 г. в Варшаве VII Международный съезд славистов, где были заметны доклады, посвященные лексическим и синтаксическим грецизмам и латинизмам в старославянском языке.

Последующие съезды проводились в Загребе (1978 г.) и в Киеве (IX съезд, 1983 г.).

§ 381. Наименее разработанным разделом палеославистики до сих пор остается л е к с и к а первых славянских переводов. Обусловлено это отнюдь не отсутствием интереса к лексикологическим исследованиям, а объективными трудностями, поскольку лексика, представляющая «незамкнутую» систему, как указывалось, варьируется от памятника к памятнику, а потому словарный состав сохранившихся рукописей, хотя он и привлекает к себе внимание уже первых исследователей старославянского языка, не отражает непосредственно лексического состава текстов, созданных первыми переводчиками (см. § 129). Не случайно опубликованные еще в прошлом столетии словари А. Х. В о с т о к о в а (1858—1861 гг.) и Ф. М и к л о ш и ч а (1862—1865 гг.) по существу являлись церковнославянскими, а не старославянскими.

Лишь в самое последнее время появились первые обобщающие исследования по старославянской лексикологии, принадлежащие советским ученым А. С. Л ь в о в у («Очерки по лексике памятников старославянской письменности» — М., 1966) и Р. М. Ц е й т л и н («Лексика старославянского языка» — М., 1977). Фактической базой этих исследований в значительной степени являются результаты л е к с и к о г р а ф и ч е с к о й работы в области старославянского языка, развернувшейся в разных странах в послевоенные годы. Первым по времени оказался изданный в 1955 г. „Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten“ известных славистов Л. С а д н и к и Р. А й ц е т м ю л л е р а, комментирующий лексику 20-ти старейших (X—XI вв.) славянских рукописей в соответствии с лексикой греческих текстов того же содержания, с этимологическими справками и обратным словарем. Это лексикографическое издание остается основным справочником и пособием по лексике старейших славянских текстов.

Наиболее крупным лексикографическим предприятием в области палеославистики является начатая еще в 1943 г. Славянским институтом Чехословацкой академии наук работа над капитальным «Словарем старославянского языка», обобщающим материал 83 памятников XI—XVI вв.; картотека словаря, содержащая богатую коллекцию не только лексического, но и грамматического материала, насчитывает свыше миллиона карточек. "Slovník jazyka staroslověnského" («Словарь старославянского языка») начал выходить в Праге под редакцией Й. К у р ц а с 1958 г. и сразу же получил высокую оценку международной славистической общественности.

Инициатива чехословацких ученых по созданию словаря славянских памятников нашла широкую поддержку в славистических центрах разных стран. В 1958 г. на IV Международном съезде

славистов в Москве в докладе Й. Курца был поставлен вопрос о расширении этой работы. В 1961 г. при Международном комитете славистов была учреждена специальная Комиссия по составлению словаря общеславянского литературного (церковнославянского) языка; такой словарь, по мнению многих лингвистов, мог бы явиться естественным продолжением чехословацкого Словаря старославянского языка, используя его положительный опыт. В своей работе по организации материала Комиссия по составлению словаря церковнославянского языка опирается на деятельность национальных славистических центров Чехословакии, СССР, Болгарии, Югославии, Польши, Румынии.

Активное участие в разработке вопросов старославянского и церковнославянского языков принимают ученые Болгарии, где начата работа над историческим словарем болгарского языка. В этот словарь, по замыслу его составителей, должна войти и лексика старейших славянских текстов болгаро-македонского извода.

В Югославии центром изучения старославянского языка стал организованный в 1950 г. Старославянский институт им. С. Ритига в Загребе (столице Хорватии), который, в частности, поставил перед собой задачу составления словаря хорватских глаголических текстов. Интерес к словарной работе распространился и на другие научные центры Югославии. В 1962 г. в Белграде официально оформилась национальная комиссия Словаря церковнославянского языка; работа над словарем в 1963 г. началась в Институте македонского языка в Скопле.

Наконец, необходимо отметить активное участие в международной славистической деятельности румынских славистов. Интерес к славистическим исследованиям в Румынии связан с тем, что в румынских княжествах (Валахии, Молдавии, Трансильвании) вплоть до начала XVI в. языком церкви и культуры был церковнославянский (первый документ на румынском языке датируется 1521 г.). Румынские лингвисты всегда уделяли много внимания публикации и изучению языка славяно-румынских текстов. В начале 60-х годов Ассоциация славистов Румынии начала работу по подготовке материалов для Словаря славяно-румынских рукописей.

Работа над Старославянским словарем и Словарем церковнославянских памятников, помимо большого научного значения, играет важную роль в объединении усилий славистов разных стран, позволяет им совместно решать важнейшие проблемы славяноведения, что подчас не под силу национальным коллективам отдельных стран.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К § 367—382

Иванова Т. А. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950—1960). — Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., т. XXII, 1963, вып. 2.

Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.

Толстой Н. И. Старославянский язык.— В сб.: Развитие советского языкознания за 50 лет. 1917—1967. М., 1967.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Г. А. ХАБУРГАЕВ

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

ПАМЯТНИК X ВЕКА

ЖНТЪМѠ
РЬГОУБЪІ
ЪІНПР:
НѢЧРН
ТРѢЧРНІ
С. НТѪЖ ЇДЕСА
ЬСЪІОСТА
ГОУБЪІЛЬ
СЕЇМѢНІ
ЧРЬНОРН
ТОМЬСЬ
Ъ, СВОГ

...ыля Мостича (пропись)

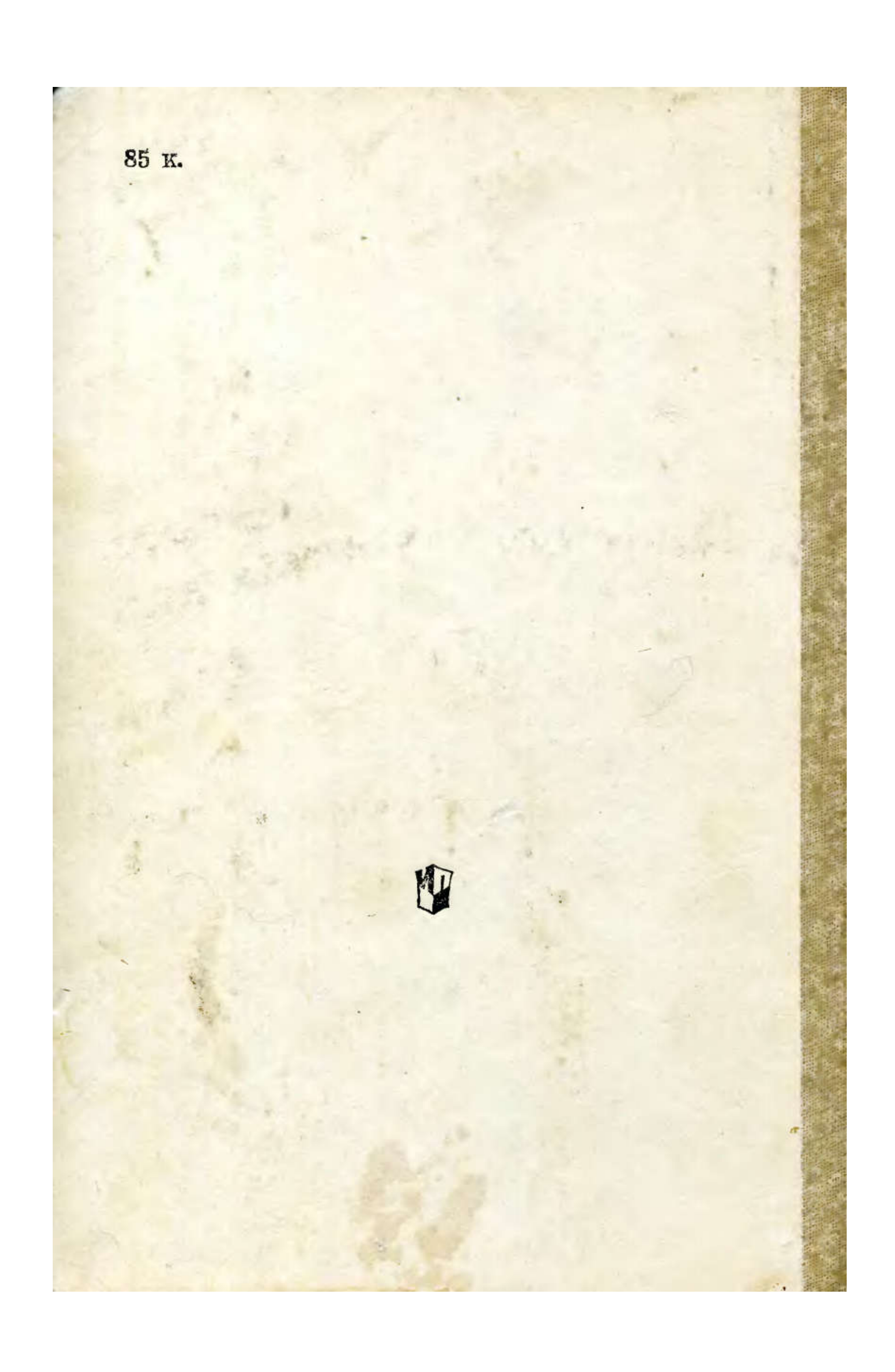
СЛАВЯНЕ В VIII-IX ВВ.

КИРИЛЛИЧЕСКАЯ АЗБУКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВИЗАНТИЙСКИМ УНЦИАЛОМ И ГЛАГОЛИЦЕЙ

Византийский унциал IX-X в	Кириллица				Буквы глаголицы	Византийский унциал IX-X в	Кириллица				Буквы глаголицы
	Буквы кириллицы X-XI в	Название букв	Звуковое значение	Числовое значение			Буквы кириллицы X-XI в	Название букв	Звуковое значение	Числовое значение	
Α	А	азъ	[а]	1	Ⰰ	ω	Ѡ	отъ (омега)	[о]	800	Ⱉ
—	Б	букы	[б]	—	Ⰱ	—	Ч	ци	[ц']	900	Ⱌ
Β	В	вѣди	[в]	2	Ⰲ	—	Ү	ҷрьвь	[ч'].	90	Ⱍ
Γ	Г	глаголи	[г]	3	Ⰳ	—	Ш	ша	[ш']	—	Ⱎ
Δ	Д	добро	[д]	4	Ⰴ	—	Щ	шта	[ш͡т']	—	Ⱋ
Є	Є	ѥсть	[е]	5	Ⰵ	—	Ъ	ѥръ	[ъ]	—	Ⱏ, Ⱏ
—	Ж	живѣте	[ж']	—	Ⰶ	—	ЪI, ЪИ	ѥры	[ы]	—	ⰟⰊ, ⰟⰉ
—	Ѕ, Ꙁ	ѕѣло	[д͡з']	6	Ⰷ	—	Ь	ѥрь	[ь]	—	Ⱐ, Ⱐ
Ζ	Ꙁ	земля	[з]	7	Ⰸ	—	Ѣ	ѣть	[æ]	—	Ⱑ
Η	И	иже	[и]	8	Ⰹ	—	Ю	—	['у], [jу]	—	Ⱓ
Ι	І	иже	[и]	10	Ⰺ, Ⰻ	—	Ꙗ	—	['а], [ja]	—	—
—	(ђ)	(г'ервь)	[г']	—	Ⰼ	—	Ѥ	—	['е], [je]	—	—
Κ	К	како	[к]	20	Ⰽ	—	Ѧ	юсъ малыи	[ę]	(900)	Ⱔ
Λ	Л	людие	[л]	30	Ⰾ, Ⰾ	—	Ѩ	—	['ę], [ję]	—	Ⱗ
Μ	М	мыслите	[м]	40	Ⰿ	—	Ѫ	юсъ большии	[ǫ]	—	Ⱘ
Ν	N	нашь	[н]	50	Ⱀ	—	Ѭ	—	['ǫ], [jǫ]	—	Ⱙ
Ο	О	онъ	[о]	70	Ⱁ	ξ	Ѯ	кси	[кс]	60	—
Π	П	покои	[п]	80	Ⱂ	ψ	Ѱ	пси	[пс]	700	—
Ρ	Р	рьци	[р]	100	Ⱃ	θ	Ѳ	фита	[ф]	9	Ⱚ
С	С	слово	[с]	200	Ⱄ	Υ	Ѵ, Ѵ	ижица	[и], [в]	400	Ⱛ
Τ	Т	тврьдо	[т]	300	Ⱅ						
ΟΥ, Ȣ	ОУ, Ȣ	оукъ	[у]	(400)	Ⱆ						
Φ	Ф	фрьтъ	[ф]	500	Ⱇ						
Χ	Х	хѣръ	[х]	600	Ⱈ						

Числовые значения глаголических и кириллических букв не совпадали (порядок букв в глаголице и в кириллице не был одинаковым). Буква глаголице числовое значение соответствовало порядку буквы в азбуке, причем „герв" в кириллической азбуке отсутствовала.

85 к.